ГОРЕ ОТ УМА?

Причуды выдающихся мыслителей

РУДОЛЬФ БАЛАНДИН

СТРАННОСТИ ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге Рудольфа Баландина читатель найдет увлекательные рассказы о странностях в жизни знаменитых интеллектуалов от Средневековья до современности. Герои книги – люди, которым мы обязаны выдающимися открытиями и техническими изобретениями. Их гениальные мысли становились двигателем человеческой цивилизации на протяжении веков. Но гении, как и обычные люди, обладают не только достоинствами, но и недостатками. Автор предлагает ответ на вопрос: не способствовало ли отклонение от нормы, пусть даже в сторону патологии, появлению нетривиальных мыслей, решений научных и технических задач?

- Рудольф Константинович Баландин
  - ○
  - ○ Пролог. Мудрецы Лапуты
    - ■ 1
    - ■ 2
    - ■ 3
    - ■ 4
  - ○ Глава 1. Врач – исцелись сам (психиатры, психологи)
    - ■
    - ■ Франц Йозеф Галль (1758–1828)
    - ■ Чезаре Ломброзо (1835–1909)
    - ■ Виктор Кандинский (1849–1889)
    - ■ Зигмунд Фрейд (1865–1939)
  - ○ Глава 2. Странности учёных (естествоиспытатели)
    - ■
    - ■ Джироламо Кардано (1501–1576)
    - ■ Роберт Гук (1635–1703)
    - ■ Исаак Ньютон (1643–1727)
    - ■ Эммануил Сведенборг (1688–1772)
    - ■ Николай Лобачевский (1792–1856)
    - ■ Янош Больяи (1802–1860)
    - ■ Александр Бутлеров (1828–1886)
    - ■ Пётр Кропоткин (1842–1921)
  - ○ Глава 3. На всякого мудреца… (философы)
    - ■
    - ■ Диоген Синопский (IV в. до н. э.)
    - ■ Джордано Бруно (1548–1600)
    - ■ Якоб Бёме (1575–1624)
    - ■ Жан-Жак Руссо (1712–1778)

- Григорий Сковорода (1722–1794)
- Артур Шопенгауэр (1788–1860)
- Пётр Чаадаев (1794–1854)
- Огюст Конт (1798–1857)
- Николай Фёдоров (1829–1903)
- Фридрих Ницше (1844–1900)
- Владимир Соловьёв (1853–1900)

○ Глава 4. Изощрения рассудка (изобретатели)

-
- Раймунд Луллий (ок. 1235–1315)
- Блез Паскаль (1623–1662)
- Никола Тесла (1856–1943)

○ Эпилог. Нормально ли быть нормальным?

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5

○ Иллюстрации

Рудольф Константинович Баландин Горе от ума? Причуды выдающихся мыслителей

© Баландин Р.К., 2017
© ООО «Издательство «Вече», 2017
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017
Сайт издательства www.veche.ru

Пролог. Мудрецы Лапуты

1

В этой книге речь пойдёт о странностях интеллектуалов. Этим людям мы обязаны замечательными научными открытиями, техническими изобретениями. Они – передовой отряд цивилизации, наиболее ярко проявляющий качество, которое стало определением нашего вида: человек разумный.

Впрочем, научно-технические достижения наиболее эффективно используются во время войн. Конечно, и для мирного времени кое-что имеется, но от этого род человеческий не становится более человечным.

Так, может быть, не только достоинства, но и недостатки выдающихся мыслителей сказались на характере цивилизации?

Другой вопрос: не помогло ли отклонение от нормы, пусть даже в сторону патологии, способствовать появлению нетривиальных мыслей, решений научных и технических задач?

Наконец, можно ли утверждать, что у признанных гениев были какие-то генетические особенности, выделяющие их из обычных «типовых» представителей рода человеческого? Об этом свидетельствует уже то, что гений и гены – слова одного корня.

…Профессия, интеллектуальные пристрастия накладывают свой отпечаток на характер, склад ума. Человек, всерьёз увлечённый какой-то идеей, подчас действительно напоминает маньяка.

2

В своих путешествиях Лемюэль Гулливер, созданный воображением Джонатана Свифта, попал в круг мыслителей дивного летающего острова Лапуты:

«У всех головы были скошены направо и налево; один глаз косил внутрь, а другой глядел прямо вверх. Их верхняя одежда была украшена изображениями солнца, луны, звезд вперемежку с изображениями скрипки, флейты, арфы, трубы, гитары…» – символами гармонии Мироздания.

Они считались тонкими ценителями наук, а потому изображали рассеянность и размышления, недоступные простым смертным.

Интеллектуальная элита, приближённые к власти пребывали в своём «возвышенном» мире. Всё, что требовалось им для безбедной жизни, поставляли те, кто трудился внизу, на земле.

Возможно, насмешка Свифта над мыслителями Лапуты относилась и конкретно к его современнику Исааку Ньютону. Не потому ли один глаз лапутян смотрел в небо, а другой косил внутрь? Ньютон отличался рассеянностью, а кроме научных сочинений, насыщенных геометрическими фигурами и формулами, занимался алхимией и писал богословские трактаты.

3

В «Путешествиях Гулливера» Свифт, которого итальянский психиатр Ломброзо считал сумасшедшим, раскрыл нелепости общества, где лилипуты мнят себя великанами, лошади порядочнее людей, а учёные пребывают в состоянии задумчивого идиотизма.

Человек, предназначенный природой для благородных свершений, считал Свифт, словно дерево, растущее на свободе. Цивилизация обрабатывает его, уподобляя метле:

«Но, пожалуй, скажете вы, палка метлы лишь символ дерева, повернутого вниз головой. Полноте, а что же такое человек, как не существо, стоящее на голове? Его животные наклонности постоянно одерживают верх над разумными, а голова пресмыкается во прахе… И всё же при всех своих недостатках провозглашает он себя великим преобразователем мира и исправителем зла».

Свифт показал, какими становятся представители развитых цивилизаций, на примере йеху, ведущих происхождение от одичавших англичан. Они резко отличаются от разумных обитателей этой страны – лошадей. Йеху прожорливы, жадны, завистливы, злобны, жестоки; лебезят перед сильными и угнетают слабых.

4

Поэты, художники, музыканты традиционно отличаются экстравагантными поступками. Создать нечто оригинальное в искусстве способна только незаурядная личность.

У знаменитых учёных, философов, изобретателей, казалось бы, должно преобладать рациональное мышление. Однако о странностях мыслителей известно немало анекдотов. В книге Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» (III век) рассказано о знаменитом астрономе Фалесе Милетском. На его статуе было написано:

> Град Ионийский Милет вскормил и воздвигнул Фалеса,
> В мудрости старшего всех, в звёзды вперяющих ум.

Говорят, выйдя наблюдать звёзды, он оступился и упал в яму. Прохожие смеялись, вытаскивая его:

– Хочешь познать тайны небес, а не видишь, что у тебя под ногами!

– О, люди, не отрывающие своих взглядов с дороги, чтобы не оступиться, вам нет дела до небес!

Быть может, так отвечал Фалес. История не сохранила его слов. Люди охотнее смеются над мудрецами, чем прислушиваются к их советам.

Говоря о странностях выдающихся мыслителей, мы будем знакомиться с их достижениями. Иначе уподобимся тем, кто посмеивался над Фалесом Милетским. Кто они были? Неизвестно. А слава Фалеса дошла до наших дней через бездну двадцати шести столетий.

Глава 1. Врач – исцелись сам (психиатры, психологи)

Тяжело переносить долгое общение с психически нездоровым человеком. Он погружён в свои иллюзии. Пытаясь его понять, невольно уходишь в этот мир и чувствуешь, что он тебя заражает своей болезнью.

Психолог, невропатолог и психиатр В.М. Бехтерев называл это «психическим вирусом». Такой возбудитель болезни нематериален, но разве на нас воздействуют только материальные объекты? Наша душа тоже ведь нематериальна.

В подобных случаях сказывается инстинкт подражания, сочувствия. Он в разной мере свойственен всем высшим животным, птицам. Они воспитывают своих детёнышей, которые воспринимают у взрослых необходимые для дальнейшей жизни повадки.

Франц Йозеф Галль (1758–1828)

На одном из парижских кладбищ в августе 1828 года прошли странные похороны. Гроб был заколочен наглухо: у покойника отсутствовала голова. Так проводили в последний путь знаменитого австрийского врача профессора Франца Йозефа Галля. Отсутствие головы у его тела было прямым следствием научных взглядов, которые в ней родились.

Теорию Галля можно свести к афоризму: череп – зеркало души.

По форме головы ещё древние греки и римляне пытались определить качества человека. С той поры укоренилось выражение «лоб Сократа». Крутизна и шишковатость сократовского лба, как предполагалось, отражали великие философские способности. Низкий и широкий лоб считался признаком твёрдости характера (львиные качества), а высокий и узкий – трусости и хитрости.

Франц Галль обследовал сотни голов людей и собирал коллекцию черепов. Увлечённость этими исследованиями побудила его завещать собственный череп для пополнения коллекции. Таким было незаурядное рождение новой области знаний.

Галль назвал её краниологией (по-гречески «кранион» – череп, «логос» – учение). Позже его ученик и соавтор Иоганн Гаспар Шпурцгейм начал использовать термин «френология», который стал общепринятым («френ» – душа, ум).

Австриец Франц Йозеф Галль изучал биологию и медицину в Страсбурге, затем в Вене, где окончил медицинский факультет университета и занимался врачебной практикой. Увлекаясь изучением мозга, он исходил из нескольких принципов, которые легли в основу френологии:

- Чем крупнее мозг, тем выше интеллект.
- Мозг делится примерно на 27 отделов, и у каждого свои функции.
- Чем более развит данный отдел, тем ярче проявляются его функции.
- Наиболее важную роль играет кора головного мозга; поэтому форма черепа влияет на развитие тех или иных качеств человека.
- По форме и рельефу черепа можно судить о том, какие части мозга развиты или ослаблены. Под выпуклостями находятся скопления нервных клеток соответствующего отдела.

Сначала Галль вёл исследования один, затем с учениками и последователями. Удалось составить нечто подобное «глобусу полушарий головного мозга». На нём были отмечены области, отражающие свойства разума и души человека.

Умственные способности связывались со строением лба. В центре его помещалась область памяти, над ней – сообразительности, чуть в стороне – любознательности, а затем – остроумия. На темени располагались центры: благоволения (гуманности); почтительности, благоговения, твёрдости, упорства. В затылочной области – отзывчивости, осторожности, домовитости, дружелюбия, любви к детям.

Плохие качества показывают шишки, окружающие правое ухо. Над ним – центры разрушительных наклонностей, гневливости; чуть впереди – драчливости; выше – скрытности, хитрости; ещё выше – жадности, накопительства. По некоторым данным, выпуклость перед ухом предопределяла обжорство, а по другим сведениям, где-то в этом районе таился инстинкт самосохранения.

Вообще-то о связи внешности человека с его внутренним миром люди задумывались давно. Как высказался парадоксалист Оскар Уайльд, «только поверхностный человек не обращает внимания на внешность». В конце XVIII века получила (незаслуженно) титул науки «физиогномика» благодаря солидному труду швейцарского теолога, писателя Иоганна Каспара Лафатера. Ссылаясь на философов и писателей прошлого и на народные приметы, он доказывал, что «лицо – зеркало души».

Капитан корабля «Бигль», на котором Чарлз Дарвин должен был отправиться в кругосветное плавание как натуралист, поначалу отнёсся к нему с предубеждением. «Горячий последователь Лафатера, – писал Дарвин в "Воспоминаниях о развитии моего ума и характера", – он был убеждён, что может судить о характере человека по чертам его лица, и сомневался в том, что человек с таким носом, как у меня, мог обладать достаточными для совершения путешествия энергией и решимостью. Думаю, однако, что впоследствии он вполне мог убедиться в том, что мой нос ввёл его в заблуждение».

Короткий вздёрнутый нос означал грубость чувств, вздорность, тогда как прямой – спокойность и терпеливость; крупный лоб, согласно френологии, – признак хорошей памяти, ума, а также непостоянства и трусости, а маленький подбородок говорит о робости и слабости. У Дарвина был короткий, чуть

вздёрнутый нос, широкий лоб, маленький подбородок. Можно понять знатока физиогномики, увидевшего его лицо.

Френология быстро обрела популярность. Она, как думали многие, имела прочные научные основы. Галль, читая популярные лекции, говорил об особенностях психики человека и на черепах показывал, за какие дарования отвечают отдельные части мозга и как это отражается на поверхности костей.

У него не было отбоя от слушателей. Посмотреть на коллекцию и послушать ученого приходили самые именитые люди Вены. Френология завоевывала всё большее число почитателей. Из Франции сообщали, что Бальзак в восторге от исследований доктора Галля и ждёт от него новых сенсационных открытий.

Деятели церкви и некоторые медики докладывали в министерство внутренних дел Австрии, в полицию, что профессор Галль проводит у себя дома опасные материалистические сеансы, внушая слушателям, что череп человека отражает суть его внутреннего мира, а по внешним данным костей можно судить о характере личности. Френология является лженаукой и может нанести ущерб моральному состоянию общества.

Император Австрии своим указом запретил Францу Йозефу Галлю публичные выступления. Учёный переехал в Берлин, побывал в Швейцарии, Голландии, Бельгии, окончательно обосновавшись с 1807 года в Париже. Везде его лекции шли с шумным успехом.

Оперативно воспользовались френологией писатели. Появилась прекрасная возможность по внешности давать характеристику литературного персонажа. Бальзак в повести «Луи Ламбер» так описал главного героя: «Всем бросалась в глаза его крупная голова. Очень кудрявые волосы красивого чёрного цвета придавали невыразимое очарование его лбу, который казался огромным даже и нам, совершенно не интересовавшимся объяснениями френологии – науки, находившейся тогда ещё в колыбели. Красота лба была необыкновенной, пророческой главным образом благодаря чистой линии надбровных дуг».

Желая обрести признание в среде наиболее авторитетных учёных, Галль в 1808 году представил Парижской академии свою работу «Исследование нервной системы вообще и мозга в частности». Французские учёные дали ей положительную оценку. Однако Наполеон Бонапарт, ставший императором Франции, воспротивился его избранию в академию.

Поговаривали, что причиной такого решения была профессиональная честность Галля, находившего череп

Наполеона недостаточно крупным для интеллектуала и свидетельствующим об отсутствии способности к философии. В данном конкретном случае учёный отчасти был прав, но всё-таки научно обосновать френологию оказалось непросто.

Идея Галля о локализации функций организма в разных отделах головного мозга подтвердилась. В 1861 году французский анатом П. Брока, исследуя мозг больного с нарушениями речи, обнаружил дефект задней трети нижней лобной извилины левого полушария. Через десятилетие немецкий психолог К. Вернике определил, что поражение задней трети первой височной извилины левого полушария резко ухудшает понимание речи.

Немецкий анатом К. Клейст на основе конкретных данных составил карту полушарий мозга с указанием очагов счёта, чтения, ощущения боли, движений рук… Эти данные, полученные опытным путём, совершенно не соответствовали предположениям френологов.

Сейчас установлено: основной отдел слуха находится в височных долях, а зрения – в области затылка. Ни один из вариантов френологических карт этого не учитывает.

Мозг – сложная система, способная «на ходу» исправлять неполадки в своей работе. В то же время отдельные качества и способности связаны с определёнными отделами мозга, о чём первыми догадались френологи.

Русский анатом и физиолог XIX века Матвей Волков писал из Парижа московскому издателю А.И. Баландину, что изучение черепа не может дать точных данных о человеке. Он сравнил работу мозга с музыкальным произведением, где чередуются сложные аккорды. Эта идея, как выяснилось через сто лет, была правильной: при умственной деятельности возбуждаются целые серии очагов коры головного мозга.

Появилась эпиграмма (возможно, автор её – Баландин):

> У Галля логика хромала.
> Его беда, а не вина:
> Хотел по форме он бокала
> Судить о качестве вина.

Однако для изучения работы мозга френология оказалась полезной. Она поставила перед исследователями ряд перспективных проблем.

Матвей Волков считал изучение черепа стимулом самопознания: «Что, если бы каждый человек посвящал ежедневно по нескольку минут одинокой беседе со слепком своей

головы, держа в руках курс френологии? Какое бы влияние имел этот обычай на нравственное улучшение человечества!»

Научная критика френологии убедительна. Но как знать, что будет обнаружено при дальнейших исследованиях? Известна связь между строением тела человека и его темпераментом и психикой. Наша физическая и духовная жизнь образует единство. Они находятся в каких-то неявных соответствиях между собой.

Интересные данные о развитии отделов головного мозга были получены в результате изучения слепков черепов наших давних предков. Оказалось, что наиболее активно развивались отделы, связанные с движениями правой руки, речью, а также высшей умственной деятельностью.

Идеи френологии могут возродиться в неожиданных формах. Существует наука геоморфология, исследующая рельеф местности и его происхождение. Специалист, «читая» рельеф, мысленно восстанавливает события далекого прошлого, динамику геологических процессов, особенности развития земной коры в данном районе. Не научатся ли когда-нибудь «читатели рельефа черепа» выяснять потаённые свойства личности?

Такое предположение кажется невероятным. Однако мне довелось убедиться, какими удивительными бывают соотношения физических и духовных особенностей человека.

По канонам хиромантии (гадания по руке) левая ладонь отражает наследственные свойства, правая – приобретённые. В XX веке нечто подобное доказала наука: правое полушарие головного мозга, которое управляет левой половиной тела, ответственно преимущественно за эмоции, интуицию, врождённые качества, а левое – преимущественно за рассудочную деятельность и приобретённые навыки.

Правда, на этом научные основания хиромантии заканчиваются. Всё остальное – выдумки, не имеющие доказательств. Хотя и тут не так просто.

Оказывается, узоры на пальцах отражают ряд психических и физических качеств. Они могут служить для определения возможностей спортсмена экстра-класса. Используется так называемый дельта-индекс. Он показывает степень сложности кожных узоров на пальцах. Наиболее простой узор – в виде дуги – оценивается нулём, более сложный (петля) – единицей, а завиток или двойная петля – двойкой. В общей сумме для обеих рук можно набрать от 0 до 20 баллов.

В лаборатории спортивной антропологии и генетики Всероссийского НИИ физической культуры многие годы изучали эти показатели наших выдающихся спортсменов. Результаты оказались такими. Низкие значения индекса свидетельствуют о

незаурядных скоростно-силовых качествах, необходимых для спринтеров (велотрек, лёгкая атлетика, коньки), средние – о выносливости (лыжное двоеборье, шоссейные велогонки, стайерские дистанции), а высокие – о способности к сложно координированной деятельности (бокс, штанга).

Для представителей игровых видов спорта важно учитывать их конкретную роль в команде. В футболе, баскетболе, волейболе «высокие баллы» присущи защитникам, низкие – нападающим. Конечно, тут нет ничего общего со школьными отметками: чем выше, тем лучше. Для классного нападающего важны скорость, сила и взрывная реакция, тогда как для вратаря, например, главное – умение принимать быстрые решения в сложных ситуациях, обладать отличной координацией движений.

Таковы статистические данные, из которых конечно же немало исключений.

Я проверил на себе эти выводы. Пальцевый индекс получился 16. Он характерен для защитников в баскетболе, вратарей, боксёров. Это точно совпало с моей спортивной судьбой. Выдающихся успехов в спорте не достиг, но с детства предпочитал играть в футбол вратарём и защитником; поступив в волейбольную секцию, вскоре перешёл на баскетбол, играя защитником (поднялся до первого разряда), и увлекался боксом, несмотря на то что не был забиякой, а даже от несильных ударов из носа у меня шла кровь. Выходит, моим выбором в спорте руководили… узоры на пальцах!

Выдающийся чешский физиолог Ян Пуркине опубликовал книгу, в которой дал первую классификацию пальцевых узоров. Претворил теорию в практику англичанин Френсис Гальтон. Когда весной 1905 года на окраине Лондона были обнаружены два окровавленных трупа владельцев лавки, пожилых супругов, этот метод был впервые опробован на практике.

Против двух подозреваемых, братьев, были лишь косвенные улики. Эти громилы смеялись, как от щекотки, когда у них стали брать отпечатки пальцев. Но вскоре им стало не до смеха. Оттиск большого пальца одного из братьев точно соответствовал оттиску на окровавленной шкатулке. Судья приговорил преступников к повешению. Они, потеряв самообладание, стали упрекать друг друга, чем подтвердили справедливость приговора.

Но можно ли по отпечаткам пальцев (так же как по форме черепа, что утверждал Франц Галль) судить заранее о преступных наклонностях человека? Нет, невозможно.

Впрочем, некоторые результаты интересны сами по себе. Скажем, в среднем пальцевой индекс европейцев ниже, чем у чукчей. Если вспомнить о спортивной специализации, то

получается, что у чукчей должно быть развитым «многовариантное» мышление, умение принимать верные решения в экстремальных ситуациях, в отличие от жителей Европы.

Трудно судить, как связаны духовные свойства людей с отпечатками пальцев. Но то, что такая связь имеется, пусть даже неабсолютная, можно предполагать. И если кончики пальцев могут немало сказать о возможностях и способностях человека, то ладони – тем более. Что уже тогда говорить о конструкции черепа!

Однако узор кожи пальцев или ладоней, форма и объём черепа не предопределяют ум, характер и судьбу человека. Они зависят от многих факторов, среди которых врожденные качества имеют косвенную, а то и незначительную роль.

…После первых десятилетий XX века френология, хиромантия, физиогномика, не говоря уже об алхимии, астрологии, стали считаться большинством просвещённых людей «лженауками». Это справедливо по отношению к тем лжеучёным, которые выдают их за подлинные науки, а также к доверчивой суеверной публике, охотно верящей шарлатанам.

С позиций истории знаний ситуация иная. Научные исследования начинаются обычно с гипотез, наблюдений, экспериментов, со сбора и классификации фактов. Поначалу трудно понять, какие идеи верны. Надо рассматривать разные варианты и сопоставлять их с имеющимися фактами.

Когда речь идёт о психических и умственных способностях человека, ситуация особенно сложна. Каждый из нас обладает огромным набором качеств, порой противоречивых и проявляющихся в разной степени в зависимости от конкретных внутренних и внешних условий. Личность пластична, «симфонична», как говорил русский философ Лев Платонович Карсавин.

Этим объясняется успех френологических и астрологических характеристик: всегда можно подобрать из многих возможных сочетание качеств личности, которое тебе кажется верным.

Так автор становится зависимым от своего творения. Он стремится подтвердить его во что бы то ни стало. Эта установка не оставляет ему возможности для сомнений. В некоторых случаях учёные шли на невольные подлоги, толкуя сомнительные факты в свою пользу или «подправляя», подделывая результаты экспериментов.

Франц Йозеф Галль, оставляя потомкам свой череп, надеялся, пожалуй, что они, изучая его рельеф, убедятся, как сильно развиты у него области ума и склонности к философии. Но даже

имея эти качества, нельзя сделать подлинное открытие, если научный метод использован некорректно.

Чезаре Ломброзо (1835–1909)

Когда талантливый человек сильно увлечён своей идеей, он становится похожим на маньяка. Это в большей степени, чем у Франца Йозефа Галля, проявилось у итальянского психиатра и антрополога Чезаре Ломброзо. В книге «Гениальность и помешательство» он стремился доказать сходство этих двух качеств, выискивая признаки безумия едва ли не у всех великих людей.

Как профессионал он имел дело по большей части с преступниками и сумасшедшими. Тут действительно можно разувериться в достоинствах рода человеческого, включая его наиболее славных представителей.

1 января 1882 года в предисловии к четвёртому изданию своей книги, пользовавшейся «бешеной популярностью», Ломброзо вспоминал: «Когда, много лет назад, находясь как бы под влиянием экстаза, во время которого мне точно в зеркале с полной очевидностью представлялись соотношения между гениальностью и помешательством, я в 12 дней написал первые главы этой книги» (её первое издание вышло в 1863 году).

Выходит, на него нашло озарение. Сам он подобные случаи относил к явлениям ненормальным. Более существенно, что он воспринял идею «с полной очевидностью». Это уже похоже на манию.

Вообще-то идею эту высказал задолго до него французский психиатр Луи Франсуа Лелю в книгах о Сократе и Паскале. И если у Паскаля действительно были болезненные явления, то крепыша Сократа он «изобличил» в том, что тот сослался на демона, который подсказывает ему верные мысли. Хотя этого демона следует, пожалуй, толковать не как видение извне, а как внутреннее прозрение.

Когда исследователь подбирает факты, подтверждающие его гипотезу, не принимая во внимание опровержения и не давая волю сомнениям, вместо научной объективной работы получается подгонка под готовый ответ.

Такое увлечение характерно преимущественно для дилетантов, «непризнанных гениев». Но Чезаре Ломброзо был профессионалом и много занимался практической деятельностью.

Родился он в Северной Италии (она входила в Австро-Венгерскую империю), в еврейской зажиточной семье. Отец торговец постарался, чтобы сын получил высшее образование.

После окончания гимназии Чезаре поступил в университет города Павии; изучал антропологию, психиатрию и нейрофизиологию.

Учился он прилежно. Интересуясь особенностями представителей разных рас, осваивал иностранные языки, включая арамейский и китайский. Во время студенческих выступлений за освобождение Италии его арестовали. В тюрьме находился недолго. Но именно тогда на него произвели сильное впечатление преступники, резко отличавшиеся по своему поведению от привычных для него интеллигентов.

В то время (середина XIX века) в Европе была популярна гипотеза передачи по наследству психических и умственных особенностей. Даже Чарлз Дарвин, развивавший теорию естественного отбора, отмечал, что у потомственных рабочих более крупные и грубые руки, чем у аристократов.

Казалось бы, физические показатели – это одно, а умственные и моральные – другое. Но не исключена связь физических и духовных признаков. Многие антропологи и почти все френологи склонялись к мнению, что у «диких народов» строение черепа свидетельствует о слабом развитии высших умственных способностей.

Противоположное мнение высказал французский психиатр Бенедикт Огюст Морель: человек был изначально создан как совершенное создание по образу и подобию Бога. Но со времени грехопадения, убийства Каином брата Авеля и с прогрессом цивилизации люди стали вырождаться.

…Во время войны итальянцев за независимость Ломброзо служил военным врачом в итальянской армии. С 1862 года читал лекции в медицинском факультете Павийского университета, заведовал психиатрической клиникой в Пезаро. В 1876 году стал профессором судебной медицины и общественной гигиены в Туринском университете. Тогда же издал свою монографию «Преступный человек».

По канонам популярной в ту пору френологии строение черепа предопределяло особенности психики человека. Ломброзо разделял эти взгляды. Он полагал, что существует преступный тип человека, отражённый в его внешних признаках. У таких людей преобладают черты дикарей. Таких людей нет смысла перевоспитывать. От них надо избавляться.

Получалось, что можно по строению черепа и тела ребёнка выявлять будущих преступников, изолируя их от общества или даже убивая. Теория, удобная для тех, кто мнит себя избранными, получившими, как Ломброзо, высшее образование или почётные звания и награды.

Революционеров, политических преступников он тоже считал

ненормальными. Ведь обычный человек стремится сохранить установленный порядок, а не уничтожать его. Любовь к переменам – психическое заболевание с тяжёлыми последствиями для общества.

Такая точка зрения причисляет всех новаторов к патологическим типам, чем бы они ни занимались. Таков подтекст книги Чезаре Ломброзо «Гениальность и помешательство. Параллель между великими людьми и помешанными».

Он заочно, по косвенным сведениям и слухам, ставил диагнозы многим выдающимся мыслителям. «О гениальных людях, – писал он, – точно так же, как о сумасшедших, можно сказать, что они всю жизнь остаются одинокими, холодными, равнодушными к обязанностям семьянина и члена общества. Микеланджело постоянно твердил, *что его искусство заменяет ему жену*. Гёте, Гейне, Байрон, Челлини, Наполеон, Ньютон хотя и не говорили этого, но своими поступками доказывали нечто худшее».

На это можно ответить: ничего не поделаешь, горные вершины стоят одиноко, тогда как равнины плоски и протяжённы. Хотя известно немало выдающихся людей, которые не были ни одинокими, ни холодными и равнодушными, а вовсе даже наоборот.

Иные суждения Ломброзо вызывают недоумение. «Нередки случаи, – полагал он, – когда вследствие тех же причин, которые так часто вызывают сумасшествие, т. е. вследствие болезней и повреждений головы, самые обыкновенные люди превращаются в гениальных».

Сильный удар может только нарушить работу тонко организованной системы головного мозга, подобно тому, как удары молотком по электронной машине не улучшат её работу.

В издании этой книги Ломброзо на русском языке (1902) сделано примечание: «Покойный митрополит Московский Макарий, отличавшийся замечательно светлым умом, был до того болезненным и тупым ребёнком, что совершенно не мог учиться. Но в семинарии кто-то из товарищей во время игры прошиб ему голову камнем, и после этого способности Макария сделались блестящими, а здоровье совершенно поправилось».

Странный способ улучшить здоровье человека и усилить его ум: пробить голову камнем. Одно то, что Макарий поступил в семинарию, говорит о его здравом уме. (Хорошенькие игры семинаристов, когда камнем пробивают голову!) По-видимому, побывав на больничной койке под наблюдением врача, Макарий

окреп и всерьёз занялся учёбой.

Чезаре Ломброзо нашёл у Джонатана Свифта тяжёлый психический недуг. «Свифт, – писал он, – будучи духовным лицом, издевается над религией и пишет циничную поэму о любовных похождениях Страфона и Хлои; считаясь демагогом, предлагает простолюдинам отдавать своих детей на убой для приготовления из их мяса лакомых блюд аристократам».

Судя по этому высказыванию, Ломброзо не понимал смысла сатиры (что характерно для людей с психическими отклонениями). Ведь если, к примеру, олигархи ненасытно накапливают миллионы, миллиарды долларов, тогда как сотни тысяч русских малолеток превращаются в безграмотных бродяжек, наркоманов и проституток, разве это не пожирание детей бедняков?

У Ломброзо были серьёзные претензии к английскому сатирику: «Свифт, отец иронии и юмора, уже в своей молодости предсказал, что его ожидает помешательство; гуляя однажды по саду с Юнгом, он увидел вяз, на вершине своей почти лишённой листвы, и сказал: “Я точно так же начну умирать с головы”. До крайности гордый с высшими, Свифт охотно посещал самые грязные кабаки и там проводил время в обществе картежников. Будучи священником, он писал книги антирелигиозного содержания… Слабоумный, глухой, бессильный, неблагодарный относительно друзей – так он охарактеризовал сам себя.

Непоследовательность в нём была удивительная: он приходил в страшное отчаяние по поводу смерти своей нежно любимой Стеллы и в то же самое время сочинял комические письма “*О слугах*”. Через несколько месяцев после этого он лишился памяти, и у него остался только прежний резкий, острый как бритва язык. Потом он впал в мизантропию и целый год провёл один, никого не видя, ни с кем не разговаривая, ничего не читая; по десяти часов в день ходил по своей комнате, ел всегда стоя, отказывался от мяса. Однако после появления у него чирьев он стал как будто поправляться и часто говорил о себе: “*Я сумасшедший*”, но этот светлый промежуток продолжался недолго, и бедный Свифт снова впадал в бессмысленное состояние, хотя проблески иронии, сохранившейся в нём даже и после потери рассудка, ещё вспыхивали порою. Так, когда в 1745 году устроена была в его честь иллюминация, он прервал своё продолжительное молчание словами: “Пускай бы эти сумасшедшие хотя не сводили других с ума”».

Справедлив ли диагноз, поставленный Свифту? Вряд ли. Любые высказывания и события Ломброзо толкует по-своему,

стремясь доказать полюбившуюся идею. Он не замечает других вариантов объяснений.

Скажем, если дерево лишается листьев с вершины, то этим его, естественно, уподобить лысеющему человеку, а не умалишенному. Чувство собственного достоинства проявляет человек именно в общении с высокими чинами, и в этом отношении поведение Свифта совершенно нормально.

Глубоко переживая смерть любимой жены, вовсе не обязательно целыми днями рыдать и стенать. Порой именно труд помогает перенести тяжесть потери. А остроумие (несвойственное Ломброзо) указывает на здравый рассудок, в отличие от зацикленности на одной идее без критического её осмысления.

В заключении своей книги Ч. Ломброзо несколько смягчает свой обвинительный тон. Он даже не замечает, что противоречит отчасти себе, когда пишет: «Если бы гениальность всегда сопровождалась сумасшествием, то как объяснить себе, что Галилей, Кеплер, Колумб, Вольтер, Наполеон, Микеланджело, Кавур, люди, несомненно, гениальные и притом подвергавшиеся в течение своей жизни самым тяжёлым испытаниям, ни разу не обнаруживали признаков умопомешательства?»

Однако прежде Ломброзо находил признаки психического нездоровья у Наполеона и Микеланджело. Очередной пример обращения с фактами по своему произволу.

После перечисления явных и сомнительных психических отклонений знаменитых людей Ломброзо пришёл к выводу: «Возможно ли на основании вышеизложенного прийти к заключению, что гениальность вообще есть не что иное, как умопомешательство? Нет, такое заключение было бы ошибочным. Правда, в бурной и тревожной жизни гениальных людей бывают моменты, когда эти люди представляют сходство с помешанными, и в психической деятельности тех и других есть немало общих черт, например, усиленная чувствительность, экзальтация, сменяющаяся апатией, оригинальность эстетических произведений и способность к открытиям, бессознательность творчества и употребление особых выражений, сильная рассеянность и наклонность к самоубийству, а также нередко злоупотребление спиртными напитками и, наконец, громадное тщеславие.

Правда, в числе гениальных людей были и есть помешанные, точно так же, как и между этими последними бывали субъекты, у которых болезнь вызывала проблески гения; но вывести из этого заключение, что все гениальные личности непременно должны быть помешанными, значило бы впасть в громадное заблуждение и повторить, только в ином смысле, ошибочный вывод дикарей,

считающих боговдохновенными людьми всех сумасшедших».

Ломброзо считал главными качествами гения: «усидчивость, прилежание, твёрдость характера, внимательность, аккуратность, память». Он верил во френологию. Перечисляя гениев (Спиноза, Бэкон, Галилей, Вольтер), отмечал: «Все они отличались сильным, но гармоничным развитием черепа, что доказывало силу их мыслительных способностей, сдерживаемых могучей волей».

В то же время он привёл сведения о двух десятках людей (в большинстве случаев заурядных учёных), сделав иной вывод: «Гениальные способности часто развиваются в ущерб каким-нибудь психическим сторонам, мы можем предположить, что гениальность сопровождается аномалиями того самого органа, на котором зиждется слава гения».

К суждениям Ломброзо о гениальных людях, на мой взгляд, нельзя относиться серьёзно. Статистических выкладок у него не было. Он подбирал сведения, подтверждающие его гипотезу вместо объективного анализа. Критерии гениальности у него были расплывчатыми.

Один из множества фактов, опровергающих связь умственных способностей с ёмкостью черепа: у остроумного и умного писателя Анатоля Франса масса мозга была всего лишь 1017 г. А у одного психически больного мозг был в два с половиной раза тяжелее.

Более обоснованно, чем о гениях, высказывался Ломброзо о преступниках, которых наблюдал в немалом количестве. Обследование подозреваемых в преступлениях подвигло его на создание первого в мире «детектора лжи».

Как показали исследования кровообращения итальянского физиолога Анджело Моссо, умственное напряжение и эмоции сказываются на работе сердца и кровеносных сосудов. Когда человек испытывает страх, у него резко учащается пульс и повышается кровяное давление. (В момент опасности организм напрягает силы, чтобы ей противостоять.)

Однажды Ломброзо подключил прибор гидросфигомометр (от греческого «сфигмос» – пульс) к подозреваемому в ограблении. Во время допроса его пульс и кровяное давление не менялись. Следователь сменил тему и заговорил о мошенничестве с чужими паспортами. Показатели прибора тотчас изменились. В дальнейшем выяснилось, что этот человек действительно был мошенником, а не грабителем.

Ну а как же с «преступным человеком»? Может ли череп или лицо свидетельствовать о криминальных наклонностях человека?

Чтобы внушать доверие, жулик должен иметь респектабельную внешность, благородное лицо и честный взгляд, хороший автомобиль (мне встретились три таких человека). Это предположение подтверждают психологические эксперименты. Права поговорка: «по одёжке встречают»

Человек, обладающий высоким титулом, в глазах публики выглядит значительно выше ростом, чем на самом деле. В австралийском колледже в разных классах одного и того же человека представляли студентом Кембриджа, лаборантом, лектором, аспирантом, профессором. После его ухода учащихся просили оценить его рост. Как пишет американский психолог Роберт Чалдини: «При каждом повышении статуса “английский гость” вырастал в глазах студентов в среднем на полдюйма, так что в качестве “профессора” он выглядел на два с половиной дюйма выше, чем в качестве студента».

По цифрам, показывающим рост политического деятеля, можно предположить, кто и зачем их привёл. Так, в Интернете приведены такие сведения: «У Владимира Путина рост 1 метр 70 см, у Дмитрия Медведева – 1,62 м. У Ленина рост был 164 см, у Сталина – 1,63 м». Те, кто видел стоящих рядом Путина и Медведева, мог бы убедиться, что они практически одинакового роста и вряд ли выше 165 см. У Сталина в молодые годы царская охранка определила рост 174 см. Если он был обут, можно считать 172 см. По тем временам – выше среднего для мужчины. А ныне его хулители (обычно низкорослые) называют Сталина едва ли не карликом.

Полтора десятка лет назад увидевшая В.В. Путина восторженная служащая Новосибирского академгородка высказалась о нём: «Молодой, высокий, красивый». Да, молодой в сравнении с Ельциным, но высокий и красивый…

Следует судить о человеке по делам, а не по внешним признакам. Наши умственные, нравственные, психические особенности не предопределены формой головы или конструкцией тела. Хотя некоторые предпосылки для такой связи имеются. На такое мнение нацеливает, в частности, книга немецкого психиатра и невролога Эрнста Кречмера «Строение тела и характер» (1924).

Впрочем, и тут остаются сомнения. Трудно учесть все обстоятельства детства и жизненного пути любого человека. На врождённые качества накладывают печать социальная среда, воспитание и образование, семья, друзья, чрезвычайные ситуации.

Остаётся непростой вопрос Бенедикта Огюста Мореля о деградации рода человечества по мере успехов цивилизации.

В последнее десятилетие XIX века во Франции вышла книга врача, писателя и деятеля сионистского движения Макса Нордау (Симона Зюдфельда) «Вырождение». Посвящая её Чезаре Ломброзо, автор писал: «Понятие о вырождении, первоначально научно обоснованное Морелем и гениально разработанное Вами, дало… богатые плоды в самых разнообразных областях знания». Но, по его мнению, «процесс вырождения распространяется не только на преступников, проституток, анархистов и умалишённых, но и на писателей и художников».

Макс Нордау назвал больным «если не всё цивилизованное человечество, то, по крайней мере, высшие слои населения больших городов». Перечислил признаки умственного расстройства: мистицизм, неспособность к сосредоточенному вниманию и ясному мышлению; господство эмоций над рассудком; самовлюблённость; извращение инстинктов; погоню за сильными эмоциями с преобладанием физического над духовным; склонность к скабрёзности и пошлости.

Он не утверждал, что все люди становятся такими, подчёркивая общее направление деградации. Упомянул о половых извращениях и психопатиях, предполагая в дальнейшем закон, разрешающий вступать в брак людям одного пола. Стыдливость и благопристойность станут предрассудками. «Книги в настоящем своём виде выйдут из моды»…

Его прогноз на XX век: «Нынешняя истерия продержится недолго. Народы оправятся от неё. Слабые, выродившиеся субъекты погибнут, сильные приспособятся к успехам цивилизации или подчинят их своим органическим силам».

В одном можно согласиться с Нордау: искусство в значительной мере выражает духовное состояние общества и может считаться диагнозом серьёзных психических аномалий. Но процесс вырождения, если он связан со структурой и эволюцией цивилизации, не исчезнет из-за выживания «наиболее приспособленных» (у кого капиталы и власть), ибо существующее положение их вполне устраивает.

После Первой мировой войны принципы социодарвинизма, о которых писал Нордау, обрели экстремальную форму в идеях и поступках немецких фашистов. Они старались «очищать расу», утверждали своё физическое и умственное превосходство… и деградировали в убийц и поработителей. Война не делает людей лучше.

XX век развеял многие иллюзии о прогрессе общества. Известно, что и болезни могут прогрессировать. Колоссальное

развитие техники очевидно. Растёт число наркоманов, больных СПИДом, психически больных, людей с генетическими аномалиями. Техническая цивилизация подавляет и деформирует не только земную природу, но и личность человека по своему образу и подобию, как столетие назад отметил философ Николай Бердяев.

Виктор Кандинский (1849–1889)

Человек двигался по коридору, согнув колени, вытягивая вперед корпус, как бы с трудом прокладывая себе дорогу руками. На лице его застыло выражение ужаса. На вопросы посторонних он не реагировал: находился в своём особом мире.

Это был один из пациентов психиатрической лечебницы. Когда его сознание вернулось в тот мир, который мы называем реальным и объективным, он объяснил врачу, что пытался выбраться из желудка крокодила. Образ гигантской рептилии, якобы обитавшей в канале рядом с больницей, давно его тревожил (дело происходило в Санкт-Петербурге около 140 лет назад).

Виктор Хрисанфович Кандинский, описавший этот случай, не упомянул о причине столь странной для русского обывателя патологии воображения. Возможно, так подействовала на читателя сатира Ф.М. Достоевского «Крокодил», повествовавшая в стиле репортажа о проглоченном крокодилом петербуржце. Этот образ мог пробудить и усилить детские переживания при чтении притчи об Ионе, проглоченном китом.

Каждый из нас имеет колоссальный запас образов, мыслей, сведений, который хранится в памяти вне ясного сознания. Они возникают в нём, как бы выходя на свет из тёмных кладовых, порой благодаря усилию воли, иногда неожиданно, как озарение.

Наиболее явно они проявляются в сновидениях. Трудно понять, как возникли образы, явившиеся во сне, почему они связались в определённый сюжет. В некоторых случаях человек испытывает как бы сон наяву. Фантастические видения (псевдогаллюцинации, по В.Х. Кандинскому) подавляют его волю, сознание, и он действует под их влиянием.

«Наше обычное бодрствующее сознание, или рациональное сознание, как мы его называем, – писал американский психолог и философ Уильям Джемс, – есть не что иное, как ещё один особый тип сознания, в то время как повсюду рядом с ним, отделённые от него тончайшей перегородкой, находятся потенциальные формы сознания совершенно иного».

Это и есть то, что называют подсознанием, областью бессознательного. Она сложно организована и связана с инстинктами, переживаниями детства и даже пренатального (предродового) периода.

У людей с неустойчивой психикой в какой-то момент рассудок теряет контроль над образом, укоренившимся в глубинах подсознания. Словно демоны, возникшие из небытия,

овладевают душой человека, увлекая её в воображаемый мир. Под влиянием внутреннего или внешнего сигнала больной переходит в изменённое состояние сознания (ИСС), вплоть до полного погружения в мнимую реальность. Сигналы органов чувств искажаются в мозгу в угоду всесильной (на данный момент) установки.

Исследования Кандинского, специалиста-психиатра, были бы обыденны, если бы не одно обстоятельство: он сам во время душевного недуга испытал острейшие псевдогаллюцинации (понятие, введённое им в психиатрию), подробно рассказав о них в научной монографии.

«Имев несчастье в продолжение двух лет страдать галлюцинаторным помешательством, – писал он, – и сохранив после выздоровления способность вызывать известного рода галлюцинации по произволу, я, естественно, мог на себе самом заметить некоторые условия происхождения чувственного бреда».

Психических отклонений в детстве и юности у него не отмечалось. Родился он в Забайкалье, в семье купца первой гильдии, с отличием окончил в Москве гимназию, хорошо учился на медицинском факультете университета, работал во Временной (2-й Градской) больнице ординатором. Писал научные статьи преимущественно по гигиене и санитарии. Осенью 1876 года оформился на Черноморский флот младшим судовым врачом, участвовал в русско-турецкой войне.

Ужасы войны, выпивка и временами употребление наркотиков сказались на его состоянии. У него начались психические срывы, он пытался совершить самоубийство, бросившись в море. Его поместили в лечебницу.

Выздоровев, он женился в 1878 году на медсестре Елизавете Карловне Фреймут. С 1881 года он работал старшим ординатором в психиатрической лечебнице св. Николая в Петербурге. Был трудолюбивым, внимательным к окружающим, проводил научные исследования.

Были опубликованы и две его философские работы: «Современный монизм» и «Общепонятные психологические этюды». Он утверждал единство материи и сознания, признавая реальность внешнего мира. По его словам, «мы не можем смотреть на психическую жизнь иначе, как на часть общей жизни, и, следовательно, должны признать психическую деятельность, свойственную в большей или меньшей степени всем живущим существам животного мира… Мысль есть функция мозга».

Последнее утверждение требует дополнения. Сам по себе мозг не может создать мысль. Он её производит только после обучения. Тем более, когда эта мысль выражена словом.

Кандинский вёл большую практическую и теоретическую работу, в частности по судебной психиатрии. От переутомления у него бывали бредовые видения. Он и сам их вызывал, проводя опыты над собой.

В процессе этих опытов он всё чаще применял наркотики, главным образом опий. Возможно, у него возникла наркотическая зависимость, хотя он убеждал себя, что это всего лишь неизбежные последствия научных экспериментов. (Обычно рассудок подчиняется эмоциям и старается оправдать даже неблаговидные поступки.)

«О благодатный, нежный и всесильный опиум! Ты, проливающий целительный бальзам в сердце бедняка и богача, утоляющий боль ран, которые никогда не зарубцуются, и муки, которые вызывают бунт духа. Красноречивый опиум!.. Ты, только ты даёшь человеку эти сокровища, ты обладаешь ключами рая, о благодатный, нежный всесильный опиум!»

Так писал английский писатель Томас Де Квинси в повести «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум» (1821). Для него наркотический рай со временем стал адом. Его стали посещать страшные видения, он испытывал физические муки. Возможно, нечто подобное происходило с Кандинским. Он чувствовал, что сходит с ума.

Со временем было всё труднее справляться с болезнью. Чувствуя приближение одного из приступов, Виктор Хрисанфович принял смертельную дозу опия и лег на диван, читая повесть Льва Толстого «Казаки»…

В истории психиатрии он остался самым необычайным учёным: одновременно пациентом, врачом и исследователем болезни. «Имея несчастье, – писал он, – в продолжение двух лет страдать галлюцинаторным помешательством и сохранив после выздоровления способность вызывать известного рода галлюцинации по произволу, я, естественно, мог на себе самом заметить некоторые условия происхождения чувственного бреда».

После его смерти жена его Елизавета Карловна позаботилась об издании двух его работ и покончила с собой. Детей у них не было.

В научной статье он представил себя так: «Мих. Долинин, 38 лет от роду, бывший артиллерийский офицер, а потом военный врач, был болен галлюцинаторным первично-бредовым психозом (paranoia hallucinatoria); болезнь имела сначала подострый характер, но потом получила более хроническое течение. Он был так любезен, что устно сообщил мне массу любопытных наблюдений как относительно слуховых галлюцинаций, так и относительно различного рода

псевдогаллюцинаторных явлений.

Впоследствии Долинин с большой готовностью отдал себя в моё распоряжение для некоторого рода маленьких экспериментов; именно, угощая его по временам, на ночь или в течение дня, опием или экстрактом индийской конопли, я вызывал у него очень живые, так называемые гипнагогические галлюцинации и потом получал от него подробное изложение сделанных им в это время наблюдений. Путём таких экспериментов нам удалось довольно порядочно изучить те галлюцинаторные и псевдогаллюцинаторные явления, которые бывают испытываемы многими здоровыми людьми в состоянии, переходном от бодрствования ко сну.

Вследствие новых умственных эксцессов, может быть, частью и под влиянием вышеупомянутых опытов искусственного вызывания псевдогаллюцинаций и галлюцинаций (между прочим Долинин по собственной инициативе добился одно время умения *произвольно* вызывать у себя галлюцинации слуха, по характеру совершенно однородные с теми *непроизвольными* слуховыми галлюцинациями, которыми он страдал во время болезни), у Долинина в начале 1883 года без всяких особенных причин внезапно вспыхнуло острое галлюцинаторное расстройство со смешанным бредом преследования и величия».

Другим пациентом психиатрической лечебницы, на которого не раз ссылался Кандинский, был бывший врач Лашков. По-видимому, и в этом случае было наблюдение над самим собой. Вот один из примеров описания:

«Коллега Лашков во время своей болезни был постоянно мучим галлюцинациями слуха и осязания и, кроме того, имел обильные псевдогаллюцинации, в особенности в сфере зрения. Однажды он вдруг услыхал между голосами своих преследователей (“из застенка”) довольно громкий голос, который настойчиво и медленно, с раздельностью по слогам, произнес: «пе-ре-ме-ни под-данство!» Поняв это внушение так, что у него единственное средство к спасению – перестать быть подданным русского царя, больной на минуту задумался, какое подданство лучше, и решил, что всего лучше быть английским подданным.

В этот самый момент он *псевдогаллюцинаторно* увидал в натуральную величину льва, который, на секунду явившись перед ним, быстро забросил свои передние лапы ему на плечи; прикосновение этих лап живо почувствовалось больным в форме довольно болезненного местного давления (галлюцинация кожного чувства). Вслед за этим явлением “голос из простенка” сказал: “Ну, вот тебе лев… теперь ты будешь императорствовать”.

Тогда больной вспомнил, что “лев есть эмблема Англии”. Образ льва явился перед Лашковым весьма живо и отчётливо, однако больной очень хорошо чувствовал, что видит льва, как он сам после выразился, “не телесными, а духовными очами”. Поэтому он нимало не испугался льва, несмотря на то что ощутил прикосновение его лап. Путём соображения больной пришел к убеждению, что льва ему “нарочно *показали*, с целью дать понять, что с этого момента он будет под покровительством английских законов”. Если бы лев явился Лашкову в настоящей галлюцинации, то больной, как он сам говорил мне по выздоровлении, сильно испугался бы и, может быть, даже закричал бы или бросился бежать. Если бы лев был простым зрительным образом, то Лашков не придал бы ему, как продукту собственной фантазии, никакого отношения к галлюцинаторным голосам, в объективном происхождении которых он в то время был твердо убеждён».

Подробный анализ собственных видений и наблюдения за больными привел его к обоснованию явления псевдогаллюцинации.

По его словам, галлюцинация – это возбуждение «центральных чувствующих областей» мозга, не зависящее от внешних впечатлений. Возникает «чувственный образ, представляющийся в восприемлющем сознании с таким же самым характером объективности и действительности, который при обыкновенных условиях принадлежит лишь чувственным образам, получающимся при непосредственном восприятии реальных впечатлений».

Псевдогаллюцинации проецируются не во внешнем пространстве, а во внутреннем: слышатся голоса как бы «внутренним слухом», видения воспринимаются «умственным взором».

Галлюцинации для больного – это сама действительность. А псевдогаллюцинации переживаются как субъективное явление. Обычно больной не перестаёт ощущать себя в текущей реальности. Так, Лашков не испугался мнимого льва, хотя чувствовал прикосновение его лап.

В отличие от воспоминаний, псевдогаллюцинации ярки, отчётливы, а образы являются в мельчайших деталях стойко и непрерывно. Эти явления возникают и пропадают независимо от воли больного.

Часто они носят навязчивый характер. Больные жалуются, что им «насильно показывают картины», «вызывают звучание мыслей»; что они «действуют помимо воли языком, говорят слова, которые не хотели произносить», а «руками, ногами, телом кто-то

действует». Происходит отстранение от своей личности. Больные чувствуют, будто «забирают их мысли и включают другие».

В одном из бредовых состояний Кандинский вообразил себя лидером китайской революции, направленной на установление в стране конституции. Он был главой партии, куда входили некоторые государственные деятели и просвещённые мандарины. С простым народом из разных слоёв общества он общался телепатически, чувствуя их мысли и чаяния.

Когда под окнами его квартиры проходили люди, он слышал их слова, но чаще воспринимал их пожелания мысленно. Его мозг служил для заговорщиков подобием центральной телеграфной станции, куда поступали сообщения из разных мест Китая.

Как всякого заговорщика, его окружали не только сообщники, но и могущественные хитроумные враги. Их шпионы старались перехватывать его мысли телепатически. Порой он слышал их голоса. Пришлось придумать специальный аппарат «психораспределитель». Он, как писал Кандинский, «являлся внутреннему зрению Долинина закрытым столом, наверху с большой квадратной доской из чёрного дерева, на которой устроены замыкатели, избиратели, коммутаторы для громадной массы гальванических цепей… Параллельно ходу своей мысли (вернее, фантазии, так как в это время больной уже *не мог мыслить иначе, как в живо чувственной образной форме*) почти совершенно вышедший из-под контроля воли Долинин в своём зрительном представлении оперировал обеими руками на “распределителе”».

Он передавал соратникам свои мысли, мешая шпионам их перехватить. Однако противники узнали кое-что из его распоряжений и приняли свои меры. Но у Долинина был дар всевидения. Ходя по своим комнатам, он внутренним взором видел всё, что творилось на улицах столицы Китая, во дворце богдыхана и в верховном совете мандаринов, где обсуждают конституцию. Здание совета окружают пехотинцы; на площади стоят пушки, но противники реформы вывели на улицы несколько полков.

Находясь в своей квартире, Долинин (Кандинский) «видел» бои на улицах, слышал выстрелы пушек и ружей, звон сабель. Наконец, благодаря мудрым распоряжениям Долинина была одержана победа…

Рассудок больного, не утративший логики, поддерживал установку подсознания на китайскую революцию, придумывая изощрённые средства коммуникации. Даже явная фантастика воспринималась им как нечто само собой разумеющееся.

Домой к нему пришли два его товарища и предложили

прокатиться в карете. Он с полуслова понял, что их прислало законодательное собрание, угадывая мысли собеседников. Было ясно: ему предстоят почести, ибо революция победила.

Во время поездки он видел радостные лица и приветственные жесты прохожих. Слышал отдалённые звуки марша и твёрдую поступь революционных солдат. Его не смущал перенос действия из Китая в Россию (подобным образом самые нелепые события, происходящие в сновидениях, воспринимаются как само собой разумеющиеся).

Они приехали на окраину города. Лица некоторых прохожих выражали хитрость и затаённую злобу. Значит, кучер – шпион и нарочно завёз их туда, где находятся враги! Иногда он слышал ругательства и угрозы в свой адрес. Это явно были шпионы. Но на страх им всё громче раздавался революционный марш. В такт ему Кандинский начал топать ногами в карете и подпевать. Но кучер замедлил движение, чтобы враги окружили карету.

Как быть? Поможет огонь папиросы! Пока она горит, враги не страшны. Это – символ власти. Не случайно товарищ предложил ему закурить. Надо постоянно прикуривать от потухающей папиросы, не теряя огня. А под марш в ритме движения кареты появился революционный отряд. Офицеры приветствуют его…

Вот и дом для торжественной церемонии. Его встретили почтительно, надели официальный костюм. Значит, предстоит выступить в парламенте. Он ощутил усталость. Сел, задумался. Очнулся – вокруг нет никого. В соседних помещениях какие-то голоса. А если это палачи, которые ловят его мысли?!.

Время шло. Торжества не было. Он волновался всё сильнее. Заметил решетки на окнах. Понял: враги заманили его в западню. Подозрение превратилось в уверенность. Двери заперты, окна зарешечены, нет делегаций и поздравлений…

Потрясение! Он пришел в ярость, круша всё вокруг, колотя в стены и двери. Затем началась истерика…

Такова плата за крушение установки: буйство, истерика – вплоть до убийства и самоубийства. (При безнадежных формах шизофрении больной может до конца пребывать в иллюзорном мире.)

Обычно мы сознательно контролируем своё поведение, кроме тех моментов, когда нас захлёстывают эмоции. Тогда происходит переход в изменённое состояние сознания (ИСС). У психически больного наоборот: он преимущественно находится в ИСС, хотя может временами избавляться от этого наваждения.

Вот один из примеров не одиночного, а группового перехода в ИСС уже в XX веке. В селе проживала больная шизофренией, утверждавшая, что близится конец света. При обострении мании

она видела, как дьявол тащит грешные души в ад. За ней ухаживали четыре её сестры. Они постились и молили Всевышнего о выздоровлении сестры. Через несколько дней вдруг увидели, как тело больной покрылось шерстью, ступни превратились в копыта, а на голове выросли рога. Это был сатана!

В ужасе, отвращении и ярости они схватили что попалось под руки и принялись изгонять нечистого из тела сестры. Избиение продолжалось до тех пор, пока несчастная не умерла. Они были уверены, что обеспечили её душе место в раю. Их поместили в больницу. За три дня лечения они обрели душевное равновесие, успокоились, хотя по-прежнему не сомневались, что им удалось изгнать беса.

По такой схеме возникают массовые психические эпидемии. Они редко проявляются в такой криминальной форме. Но суть остается той же. Имея примерно одну и ту же установку (вера в Бога, демонов, правителей), люди в определённой ситуации действуют одинаково, испытывают сходные эмоции, а то и мании, которые становятся заразительными.

Виктор Кандинский одним из первых начал исследовать такие явления. «Главнейшие источники душевных эпидемий, – писал он, – религиозное чувство, мистические стремления, страсть к таинственному».

«От времени до времени в истории человечества являются настоящие повальные болезни души». К ним он относил Крестовые походы, демономанию, ложные признания в колдовстве и массовые религиозные репрессии в Западной Европе в XV–XVI веках.

Кандинский обобщил: «История обществ представляет нам… непрерывный ряд примеров, в которых известные побуждения и стремления, известные чувства и идеи охватывают сразу массу людей и обусловливают, независимо от воли отдельных индивидуумов, тот или другой ряд одинаковых действий. При этом двигающая идея сама по себе может быть высокою или нелепою… Аналогия с телесными эпидемиями здесь полная».

Эти идеи развивал академик В.М. Бехтерев в книге «Внушение и его роль в общественной жизни». По его словам, «внушение заслуживает самого внимательного изучения для историка и социолога, иначе целый ряд исторических и социальных явлений получит неполное… и частью даже несоответствующее освещение».

Другое его замечание: «Психический микроб в известных случаях оказывается не менее губительным, нежели физический микроб, побуждая народы при благоприятной к тому почве к опустошительным войнам и взаимному истреблению, возбуждая

религиозные эпидемии и вызывая, с другой стороны, жесточайшие гонения против новых эпидемически распространяющихся учений».

Обычно историки, социологи, философы предпочитают объяснять исторический процесс экономическими, политическими и классовыми факторами, тайными заговорами. А человек – существо разумное и эмоциональное, отзывающееся на движения души нередко более чутко, чем на позывы желудка.

Имеется немало примеров катастрофических последствий решительных перестроек психической сферы. Крушение средневековых стереотипов сознания сопровождалось необычайными духовными потрясениями, войнами, маниакальными явлениями, жестокими революциями (последние особенно характерны для первобытного капитализма с его ненасытной жаждой наживы).

Что содействует распространению психических эпидемий? Ответ на этот вопрос мы уже отчасти знаем на примере западноевропейского Средневековья. Эту эпоху часто огульно характеризуют как мрачную, исполненную мракобесия и зверств. Действительность была иной.

Да, происходили войны, внутренние конфликты и прочие беды, извечно сопровождающие историю цивилизации. Однако общество в этот отрезок времени, когда преобладали феодальные отношения, религиозная вера, цеховые объединения трудящихся, патриархальные семьи и т. п., отличалось необычайной стабильностью. В Европе Средневековье продолжалось более тысячи лет – приблизительно с V до XV века. Нечто подобное характерно для Китая, Индии, Малой Азии, Африки.

Казалось бы, такая чётко отрегулированная среда не благоприятствует духовным эпидемиям. Однако ситуация не столь проста. Психика человека, так же, как любого животного, приспособлена к изменчивой, сложной природной среде, а не к механическому однообразию и жёсткой регуляции. В результате постоянных ограничений накапливается подсознательный протест, стремление при случае выплеснуть заряд нереализованных эмоций, взбунтоваться против запрограммированной несвободы.

Крестовые походы, помимо всего прочего, были связаны со стремлением человека к новизне впечатлений, к познанию иных стран. «Муза дальних странствий» вдохновляла не только купцов и религиозных фанатиков, но и многих верующих, мечтающих посетить святые места, приобщиться к той местности, которая упомянута в Священном Писании.

В мистическом плане это была сугубо духовная тяга. В

обыденном понимании её можно связывать и с «охотой к перемене мест», с желанием избавиться хотя бы на недолгий срок от привычной обстановки. В эмоциональном аспекте подобное стремление выражалось в периодических «праздниках дураков», развесёлых и подчас кощунственно-глумливых карнавалах, народных мистериях. Такая «разрядка» была необходима, но недостаточна. Оставалась потребность и в отрешении от постоянных повторений, бесконечной суеты бытия.

Паломничества и странничество были распространены в Средние века. Люди проходили, проплывали в разных направлениях сотни, тысячи километров, минуя разные страны, пересекая горные хребты, крупные реки и моря.

Временами возникали направленные перемещения огромных людских масс. Это можно сопоставлять с миграциями животных, хотя на поведение людей влияют не только природные, но и социальные факторы. Сказывается и то, что человек, подобно прочим высшим общественным животным, наделён инстинктом общения, способностью воспринимать чужие чувства.

Виктор Кандинский сделал такие выводы:

● Свойство психической организации человека именно таково, что всякое духовное движение или настроение одного индивидуума отражается на духовном состоянии лиц, его окружающих. Люди в этом отношении представляют аналогию с камертонами одинакового тона: заставь звучать один из них, остальные сами собой придут в созвучное дрожание.

● Галлюцинации и иллюзии происходят тем легче, чем больше ослаблены органы чувств, чем более истощена нервная система вследствие ненормального возбуждения, ненормального физического труда или вследствие недостатка питания.

● Чувства мелочные и своекорыстные гораздо более склонны приобретать эпидемическое распространение, чем идеи и чувства высокие.

● Душевнобольные часто сохраняют свободу суждений, но теряют свободу выбора.

● Проходит время ненормального душевного расстройства, время коллективного увлечения или страсти, и вернувшиеся к рассудку люди обыкновенно сами не могут понять причину своих прошлых ошибок.

● При слабом развитии высших мозговых функций – мышления и воли – человек весь свой век может прожить жизнью пассивной, машинальной… При таком отсутствии личной самостоятельности в человеке не может быть и речи о его нравственной свободе.

Вспомним, что происходило со значительной частью населения СССР в период «перестройки и гласности», а затем и расчленения страны. Возобладали именно чувства мелочные и своекорыстные. Сохраняя свободу суждений, массы граждан утратили свободу выбора, повинуясь внушению средств массовой рекламы, агитации и пропаганды (СМРАП).

Пример Виктора Кандинского показывает, что человек с психическим расстройством способен преодолевать недуг и даже изучать его. Американский психолог и философ У. Джемс сослался на исследования Кандинского, проведённые над «образованным врачом», по-видимому, не подозревая, что пациентом в данном случае был сам психиатр.

…Можно предположить, что в роду Кандинских была генетическая аномалия, предполагающая появление личностей с отклонениями от «нормы». Двоюродный брат Виктора Кандинского Василий (1866–1944) тоже был незаурядным человеком. У него определённо были отклонения от «здравого смысла» и традиционных взглядов на изобразительное искусство.

Успешно окончив юридический факультет Московского университета в 1892 году и женившись на своей кузине Анне Чимянкиной, он вроде бы остепенился: стал доктором правоведения, доцентом юрфака. Его пригласили в Дерптский университет.

В 30 лет он мог стать профессором. Но решил посвятить себя живописи. Блажь? Психический сдвиг? Хотя он в детстве был приобщён к искусству: занимался рисунком у частного преподавателя, брал уроки игры на фортепьяно и виолончели. Любовь к живописи тлела в его душе долго и в конце концов вспыхнула с неодолимой силой.

В Мюнхене он стал учиться живописи, вошёл в круг художников, с 1900 года стал выставлять свои полотна. В 1904-м издал альбом с 12 ксилографиями с поэтическим названием «Стихотворения без слов». Он стремится выразить порыв, цветовую экспрессию.

«Потрясённый красотой собственной картины, случайно поставленной набок, – пишет историк искусства Мэри Холлингсворт, – он заключил, что может полностью отказаться от изображения реальных предметов. Кандинский дает теоретическое обоснование своих экспериментов в исследовании “О духовном в искусстве”, где утверждает, что главная цель искусства заключается в выражении внутреннего мира художника».

Художник в своих произведениях выражает свой духовный

мир (хотя и не только это). Вопрос лишь в том, как он это делает, с какой целью и какими средствами. Иначе самовыражение становится самоцелью, а зрителю приходится разгадывать «художественные ребусы».

Примерно так рассуждал Н.А. Бердяев в своей статье «Кризис искусства» (1917). Необычайное разнообразие авангардистских направлений в начале XX века, порой полный отказ от традиционных форм и средств он считал признаками разложения и деградации, отражением общего состояния общества потребления:

«Много кризисов искусство пережило за свою историю. Переходы от Античности к Средневековью и от Средневековья к Возрождению ознаменовались такими глубокими кризисами. Но то, что происходит с искусством в нашу эпоху, не может быть названо одним из кризисов в ряду других. Мы присутствуем при кризисе искусства вообще, при глубочайших потрясениях в тысячелетних его основах».

Картины Василия Кандинского подвергались поначалу резкой, а то и грубой критике. Его первой абстрактной картиной считается акварель 1910 или 1911 года, разноцветные пятна и мазки кистью, подчеркнутые тушью пером. В полотне того же времени «Казаки» – экспрессия, символизм, порыв с элементами реальности: подобие сабель, папах, коней, фонарных столбов, домов. Образы схематичны, однако читаемы.

Как бы ни относиться к абстрактным композициям или к обретшему шумную популярность «Чёрному квадрату» К. Малевича, неискушённый зритель без эмоционального подъёма и озарений проходит мимо подобных творений, в глубокой задумчивости задерживаясь перед картинами Леонардо, Рафаэля, Боттичелли, Босха и многих других мастеров. На комментарии апологетов «авангарда» простак заметит по-детски: «А король-то голый!»

Именно с абстракций и инсталляций начиналось искусство каменного века. Неандертальцы более 40 тысячелетий назад создавали нечто подобное, не говоря уже о первых творениях кроманьонцев, наших предков.

…Буйная поросль авангардистов разных течений, направлений, школ воспрянула перед Первой мировой войной. Художники, поэты, композиторы выражали в своём творчестве общественное брожение, смятение умов, стремление вырваться из обыденности.

При становлении советской власти футуристы и прочие авангардисты взялись создавать «новое искусство». Василий Кандинский в 1918 году вошёл в Отдел изобразительных искусств

Наркомпроса, стал профессором Высших художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАС), организатором провинциальных музеев и различных выставок. Но когда спала волна культурной революции, он в 1921 году перебрался в Берлин и с тех пор на родину не возвращался.

Психиатр Виктор Кандинский был психически болен. У художника Василия Кандинского аномалия определялась не личным, а общественным недугом. В поисках новых форм выразительности он, Питер Мондриан, Казимир Малевич и другие авангардисты отказались от самого выразительного в изобразительном искусстве: образности на основе зримой реальности, вызывающей у зрителя не только смутные чувства и туманные умствования, но ясные мысли и вполне определённые переживания.

Это стало одним из симптомов наступившей эры техники. Теперь в наиболее промышленно развитых странах на технику стали тратить в сто раз больше энергии, чем на непосредственные нужды людей.

Впрочем, в отличие от художников, поэты уже в середине XIX века осознали, что происходит нечто роковое для человечества. Как писал Евгений Баратынский:

Век шествует путём своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчётливей, бесстыдней занята.

Зигмунд Фрейд (1865–1939)

Психолог, наблюдая людей, во многом исходит из вольного или невольного самоанализа. И хотя Зигмунд Фрейд придавал своим идеям облик научной теории, они во многом отражали его духовный мир со всеми его аномалиями.

Книги Фрейда, написанные на темы, волнующие многих («Толкование сновидений», «Психопатология обыденной жизни», «Остроумие и его отношение к бессознательному» и др.), пользовались успехом и переиздаются до сих пор.

Нередко пишут, будто Фрейд ввёл в науку понятие бессознательного. Нет, конечно. Задолго до него вышли книги Э. Гартмана «Философия бессознательного» (1869), К. дю Преля «Философия мистики, или Двойственность человеческого существа» (1884). Впрочем, ещё в 1705 году Лейбниц в «Новых опытах о человеческом разуме» написал о существовании области бессознательного:

«Приобретённые привычки и накопленные в памяти впечатления не всегда сознаются нами и даже не всегда являются нам на помощь при нужде, хотя часто они легко приходят нам в голову по какому-нибудь ничтожному поводу, вызывающему их в памяти, подобно тому, как для нас достаточно начала песни, чтобы вспомнить её продолжение… В каждый момент в нас имеется бесконечное множество восприятий, но без сознания и рефлексии, т. е. имеются в самой душе изменения, которых мы не сознаём».

Роль подсознания в поведении людей огромна, и об этом известно давно. Как теоретика, Фрейда превозносят без веских оснований. Его идеи слишком субъективны, чтобы считаться научными.

Увы, популярность идей мало зависит от их близости к истине. Сильнее сказываются традиции, предрассудки, невежество, пропаганда… Публика падка до загадочных модных учений. Вера в психоанализ и пропаганда – главные факторы его реальных и мнимых успехов.

…Сигизмунд Шломо Фрейд родился в еврейской семье в городке Фрайберг (Моравия) Австро-Венгерской империи. За два месяца до этого умер его дед Шломо, и его имя перешло к внуку. В более поздние годы внук предпочёл именоваться на немецкий манер: Зигмунд Фрейд.

«Когда мне исполнилось около трёх лет, – вспоминал он, – отец разорился, и нам пришлось покинуть свою деревню и переехать в большой город. Последовала череда долгих и

трудных лет, из которых, как мне кажется, ничто не достойно воспоминания».

Последние слова противоречат одному из главных постулатов его учения, согласно которому душевные травмы детства вызывают в поздние годы серьёзные отклонения психики, неврозы и депрессии. Выходит, он не был последовательным в использовании своего метода.

Много позже, проводя клинический самоанализ для борьбы со своим психозом, Зигмунд Фрейд написал своему другу Вильгельму Флиссу, что в результате осмысления своих сновидений сделал вывод: маленьким ребёнком он иногда видел свою мать раздетой, испытывая сексуальное влечение к ней. Он ревновал к ней отца и новорождённую сестру, желая ей смерти. Вскоре она умерла, и он остро ощутил чувство вины.

Не исключено, что ситуация была сложнее, а объектом ревности был не отец, который часто отсутствовал из-за своих коммерческих дел. Это обстоятельство и косвенные данные наводят некоторых биографов Фрейда на мысль, что отцом Анны мог быть сводный брат Зигмунда Филипп, который был на несколько месяцев старше Амалии. Убедительных доказательств этому нет, хотя некоторые свои сновидения Зигмунд Фрейд изложил так, что напрашивается именно такой вывод.

В своих работах Фрейд упомянул немного случаев из своего детства. Некоторые из них показательны. Однажды он «напрудонил» в спальне родителей. Отец строго его отчитал, в сердцах воскликнув: «Из тебя ничего не выйдет!»

Как позже признался Зигмунд: «Это было, по-видимому, страшным оскорблением моему самолюбию, так как воспоминание об этом эпизоде постоянно проявляется в моих сновидениях и связано обычно с перечислением моих заслуг и успехов, точно я хочу этим сказать: видишь, из меня всё-таки кое-что вышло».

Но даже если у него возникло чувство превосходства перед менее образованным отцом, это ещё не означает ревности к нему как сопернику за обладание любовью матери. Кстати, отец сделал всё что мог, для того чтобы Зигмунд успешно учился и интересовался классической литературой, философией. Окончив гимназию с отличием, Зигмунд поступил на медицинский факультет Венского университета.

«Каждый философ, писатель и биограф придумывает свою собственную психологию, выдвигает свои гипотезы о закономерностях и целях душевных актов. В области психологии отсутствуют уважение и авторитет. Здесь любой, следуя своим собственным вкусам, может “заниматься браконьерством”». Так

писал З. Фрейд. И он был одним из наиболее дерзких браконьеров в психиатрии, психологии, а также философии.

Окончив медицинский факультет, Фрейд недолго работал лаборантом. Надежды на карьерный рост у него были невелики. Он устроился в Венский общий госпиталь врачом по внутренним болезням, хирургии, дерматологии. Через полгода перешёл в психиатрическую клинику.

По словам американского философа Гарри К. Уэллса: «Работа в этой клинике была для него единственным за всю жизнь опытом строго психиатрической работы. Он возненавидел и больничные порядки, и лечение пациентов как по внутренним, так и по психическим заболеваниям. В результате он пришёл к выводу, что “просто не может быть врачом”».

Став приват-доцентом, Фрейд стажировался в парижской клинике под руководством невролога Жана-Мартина Шарко, который использовал гипноз при лечении психических заболеваний. Фрейд узнал, что многие психические болезни связаны с нарушениями в половой сфере. Тогда же он вдохновился идеей о громадном значении для человека неосознанных переживаний, впечатлений, а также сексуального влечения («либидо»).

Судя по детским и юношеским амбициям Фрейда, в молодости у него была затаённая мечта о великих теоретических открытиях. Но для этого у него, на мой взгляд, не хватало творческого потенциала.

Он был начитан в разных областях знаний, имел некоторый опыт как лабораторный исследователь, опубликовал несколько научных статей, в 29 лет стал приват-доцентом. И всё-таки отличная успеваемость могла сдерживать его возможности как творца новых идей. Он избрал традиционный путь «научного работника», но не новатора.

Фрейд весной 1886 года женился на Марте Бернайс. В своей квартире он отвёл одну комнату для приёма больных и стал частным практикующим врачом по нервным болезням.

Первые опыты лечения лекарственными средствами и физиотерапией приносили пациентам мало пользы. Не зная, каковы причины заболеваний, он действовал вслепую, методом проб и ошибок.

Как добиться успеха? Один из путей подсказала книга И. Бернгейма «Внушение и его применение в терапии». Фрейд испытал гипнотическое внушение на нескольких пациентах, и в некоторых случаях излечение было моментальным!

Как обычно бывает в подобных случаях, люди восхищаются врачом-чудотворцем, не учитывая отрицательных результатов.

Слухи о целителе Зигмунде Фрейде распространились по Вене. От пациентов не стало отбоя. А вот с излечениями всё чаще происходили сбои. Не все поддавались гипнозу, а улучшение здоровья нередко было временным.

И тут он вспомнил о случае, рассказанном ему терапевтом Иосифом Брейером. У него была молодая симпатичная пациентка, которую он назвал «Анной О.», страдавшая частичным параличом конечностей, расстройством слуха и зрения, трудностями с перевариванием пищи, нервным кашлем, временным помрачением рассудка.

Лечение продолжалось два года. Гипноз не привёл к успеху до тех пор, пока она не рассказала, при каких обстоятельствах у неё появились первые симптомы болезни. Это была душевная травма, о которой она стыдилась признаться даже себе: в детстве у постели больного отца она испытывала к нему половое влечение.

Раскрыв эту тайну, она почувствовала себя значительно лучше. Такой «исповедальный» метод действовал всё успешнее. Постепенно её чувство привязанности стало переходить на врача. Из-за конфликта с женой он вынужден был прекратить лечение. Но теперь больная сама с помощью таких воспоминаний стала избавляться от своих недугов.

От коллег Фрейд узнал: у некоторых пациенток психические расстройства вызваны сексуальной неудовлетворённостью. Так, у одной из них муж был импотент, а потому помочь ей, как сказал доктор, можно только способом, который нельзя прописать в виде рецепта. Фрейд сделал вывод: «Неврозы возникают там, где в силу внешних или внутренних препятствий нет реального удовлетворения эротическим потребностям». У животных сексуальность естественна, а у людей подавлена нравственными запретами и вытесняется в область бессознательного, вызывая неврозы.

Главную причину он видел в детской сексуальной травме. Поэтому надо «направить внимание пациента, ведя его от этого симптома к обстановке, в которой и посредством которой он возник… После того как травмирующая обстановка воспроизведена, мы переходим к исправлению первоначальной психической реакции и, таким образом, к устранению симптома».

Временные успехи нового метода обернулись полным фиаско. Позже Фрейд написал в автобиографии: «Под давлением технической процедуры, которой я пользовался в то время, большинство моих пациентов воспроизводили из своего детства сцены, в которых они оказывались сексуально извращёнными кем-нибудь из взрослых…

Я верил этим рассказам и вследствие этого предположил, что раскрыл корни последующего невроза в этих переживаниях полового совращения в детстве… Однако, когда я вынужден был признать, что эти сцены совращения никогда не имели места и что они представляли собой лишь выдумки, созданные моими пациентами, или фантазии, может быть навязанные мною самим, я в течение некоторого времени был совершенно растерян».

И хотя крах своей теории он пережил в 1897 году, прошло восемь лет, прежде чем он в этом публично признался. Лишь своему другу Вильгельму Флиссу в письме от 21 сентября 1897 года сообщил: «Я больше не верю в мою *невротику*». От его услуг отказалось много пациентов.

И неожиданное признание: «Любопытно, что я ничуть не чувствую себя несчастным, хотя обстоятельства, казалось бы, требуют этого… но, между нами говоря, у меня чувство скорее победы, чем поражения, которого не должно бы быть».

В других письмах тому же адресату сообщил: «После краткого промежутка хорошего настроения у меня теперь припадки уныния. Главный пациент, которым я занят, – я сам». «Некоторые печальные тайны жизни выслежены до первых корней… Есть дни, когда я брожу подавленный, потому что ничего не понял из сновидений, фантазий или настроений дня, и есть другие дни, когда вспышка молнии вносит связь в картину и то, что было прежде, раскрывается как приготовление к настоящему». «Под влиянием анализа моё сердечное беспокойство теперь часто заменяется беспокойством желудочным».

В своих прежних переживаниях он стал находить много мерзкого, написав Вильгельму Флиссу: «Грубо говоря, подобное воспоминание воняет так же, как может вонять настоящий предмет; и точно так же, как мы отворачиваем наш орган чувств – голову и нос – с омерзением, так наше предсознательное и сознательное отворачивается от воспоминания. *Это есть вытеснение*». И ещё: «Мне трудно рассказать тебе, сколько вещей я – новый Мидас – обратил в грязь. Это вполне гармонизирует с теорией внутреннего зловония».

Согласно легенде, царь Мидас, чтобы насытить свою жажду богатства, просил бога Диониса, чтобы всё, к чему он прикоснётся, превращалось в золото. Но так происходило и с пищей; Мидас едва не умер с голода и вскоре отказался от этого дара.

Занимаясь самоанализом, Фрейд в потёмках своей души выискивал зловонные уголки, вычищая их и перенося на свет разума. Результат такой процедуры зависит от склада личности. Один, осознав такие мерзости, придёт в ужас и возненавидит

себя. Другой испытает удовлетворение от своей проницательности и откровенности. Подобный тип личности был, по-видимому, у Фрейда. Ему этот метод помог.

…Фрейд без брезгливости, как положено врачу, препарировал свои реальные или воображаемые мерзости детских переживаний. И решил, что наткнулся на «золотую жилу» (тут уже прямая аналогия с Мидасом):

«Только одна идея общезначимой ценности встретилась мне – я обнаружил любовь к матери и ревность к отцу также и в моём собственном случае и теперь уверен, что это всеобщий феномен раннего детства… Если положение таково, то захватывающая власть Царя Эдипа (*имеется в виду трагедия Софокла. – Р. Б.*), несмотря на все рациональные возражения против неумолимой судьбы, которая постулируется в этом изложении, становится понятной… Греческий миф показывает могучую силу, которую каждый узнаёт, потому что он чувствует её следы в себе самом. Каждый представитель аудитории был когда-то в фантазии зачаточным Эдипом, и исполнение этой мечты, разыгранной в действительности, заставляет любого в ужасе отшатнуться с полной мерой вытеснения, которая отдаляет его детское состояние от настоящего».

Столь извращённое толкование трагедии позволило ему личные переживания представить как всечеловеческие, типа первородного греха. Этим он снимал с себя ответственность за свои действительные или мнимые детские сексуальные страсти.

И у психологов бывают неврозы, фобии, бессознательные установки. Интеллект у всех людей тесно связан с эмоциональной сферой, структурой личности. Эта доля субъективности может быть существенной, как у Фрейда, и незначительной, как, например, у И.П. Павлова, который полагался на эксперименты, а не на гипотезы.

В цикле лекций «Сновидения» (1915–1916) Фрейд утверждал: «Искажение, которое мешает нам понять сновидение, является следствием деятельности цензуры, направленной против неприемлемых, бессознательных желаний». Эта цензура навязана обществом, традициями, запретами.

По такому принципу Фрейд «расшифровывал» образы сновидений. Хотя признал, что выглядит подобный прием «ненадежным и спорным». Он писал: «Образы сновидений приходят к нам из области бессознательного; во время сна бессознательное делается отчасти сознательным, и наоборот, исчезает сознаваемое нами во время бодрствования».

Фрейд умолчал о своём предшественнике в научном анализе сновидений. Это был немецкий философ и психолог Карл дю

Прель. В книге «Философия мистики, или Двойственность человеческого существа» он писал: «Анализ жизни человека во сне… показывает, что наше самосознание не обнимает всего объекта, что наше *я* больше нашего самосознания».

Фрейд придумал болезненно изощрённую символику половым органам и сношениям. Мужские гениталии у него зашифрованы священным числом 3. «Привлекающая большее внимание и интересная для обоих полов часть гениталий, мужской член, символически заменяется, во-первых, похожими на него по форме, то есть длинными и торчащими вверх предметами, такими, например, как палки, зонты, шесты, деревья и т. п. Затем предметами, имеющими с обозначаемым сходство проникать внутрь и ранить, т. е. всякого рода острым оружием, ножами, кинжалами, копьями, саблями, а также огнестрельным оружием: ружьями, пистолетами и очень похожим по своей форме револьвером».

Также «вполне понятна замена мужского члена предметами, из которых льется вода: водопроводными кранами, лейками, фонтанами и другими предметами, обладающими способностью вытягиваться в длину, например висячими лампами, выдвигающимися карандашами и т. д. Вполне понятное представление об этом органе обусловливает точно так же то, что карандаши, ручки, пилочки для ногтей, молотки и другие инструменты являются несомненными мужскими половыми символами.

Благодаря примечательному свойству члена подниматься в направлении, противоположном силе притяжения (одно из проявлений эрекции), он изображается символически в виде воздушного шара, аэропланов, а в последнее время – в виде воздушного корабля цеппелина».

Женщина в сновидении летает, потому что желает быть мужчиной. В своих гениталиях она имеет маленький орган, аналогичный мужскому (клитор), играющий в детстве и отрочестве роль мужского полового члена. К числу мужских сексуальных символов относятся пресмыкающиеся, рыбы, но прежде всего змея. Почему шляпа и пальто, нога и рука приобрели такое же символическое значение, непонятно, но для Фрейда – несомненно.

«Символы женских половых органов – все предметы, ограничивающие пространство, чтобы что-то принять в себя: шахты, копи, пещеры, сосуды и бутылки, коробки, табакерки, чемоданы, банки, ящики, карманы… Многие символы имеют больше отношения к матке, чем к гениталиям женщины: шкафы, печи, комнаты. Двери и ворота – символы полового отверстия.

Материалы тоже могут быть символами женщины: дерево, бумага и предметы, сделанные из этих материалов, например стол и книга. Из животных – улитка и раковина; из частей тела – рот как образ полового отверстия, из строений – церковь и капелла.

К гениталиям следует отнести также и груди, которые, как и ягодицы женского тела, изображаются при помощи яблок, персиков, вообще фруктов. Волосы на гениталиях обоих полов сновидение описывает как лес и кустарник. Сложностью топографии женских половых органов объясняется то, что они часто изображаются ландшафтом со скалами, лесом и водой…

Как символ женских гениталий следует упомянуть ещё шкатулку для украшений, драгоценностью и сокровищем называются любимые лица и во сне; сладости часто изображают половое наслаждение. Самоудовлетворение обозначается часто как всякого рода игра, так же как игра на фортепиано. Типичным изображением онанизма является скольжение и скатывание, а также срывание ветки». Половой акт воспроизводят ритмические действия: танцы, верховая езда, подъёмы, а также переживания, связанные с насилием; определённые ремесленные работы, угроза оружием.

Свисающий галстук – мужской символ. Белое белье, вообще полотно символизирует женское; платье, форменная одежда являются заместителями наготы, форм тела, а башмак, туфля – женских гениталий. Лестницы, стремянки и подъём по ним – символ полового акта, что отражает ритмичность этого подъёма, которая, как рост возбуждения, одышка по мере подъёма, является общей основой…

Откуда известны значения этих символов, о которых сам видевший сон не говорит нам ничего или сообщает очень мало? Из сказок и мифов, шуток и острот, из фольклора, из сведений о нравах, обычаях, из поговорок и народных песен, поэтического и обыденного языка.

Символика гениталий, напоминает Фрейд, присуща не только сновидению. В Новом Завете сказано: женщина – сосуд скудельный (бренный). В более поздней еврейской литературе распространено изображение женщины в виде дома, в котором дверь считается половым отверстием. Муж жалуется, например, в случае отсутствия девственности, что нашёл дверь открытой. Приготовление огня, всё, что с ним связано, до глубины проникнуто сексуальной символикой. Пламя является мужскими гениталиями, а очаг – женским лоном…

Фрейд читал эти лекции в возрасте 49–50 лет, и сексуальная озабоченность ему, по-видимому, не была чужда. Его пациентами были люди большей частью праздные, богатые, занятые

собственными персонами, ищущие острых ощущений.

В 1923 году английский писатель Гилберт К. Честертон отметил, что символы у психоаналитиков предполагают «непременно какую-нибудь подспудную гадость… Я ел пышку. Может быть, это означает, что – в пылу эдипова комплекса – я хотел отъесть нос своему отцу; но символ этот не слишком удачен…

Меня трогает нечеловеческая наивность фрейдистов, толкующих о научной точности единственного исследования, которое абсолютно невозможно проверить… Если бы Фрейду посчастливилось изложить свои взгляды в таверне, он имел бы очень большой успех».

С Фрейдом можно согласиться в том, что у современного человека подавлены многие влечения. Но среди них в первую очередь надо назвать не половое влечение или ревность к отцу, а сострадание к себе подобным, бескорыстие, честность, стремление к свободе, творчеству, познанию правды-истины. Вот что в дефиците у буржуа, бизнесменов, финансистов, партийных боссов, чиновников.

Фрейдизм далёк от реальности. После «сексуальной революции» гомосексуалы пользуются полной свободой. Привело ли это к снижению психопатологий? Нет! Никогда ещё не было столько духовно ущербных личностей, маньяков, умственно отсталых и морально убогих.

Зигмунд Фрейд перешёл от метода лечения психических расстройств у отдельных пациентов к обобщениям. Свои фобии он распространил на всех людей. Или человечество становится пациентом глобальной психиатрической лечебницы?

Там, где господствуют машины, производство и потребление, человек превращается в функцию, штифтик (по выражению Ф. Достоевского) или, как за полвека до него писал И. Гердер, – в винтик государственного механизма. Этот важнейший фактор воздействия на психику Фрейд не заметил.

…О личности, талантах и стиле мышления Фрейда высказано немало лестных слов, в частности, известным писателем Стефаном Цвейгом. В этом видится проявление моды на фрейдизм. Показательно в этом отношении исследование Фрейда «Остроумие и его отношение к бессознательному».

Из философов остроумными были, в частности, Шопенгауэр и Ницше. Они высказывали неординарные мысли. Найти остроумные высказывания у Зигмунда Фрейда чрезвычайно трудно. Тем более интересна его оценка этого качества ума, которым сам не был наделён.

Анализируя технику остроумия, он многословно анализирует

цитату из «Путевых картин» Генриха Гейне. Некто Гирш-Гиацинт из Гамбурга хвастает, что сидел рядом с бароном Соломоном Ротшильдом, который обращался с ним запросто, «совершенно *фимиллионьярно*».

Расчленяя эту остроту на части в поисках сути, Фрейд уподобляется ребёнку, ломающему игрушку, чтобы узнать, что у неё внутри. Приходит к выводу простому, выраженному наукообразно: «Мы можем описать процесс образования остроты, т. е. технику остроумия в этом случае как *сгущение с заместительным образованием*; и действительно, в нашем случае заместительное образование состоит в создании *смешанного слова*».

Большинство острот, основанных на игре слов, примитивны. Но есть и первосортные. Например, о человеке, незаслуженно прославляемом: «Это одна из четырёх его ахиллесовых пят». Мол, хоть он и знаменит, но порядочная скотина (отметим двусмысленность слова «порядочная»).

Зачем Фрейд долго и нудно разбирает технику остроумия? Он сослался на свою книгу «Толкование сновидений»: «Как часть работы сна я описал процесс сгущения, который обнаруживает величайшее сходство с процессом сгущения в технике остроумия». И добавил: «Мы не можем сомневаться, что как в одном, так и в другом случае мы имеем перед собой один и тот же психический процесс, который мы узнаём по идентичным результатам».

Он старается убедить в своём выводе, предлагая не сомневаться, хотя сходство, о котором он говорит, сомнительно. В наших снах чрезвычайно редки остроумные сочетания образов или слов.

Фрейд анализировал почти исключительно шутки, юмор, беззлобные анекдоты. Но остроумие бывает нешуточным, а шутки – не всегда остроумны; они бывают грубые, глупые, подлые, пошлые.

Стиль рассуждений Зигмунда Фрейда об остроумии – сухой, без тени юмора или иронии – прямо противоположен теме. Изложение имеет вид научного исследования, хотя метод рассуждений, основанный на специально подобранных фактах, не отвечает принципу объективного анализа.

«Юморист достигает превосходства, потому что входит в роль взрослого, до некоторой степени как бы отождествляет себя с отцом и принимает других людей за детей». Таково мнение Фрейда, основанное на привычке относиться к слушателям с высоты своего положения лектора, писателя или врача.

В действительности даже намёк на поучение портит шутку.

Верный приём хорошо преподнести анекдот – сохранять простодушный вид. Чаще всего юморист играет роль наивного ребёнка, чем вызывает радостный смех зрителей, чувствующих своё превосходство. Недаром шутов держали короли и вельможи.

Очевидно, Фрейд хотел подвести читателя к выводу, обозначенному в заглавии книги: остроумие тесно связано с бессознательным. В общем, мысль верная хотя бы потому, что шутка вызывает у нас эмоции, а они возникают из подсознания.

В большинстве шуток, которыми потчует публику нынешняя орда смехачей, большое место заняли непристойные выражения и намёки. Это вроде бы подтверждает тезис Фрейда о сексуальном подтексте многих психических аномалий. Публика радостно гогочет, поняв намёк на «запретную сферу» (или запретный цилиндр, запретные полушария – и тут есть возможность для более или менее тупых шуток).

Ф.М. Достоевский в романе «Подросток» писал: «Если захотите рассмотреть человека и узнать его душу, то вникайте не в то, как он молчит, или как он говорит, или как он плачет, или даже как он волнуется благороднейшими идеалами, а вы смотрите его лучше, когда он смеётся. Хорошо смеётся человек – значит хороший человек. Примечайте притом все оттенки: надо, например, чтобы смех человека ни в коем случае не показался вам глупым, как бы ни был он весел и простодушен… смех есть самая верная проба души».

Анализируя остроты, следовало бы ответить на вопросы: кому они смешны и почему? Какая цель у остряка? Какой смысл в остроте? Она действительно острая или плоская, как блин?

Эти вопросы особенно важны при анализе насмешки, зубоскальства. Одни люди смеются, когда кто-то поскользнулся и упал, а другие спешат на помощь. Эти две реакции разделяют людей двух типов. По-разному люди относятся к остротам, которые всегда рассчитаны на публику.

Одно дело – когда высмеивают тебя или что-то тебе дорогое, другое – когда высмеиваешь ты.

«Там, где острота не является самоцелью, – полагал Фрейд, – т. е. там, где она не безобидна, она обслуживает только две тенденции, которые могут быть даже объединены в одну точку зрения; она является либо *враждебной* остротой (которая обслуживает агрессивность, сатиру, оборону), либо *скабрёзной* остротой (которая служит для обнажения)».

Он упустил из вида важнейшую функцию остроумия: в большинстве случаев она *объединяет* людей сходных убеждений, склада ума или характера. Тех, кто умеет вовремя пошутить, рассказать остроумную историю, называют «душой

общества». В такой забывчивости Фрейда усматривается его подсознательная ориентация на индивидуализм, склонность подчёркивать черты враждебности и скабрёзности.

Вот как завершает он своё исследование остроумия: «Удовольствие от остроты вытекает для нас из *экономии затраты энергии на упразднение задержки,* удовольствие от комизма – *из экономии затраты энергии на работу представления*, а удовольствие от юмора – *из экономии аффективной затраты энергии*. Во всех трёх видах работы нашей душевной деятельности удовольствие вытекает из экономии».

Не смешно! Такой подход к эмоциям подобен торгово-денежным отношениям. Сэкономил энергию, выгадал на этом – получил удовольствие. Чем больше выгадал, тем радостней; тут уж смеёшься до упаду. А если растратился, прогадал – вот и печалишься, страдаешь.

Какой смех имеет бесспорное отношение к бессознательному? Когда люди смеются без участия сознания? Когда их щекочут. Это и есть рефлекс вне сознания. Остроумие тут ни при чём. Кстати, смех от щекотки не экономит энергию, а растрачивает её, порой до изнеможения.

Во всех остальных случаях требуется хотя бы минимальное напряжение ума, чтобы шутка, пусть даже плоская и пошлая, дошла до адресата. Фрейд этого не учитывал.

Простейшая схема остроумия: неожиданная и приятная разрядка в игровой ситуации. Этот эффект можно наблюдать у взрослых, когда они выигрывают, например, в лотерее. Их обуревает неудержимый смех, они яростно жестикулируют. Так же выражают успех в игровых видах спорта.

Фрейд писал: «В нашем детстве, когда мы не знали комизма, не были способны создавать остроты, не нуждались в юморе». О каком детстве идёт речь? Комизм, тем более физиологический, воспринимают даже младенцы. Об этом писали многие исследователи, начиная с Плиния Старшего. У большинства людей детство – самая смехолюбивая пора жизни, когда веселье возникает порой по пустяшному поводу.

Остроумием дети, если не все, то многие, не обделены. Конечно, оно у них «другого качества», чем у взрослых, чаще всего примитивное, показывающее больше желание сострить, чем умение.

Возможно, Зигмунд Фрейд в детстве (да и позже) не был способен создавать остроты, вот и распространил свой личный опыт на всех людей. С пониманием юмора, остроумия и комизма у детей если и возникают проблемы, то лишь потому, что у них недостаёт ума, чтобы понять словесные хитросплетения и

потаённые смыслы.

Улыбка – сигнал удовольствия, возникающий вне сознания. Этот рефлекс относится к области бессознательного. Улыбаются и смеются младенцы, не имеющие понятия об остроумии. Улыбаются и смеются высшие обезьяны, имеющие своё чувство юмора.

Умственное напряжение в предвкушении шутки, остроумной мысли не утомляет, а подготавливает к финалу. Если он понравился, то вызывает улыбку или смех. Мы переживаем момент озарения, внезапного открытия. Это не «экономия затраты энергии», а, напротив, вспышка сознания, элемент творчества.

Даже в случае пошлого намека происходит то же, хотя и на уровне низком в прямом и в переносном смысле. Физиологический результат – разрядка энергии. Она проявляется в активных движениях мышц лица, спазматических сотрясениях организма при сильном хохоте, появлении слёз, как будто от боли или горя.

Чаще всего вызывает радостное чувство именно ощущение игры, когда ты находишься в приятном расположении духа, готов к восприятию шутки, тебя не обижающей.

Многие умные остроты требуют, помимо всего прочего, некоторой суммы знаний. Вот пример блестящего остроумия от Бернарда Шоу.

В ресторане гремел джаз. Посетитель подозвал официанта:

– Ваши музыканты играют по заказу?

– Да, сэр.

– Передайте им этот фунт стерлингов. Пусть они сыграют в покер.

Тут игра слов и смыслов с элементами абсурда соответствует ситуации. Но, если слушатель предположит, что заказано музыкальное шоу с названием «покер», острота пролетит мимо цели.

Французский философ Анри Бергсон в работе «Смех» писал: «Не существует комического вне собственно человеческого». Другое условие: «Смешное может всколыхнуть только очень спокойную, совершенно гладкую поверхность души. Равнодушие – его естественная среда». И ещё: «Смешное не может нравиться тому, кто чувствует себя одиноким. Смех словно нуждается в отклике… Один человек, которого спросили, почему он не плакал, слушая проповедь, на которой все проливали слезы, ответил: “Я не этого прихода”… Сколько раз указывалось на то, что смех зрителей в зале раздается тем громче, чем зал полнее».

Бергсон отметил именно рассудочность остроумия: «В обществе людей, живущих только умом, вероятно, не плакали бы, но, пожалуй, всё-таки смеялись».

Гениальную эпиграмму сочинил поэт и библиограф С.А. Соболевский (1803–1870). Минимальными средствами он достиг сокрушительного результата. Его сочинение требует пояснений:

Парнас – в Греции гора богов и героев; Пегас – крылатый конь вдохновения. Исходный материал для эпиграммы – книга Н. Сушкова «Обоз к потомству» – многословная и пустяшная. Её первые строки: «Начну решительно, смело, сплеча, как многие, многие начинали! Начну… да вот беда: с чего начать? Как приступить к делу, которое пойдёт на суд к потомству, – ого! вот куда с первого слова занесло мои записки… моё поэтическое воображение!.. Тьфу ты, проклятое самолюбие!..»

Соболевский отозвался об этом опусе так:

Идёт обоз
С Парнаса.
Везёт навоз
Пегаса.

Накопленная нами информация разряжается почти мгновенно. И реакция вызвана нашим сознанием.

…Смех бывает глупый, умный, пошлый. В подлинном остроумии – гармония смысла и подтекста, звучания слов. Это пробуждает чувство прекрасного, а неожиданный поворот мысли – радость озарения.

Фрейд утверждал: «Влечение к познанию не может быть причислено к элементарным компонентам влечений, но подчинено исключительно сексуальности. Его деятельность соответствует сублимированному способу овладевания, с другой стороны, оно работает энергией влечения к подглядыванию… Влечение к познанию у детей поразительно рано и неожиданно интенсивным образом останавливается на сексуальных проблемах, может быть, даже пробуждается ими».

Психоаналитик не замечал явные факты, опровергающие его схему! Детёныши обезьян, щенки, котята сразу начинают исследовать окружающий мир. А их не сдерживают социальные ограничения, ни комплекс Эдипа, ни чувство вины и ревности.

Даже у рабочих муравьёв есть индивидуальные особенности. Большинство из них выполняют рутинные работы в муравейнике. Немногие стараются исследовать окружающую территорию. Можно ли это их качество хоть как-то связывать с сексуальностью? Нет.

Влечение к познанию – один из основных инстинктов.

Познание окружающего мира было «заложено» в организмы значительно раньше, чем сексуальное чувство, которое для многих видов животных не имеет значения. Но всем – буквально всем! – необходимо питание, обмен веществ с окружающей средой. Инстинктом поисков наделены даже бактерии, корни растений.

…В середине XIX века в Европе и США распространилась вера в оккультизм и ясновидение, спиритизм и парапсихологию, астрологию и Космический Разум. Так реагировали люди на механизацию общественной жизни, вторжение техники, стремительный рост промышленности, давление материальной среды. В искусстве появилось множество авангардных течений. Брожение умов обычно предшествует острым социально-политическим конфликтам.

Мировая война усугубила психические аномалии в обществе. Для психоанализа наступили прекрасные времена. Фрейд добавил в своё учение идею о влечении к смерти (Танатосу, как её называли древние греки) и врождённой агрессивности человека.

После 1919 года нападки на психоанализ поутихли, популярность этого метода росла, психоаналитики стали неплохо зарабатывать. Книги Фрейда имели успех. Он перешёл к философским обобщениям в работах «Психология масс и анализ человеческого Я» (1921), «Я и Оно» (1923). Посягнул он и на философию религии: «Будущее одной иллюзии» (1927), «Моисей и единобожие» (1939).

Распространение в Западной Европе фашизма и нацизма застало Фрейда в Вене. Его имущество было арестовано; он стал узником еврейского гетто. Его выкупили за крупную сумму друзья и поклонники. Он поселился в Лондоне. В последние годы его мучил рак горла, он перенёс несколько операций, перестал практиковать, но продолжал писать книги.

Судя по всему, Фрейд убедил сам себя в верности своих теоретических взглядов. Или такую установку выработало его подсознание. Это помогло ему жить и творить в трудные последние годы жизни.

…Идеи обретают бессмертие, если они сохраняются в истории культуры. Так произошло с учением Зигмунда Фрейда. Оно продолжает пребывать в общественном сознании, сочинения его переиздаются и читаются с немалым интересом. В практике используются разные виды психоанализа, отчасти модифицированные по сравнению с первоначальными приёмами.

Учение Фрейда не столь безобидно, как может показаться на

первый взгляд. Оно лживо уже потому, что нацеливает человека на сексуальность как на основной инстинкт. Да, он важен для продолжения рода, но требует прежде всего здоровую и относительно свободную особь.

Первична воля к жизни и свободе!

Исходя из ложных ориентиров и пренебрегая научным методом, Фрейд в ряде случаев приходил к выводам не просто сомнительным или нелепым, но и социально вредным.

…Подобно Альберту Эйнштейну, Фрейд признавался, что ему многое дало чтение Ф.М. Достоевского; назвал его «Братьев Карамазовых» величайшим романом из всех, когда-либо написанных. Но в анализе идей русского писателя австрийский психиатр показал интеллектуальное бессилие. По его словам, Достоевский регрессировал «к подчинению… русскому мелкодушному национализму».

Фрейд усматривал проявление бисексуальности в том, «какое место имела в его жизни дружба с мужчинами». Предполагал: «Достоевский так никогда и не освободился от угрызений совести в связи с намерением убить отца». Фрейд навязывает свой надуманный (или личный?) комплекс и автору великого романа, и его героям.

В письме Стефану Цвейгу Фрейд приписал Достоевскому «наследие душевной жизни примитивного человека, сохранившееся, однако, гораздо лучше и в более доступном сознанию, чем у других народов, виде, в русском народе». При этом сослался на своё изучение одного (!) «подлинно русского пациента».

Представляете? По одному невротику предвзято и негативно судить о целом народе! А великий писатель-мыслитель унижен и оболган, поставлен в положение «недочеловека» (термин нациста Гиммлера тут вполне уместен, ибо огульно охаивается весь русский народ).

В марте 1993 года журнал «Курьер ЮНЕСКО» вышел под заглавием «Психоанализ. Скрытое Я». Приведённые в нём материалы определённо свидетельствуют, что за полвека после Фрейда его теоретические концепции не подтвердились. Например, в статье Э. Барраля, работающего в Японии, сказано: «Когда доктор Косава применил к своим пациентам психоаналитический метод свободных ассоциаций, выяснилось, что у них не обнаруживаются проявления эдипова комплекса».

Полагаю, у всех народов – то же самое. Или такой комплекс присущ евреям? Вряд ли. Думаю, нет никакой особой

национальной психологии, передаваемой генетически. У собак некоторых пород преобладают те или иные качества. Таков результат искусственного отбора. Хотя немало исключений из общего правила. К тому же есть основания полагать, что психика человека отличается от собачьей хотя бы значительно более развитым сознанием, рассудком.

Иные «патриоты», уверенные, что достаточно родиться русским, а ещё непременно креститься, чтобы в тебе пробудились лучшие качества национального характера. Нечто подобное наблюдается и у евреев-иудаистов. Таковы проявления (чаще всего скрытные) нацизма.

Я вовсе не против православия, иудаизма, атеизма и прочих религий. Каждый волен выбирать себе веру по душе. Но скверно, когда ничтожество той или иной национальности по чистой формальности начинает считать себя избранным. В нём пробуждается самодовольство вкупе с презрением, а то и ненавистью к инородцам, иноверцам.

Миф о «национальном характере» как проявлении наследственных биологических признаков, которому отдал дань Зигмунд Фрейд, остаётся вне науки, отдавая смрадным духом нацизма.

Другое дело – национальная культура. Есть отличия людей, воспитанных на тех или иных нравственных принципах, в той или иной идеологии. Русскими художниками были француз Брюллов, армянин Айвазовский, еврей Левитан; русскими поэтами – евреи Мандельштам и Пастернак; русскими учёными – украинец Вернадский и немец Ферсман. Сталин, грузин по национальности, называл себя русским.

Каждый человек отвечает за свои поступки, за свою жизнь вне зависимости от того, кто он по национальности или по вере. Ни то, ни другое не даёт ему никаких преимуществ перед всеми остальными.

…Шумный успех психоанализа и возвеличивание его создателя – явления патологии общественной жизни. Они демонстрируют возможности современной пропаганды, печальную интеллектуальную и нравственную деградацию личности, деформированной цивилизацией.

Показательно признание французской сторонницы психоанализа Анн-Мари Кауфман: «В Европе принято считать, что психоанализ существует для тех, кто может платить. Фрейд сам неоднократно подчёркивал, что та или иная форма оплаты необходима для усиления целительной силы слова».

Как бы ни объяснять такое непременное условие (скажем, чем выше плата, тем авторитетнее специалист и наоборот; если уж заплатил, то и сам заинтересован в получении прибыли, то есть здоровья), оно ясно свидетельствует о том, что психоанализ по Фрейду – форма бизнеса.

Важная составляющая его успеха – личность, лишённая нормального человеческого общения, одинокая среди толпы разобщённых людей. Для неё важны фактор общения с доктором и «душевных излияний», возможности выговориться, снять груз своих проблем. Психоаналитик вправе получать плату за своё потраченное время, а также, по сути дела, за искреннее или притворное сочувствие к проблемам невротика.

Таков принцип капитализма: время – деньги. (Как шутили И. Ильф и Е. Петров: «Время, которое у нас есть, это деньги, которых у нас нет».) Даже сочувствие можно привести к универсальному принципу денежных отношений.

Пациент платит своему психоаналитику за возможность откровенно общаться, исповедоваться, избавиться от гнетущего одиночества, отсутствия нормального общения с родными и близкими, с окружающими людьми. Такова цена пребывания в обществе, где царствует капитал и господствуют буржуазные ценности, где личность – лишь винтик в гигантской машине технической цивилизации.

…Итак, диагноз доктору Зигмунду Фрейду. Он находил у людей психические комплексы, порождённые его собственными фобиями или сомнительными идеями. Озабоченный половой проблемой, придавал ей гипертрофированное значение. Не обладая остроумием, рассуждал об этом предмете весьма плоско, хотя и с претензиями на научность.

Самое смешное и нелепое в учении Фрейда – знаменитый комплекс Эдипа (якобы свойственное младенцу сексуальное влечение к матери и ревность к отцу; позже их вытесняет рассудок, вызывая скрытое чувство вины). Этот комплекс не имеет никакого отношения к Эдипу, который убил отца, не зная, кто перед ним, а женился на матери не по любви, а по желанию граждан иметь нового царя. Суть мифа: от судьбы не уйдёшь.

Явная ложность названия комплекса по имени Эдипа и сомнительность самой идеи, претендующей на объяснение основ человеческой психики, не помешали популярности данной концепции. «Комплексы» Фрейда указывают ещё и на психические аномалии в общественном сознании, вызванные технической цивилизацией и господством капитала.

Глава 2. Странности учёных (естествоиспытатели)

Едко и метко высмеял чудачества учёных Джонатан Свифт. Хотя рассеянность человека, увлечённого решением научной проблемой, вполне нормальна. История о смерти Архимеда вошла в школьные учебники, хрестоматии.

По одной версии, когда в 212 году до н. э. после долгой осады римляне захватили Сиракузы, Архимед на пороге своего дома размышлял над решением математической задачи, которую начертил на песке.

Римский воин, узнав, что перед ним создатель метательных машин, которые применяли осаждённые, занёс над ним меч. Учёный остановил его: «Подожди, я ещё не решил задачи». Но был тотчас убит.

В «Истории Рима» Тита Ливия сказано иначе: «Передают, что когда при той сильной суматохе, какую только могла вызвать распространившаяся во взятом городе паника, воины разбежались, производя грабёж, то много было явлено отвратительных примеров злобы и алчности; между прочим, один воин убил Архимеда, занятого черчением на песке геометрических фигур, не зная, кто он. Марцелл, говорят, был этим огорчён, озаботился погребением убитого, разыскал даже родственников Архимеда, и имя его и память о нём доставили последним уважение и безопасность».

Джироламо Кардано (1501–1576)

Этот итальянец эпохи Возрождения был сыном своего времени: математик, врач, инженер, физик и натурфилософ, занимавшийся астрологией и толкованием сновидений.

В автобиографической книге он благодарил судьбу: «Как на первое из удивительных в моей жизни явлений, хотя оно и не выходит за пределы естественного, следует указать на то, что я родился в том веке, когда был открыт весь земной шар, тогда как в древности не более одной его трети…

Есть что-либо более удивительное, чем пиротехника и человеческая молния, которая гораздо опаснее молнии небожителей? Не умолчу я и о тебе, великий магнит, о тебе, ведущий нас безбрежными морями в тёмные ночи во времена ужаснейших бурь в далёкие неведомые края! Прибавим к этому ещё четвёртое открытие – изобретение книгопечатания; созданное руками людей, придуманное их гением, оно соперничает с божественными чудесами».

Кардано проницательно отметил важнейшие достижения своего столетия, определившие развитие общества, науки, техники. Казалось бы, столь трезво мыслящего человека трудно заподозрить в психических отклонениях.

Чезаре Ломброзо так не считал. По его мнению, главные признаки ненормальности таких людей, как Джироламо Кардано, «выражаются в самом строении их устной и письменной речи, в нелогических выводах, в нелепых противоречиях и в уродливой фантастичности». Он сослался на Сократа, который, как настоящий сумасшедший, «руководствовался в своих поступках голосом и указами своего воображаемого гения или даже просто чиханием».

Но это был, судя по всему, внутренний голос, озарение, исходящее из подсознания, а не от воображаемого духа. Что касается чихания, то это могла быть шутка Сократа (с чиханием и у нас связаны некоторые шутливые приметы).

«А что сказать о Кардано, – продолжал Ломброзо, – о том самом, который упредил Ньютона в открытии законов тяготения… И в то же время объяснял участием какого-то Духа не только свои научные открытия, но даже треск доски у письменного стола и дрожание пера в своих руках!

Далее, чему кроме помешательства можно приписать его собственное признание, что он несколько раз бывал одержим бесом? И написанную им книгу “*О сновидениях*”, несомненно, свидетельствующую о ненормальном состоянии умственных

способностей её автора? Сначала он высказывает в ней довольно верные наблюдения относительно того, что сильные физические страдания оказывают менее энергичное влияние на сновидения, чем лёгкие…; далее он указывает на то, что во сне, точно на театральной сцене, в короткий промежуток времени разыгрывается целая масса событий, и делает совершенно верное замечание, что предметом сновидений бывают случаи или аналогичные обычным представлениям человека, или совершенно противоположные им.

Но после стольких чисто гениальных черт Кардано вдруг начинает развивать самую нелепую теорию сновидений, высказывает взгляды, как будто заимствованные у невежественных простолюдинов, вроде того, например, что сны всегда служат предсказаниями будущего, более или менее отдалённого, а потом с полным убеждением составляет курьёзнейший словарь снов – совершеннейшее подобие тех “снотолкователей”, которыми утешается в часы досуга простой народ, эксплуатируемый разными невеждами».

Например: приснившийся отец означает встречу с сыном, мужем или начальником, лошадь означает бегство (интересно, что бы сказал Ломброзо про толкование снов по Фрейду!). «Когда подумаешь, что такие абсурды высказывал врач, пользовавшийся известностью и сделавший немало научных открытий, то невольно проникаешься состраданием к бедному человеческому разуму!» Так заканчивает Ломброзо свой диагноз Кардано.

Что же это был за человек, одарённый многими талантами, проявивший свой ум и знания в нескольких науках, но, по мнению психиатра, демонстрировавший признаки безумия?

В автобиографии Кордано показал себя убеждённым астрологом, хотя как христианин мог бы это не афишировать:

«Я родился, а вернее, был извлечён из чрева матери с курчавыми чёрными волосами и без признаков жизни; меня привели в чувство лишь ванной из теплого вина, что для другого могло бы оказаться гибельным; но, тем не менее, я выжил…

Следует указать, что и Солнце, и обе зловещие планеты – и Венера, и Меркурий – находились в человеческих знаках, вследствие чего у меня и не обнаружилось отклонений от человеческого образа; а так как в асценденте был Юпитер и во всем гороскопе господствовала Венера, то у меня обнаружились неправильности только в половых органах: случилось так, что я в возрасте от двадцати одного до тридцати одного года оказался неспособен к совокуплению с женщинами и часто горько оплакивал свою участь, завидуя судьбе других людей».

На мой взгляд, он нёс астрологическую чепуху, ибо

зарабатывал составлением гороскопов и хотел показать серьёзность такого занятия. Его старший и не менее знаменитый современник Агриппа Неттесгеймский (1486–1535), также слывший авторитетным астрологом, в частном письме признался другу: «О, как часто приходится читать о неодолимом могуществе магии, о чудодейственных астрологических таблицах… Но всё это оказывается пустым, надуманным и лживым, если принимать сказанное буквально… В нас самих, говорю я, скрыт тот таинственный делатель чудес».

Вот и Кардано обычно ссылался на свои природные наклонности и недостатки, а не на расположение планет в зодиаке: «Склонный по характеру не только ко всякому злу, но и ко всяческим порокам, за исключением честолюбия, я лучше всякого другого сознаю собственное своё несовершенство. Я сознаю, что среди моих пороков исключительным и крупным является тот, который заставляет меня не говорить ни о чём с таким удовольствием, как о том, что, как я знаю, окажется неприятным моим слушателям. И я сознательно и упорно коснею в этом.

Я нисколько не скрываю от себя, как много один этот недостаток доставил мне врагов, вот до чего велика сила природной наклонности при поддержке длительной привычки! С ранней юности я был также страстным игроком в шахматы. Предаваясь усердно игре в шахматы в течение почти сорока лет, я никогда не мог бы выразить в кратких словах, сколько ущерба без всякого за него возмещения причинили они моим домашним делам. Но ещё более шахмат повредили мне кости, игре в которые я даже обучил моих сыновей и делал нередко мой дом местом сборищ игроков».

Его жизненный путь был непрост. Он был побочным сыном юриста Фачио Кардано, часто болел, один раз едва не умер. С семи лет работал у отца как слуга, помогая носить бумаги и книги.

Отец занимался его обучением и привил любовь к чтению. Джироламо избрал профессию врача, учился на медицинских факультетах в университетах сначала в Павии, затем в Падуе. Занимался врачебной практикой, читал лекции по медицине. Увлёкся математикой, и в 1534 году стал профессором математики в Миланском университете.

В 30 лет он женился на Лючии Бондарени, которая была вдвое младше его. Она рано умерла, оставив ему дочь и двух сыновей. Как воспитатель Кардано оказался не на высоте: старшего сына, убившего свою жену, казнили, а младший сын стал азартным игроком (отчасти по примеру отца, у которого

воровал деньги).

Возможно, желая укрепить свою славу астролога, Джироламо Кардано в 1570 году опубликовал гороскоп Иисуса Христа. Судя по этому гороскопу, Иисус Христос был обожествляемым человеком. Кардано обвинили в ереси, посадили в тюрьму; ему пришлось вымаливать прощение у папы.

Согласно легенде, чтобы оправдать астрологическую дату своей смерти, Кардано в указанный день принял яд. В действительности он прожил три года после назначенного в собственном гороскопе срока.

Некоторые суждения Кардано о сновидениях были более или менее научно обоснованы. Известно, что порой бывают «пророческие сны», которые сбываются. В прежние времена, чтобы объяснить это, выдвигались фантастические гипотезы. Теперь известно, что в сновидениях проявляются интуитивные догадки, которые не воспринимал рассудок при бодрствовании под давлением текущих впечатлений и размышлений. По этой же причине о некоторых болезнях можно судить на основе сновидений.

Кардано не мог знать того, что выяснилось о сновидениях через три столетия. Он включил в своё сочинение приметы, устойчиво существующие в народе. И в этом был свой резон. Если люди верят, что, скажем, видеть во сне мясо – к несчастью, то подсознание может использовать этот образ в определённый момент. Хотя не исключено и то, что под влиянием приметы, явившейся во сне, человек совершит необдуманный поступок, если верит в магию сновидений.

Ломброзо находил в некоторых сочинениях Кардано признаки безумия, не принимая во внимание условия его времени и его занятия для заработка (работы по астрологии, сновидениям). Автобиография Кардано показывает, что это был человек ясного ума, умеющий анализировать свой характер:

«Желание увековечить своё имя возникло во мне столь же рано, сколь поздно я оказался в состоянии выполнить своё намерение. Я никогда не был жаден до блеска и почестей; напротив того, я презирал их и желал только, чтобы другие знали, что я такое, а не мечтал о том, чтобы всем было известно, каков я. Ожидая чего-то от будущего, я презирал настоящее. Если это моё намерение допускает какое-либо оправдание, то я скажу, что оно не имело другой цели, как пережить свой век».

Конечно, в периоды просветления даже сумасшедшие рассуждают логично. Некоторые виды шизофрении характерны для людей образованных и неглупых. Но Кардано вроде бы всегда рассуждал логично.

Вот правила, которые, по его мнению, помогали ему в жизни:

«В высшей степени внимательно относиться к использованию времени: и едучи верхом, и принимая пищу, и лёжа в постели, и бодрствуя, и беседуя, я всегда что-нибудь обдумывал и соображал.

«Обращать на всё внимание и не считать, что в природе что-либо может происходить случайно; благодаря этому, если я и не нажил состояния, то гораздо более обогатился познанием тайн природы.

Если в сношениях с власть имущими или с лицами более высокого сословия, особенно заслуженными, кто-либо из них обращается с тобой дурно, будь с ним тем более вежлив и безукоризнен: во всём надо соблюдать спокойствие. Избегай той близости, что может тебя опозорить.

Насколько это было возможно, я не доверялся своей памяти, а старался всё записывать…

Серьёзному человеку свойственно подвигаться вперёд, не задерживаясь, прямо к цели; для этого необходимо очень много читать, проглатывая в какие-нибудь три дня по целому огромному тому; при этом необходимо пользоваться отметками, чтобы, пропуская давно известное и малополезное, выделять и отмечать особым значком тёмные и трудные места».

Кардано был азартным игроком в карты, кости и шахматы. Он рассказал о том, что в Венеции под праздник Рождества Богородицы проиграл много денег. И вдруг заметил, что карты хозяина дома, сенатора, были краплёные. Забыв о своём правиле соблюдать спокойствие (что с ним случалось нередко), он с кинжалом в руке бросился на сенатора, нанёс ему рану в лицо, забрал все деньги и убежал.

Скрываясь от возможного преследования, он ночью оступился и упал в море. Мимо проплывала лодка, в которую ему помогли забраться. Там, к изумлению своему и страху, Кардано увидел сенатора, которого недавно ранил. По словам Кардано, «он сам предложил мне надеть матросское платье, в котором я затем и доехал вместе с ним до Падуи».

Случай может показаться фантастическим. Но в нашей жизни порой случается нечто невероятное… Хотя к теории вероятностей, которую разрабатывал одним из первых Кардано, это не относится. Она имеет в виду события предполагаемые, а не свершившиеся и определяет лишь возможность, а не неизбежность.

В книге «Великое искусство, или О правах алгебры» Кардано привёл алгебраическое решение кубических уравнений. Формула получила его имя, но приоритет принадлежит Никколо Тарталье.

Одним из первых в Европе Кардано предполагал отрицательные корни уравнений; использовал мнимые величины. Занимаясь теорией рычагов и весов, предложил использовать шарнирный механизм, предназначенный для передачи вращения между пересекающимися осями. Карданная передача, которая используется во многих машинах и станках, носит его имя, хотя изобрёл её, возможно, Леонардо да Винчи.

В трактате «Книга об игре в кости», написанном в 1526 году и опубликованном 40 лет спустя, Кардано предпринял исследование по математической теории этой игры. Он отметил, что при небольшом числе игр количество реальных исследуемых событий может значительно отличаться от теоретических расчётов, но чем больше игр, тем общий результат ближе к расчётному.

В медицине он первый детально описал тиф, предложил проект переливания крови, предположил, что причиной инфекционных болезней являются мельчайшие живые существа, не видимые глазом.

Общение с «добрым духом» (так он называл демона Сократа), по его словам, наиболее часто происходило после 64 года жизни. Он испытывал сильное сердцебиение, головокружение, мелькание образов. Возможно, это было связано с недостаточным притоком крови к голове, переутомлением.

По словам философа И.И. Лапшина: «Хотя Кардан /Кардано/ и говорит, что демон помогал ему и в научном творчестве, и в житейских обстоятельствах, но сообщает нам от него лишь бессмысленные фразы».

Как мне представляется, если у Кардано были порой какие-то видения, галлюцинации слуха, это остаётся в области гаданий. Даже при некоторых суевериях и предрассудках, вполне нормальных для его времени (они стали патологией в наши дни), он не терял здравого смысла. Вот некоторые его высказывания:

● Друзья в несчастье подают помощь, льстецы – совет.

● Когда ты собираешься что-нибудь совершить, подумай о том, каково будет твоё положение после того, как ты это сделаешь, и в случае удачи, и при неудаче.

● Самое важное в человеческих делах – определить, на чём следует кончить предпринятое дело.

● Лучше пропустить сто вещей, о которых следовало сказать, чем сказать одну, о которой следовало умолчать.

● Не следует включать в книги такие предметы, которые не отвечают цели и не заслуживают быть прочитанными.

● Три условия больше всего меняют нравы человека: возраст, судьба и брак.

Последний афоризм хотелось бы уточнить: не всякого человека и не всегда. А судьбу во многом определяет сам человек.

Есть люди (возможно, большинство), старающиеся приспосабливаться к меняющимся внешним обстоятельствам. Они подобны флюгеру, меняющему своё положение в зависимости от направления ветра. Но есть и такие, кто подобен компасу, имея неизменные нравственные и умственные ориентиры.

Первые могут преуспеть в политике. Но их духовное наследие скудное, а последствия их деятельности приносят больше вреда, чем пользы.

Роберт Гук (1635–1703)

Всемирно и всемерно прославленный Исаак Ньютон, если судить по некоторым публикациям, имел, как в драме Пушкина «Моцарт и Сальери», своего антипода, немало отравлявшего ему жизнь. Звали его – Роберт Гук.

На парадных портретах Ньютона мы видим солидного джентльмена. Достоверных изображений Роберта Гука не сохранилось. Есть только рисунок: худое лицо, длинный нос, тревожное выражение лица.

Его современник Ричард Уоллер писал: «Что касается его вида, то он был невзрачен, будучи чрезвычайно сгорбленным, хотя, как я слышал от него и от других, приблизительно до шестнадцатилетнего возраста он был стройным. С этого возраста он начал горбиться, к чему его привели постоянная работа на токарном станке и иные искривляющие тело упражнения, тем более что телом он был хилый и слабый…

У него были серые глаза навыкате с острым умным взглядом в годы его молодости. У него был тонкий нос умеренной высоты и длины, средней величины рот с тонкой верхней губой, острый подбородок и высокий лоб; голова – средней величины…

Он обладал активной, беспокойной, неутомимой одарённостью почти до самого своего конца, и всегда, вплоть до своей смерти, он спал мало, редко ложился спать раньше двух, трёх или четырёх часов утра и ещё реже укладывался в кровать, зачастую продолжая свои занятия всю ночь и лишь позволяя себе днём немножко вздремнуть.

Характер его был меланхолический, недоверчивый и ревнивый, что с возрастом у него усиливалось. Вначале, когда он стал известен учёному миру, он подробно сообщал о своих философских открытиях и изобретениях до тех пор, пока некоторые случаи не сделали его предельно замкнутым и сдержанным. Он выставил в качестве причины сего то, что некоторые лица выдают его открытия за свои собственные, используя его намёки для совершенствования того, что сам он не успел ещё завершить».

Советский математик, механик, историк науки Алексей Николаевич Боголюбов в книге «Роберт Гук» (1984) отметил: «Очень много писалось о мелочности Гука, о его любви к спорам, о неуживчивости его характера, о его ревнивой боязни потерять свои идеи и свои изобретения, о его перманентных спорах с Ольденбургом, с Гюйгенсом, с Ньютоном, с которым он спорил о сущности света и с которым боролся за приоритет в нахождении

закона всемирного тяготения».

Возникает образ личности желчной, склочной, вроде тех, кто считает себя непризнанным гением. В крайних формах своей мании они становятся пациентами психиатрических лечебниц.

Была у Гука странность, граничащая с помешательством и весьма опасная для здоровья: он испытывал на себе различные средства, которые считал лекарственными. Он часто жаловался на головные боли, бессонницу, шумы в голове, катар желудка. Не всегда можно понять, с чем были связаны его болезни; не исключено, что порой сказывалось его самолечение.

«И в этом случае, – писал А.Н. Боголюбов, – чувствуется научный подход; он ставит над собой эксперименты: приняв лекарство, он обычно описывает своё дальнейшее самочувствие. Он принимает внутрь железо, ртуть и все металлы, которые тогда можно было получить в растворах, а также алоэ, александрийский лист, ревень, полынь, настойку опия, аммиачную соль, горькую соль, минеральные воды и т. п.

Так, в июле 1675 г. Гук узнал о лечении аммиачной солью. Через два дня он записывает: “В новом мире после нового лекарства”. На следующий день он пишет: “Это действительно великое открытие физики, и я надеюсь, что оно растворит ту вязкую слизь, которая так мучила меня в желудке и кишках. Бог благоприятствует”. И ещё через три недели: “С головой и с глазами всё хуже и хуже”.

Гук прожил 68 лет и половину из них был хроническим больным. Иногда его здоровье резко ухудшалось, так было, в частности, во второй половине 1672 г. В декабре он сообщает в дневнике о почти непрерывных головокружениях; принимает пилюли, ему пускают кровь. В 1673 г. наступает улучшение, но быстро сменяется ухудшением».

И этот человек посмел вступать в приоритетные споры с самим Ньютоном! Кто он такой? Откуда такое самомнение? Не был ли он просто психически больным?

Роберт Гук был, безусловно, личностью незаурядной. Об этом говорит уже то, что он был раньше Исаака Ньютона в числе первых членов Лондонского королевского общества (аналог Академии наук).

Родился он на острове Уайт (пролив Ла-Манш) в семье настоятеля церкви. Местные мужчины были преимущественно моряками, рыбаками, садоводами. Роберт был хилым, часто болел. Из-за плохого здоровья он не мог стать священником, как хотел отец. Любимым занятием ребёнка было сооружение моделей водяных и ветряных мельниц, механических игрушек.

Ему было 5 лет, когда началась буржуазная революция

в Англии – вторая в мире после Нидерландской. В 1648 году умер отец Роберта, оставив сыну небольшое наследство. Юный Роберт уехал в Лондон и год был слугой-учеником знаменитого английского портретиста того времени голландца Питера Лели. Научился хорошо рисовать. Но, по его словам, ему не нравился запах красок.

Он поступил в Вестминстерскую школу, где увлёкся математикой, прочёл труды Евклида и Декарта, Френсиса Бэкона, овладел греческим, латинским и древнееврейским языками, научился играть на органе. Затем он учился в Оксфордском колледже, где пел в церковном хоре.

Гук не только стремился к познанию природы, но и выделялся знаниями среди сверстников. Его взял своим ассистентом врач, анатом и ятрохимик (от греческого «ятрос» – врач) Томас Уиллис (с 1660 года – профессор философии Оксфордского университета). Между прочим, он изобрёл настойку опия, которую использовал для лечения многих болезней, а прежде всего как средство, вызывающее здоровый сон. Но не рекомендовал бесконтрольный приём этого препарата, привыкание к которому уже само вызывает болезнь. По его словам, ангельское личико опиума соблазнительно, но оно может превратиться в лицо дьявола.

Если Гук у Питера Лели овладел ремеслом рисовальщика и гравёра, то у Томаса Уиллиса научился проводить биологические исследования и, возможно, познакомился с примитивным микроскопом, который ему позже довелось усовершенствовать.

Судьбоносным, как говорится, стал переход Гука к состоятельному графу, натуралисту и теологу Роберту Бойлю. С этого времени начали разгораться на научном небосклоне две звезды двух Робертов: Бойля и Гука.

Ирландец Роберт Бойль (1627–1691) окончил Итонский колледж, был общительным без сословных предрассудков, путешествовал по Западной Европе со старшим братом и воспитателем, посещая университеты. Переехав в Оксфорд, основал химическую лабораторию, где проводил многочисленные опыты. Он стал одним из основоположников экспериментальной химии (не без помощи Роберта Гука).

«Я смотрю на химию, – писал Бойль, – не как врач, не как алхимик, а как должен смотреть на неё философ. Если бы люди принимали успехи истинной науки ближе к сердцу, нежели свои личные интересы, тогда можно было бы доказать им, что они оказывали бы миру величайшие услуги, если бы посвятили все свои силы производству опытов, собиранию наблюдений и не устраивали бы никаких теорий, не проверивши предварительно

их справедливости путём опыта».

Он не соглашался со Спинозой, считавшим истинным только логические доказательства, а опыт – лишь подтверждением теории. (Хотя логические доводы могут стать основой гипотез, которые подтверждаются или опровергаются опытным путём.)

Тем не менее в книге «Химик-скептик, или Сомнения и парадоксы физико-химии…» (1661) Бойль логически обосновал гипотезу строения вещества, согласно которой свойства материальных тел определяются количеством, расположением и движением первичных частиц (это можно считать предвидением химических элементов). Число их он предполагал значительным, в отличие от атомов Демокрита, четырёх элементов Аристотеля, пяти стихий алхимиков.

Историк химии М. Джуа писал: «В истории науки редко встречаются такие мыслители, как Роберт Бойль, в котором выдающаяся способность к аналитическому мышлению сочеталась с даром наблюдательности и искусством экспериментатора».

Последним своим искусством Бойль во многом был обязан Гуку, который усовершенствовал воздушный насос. Когда прекратилось их сотрудничество, Бойль как экспериментатор ничем себя не проявил.

Для Гука было лестно и полезно сотрудничать со столь образованным и увлечённым научными экспериментами джентльменом. Но и Бойль, как быстро выяснилось, приобрёл не только друга и помощника, но и талантливого соавтора.

В 1658 году Гук построил наиболее совершенный для своего времени воздушный насос. Развивая и продолжая эксперименты немецкого физика Отто Герике, Бойль и Гук проводили опыты, изучая свойства воздуха.

Результаты этих работ представил Роберт Бойль в трактате «Новые физико-химические эксперименты, относящиеся к упругости воздуха и его эффектов. Произведены по большей части на новой пневматической машине» (1660). Было доказано, что воздух обладает упругостью, что звук не распространяется в пустоте (в безвоздушном пространстве), что для горения необходим газ, входящий в состав воздуха.

Это исследование раскритиковал философ Томас Гоббс. Он не придавал большого значения экспериментам, предпочитая логику здравого смысла. По его мнению, абсурдные заключения возникают по той причине, «что имена *акциденций* (*случайных качеств. – Р.Б.*) тел, *расположенных вне* нас, даются *акциденциям* наших *собственных* тел, как это делают те, кто говорит: …*звук находится в* воздухе».

В отличие от него, О. Герике утверждал: «Философы, которые держатся исключительно своих умозаключений и аргументов, не учитывая опыта, никогда не придут к надёжным и правильным выводам относительно явлений внешнего мира». И был прав.

Другой аргумент против выводов Бойля выставил французский физик Ф. Линус, не признававший у воздуха такого качества, как упругость, и возражавшего против гипотезы существования пустого пространства.

В то время под пустотой подразумевалось пространство идеальное, где нет буквально ничего, что не согласуется с логикой, как показал ещё Архимед. Но в опытах Бойля и Гука пустотой следовало считать максимально разряжённое воздушное пространство.

Ответом на критику стал мемуар Бойля «Защита доктрины, относящейся к упругости и весу воздуха» (1662). В нём был сформулирован вывод, сделанный на основе экспериментов: «сопротивление сжатию */воздуха/* удваивается с удвоением давления. В современном изложении: объём газа меняется пропорционально давлению при прочих постоянных параметрах. Бойль подчеркнул, что первым отметил эту закономерность его ассистент Роберт Гук.

В дневнике Гука была запись о том, что упругость воздуха находится в обратном отношении к объёму. Как справедливо утверждал А.Н. Боголюбов: «Закон Бойля-Мариотта, в сущности, является законом Гука, тем более что он лежит в основе всех работ последнего в этой области».

Французский физик аббат Эдам Мариотт открыл этот закон через 15 лет после Гука. Однако в истории науки, в учебниках физики по-прежнему речь идёт о законе Бойля-Мариотта. Пример несправедливости в науке – самой объективной области культуры.

Отчасти Роберту Гуку просто не повезло. Он не позаботился заявить о своём приоритете, возможно, потому, что в то время был никому не известным ассистентом Роберта Бойля.

Но как же историки науки? Они-то могли восстановить справедливость! Увы, на них тоже воздействует магия авторитетов. Скажем, всем известен Роберт Бойль (вполне этого заслуживающий), а более талантливый и разносторонний учёный, изобретатель Роберт Гук остаётся в тени. Во многом этому способствовал… Исаак Ньютон!

Именно он сделал всё, что мог, для замалчивания достижений Роберта Гука. Таких возможностей у Ньютона – с 1703 года и до конца жизни состоявшего председателем Королевского общества – было предостаточно. Он даже

распорядился о том, чтобы убрали портрет ненавистного ему Гука.

Получается, что в образе пушкинского Моцарта в истории знаний выступил малоизвестный Роберт Гук, а коварным Сальери предстаёт прославленный Исаак Ньютон. Хотя в жизни не так всё обострено, как в художественном сочинении, но определённая аналогия существует.

В молодости Роберт Гук, судя по вполне правдоподобному предположению его биографа Джеффри Кейна, написал фантастический рассказ «Новая Атлантида. Начата лордом Веруламским, виконтом Ст. Элбанс, продолжена Р.Г. Эксвайром» (Лондон, 1660), изданный анонимно.

Работу Френсиса Бэкона, лорда Веруламского, над утопией «Новая Атлантида» прервала смерть. Последняя фраза: «Ибо члены Соломонова дома раздают щедрые дары всюду, куда прибывают».

Этот Соломонов дом – умственный и деловой центр утопической Новой Атлантиды. У Бэкона достижения этого дома порой представлены в виде, достойном лапутянской академии Джонатана Свифта. Один из отцов Соломонова дома рассказывает:

«Есть у нас обширные помещения, где мы искусственно вызываем различные явления природы …а также зарождение из воздуха живых существ: лягушек, мух и некоторых других…

Нам известны способы выращивания различных растений без семян, одним только смешением почв…»

А вот откуда взял Свифт образ мудреца, добывающего свет из огурца: «Мы открыли также, – говорит отец Соломонова дома, – различные, ещё неизвестные у вас способы получать свет из различных тел».

Впрочем, подобные казусы были вполне естественны для того времени (начала XVII века). Более существенно, что Бэкон в своих «Опытах» писал о научном познании, вдохновляя многих исследователей, включая Гука:

«Наука совершенствует природу, но сама совершенствуется опытом; ибо врождённые дарования подобны диким растениям и нуждаются в выращивании с помощью учёных занятий… Люди хитроумные презирают учёность, простодушные дивятся ей, мудрые ею пользуются; ибо сама по себе учёность не научает, как применять её; на то есть мудрость особая, высшая, которую приобресть можно только опытом.

Читай не затем, чтобы противоречить и опровергать; не затем, чтобы принимать на веру; и не затем, чтобы найти предмет для беседы; но чтобы мыслить и рассуждать. Есть книги, которые

надо только отведать, есть такие, которые лучше всего проглотить, и лишь немногие стоит разжевать и переварить».

По мнению Джеффри Кейна: «Нет ничего такого, что не мог бы написать Гук, но есть много точек подобия… между планом “Новой Атлантиды” и взглядами Гука, известными по другим источникам, в особенности с его энтузиазмом в те годы по поводу сотрудничества науки и литературы. Гук имел чрезвычайно живой ум и прекрасное образование; в 1660 г. ему было двадцать пять лет и… он готовился к публикации в следующем году остроумного научного трактата “Попытка пояснения… сделанная Р. Г.” Он глубоко восхищался Бэконом. В письме лорду Броункеру он писал в 1672 году: “Я считаю, что нет иной вещи, которая так значительно ведёт к прогрессу философии, как исследование гипотез с помощью экспериментов и планирование экспериментов гипотезами. В этом меня поддерживает авторитет несравненного Верулама”».

В продолжении «Новой Атлантиды» деятель Соломонова дома демонстрирует «селеноскоп для наблюдения Луны, звёзд и новых планет и редкий микроскоп, в котором легко рассматривать глаза, ноги, рот, волосы и яйца сырного клеща, а также кровь, текущую в жилах вши».

Это уже напрямую наводит на авторство Гука, ибо он исследовал под сооружённым им микроскопом сырного клеща и вши, а также изобрёл телескоп (селеноскоп) оригинальной конструкции. Почему же он позже не проявил себя на литературном поприще?

Когда узнаёшь, сколько было сделано Гуком в последующие годы, этот вопрос отпадает сам собой. С 1657 года он изобретал и создавал приборы для научных исследований и активно участвовал в проведении экспериментов. В том же году он изобрёл пружинный привод карманных часов, а на следующий год – воздушный насос.

Он изобрёл универсальный шарнир. «Этот тип шарнира, – писал А.Н. Боголюбов, – давал возможность передавать вращательное движение между двумя осями, расположенными в различных плоскостях. Современный универсальный шарнир ведёт своё происхождение именно от шарнира Гука, детально описанного изобретателем, а не от механизма Кардано, как иногда предполагают».

В 1662 году Оксфордский университет присвоил Роберту Гуку степень магистра искусств (тогда к искусствам относили изобретательство, ремёсла). Его назначили куратором экспериментов Королевского общества.

В 1663 году Гук написал основной текст устава Королевского

общества и был избран его членом. С этого времени начинается его активная работа в этой научной организации. Он постоянно что-то изобретал, проводил опыты и сообщал об этом на заседаниях академии.

После изучения различных объектов под микроскопом, а также в телескоп он издал книгу «МИКРОГРАФИЯ: или некоторые физиологические исследования мельчайших тел через увеличительные стёкла…» (1665). В ней описаны 57 экспериментов с использованием микроскопа и три астрономических наблюдения в телескоп. Особо следует отметить великолепные гравюры, выполненные автором. Как писал А.Н. Боголюбов:

«Иллюстрации, выполненные и гравированные самим Гуком на 32 таблицах, были выдающимся явлением не только для своего времени: их воспроизводили в руководствах по естественной истории вплоть до XIX века. Позже даже Левенгук не сумел сделать ничего подобного».

Пользуясь случаем, приведу фрагмент из стихотворения Николая Заболоцкого 1948 года:

Сквозь волшебный прибор Левенгука
На поверхности капли воды
Обнаружила наша наука
Удивительной жизни следы.

Государство смертей и рождений,
Нескончаемой цепи звено —
В этом мире чудесных творений
Столь ничтожно и мелко оно!

Но для бездн, где летят метеоры,
Ни большого, ни малого нет,
И равно беспредельны просторы
Для микробов, людей и планет.

Хотелось бы написать нечто подобное, начав: «В “Микрографии” Роберта Гука…»

Конечно, нельзя умалять достижений нидерландского натуралиста Антонина ван Левенгука (1632–1723), который в свободное от муниципальной службы время занимался шлифованием увеличительных стёкол (подобно Гуку) и сделал линзы с 300-кратным увеличением.

С 1673 года, значительно позже Гука, он сообщал в письмах Лондонскому королевскому обществу о результатах своих

наблюдений. Он первым наблюдал и зарисовал сперматозоиды человека и животных, красные кровяные тельца (эритроциты), различные клетки животных и растений, строение мелких насекомых.

Но всё-таки первым открыл мозаичное строение растений Роберт Гук и по аналогии с клетками животных (по другой версии – с кельями монахов) назвал эти частицы живой ткани клетками. Этот термин прочно вошёл в научный лексикон.

Роберта Гука глубоко интересовала жизнь природы во всех её проявлениях. Слова Заболоцкого «равно бесконечно просторы / Для микробов, людей и планет» следует отнести не к Левенгуку, а к Гуку. Ведь в своей книге он представил и макроскопические наблюдения небесных тел, а также предположил гипотезу волновой природы света. Указал, что «тепло является свойством тела, возникающим от движения или колебания его частей», отрицая гипотезу горюче-летучего «флогистона». Он сравнил горение с дыханием, утверждая, что воздух при этом теряет свою часть.

До него микроскописты представляли свои наблюдения как занимательное зрелище, курьёз, в лучшем случае давая описание отдельных малых объектов природы. Роберт Гук, по-видимому, первым превратил микроскоп в мощное средство научных исследований не только в биологии, но и в физике. Наблюдая тонкие прозрачные пластинки, он размышлял о свойствах и сущности света. По его гипотезе, свет состоит «из потока биений, исходящих из источника», т. е. представляет собой чрезвычайно быструю вибрацию.

Гук раньше Христиана Гюйгенса предложил гипотезу волновой природы света, исходя из аналогии с распространением звука. Однако разрабатывать свою идею не стал. Чрезвычайно высокую скорость световых волн Гюйгенс в «Трактате о свете» (1690) объяснил свойством особой тончайшей среды – эфира – с высокой твёрдостью и упругостью. Как писал он: «Нам нет надобности исследовать… причины этой твёрдости и упругости, так как рассмотрение их завлекло бы нас слишком далеко от нашего предмета».

Даже в наши дни остаётся во многом неразработанной теория такого эфира (ныне называемого физическим или космическим вакуумом). Это связано отчасти с тем, что А. Эйнштейн вслед за Ньютоном представил свет потоком корпускул, фотонов.

Возможно, кому-то покажется излишним в очерке о Гуке упоминания о научных проблемах, гипотезах и теориях учёных. Но мне хотелось бы показать, насколько это возможно, как трудно

определять научные приоритеты, оценивать достижения разных исследователей. Движение научной мысли и развитие техники идут в масштабе цивилизации сложными потоками, переходя из страны в страну, нередко во взаимосвязях и противоречиях.

«Микрографией» Гука заинтересовался Ньютон. Сделал выписки из этой книги (и свои замечания), в одном из своих писем Гуку высоко её оценив. На заседании Королевского общества в 1672 году Ньютон предоставил свой мемуар «Новая теория света и цветов». Он предложил корпускулярную природу света, чем вызвал возражения Гука.

С этого времени начались между ними конфликты. Дело дошло до того, что в своей монографии «Оптика» (1704), не случайно изданной через год после смерти Гука, Ньютон умолчал об экспериментах и выводах старшего коллеги.

В своих оптических опытах Гук прижимал к плоскому стеклу линзу и наблюдал возникающее чередование светлых и тёмных колец. Затем эти опыты проделал Ньютон, но объяснить их не смог. Сделал это английский физик Томас Юнг, исходя из волновой теории света. Тем не менее в физике укоренилось понятие «кольца Ньютона», хотя честнее было бы называть их именами Гука, Юнга или их вместе.

Пожалуй, сказалось то, что «Оптика» Ньютона была переведена на латинский язык и много раз переиздавалась. У Ньютона были друзья, которые верили в его талант (что справедливо) и распространяли его сочинения. Сказывалась и национальная гордость англичан.

Не вдаваясь в детали спора двух учёных, отметим, что Ньютон предложил компромиссный вариант: материальные носители света вызывают волны в пространстве эфира, подобно тому, как вызывают волны тела, брошенные в воду.

Научные разногласия между двумя великими учёными усугубились личной неприязнью. Есть мнение, что ставшее крылатым высказывание Ньютона в письме Гука – «Если я видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов» – скрывает язвительный намёк на хилое сложение и сутулость Гука, которого нельзя причислить к великанам.

Но, может быть, намёка не было? Ведь и Ньютон был невысок, а его афоризм безукоризненно верен.

И Гук, и Ньютон верили в существование эфира, который физики в начале XX века попытались отменить. Однако пришлось его вернуть, хотя и под именем физического (космического) вакуума. В этом отношении Гук и Ньютон были оба правы.

Проблема, сохранившаяся доныне: свет – система волн или корпускул? В XX веке эту дилемму решили странным способом, предположив дуализм волна-частица. Такой кентавр выглядит надуманным, научно-мифологической фигурой. Возможно, вернее было бы считать, что волна в некоторых случаях может приобретать свойство корпускулы, подобно тому, как порой возникает таранная волна цунами.

У Гука и Ньютона возник конфликт ещё из-за приоритета в открытии закона всемирного тяготения.

В марте 1666 года на заседании Королевского общества Гук сказал: «Представляется, что тяготение является одним из наиболее общих действующих принципов мира… и Кеплер не без достаточного основания утверждает его как свойство, присущее всем небесным телам, Солнцу, звёздам, планетам. Это предположение мы впоследствии рассмотрим более подробно, но сперва было бы необходимо обсудить, не присуща ли эта тяготительная или притяжательная сила частям земли…

Если она магнетична, то любое тело, притянутое ею, должно больше тяготеть вблизи её поверхности, чем дальше от неё».

Через два месяца Гук предположил две возможные причины криволинейного движения планет Солнечной системы. В первом случае может сказаться «неравномерная плотность среды», эфира. «Вторая причина изгибания прямолинейного движения в криволинейное, по-видимому, происходит от притягивающего свойства тела, расположенного в центре, причём оно непрерывно стремится притягивать к себе. Ибо если сделать такое предположение, легко становятся объяснимы все феномены планет с помощью общих принципов механического движения».

По его словам, траектории планет определяются сочетанием двух движений: прямолинейного и направленного к центральному, более тяжёлому телу. Он утверждал, что к центру Земли «направлены все линии тяготения», а в 1680 году высказал мысль, что «притяжение всегда действует в отношении, обратном квадрату расстояния».

Он предложил Ньютону доказать обратный квадратичный закон тяготения, но ответа не получил. По словам С.И. Вавилова: «Если связать в одно все предположения и мысли Гука о движении планет и тяготении за почти 20 лет, то мы встретим почти все главные выводы “Начал” Ньютона, только высказанные в неуверенной и малодоказательной форме… У Гука была гениальная догадка физика-экспериментатора, прозревающего в лабиринте фактов истинные соотношения и законы природы».

Увы, Ньютон проявил и коварство. Он, как пишет

А.Н. Боголюбов, «отметил в “Началах”, что Рен и Галлей сделали ровно столько же, сколько и Гук. И хотя это была неправда (что прекрасно знал и сам Ньютон), но, несомненно, немало польстило самолюбию как Рена, так и Галлея. Ход Ньютона был, несомненно, умным: кольцо друзей Гука было разомкнуто в необходимом месте».

Что же важнее: гипотеза, оказавшаяся верной, или созданная на её основе теория? Пожалуй, обе одинаково важны. Без исходной мысли не появится теория, а без теории эта мысль не будет надёжно обоснована.

Естественна обида Гука. У Ньютона была своя правота. Достаточно просмотреть его «Математические начала натуральной философии», чтобы оценить усилия, затраченные для доказательства множества теорем, решения многих задач. Намекая на свой труд, он написал Э. Галлею, что для Гука математики «не что иное, как лишь сухие вычислители и вьючные ослы».

Суждение несправедливое: Гук хотел всего лишь, чтобы был отмечен его вклад в теорию всемирного тяготения. Он был этого достоин. Тем более что по его инициативе Ньютон начал писать свою знаменитую работу.

Закон всемирного тяготения признали не сразу. Он вызывал недоумение. Получалось, что не только земной шар притягивает человека или яблоко, но и они, как любое тело, притягивают нашу планету. Гюйгенс писал: «Мысль Ньютона о взаимном притяжении я считаю нелепой и удивляюсь, как человек, подобный Ньютону, мог сделать столько трудных исследований и вычислений, не имеющих в основании ничего лучшего, чем эта мысль».

Роберт Гук так не считал. Он предполагал существование силы тяготения масс и отметил её убывание с расстоянием по закону квадратов. Правда, Ньютон утверждал, будто он в молодые годы догадался об этом, но не предоставил никаких подтверждений. Вероятно, раздражённый претензией Гука, он осуществил невольный самообман.

Приоритет Гука доказывает его письмо Ньютону от 6 января 1680 года, где сказано: «Я предполагаю, что тяготение всегда находится в обратном квадратичном отношении к расстоянию от центра». Спустя 10 дней в новом письме он просил Ньютона помочь математически доказать эту закономерность.

Оба письма остались без ответа: Ньютон был обижен на Гука за критику в свой адрес. «Неизвестно, как развивалась теория движения планет в 1681–1684 годах, – писал А.Н. Боголюбов. – Дневники Гука за этот период не сохранились, а в журналах

Ньютона описаны лишь химические и алхимические эксперименты, которые составляли в эти годы его основное занятие».

Возможно, в этот период Ньютон временами обдумывал предложение Гука, приступив к активной работе осенью 1684 года. А 28 апреля 1686 года Лондонскому королевскому обществу была представлена рукопись Исаака Ньютона «Математические начала натуральной философии».

Эта солидная работа, которую прочесть целиком и понять смогли немногие, произвела такое впечатление, что с этих пор восхищение гением Ньютона лишь возрастало, а о провидческой гипотезе Гука предпочли умалчивать. С.И. Вавилов сделал вывод:

«Ньютон был, очевидно, не прав: скромные желания Гука имели полное основание. Написать “Начала” в XVII веке никто, кроме Ньютона, не мог, но нельзя оспаривать, что программа, план “Начал” был впервые набросан Гуком».

Судя по названию, главная книга Ньютона претендует на основы философии природы. По мнению автора, они должны опираться на математику. Но что изложено в трактате? Механические закономерности, которые в третьей части приложены к небесным телам. Вот, в сущности, и всё. Нет в такой философии ни проблем земной природы, ни человека, ни живых существ вообще.

Научные достижения Роберта Гука впечатляют. Одновременно с Гюйгенсом он установил постоянные точки термометра – таяния льда и кипения воды. Усовершенствовал барометр и зеркальный телескоп; создал прибор для измерения силы ветра, машину для деления круга, оптический телеграф и ряд других приборов. В 1660 году открыл закон пропорциональности силы, приложенной к упругому телу, и его деформации (закон Гука).

В трактате «Опыт доказательства вращения Земли» (1674) Гук предположил, что небесные тела тяготеют друг к другу, предвосхитив идею небесной механики Ньютона. А через 5 лет обосновал мнение: если сила притяжения обратно пропорциональна квадрату расстояния, то планета должна двигаться вокруг более тяжёлого тела по эллипсу.

Гук раньше Ньютона высказал идею всемирного тяготения. Однако портреты Ньютона украшают учебники и кабинеты по физике, а достоверного изображения Р. Гука нет. В «Биографическом словаре деятелей естествознания и техники» (1959) Ньютону посвящено 8 полос, а Гуку – 1. В чем причина

такого неравенства?

Одна причина уже была названа: склонность многих историков, а в особенности популяризаторов, журналистов к возвеличиванию достижений одного гения. Другая причина более существенна.

Как следует из писем Ньютона, он возмущался, когда его разработки называли гипотезами, а не теориями. Действительно, разница существенная, о чём в наше время нередко забывают популяризаторы науки, а то и маститые учёные.

Гипотеза (от греческого слова, означающего «предположение»), как любое мнение, может быть высказана без серьёзных оснований. Таких предположений немало по разным проблемам. Среди них бывают нелепые или примитивные, что не мешает им пользоваться успехом в определённой интеллектуальной среде.

Теория (от греческого слова, означающего «исследование») – это солидно обоснованная гипотеза, не имеющая очевидных опровержений. Она обобщает и логически связывает факты, относящиеся к данному объекту исследований. Со временем могут появиться факты, не согласующиеся с ней, и тогда теорию придётся дополнять, изменять или отправлять в архив истории. Бывает, что позже пробуждается к ней интерес на новом этапе развития знаний.

Не вдаваясь в непростые детали спора за приоритет между Гуком и Ньютоном, можно сказать, что оба они были правы. Приоритет гипотезы всемирного тяготения принадлежит Гуку. Приоритет теории всемирного тяготения – Ньютону.

Сказывается разница характеров и научной методики. Гука интересовало множество разнообразных проблем, он изобретал приборы и сам активно участвовал в их создании. Он не тратил время, в отличие от Ньютона, на сочинение заурядных богословских трактатов, на бесплодные алхимические опыты, резонно полагая, что нет ни философского камня, ни эликсира бессмертия.

В отличие от Гука, Ньютон долго и сосредоточенно разрабатывал каждую тему, был одним из крупнейших математиков своего времени. Он умел чётко мыслить и тщательно обосновывал свои гипотезы, превращая их в научные теории.

Первую попытку обосновать всемирное тяготение предпринял Гук. Сделав доклад об этом законе, доказать его математически он не смог. А Ньютон произвел такие расчёты, заслужив восторженные отзывы своих коллег. Но он не сослался в первом издании своих «Математических начал натуральной философии»

на Гука, который высказал идею всемирного тяготения и предложил Ньютону заняться этой проблемой.

Почему Гук не стал обрабатывать данные астрономических наблюдений? Неужели только потому, что он не был выдающимся математиком? Или он просто избегал кропотливых разработок? Вряд ли. Возможно, главной причиной было отсутствие у него свободного времени.

В сентябре 1666 года при ветреной погоде в Лондоне начался пожар. Он охватил центр города и продолжался пять суток. Сгорело около 13 тысяч строений: жилые кварталы, общественные здания, торговые склады, почти сотня церквей, кафедральный собор Св. Павла.

Руководил восстановлением столицы математик и архитектор Кристофер Рен. Он привлек своего друга Роберта Гука к разработке новой планировки города, проектированию и строительству многих зданий, наблюдению за строительством. Гигантский объём работ!

При этом Гук продумывал и проводил эксперименты, активно участвовал в заседаниях Королевского общества.

Работа над реконструкцией Лондона, продолжавшаяся 30 лет, обеспечила Роберту Гуку безбедное существование. Он проявил себя не только как инженер-строитель, но и как архитектор, спроектировав, в частности, здание Королевской коллегии врачей и Бедлама – психиатрического госпиталя…

Пора вспомнить о странностях Роберта Гука. Одна из них не вызывает сомнений: самолечение разными веществами, порой опасными для здоровья. Хотя, несмотря на огромную работу, он прожил 68 лет – почтенный возраст по тем временам, но в старости часто хворал, стал терять зрение, ходил с трудом.

В последние два десятилетия своей жизни он тратил много времени и сил на доказательство своих приоритетов. Часто свои изобретения и открытия представлял академии в зашифрованном виде, опасаясь плагиата. Его одолевали приступы меланхолии.

Если следовать логике Чезаре Ломброзо, Роберт Гук предстаёт гением с признаками помешательства. Его старший брат Джон, впавший в депрессию, повесился. Не говорит ли это о наследственном психическом заболевании?

Австралийская писательница Маргарет Эспинас, автор книги о Роберте Гуке, использовала сведения преимущественно из английских источников (в России о нём писали мало) и из его дневников. Вот её характеристика Гука:

«Он знал всех: королевское семейство и аристократию, учёных как английских, так и иностранных, сановников Сити, правительственных чиновников, писателей, артистов,

ремесленников.

Дневники выясняют, что тот портрет, который обычно рисует Гука как замкнутого и завистливого отшельника, абсолютно фальшив. В общественном и компанейском поведении он был одним из наиболее общительных людей, и это, очевидно, также по требованию своего темперамента, как и по необходимости своих занятий. Он проводил значительную часть каждого дня в собеседованиях, ибо интересный разговор, обмен мыслями был одним из главнейших его интеллектуальных удовольствий.

Скрытность, в которой его обвиняли, развивалась, поскольку она у него появилась в результате несчастливого опыта; но всегда она была очень ограниченной… Но в большинстве случаев и с большинством собеседников он не мог бы сдерживать блестящих брызг своего бурного ума…

Но Гук не только поучал, он был действительным собеседником. С одинаковым увлечением впитывая информацию и идеи, он так же страстно слушал, как и говорил. Его дневник переполнен изобретениями, гипотезами, сообщениями, рецептами, советами, данными множеством знакомых: юристами, докторами, учёными-коллегами, ремесленниками, священниками».

Нет ли здесь преувеличения? Автор, который пишет биографию незаурядного человека, проникается его мыслями и чувствами, становится его поверенным, близким знакомым и невольно приукрашивает его личность и деяния. Но в данном случае речь идёт о сведениях из личных дневников, не предназначенных для печати (в отличие от многих дневников писателей, журналистов).

…Безусловно, Ньютон проявил себя выдающимся теоретиком, создав помимо математических открытий колоссальный труд по механике и всемирному тяготению. Однако за схемами и формулами он не видел реальной живой природы Земли.

Гук писал о том, насколько важен воздух для тех, кто живёт на Земле. Этим он объяснял свой интерес к исследованиям воздуха, атмосферных явлений, к созданию метеорологических приборов (он их не только конструировал, но изобрёл устройство для автоматической записи показателей через определённое время).

Его интересовали не только проблемы механического движения небесных тел, принимаемых за точки. Называть это математическими началами философии природы, как писал Ньютон, не преувеличение, а заблуждение.

В тот период господства и замечательных успехов механики такой взгляд на мир казался передовым и перспективным. Многие

мыслители полагали, что между живыми существами и автоматами нет принципиальной разницы. Томас Гоббс вопрошал: «Не можем ли мы разве сказать, что все автоматы (механизмы, движущиеся при помощи пружин и колес, как, например, часы) имеют искусственную жизнь?.. Что такое сердце, как не пружина? Что такое нервы, как не такие же нити, а суставы, как не такие же колеса, сообщающие движение всему телу…»

В своей знаменитой книге Ньютон высказался в том же духе: «Было бы желательно вывести из начал механики и остальные явления природы» (а не только астрономические). Живой природой он не интересовался. То же относится к познанию нашего родного космического тела.

Пытливая мысль Гука не знала таких ограничений. В работах «Чтения о землетрясениях» и «О причинах частого нахождения раковин и других морских объектов на поверхности Земли» он доказывал: изменения земной поверхности, ландшафтов вызывают превращения животного и растительного мира, а окаменелости – остатки вымерших организмов.

«Мы найдём во всех вещах, – писал Гук, – что природа не только работает механически, но и с такой превосходной и чрезвычайно сжатой, а также и с такой изумительной изобретательностью, что было бы невозможно любым образом найти в мире возможность создать такую же самую вещь, которая обладала бы подходящими свойствами. И может ли кто-либо быть настолько глуп, чтобы думать, что все эти вещи являются делом случая?»

Гук отметил: «Вершины самых высоких… гор находились когда-то под водой». Писал о вымерших животных и о том, что «в настоящее время есть различные иные виды, каких вначале не было». Значит, он предполагал эволюцию Земли и Жизни. Превращения организмов он связывал с изменчивостью географических условий. Великолепное провидение!

«По характеру ума Гук был универсалом и энциклопедистом, – писал А.Н. Боголюбов. – Он интересовался всем, рождал множество глубоких… идей, оставлял их на полдороге и очень обижался, когда другие присваивали себе его мысли… Миф о злом, хитром и тщеславном Гуке, упорно защищавшем своё право на чужие изобретения, был создан лицами, специально заинтересованными в том, чтобы оправдать свои не всегда благовидные поступки.

Представляется, что самым главным в его научном и практическом творчестве было то, что он всегда мечтал о пользе, какую может оказать людям то или иное изобретение, та или

иная идея».

Помимо всего прочего, Гук интересовался теорией познания. Этому посвящён его незавершённый трактат «Метод усовершенствования философии природы». Он справедливо отметил неизбежность субъективного элемента в научных исследованиях и предложил способы свести его к минимуму.

…Чем ближе знакомишься с Робертом Гуком, тем больше испытываешь к нему симпатию и уважение. Вновь и вновь возникает недоумение: что происходит с историей науки и общественным мнением, если такой яркий, оригинальный человек, наделённый многими талантами, искусный изобретатель, проницательный учёный энциклопедического масштаба пребывает в тени Бойля, Гюйгенса, не говоря уже о Ньютоне?!

Как говаривал Сальери в драме Пушкина:

> Все говорят: нет правды на земле,
> Но правды нет – и выше. Для меня
> Так это ясно, как простая гамма.

Исаак Ньютон (1643–1727)

В 1755 году в Кембридже установили мраморную статую Исаака Ньютона с подписью:

«*Превосходивший умом человеческий род*».

Сказано сильно, но не бесспорно. И до, и после него были выдающиеся мыслители. Каким измерением умственной силы, в каких единицах выразилось это превосходство? Непонятно.

Универсальным гением назвать Ньютона нельзя, в отличие от некоторых его знаменитых современников. В полной мере он проявил свой талант в математике, механике, физике, астрономии – науках смежных. Со временем они раздробились и в некоторых своих областях обособились, но тогда были более или менее связаны между собой.

Он писал и богословские сочинения, но они лишены оригинальности, хотя и демонстрируют обширную эрудицию и огромную работоспособность автора. В своих научных изысканиях он действительно был одним из первых.

О его личных качествах мнения расходятся. Обычно подчёркивают, что он был прост в общении, учтив, сдержан, щедр, рассудителен; лишнего не болтал. Во имя справедливости не побоялся войти в комиссию, возражавшую против указа короля.

В книге Стивена Хокинга «Краткая история времени» (1988) образ знаменитого учёного представлен иначе:

«Исаака Ньютона нельзя назвать симпатичным человеком. Широкую известность получили его дурные отношения с коллегами; последние годы своей жизни он провёл в основном в скандальных спорах. …Ньютон поссорился с королевским астрономом Джоном Флемстидом, который раньше снабжал Ньютона данными для его “Математических начал”, а теперь задерживал информацию, которая требовалась Ньютону.

Ньютон… сам включил себя в руководство Королевской обсерватории, а затем начал добиваться немедленной публикации результатов. В конце концов ему удалось заполучить работу Флемстида и договориться о её публикации со смертельным врагом Флемстида – Эдмондом Галлеем. Однако Флемстид передал дело в суд, и суд принял решение в пользу Флемстида, запретив распространение украденной работы. Ньютона разозлило такое решение, и, чтобы отомстить Флемстиду, он убрал в более поздних изданиях "Начал" все ссылки на его работы.

Более серьёзный спор разгорелся у Ньютона с немецким

философом Готфридом Лейбницем. Почти все статьи в защиту Ньютона были написаны им самим и лишь опубликованы под именами его друзей!.. Лейбниц совершил ошибку, обратившись в Королевское общество с просьбой разрешить противоречие. Ньютон, будучи президентом общества, назначил для разбора дела “незаинтересованную” комиссию, “случайно” составленную целиком из друзей Ньютона!.. Затем Ньютон сам написал отчёт комиссии и заставил общество его опубликовать, официально обвинив, таким образом, Лейбница в плагиате. Всё ещё не чувствуя удовлетворения, Ньютон анонимно опубликовал сжатый пересказ этого отчёта в журнале Королевского общества. Говорят, что после смерти Лейбница Ньютон сказал, что получил большое удовлетворение оттого, что “разбил сердце Лейбница”.

…Ньютон принял активное участие в антикатолическом движении сначала в университете, а затем в парламенте и был вознаграждён за это назначением на доходную должность хранителя Королевского монетного двора. Здесь он нашёл более социально оправданное применение своему коварству и жёлчности, успешно проведя широкомасштабную кампанию по борьбе с фальшивомонетчиками и даже отправив на виселицу нескольких человек».

Математик и физик О.Е. Акимов, приведя это высказывание, сделал вывод: «Понятно, что Ньютон не был обыкновенным человеком. Но, отвечая на вопрос: “кем в действительности он был в науке?” – честным исследователем или злобным монстром исчадия ада, – надо выбрать второе». В доказательство привёл эпизод, когда Ньютон возглавлял Королевский монетный двор и занимался перечеканкой монет:

«У него нашёлся научный оппонент, который начал оспаривать технологические процедуры чеканки. Спор… дошёл до оскорблений, причём в него были втянуты многие важные персоны, парламент и даже Королевский двор. Ньютон… не терпел никаких возражений, тем более обвинений, будто он занимается выпуском неполноценных, чуть ли не фальшивых денег. Была назначена высокая комиссия, которая, однако, признала правоту за оппонентом Ньютона по фамилии Шалонер.

Комиссия заключила, что он “убедительно показал прекрасный метод чеканки денег, который, несомненно, предотвратит фальшивомонетничество”. Автор этой передовой технологии чрезвычайно обрадовался и стал подозревать Ньютона в некоем злом умысле. В ответ на это “прославленный геометр”, как тогда называли “прославленного физика”, нанял нескольких квалифицированных сыщиков, чтобы те раздобыли ему компрометирующий материал на Шалонера. Они исполнили

своё дело добросовестно, в результате чего Шалонер был обвинен в мошенничестве. Когда он, ничего не подозревая, появился в расположении Монетного двора, Ньютон приказал своим людям схватить его и бросить в тюрьму. Шалонер, естественно, возмутился и поднял шум. Особая комиссия признала действия Ньютона необоснованными, и узника выпустили на свободу».

В дальнейшем дело по настоянию Ньютона пересмотрели, обвинили Шалонера в государственном преступлении, присудив к смертной казни с предварительными мучениями. «Ньютон – страшное чудовище, – заключает О.Е. Акимов. – Ни до него, ни после него наука не знала такой бесчеловечной натуры, которой был наделён британец. Он внушал леденящий холод всем окружающим людям. Его раздражительный, мстительный и обидчивый характер мог принести непоправимые беды любому, кто приходил в соприкосновение с ним».

Тут чёрные краски сгущены до предела, в противовес образу Ньютона, который принято представлять в розовом цвете. Прославленный учёный мог быть одним с друзьями и совершенно другим с теми, кого он считал (порой несправедливо) своими врагами. В этом он неоригинален.

Его мнительность, жёлчность и трусоватость можно отчасти объяснить малым ростом и хилым телосложением. Порой его поступки были странными, а высказывания – нелепыми. Чезаре Ломброзо не без оснований считал это проявлением помешательства:

«Ньютон, покоривший своим умом всё человечество, как справедливо писали о нём современники, в старости страдал настоящим психическим расстройством… Тогда-то он и написал, вероятно, “*Хронологию*”, “*Апокалипсис*” и “*Письмо к Бентлею*”, сочинения туманные, запутанные и совершенно не похожие на то, что было написано им в молодые годы».

Главное своё произведение – «Математические начала натуральной философии» – Ньютон писал в зрелом возрасте; оно вышло в свет, когда ему было 44 года. Он не был маниакально увлечён какой-то одной идеей, всерьёз интересуясь, в частности, химией (алхимией). Прав Ломброзо в том, что в первой половине своей творческой жизни Ньютон совершил свои великие научные открытия. Но это относится ко многим, если не к большинству, математикам и физикам.

Труды по истории, философии, теологии требуют не столько «живости ума», комбинаторных способностей, ярко проявляющихся в молодости, сколько кропотливого сбора, осмысления и обобщения огромного материала.

«В 1693 году, – продолжал Ломброзо, – после второго пожара

в его доме и после непомерно усиленных занятий, Ньютон в присутствии архиепископа начал высказывать такие странные, нелепые суждения, что друзья нашли нужным увезти его и окружить самым заботливым уходом. В это время Ньютон, бывший прежде до того робким, что даже в экипаже ездил не иначе, как держась за ручки дверец, затеял дуэль с Вилларом».

Впрочем, никакой дуэли не было, а в карете, возможно, Ньютон и позже ехал так, как привык. Вообще человек может испытывать робость в одних случаях и быть вспыльчивым, грубым, а то и смелым в других. С возрастом нам свойственно несколько, а то и значительно меняться. Тем более это показательно для тех, кто, как Ньютон, добился признания и славы.

И всё-таки нельзя отрицать помешательства Ньютона. Об этом без тени сомнений писал советский физик академик С.И. Вавилов:

«Ко времени 1690–1693 годов относится самый мрачный эпизод в жизни Ньютона – его временное психическое расстройство. Сам Ньютон, родственники, ближайшие ученики и биографы XVIII столетия тщательно сохраняли в тайне его болезнь. Сохранилось, однако, несколько писем Ньютона, являющихся неопровержимым свидетельством болезни. Молва связывала помешательство Ньютона с пожаром в его кабинете, причём будто бы погибло много рукописей и незаконченных трудов… Многие рукописи Ньютона закопчены и носят следы пожара».

Студент Кембриджа Абрагам де ла Прим 3 февраля 1692 года сделал запись в дневнике: «Есть некто мистер Ньютон, которого я очень часто видел, профессор коллегии Троицы, знаменитейший своей учёностью, блестящий математик, философ, богослов и прочее. Он уже много лет член Королевского общества и между прочими учёными книгами написал одну о математических началах философии… Но из всех книг, которые он написал, была одна о цвете и свете, основанная на тысячах опытов, которую он создавал в течение двадцати лет, и стоившая ему много сот фунтов стерлингов. Эта книга, которую он ценил и о которой все говорили, по несчастью, погибла от пожара… Когда мистер Ньютон вернулся из церкви и увидел, что произошло, то все думали, что он сошёл с ума: он был настолько потрясён происшествием, что только через месяц пришёл в себя».

Почему-то студент упомянул о крупной сумме денег, затраченной Ньютоном при работе над рукописью. Возможно, решил, что из-за такой потери можно сойти с ума. Хотя для Ньютона деньги не имели большого значения. А если даже

сгорела рукопись, должны были оставаться черновики и наброски, позволяющие её хотя бы частично восстановить.

Русский математик, физик, публицист и популяризатор науки М.М. Филиппов (1858–1903), автор биографии Ньютона, считал, что у великого учёного были в этот период временные приступы помешательства:

«После первого потрясения Ньютон понемногу стал приходить в себя, и к концу 1692 года был почти здоров. В это время он затеял богословскую переписку, доведшую его до ещё более тяжкой болезни. Весьма возможно, что на богословские предметы он был опять наведён не только собственными мыслями, но и стараниями друзей, родственников и особенно родственниц. Английские женщины, как известно, часто говорят с больными о религии, и кроме желания рассеять меланхолию Ньютона тут играло, быть может, роль соображение, что благочестивые размышления не так утомят мысль больного, как научные предметы; а этот мозг требовал пищи уже по одной привычке к сосредоточенному мышлению. Ещё летом 1692 года Ньютон чувствовал себя настолько сильным, что мог послать математику Виллису ответ на трудное геометрическое предложение…

Окончательное помешательство Ньютона было вызвано безрассудным переутомлением мозга больного… Всю зиму 1692/93 года, с начала декабря по конец февраля, Ньютон размышляет исключительно о богословии и пишет замечательные в своём роде письма к доктору Бентлею, доказывающие, что эту зиму Ньютон никак не мог быть сумасшедшим, но мог от таких работ сойти под конец с ума».

Трудно судить, какое воздействие на психику Ньютона оказала переписка с Ричардом Бентли (Бентлеем), но она примечательна. Всё началось, можно сказать, с Томаса Гоббса (1588–1619). Его взгляды были популярны в английском обществе. Церковники усматривали в них (лишь отчасти справедливо) признаки материализма и атеизма.

Гоббс признавал религию полезной для государства, которое изображал в образе библейского великана Левиафана. Она обеспечивает нравственность народных масс, их повиновение светским и духовным владыкам: «Страх перед невидимой силой, придуманной умом или воображаемой на основании выдумок, допущенных государством, называется религией, не допущенных – суеверием». По мнению Гоббса, «семя религии находится лишь в человеке и состоит в некотором специфическом качестве».

«Необходимо существует, – писал он в книге “ЛЕВИАФАН, или Материя, форма и власть государства церковного и

гражданского”, – первичный двигатель, т. е. первичная и предвечная причина всех вещей. А это именно то, что люди разумеют под именем Бога». Он выделял философию природы и философию государства, исключая из философии теологию, «знание, имеющее своим источником божественное внушение или откровение», учение о богопочитании. Он полагал невозможным «обосновать *тайны веры* с помощью естественного разума».

Как писал М.М. Филиппов: «Молодой блестящий проповедник доктор Бентлей усердно занимался апологией христианства, ратуя против тогдашнего материализма, главным представителем которого считался Гоббс, так что слово “гоббист” было почти равносильно позднейшему слову “нигилист”. Благочестивые люди постоянно боролись с “гоббистами”, которых, по словам одного современника, можно было встретить в любой кофейне».

«Гипотеза Бога», как выразился Лаплас, стала терять свою актуальность и силу, чему содействовали успехи астрономии и механики, ниспровержение системы Мира, в центре которого – Земля.

По признанию ирландского физика, химика и богослова Роберта Бойля: «Демон воспользовался моей меланхолией, наполнил душу и внушил сомнения в основных истинах религии». Он выделил средства для ежегодных чтений восьми лекций в защиту христианства от «печально известных неверных, а именно атеистов, деистов, язычников, иудеев и мусульман». Эти лекции стал читать филолог и теолог Бентли.

Он резонно рассудил, что одни лишь гуманитарные соображения недостаточны, и решил использовать авторитет Ньютона, обсудив с ним связь богословия с естествознанием (философией природы).

В письме к Ричарду Бентли Ньютон скромно отмечал, что если он и оказал своим трактатом «какую-то услугу обществу, то только своим прилежанием и терпеливой мыслью». Отвечая на один из вопросов, он рассмотрел два варианта «сотворения Мира».

● В конечном пространстве материя, рассеянная равномерно, под влиянием «внутренне присущим ей тяготением» должна образовать «одну сплошную сферическую массу».

● В бесконечном пространстве возникло бы «бесконечно много больших масс, рассеянных на больших расстояниях друг от друга».

Ньютон склонялся ко второму варианту. Но как разделились «светящиеся тела» (звёзды) от прочих? Это, по его словам, «вряд ли можно объяснить одними лишь естественными причинами, и поэтому я вынужден приписать подобные превращения плану и

промышлению некоего агента, наделённого способностью мыслить».

Почему так произошло, и почему есть одно Солнце и система планет, он объяснить не мог. «Чтобы создать нашу <солнечную> систему, требуется причина, которая понимала бы и сравнивала количества материи в нескольких телах – Солнце и планетах… Это свидетельствует о том, что указанная причина не слепа и не случайная, а весьма искусна в механике и геометрии».

По такой же схеме он рассуждал о расположении планет относительно Солнца, о скорости их движения, о наклоне земной оси и её колебаниях. Получается, что за идеей Бога скрыто наше незнание. Это верно, хотя и даёт весомый шанс атеистам сослаться на прогресс наук или выдвинуть гипотезы, предполагающие естественное происхождение тех феноменов, о которых писал Ньютон.

Во втором письме Роберту Бентли он привёл такие соображения: «Большинство людей рассматривают бесконечность как неопределённость и именно в этом смысле говорят, что все бесконечности равны, хотя правильнее было бы сказать, что бесконечности ни равны, ни неравны, ни образуют какую-нибудь определённую разность, ни находятся друг с другом в определённой пропорции».

Такое «отрицательное определение» с позиции здравого смысла и есть неопределённость, или Неведомое, как позже почтительно называл это нечто философ Герберт Спенсер.

Безусловно, в математике можно считать точку вне конкретной протяжённости, абстрактным понятием, что не мешает выводить законы геометрии. Так же какое-то множество может быть бесконечным, но иметь предел (опять же в абстракции, ибо реально проверить это нельзя). Так бесконечное увеличение углов многоугольника имеет пределом окружность.

Короче говоря, приходишь к мысли, что при неопределённости (в прямом смысле: невозможности определить на опыте, в реальности) бесконечности её можно толковать по-разному, исходя из более или менее произвольных соображений. С таких позиций представления о Боге как проявлении бесконечности тоже выглядят неопределёнными и произвольными, ибо Он не должен быть конечной субстанцией.

В этом же письме Ньютон делает важное замечание: «Иногда Вы говорите о тяготении, как о чём-то существенном и внутренне присущем материи. Умоляю Вас не приписывать этого мне, ибо я отнюдь не претендую на то, чтобы знать причину тяготения. Чтобы поразмыслить над этим, требуется больше времени». Опять неопределённость! В трактате он сослался на то, что гипотез не

выдумывает. Но разве ссылки на Бога не есть гипотезы?

В третьем письме Роберту Бентли заметна у Ньютона путанность мысли: «Гипотеза о материи, равномерно распределённой по небу, по моему мнению, не согласуется с гипотезой о врождённом тяготении без сверхъестественной силы, способной примирить их, и, следовательно, позволяет сделать вывод о существовании Бога. Ибо если бы существовало врождённое тяготение, то материя Земли и всех планет и звёзд не могла бы взлететь с них и равномерно распределиться по всему небу без сверхъестественной силы; а то, что заведомо не может случиться в будущем без сверхъестественной силы, не могло случиться и в прошлом без той же силы».

Впрочем, возможно, я просто не знаю, к какому фрагменту «Математических начал…» относится данный комментарий. В общем, письма Ньютона к Бентли логичны. Между прочим, Ньютон объяснил, почему Земля круглая: благодаря гравитации, силе тяготения, направленной к её центру и сжимающей каменную массу. Как делает вывод М.М. Филиппов из содержания этих писем: «Очевидно, что мыслить с такой логической последовательностью может только человек, во всяком случае, непомешанный».

Однако 13 сентября 1693 года он отправил странное письмо секретарю Адмиралтейства и президенту Королевского общества Сэмуэлю Пипсу, с которым дружил: «Миллингтон передал мне Ваше послание и просил меня убедительно повидать Вас, когда я буду в Лондоне. Я противился, но по его настоянию согласился, не подумав, что делаю, потому что я чрезвычайно потрясён путаницей, в которую попал; все эти двенадцать месяцев я плохо ел и спал и не имею прежней стойкости ума; я никогда не надеялся достигнуть чего-либо при Вашей помощи или посредством милости короля Джемса, но стал теперь настолько возбуждённым, что должен отказаться от знакомства с Вами и не хочу видеть ни Вас, ни кого-либо из остальных моих друзей, если я только хочу оставить их в покое».

Поняв, что с автором письма что-то стряслось, Пипс попросил своего кембриджского знакомого поинтересоваться состоянием здоровья Ньютона. В ответе говорилось:

«Я встретил Ньютона 28 сентября, и, прежде чем я сам его спросил, он сказал мне, что написал Вам письмо, которое его очень смущает; он прибавил, что находится в раздражительном состоянии, с больною головой и не спал почти пять ночей подряд. Он просит при случае передать Вам это и просит Вас его извинить. Теперь он чувствует себя хорошо и хотя, как мне кажется, находится в небольшой степени меланхолии, однако

полагаю, нет оснований подозревать окончательное умственное расстройство, чего, надеюсь, не будет».

Судя по всему, по завершении «Математических начал натуральной философии» у Ньютона стало проявляться нервное истощение, хотя он продолжал работать с прежним усердием. Пожар и полную или частичную утрату рукописи он мог, находясь в таком состоянии, отнести за счёт происков своих недругов. Приступы раздражения и подозрительности стали принимать болезненный характер. В одном из таких состояний он написал не только Пипсу, но затем и другому своему хорошему знакомому Джону Локку – философу, учёному, просветителю и политическому деятелю. На этот раз он выдвинул странные обвинения:

«Сэр, полагая, что Вы намерены запутать меня с женщинами, а также иными способами, я был столь возбуждён этим, что, когда мне сказали, что Вы больны и не выживете, я ответил, что будет лучше, если Вы умрёте. Прошу у Вас извинения за этот недостаток чувства милосердия, потому что теперь я доволен, зная, что сделанное Вами справедливо, и прошу прощения за то, что дурно о Вас думал и представлял себе, будто Вы подрываете основы нравственности в принципах, положенных Вами в основание Вашей книги об идеях и в других книгах, и за то, что я счёл Вас за гоббиста. Прошу прощения за то, что я думал и говорил, будто Вы хотите продать мне должность или запутать меня. Ваш нижайший и несчастнейший слуга Исаак Ньютон».

Что имел он в виду, говоря о намерении Локка «запутать» его с женщинами? Возможно, на него произвело впечатление высказывание Локка: «Мужчины убеждены в слабости женщин, а сами состоят у них же невольниками». Ньютон, избегавший сексуальных отношений, по-видимому, хотя бы временами страдал от этого. Он находил утешение в творчестве, а в период умственного расстройства мог приписать Локку стремление сблизить его с женщинами (чувство, которое он временами испытывал).

Вольтер, сравнивая Ньютона с Декартом, писал: «Своеобразный контраст по отношению к Декарту составляло в нём то, что на протяжении столь долгой жизни он ни разу не испытывал ни страсти, ни слабости; он ни разу не приблизился ни к одной женщине: это мне поверил врач и хирург, на руках которого он скончался. Можно восхищаться этим в Ньютоне, но не следует порицать Декарта».

Безбрачие Ньютона можно объяснить тем, что он состоял в должности научного сотрудника в Кембриджском университете, где студенты и преподаватели, как в монастыре, не имели права

вступать в брак. Это не мешало тем и другим иметь любовниц. У Ньютона их не было.

Был ли он равнодушен к женщинам? Вряд ли. В юности, судя по всему, он не избегал их общества. Как пишет его биограф Питер Акройд, в доме аптекаря мистера Кларка «жила девочка, которая, по её собственным уверениям, стала предметом страсти юного Ньютона. Сей факт плохо согласуется с отсутствием склонности к женскому полу, которое чётко проявлялось у него в более поздние годы, однако, замечает современник, “поговаривают, что он воспылал к ней любовью, и она это также не отрицает”. Сама же она (её звали мисс Сторей) вспоминает, что он был “сдержанным, молчаливым, задумчивым парнем”. Он не играл с мальчиками, но “частенько предпочитал оставаться дома, порой даже среди девочек, и нередко мастерил для неё и подружек маленькие столики, шкафчики и другие полезные вещицы”. Особенно явственно ей запомнилась построенная Ньютоном тележка на четырёх колесах… При помощи особых устройств он мог кататься в ней по дому, направляя её куда пожелает».

Во всяком случае, Ньютон многие годы оказывал финансовую помощь своей племяннице. И настоял в поздние годы, чтобы она с мужем жила в его доме.

Есть версия, что Ньютон был гомосексуалистом. Никаких весомых аргументов у неё нет. Перед смертью Ньютон признался, что умрёт девственником.

Вряд ли причина только в запрете Кембриджского колледжа Троицы. В 53 года он «освободился» от него и стал благодаря своему положению завидным женихом (управляющий Монетного двора его величества, член парламента, председатель Королевского общества). Болезненным его нельзя было назвать: у него до старости сохранялась шевелюра, и он не пользовался очками.

Длительное воздержание могло привести к тому, что он избавился от физиологической потребности в сексе, находя высшее удовольствие в работе. Было поверье, будто воздержание «сублимирует» жизненную энергию, усиливая интеллект. (Пример большинства незаурядных мыслителей этого не подтверждает.)

Можно отчасти понять его состояние в конце 1693 года по тому, как он приносит извинение Сэмуэлю Пипсу за предыдущее письмо:

«С приближением зимы все привычки мои перепутались, затем болезнь довела эту путаницу до того, что в продолжение двух недель я не спал ни одного часа, а в течение последних пяти дней даже ни одной секунды. Я помню, что писал Вам, но не

знаю, что именно; если Вы пришлёте мне письмо, то я Вам объясню его».

Невероятно, чтобы две недели он не спал ни одного часа; тем более странно выглядит уточнение, что не спал ни секунды. То есть у него не только расстройство сна, но также сознания и памяти.

Он отправил новое письмо Джону Локку: «Сэр! В последнюю зиму, слишком часто засыпая у камина, я приобрёл дурную привычку спать; и расстройство, которое в это время было эпидемическим.

Длительная напряжённая – до изнеможения – работа могла подорвать его интеллектуальные силы. Когда к нему обращались с вопросами, связанными с его научными трудами, он затруднялся с ответом и советовал обратиться к математику Абрахаму де Муавру, с которым был дружен. Есть версия, что таким образом он желал отделаться от надоедливых собеседников; однако де Муавр действительно превосходно знал его научные труды, а Ньютон всё более углублялся в теологические проблемы.

Вопреки мнению М.М. Филиппова о том, что именно богословские изыскания подорвали психическое здоровье Ньютона, великий учёный не прекращал работать над некоторыми проблемами физики.

О рассеянности Ньютона ходили легенды, и эту странность высмеял Свифт (возможно, с тех пор некоторые учёные не без кокетства выставляли напоказ свои мелкие чудачества, а пуще всего – рассеянность). Его друг доктор Стюкели рассказывал, что, когда он однажды пришёл к Ньютону, приготовленный для хозяина жареный цыпленок лежал в закрытой тарелке на столе, а сам учёный работал в своём кабинете. Пока он отсутствовал, гость съел цыпленка, а косточки положил обратно.

Ньютон вошёл в комнату, поздоровался, они немного поговорили. После этого Ньютон сел за стол и приготовился есть, но обнаружил лишь обглоданные кости.

– Однако насколько мы, философы, рассеянны, – произнёс он. – Я забыл, что уже поел.

Говорили, что научными исследованиями Ньютон занимался так увлечённо, что… его кот сильно растолстел. Дело в том, что кот постоянно доедал его обед, а то и принимался за него раньше, чем приходил хозяин.

В отличие от многих энтузиастов науки, Ньютон старался годами тщательно разрабатывать новые идеи. Страсть к познанию завела его в дебри алхимии. Полагают, что он вступил в тайное общество алхимиков. В отличие от многих представителей этого,

как тогда говорили, искусства, он не только стремился синтезировать золото или изобретать эликсир бессмертия, а хотел проникнуть в глубины материи, дойти до её изначальных первооснов.

Хрестоматийному образу Ньютона как рассеянного, чудаковатого учёного, углублённого в свои исследования, противоречат некоторые его письма и практическая деятельность. Первый признанный успех Ньютона был связан с его усовершенствованием телескопа, а не с оригинальными идеями. Он более всего преуспел в доказательствах физических законов (в частности, тяготения), которые были сформулированы до него.

У него был период наивысшего творческого подъёма во время чумы, поразившей Англию в 1664–1667 годах. Спасаясь от неё, он перебрался в родную деревушку Вульфсторп.

«Молодой учёный, – писал С.И. Вавилов, – почти два года прожил в деревенской тиши, вдали от многолюдного колледжа с его профессиональными новостями, дрязгами и столкновениями самолюбий… За эти чумные годы Ньютон создал анализ бесконечно малых, метод флюксий, как он его назвал, или дифференциальное и интегральное исчисление, по принятой теперь терминологии Лейбница. Метод был изложен в пяти коротких мемуарах, написанных между 20 мая 1665 г. и ноябрём 1666 г. В это время раскрывается в полной мере экспериментальный гений Ньютона… Он, по-видимому, с наслаждением занимался шлифовкой и полировкой стекла и металлов и конструированием приборов… Можно думать, что основные принципы учения о свете стали ясными для него во время первых вульсторпских опытов.

Наконец, к тем же годам, как явствует из ряда свидетельств самого Ньютона, относятся первые его мысли о всемирном тяготении…

Удивительный творческий подъём в 1665–1667 годах в жизни Ньютона заключается не только в необычайном богатстве и значении полученных им научных выводов, но также и в том, что подобный подъём не повторился у него больше никогда в размерах, в какой-либо степени сравнимых».

Вряд ли в те годы он был рассеянным учёным. В возрасте 27 лет он написал наставление кембриджскому знакомому Астону, отправлявшемуся в заграничное путешествие. Вот выдержки из этого письма:

«Когда Вы будете в новом для Вас обществе, то: 1) наблюдайте нравы; 2) приноравливайтесь к ним, и Ваши отношения будут более свободны и откровенны; 3) в разговорах задавайте вопросы и выражайте сомнения, не высказывая

решительных утверждений и не затевая споров; дело путешественника – учиться, а не учить. Кроме того, это убедит Ваших знакомых в том, что Вы питаете к ним большое уважение, и расположит к большей сообщительности в отношении нового для Вас. Ничто не приводит так быстро к забвению приличий и ссорам, как решительность утверждения. Вы мало или ничего не выиграете, если будете казаться умнее или менее невежественным, чем общество, в котором Вы находитесь; 4) реже осуждайте вещи, как бы плохи они ни были, или делайте это умеренно из опасения неожиданно отказаться неприятным образом от своего мнения. Безопаснее хвалить вещь более для того, чего она заслуживает, чем осуждать её по заслугам, ибо похвалы нечасто встречают противоречие или по крайней мере не воспринимаются не так болезненно людьми, иначе думающими, как осуждения; легче всего приобрести расположение людей кажущимся одобрением и похвалой того, что им нравится. Остерегайтесь только делать это путём сравнений; 5) если Вы будете оскорблены, то в чужой стороне лучше смолчать или свернуть на шутку, хоть бы и с некоторым бесчестием, чем стараться отомстить; ибо в первом случае Ваша репутация не испортится, когда Вы вернётесь в Англию или попадёте в другое общество, не слыхавшее о Вашей ссоре. Во втором случае Вы можете сохранить следы ссоры на всю жизнь, если только вообще выйдете из неё живым. Если же положение будет безвыходным, то, полагаю, лучше всего сдержать свою страсть и язык в пределах умеренного тона, не раздражая противника и его друзей и не доводя дело до новых оскорблений. Одним словом, если разум будет господствовать над страстью, то он и настороженность станут Вашими лучшими защитниками».

В дальнейшем столь же обстоятельно и рассудительно Ньютон предлагает замечать и записывать как можно больше сведений о данной стране, включая технические и технологические новинки, военные укрепления. Особо советует узнавать о превращениях веществ, например, железа в медь, какого-либо металла в ртуть. Ясно, что он увлечён алхимией.

С тридцати трех лет он принялся основательно штудировать Библию и богословские труды. Его не удовлетворили канонические представления. Он втайне стал последователем еретика Ария, не признававшего догмат Троицы и считавшего Христа посредником между Богом и людьми. Эти свои взгляды он высказал с покаянием незадолго до смерти.

Сомнения Ньютона в абсолютной истине всего, что написано в Библии, показывают, что он даже в теологии не мог признать

реальность чуда, противоречащего логике. В подобной ситуации римский богослов и писатель Квинт Тертуллиан (160–220) утвердил приоритет веры над логикой, знанием и здравым смыслом: «верно, ибо это невозможно» (или «верую, ибо нелепо»).

Такая позиция была чужда рациональному уму Ньютона. Тем, кто стоит на позиции Тертуллиана, можно предложить подумать над такой загадкой. У Адама и Евы было два сына. Каин убил Авеля, был проклят и отлучён от семьи. Он ушёл, а в земле Нод женился и основал город. Значит, в той земле были люди. Есть об этих событиях в Библии и другая версия, но тоже не отвечающая на данный вопрос.

Сталкиваясь с такими противоречиями, Ньютон не мог с ними согласиться «по умолчанию». Как честный исследователь он не был склонен к самообману в подобных случаях.

Свою монографию «Математические начала натуральной философии» Ньютон написал в 44 года. Она была высоко оценена научным сообществом. Он вносил в последующие издания изменения и дополнения, связанные отчасти с ухудшением отношений с Лейбницем.

Утомлённый научно-философскими изысканиями и дискуссиями, он занялся посадкой яблонь и производством сидра. С его садом связана всем известная история с падением яблока на землю, которое навело Ньютона на мысль о взаимном притяжении тел. Ясно одно: к тому времени, когда произошёл этот случай, на дереве созрело яблоко, а в уме Ньютона окончательно укоренилась мысль о всеобщем тяготении тел, имеющих массу.

Кстати, на вопрос о траектории падающего на землю с большой высоты тела Ньютон предложил отклонение от вертикали по спирали. А Роберт Гук – по более верной и сложной кривой.

Говорят, на вопрос, сколько ему требовалось времени, чтобы сформулировать открытые им законы, он ответил:

– Эти законы просты. Формулировал я их быстро, но перед этим очень долго думал.

Однако закон всемирного тяготения был сформулирован – в форме гипотезы – ещё до этой работы Ньютона Робертом Гуком. По разнообразию и оригинальности идей (но не по их тщательной разработке) Гук превосходил Ньютона, который был великолепным решателем научных задач.

Как секретарь Королевского общества Гук в письме Ньютону от 6 января 1680 года высказал гипотезу: притяжение обратно пропорционально квадрату расстояния между центрами

массивных тел.

«Если связать в одно все предположения и мысли Гука о движении планет и тяготении, высказанные им в течение почти 20 лет, – писал С.И. Вавилов, – то мы встретим почти все главные выводы “Начал” Ньютона, только высказанные в неуверенной и малодоказательной форме… У Гука была гениальная догадка физика-экспериментатора, прозревающего в лабиринте фактов истинные соотношения и законы природы. С подобной редкостной интуицией экспериментатора мы встречаемся в истории науки ещё у Фарадея, но Гук и Фарадей не были математиками. Их дело было завершено Ньютоном и Максвеллом. Бесцельная борьба Ньютона за приоритет набросила тень на славное имя Гука, но истории пора, спустя почти три века, отдать должное каждому».

Увы, поныне прославлен гений Ньютона и немногие слышали о Роберте Гуке. Пропаганда и реклама действуют не только в торговле и политике, но и в науке. Даже Лейбниц остаётся в тени, а на первом плане, как в театре главный герой при свете софитов, выступает Ньютон.

Нечто подобное произошло с Анри Пуанкаре, которого «затмил» Альберт Эйнштейн в результате усилий популяризаторов. Для истории науки характерен «культ личности»: нередко какому-то учёному приписывают великие достижения, умаляя значение других, порой не менее, а то и более талантливых. Так проявляются желание показать интеллектуальное превосходство своего народа или социальные достоинства того или иного общественного строя.

Многолетние химические опыты Ньютона не привели к сколько-нибудь значительным результатам. То же относится к его богословским трудам. Каким-то особо проницательным, «энциклопедическим» умом он не обладал. Хотя англичане постарались своего соплеменника возвести в ранг величайших гениев всех времён и народов.

Современник Ньютона английский поэт Александр Поп (Поуп), не проявлявший большого интереса к наукам, в торжественной эпиграмме провозгласил:

> Был Божий мир кромешной тьмой окутан.
> «Да будет свет!» – и появился Ньютон.

Спросить бы Попа: что в Мире осветил гений Ньютона? Уточнил движение планет; доказал на материалах своих и чужих

астрономических наблюдений высказанный Гуком всемирный закон тяготения; сформулировал законы механики, тоже не первым…

Разве такая уж тьма была в науке о движении небесных тел до Ньютона? Почему бы не превозносить гений Коперника, Галилея, Кеплера? Только потому, что они не англичане?

Советский историк науки физик Б.Г. Кузнецов писал: «Современная ретроспекция открывает в творчестве Ньютона этап – один из самых решающих этапов – эволюции человеческой мысли». И уточняет: «Речь идёт не об индивидуальной мощи познающего разума – в этом отношении учёный XX в., даже самый крупный, даже Эйнштейн, вряд ли превосходит Ньютона, как и Ньютон вряд ли превосходит Платона и Аристотеля».

Вспоминается выражение математика академика Н.Н. Лузина (в письме В.И. Вернадскому в 1940 году) по поводу восхваления А. Эйнштейна: «Это относится к ведомству пропаганды». Нет никаких вразумительных критериев, чтобы сравнивать «интеллектуальную мощь» мыслителей разных эпох, народов и областей знаний.

С именем Ньютона связано наиболее успешное и убедительное использование математического метода в физике и астрономии. Бессилие этого метода для познания сущности жизни показали Лейбниц и Кант, а для познания истории Земли – Лайель. Однако успехи механики и техники заворожили не только обывателей, но и научное сообщество, а потому непомерно прославлен Ньютон.

Спору нет, он был трудолюбив, увлечён познанием в нескольких областях. Но были у него недостатки, недостойные выдающегося учёного. По мнению С.И. Вавилова: «во всех трёх нашумевших спорах Ньютона – с Гуком, Лейбницем и Флэмстидом – проявляются его болезненное самолюбие, обидчивость и властность».

Впрочем, он был заложником своего времени и своего положения в обществе, а отчасти, быть может, и своей славы. Королева Анна возвела его в дворянское сословие (этого удостаивались и некоторые пираты), он занимал высокие и почётные посты.

Когда он уже в немолодые годы заведовал Монетным двором, никто не упоминал о его рассеянности. Судя по всему, он до преклонных лет сохранял живость ума. 15 декабря 1716 года он писал доктору Лоу:

«Дорогой доктор! Тот, кто копается в глубоких шахтах знания, должен, как всякий землекоп, время от времени подниматься на поверхность и подышать чистым воздухом. В

одном из таких промежутков я и пишу Вам теперь, друг мой. Вы спрашиваете, как при таких занятиях удаётся мне поддерживать здоровье. Ах, мой дорогой доктор, Вы гораздо лучшего мнения о Вашем ленивом друге, чем он сам о себе. Морфей – мой неотвязный спутник: без 8–9 сна Ваш корреспондент никуда не годится. Занятия сначала вредили моему пищеварению, но теперь я ем с аппетитом… Я много занимался замечательными явлениями, происходящими, когда приводишь в соприкосновение иголку с кусочком янтаря или резины, потёртой о шёлковую ткань. Искра напомнила мне о молнии в малых, очень малых размерах».

У Ньютона были приступы временного помешательства, судя по всему, в результате переутомления, когда он работал особенно интенсивно и спал 4–5 часов в сутки. При его не слишком крепком здоровье этого было мало. Занимаясь опытами, в частности с ртутью, у себя в алхимической лаборатории, он мог отравиться.

И в молодые, и в поздние годы он обычно не терял здравого смысла; не верил в сверхъестественное. С позиций рационализма он исследовал и библейские тексты (что в те времена было распространено среди учёных). Его богословские труды высоко оценил Джон Локк. Из них опубликована меньшая часть, по-видимому, наиболее ортодоксальная. Судя по некоторым сведениям, Ньютон склонялся к арианству: не признавал божественную природу Христа и считал его необыкновенным, но всё-таки человеком, посредником между людьми и Богом, пророком (как в исламе?).

Верил ли Ньютон в возможность откровения, позволяющего предвидеть будущее? Только для библейских пророков. Свои достижения он не приписывал каким-то сверхобычным качествам ума, которые иногда людям кажутся гениальностью, определяемой особой комбинацией генов. На этот счёт у Ньютона, причисленного к величайшим гениям человечества, было собственное мнение:

«Когда я писал свой труд о системе мира, я направлял свое внимание на такие принципы, которые могут вызвать у мыслящего человека веру в Божественное существо, и ничто не доставляет мне такой радости, как видеть себя полезным в этом отношении. Если я, однако, оказал человечеству таким образом некоторую услугу, то обязан этим не чему иному, как трудолюбию и терпению мысли».

Почему Ньютон не удовлетворился изучением природы, а занимался ещё и богословием? Ответ на этот вопрос можно найти в некоторых отступлениях от научного метода, которые он

позволял себе в классических «Началах…». В заключительной главе сказано:

«Изящнейшее соединение Солнца, планет и комет не могло произойти иначе, как по намерению и власти могущественного и премудрого Существа». И ещё: «От слепой необходимости природы, которая повсюду и всегда одна и та же, не может происходить изменение вещей. Всякое разнообразие вещей, сотворенных по месту и времени, может происходить лишь по мысли и воле Существа, необходимо существующего».

На страницах этой монографии начертано его знаменитое «гипотез я не измышляю». Однако он принял как истину гипотезу Бога, ибо иначе не мог найти объяснения изумительной гармонии Мироздания и происхождения законов природы – первопричине всего сущего.

Но если на это неспособен рациональный ум и бессилен научный метод, он предполагал, что некоторые из людей способны интуитивно воспринимать божественные законы, которым подчиняется человеческое общество как единое целое. Значит, в принципе можно предвидеть дальнейший ход исторических событий (но не личных судеб людей).

Сторонники возможности такого мистического проникновения в будущее в немалом количестве имеются и в наши дни. Научные доводы и соображения здравого смысла для них не имеют значения. Эти люди охотно верят шарлатанам, экстрасенсам, астрологам, а то и психически больным, уверяющим, будто им дан дар (или знание) предвидения.

Ньютон не был ни наивен, ни глуп. Однако авторитет Священного Писания он воспринимал всерьёз. Некоторые явные логические неувязки и сомнительные места, которые в нём встречаются, он не мог принимать на веру без логического анализа: сказывалась научная закалка ума. Поэтому он исходил из того, что многие тексты Библии следует толковать аллегорически.

Существуют методы научного прогноза, предвидения событий. Но они не имеют отношения к какой-либо конкретной личности, судьба которой зависит от множества субъективных и недоступных предвидению событий, учесть которые невозможно.

Для отдельных государств и всего человечества ситуация иная. Они развиваются или деградируют в природной среде, которая получила название Биосферы – области жизни. Случайные непредсказуемые события и в этом случае играют некоторую роль, но второстепенную. Вступают в силу статистические закономерности.

Так в движущемся вниз по склону массиве песка невозможно вычислить траекторию отдельных конкретных песчинок. А продвижение всей массы определяется достаточно точно, если известны параметры склона, свойства массива.

То же происходит с молекулами воды в речном потоке. Каждая из них испытывает множество ударов от окружающих атомов и молекул и движется относительно хаотично. Но продвижение всего потока несложно прогнозировать с немалой точностью и достоверностью.

Исходя из таких соображений некоторые философы пришли к выводу, что существуют объективные законы развития общества, зная которые можно предвидеть будущее. Это заблуждение. Общество – не механическая система. Зная небесную механику, астрономы успешно прогнозируют лунные и солнечные затмения.

Законы общества отличаются от законов косных небесных тел. Кроме экономических параметров, доступных измерению, и более или менее объективных (если не учитывать влияние финансовых факторов), в судьбах обществ, цивилизаций значительную, а порой решающую роль играют факторы субъективные. Сказываются моральные и умственные качества людей, их вера, устремления на деле, а не на словах, представления о счастье… Помимо всего прочего, оказывает влияние коллективное подсознание.

Цивилизация, общество, народ имеют такую судьбу, которую заслуживают (учтём, что народы, мало изменяясь физически, духовно могут деградировать за считаные десятилетия).

Итак, Ньютон исходил из предположения, что многие истины Священного Писания зашифрованы в виде аллегорий, художественных образов. С этих позиций он толковал Откровение Иоанна Богослова.

Историю с истязаниями святого в котле с кипящим маслом, откуда он вышел невредимым, Ньютон считал легендой. Определяя время написания Апокалипсиса, исходил из предположения, что был один и тот же автор у этого сочинения и Евангелия апостола Иоанна. В таком случае Откровение должно быть древнее, ибо в нем больше гебраизмов (древнееврейских выражений), чем в Евангелии от Иоанна.

«Отсюда можно заключить, – писал Ньютон, – что Апокалипсис был написан, когда Иоанн только что прибыл из Иудеи, где он привык к сирийским оборотам речи; и что он написал своё Евангелие лишь после того, как по долгом обращении между малоазийскими греками освободился в значительной степени от гебраизмов… Подлинный Апокалипсис

был написан настолько давно, что уже в Апостольские времена оказалось возможным составление множества подложных Откровений в подражание истинному, приписываемых умершим ранее Иоанна апостолам Петру, Павлу, Фоме и др.».

Почти через три столетия после этого вывода Ньютона немецкий ученый В. Фукс с сотрудниками с помощью компьютера попытался определить вероятность одного автора упомянутых выше книг Нового Завета. Текстологический анализ показал: «Здесь длины слов, расчленённость и сложность предложений согласуются, но не согласуются длины предложений». В итоге «наши данные следовало бы толковать как указание на различие авторов. Однако… наши количественные результаты ещё не дают окончательного ответа на вопрос об авторстве».

Пожалуй, толкование Ньютона более убедительное. Оно объясняет отличия двух текстов большим промежутком времени, их разделяющим. Не исключено, что Апокалипсис Иоанн Богослов написал сам, а Евангелие вынужден был диктовать ученику из-за своего преклонного возраста и слабого зрения. Кстати, на гравюрах Дюрера он показан молодым.

Вот наиболее общие выводы Ньютона: «Существенной частью этого пророчества является то, что оно не должно быть понято до самого последнего времени Мира. В силу этого то обстоятельство, что пророчество до сих пор ещё не понято, укрепляет веру в него».

Несколько странный логический поворот. Многое из древних и новых текстов остаётся непонятым по разным причинам. Это ещё не означает, будто в них заключена потаённая истина. И зачем понимать пророчество в самое последнее время Мира? Она направлено на то, чтобы подготовить людей к этому событию, принудить их к добрым делам и помыслам в страхе перед Высшим Судом, который потому и назван Страшным. Впрочем, продолжим цитировать Ньютона;

«Но если последние времена, времена раскрытия вселенской тайны, ныне приближаются, как это следует заключить из больших успехов, достигнутых новейшими истолкователями Откровений, то мы должны тем с большею смелостью углубиться в них…

Главная ошибка истолкователей Апокалипсиса заключалась в том, что они на основании Откровения пытались предсказывать времена и события, как будто Бог их сделал пророками. Благодаря этому эти истолкователи подверглись осуждению сами и вместе с тем возбудили недоверие и к пророчеству вообще.

Но Божественное предначертание заключалось совсем в ином. Бог дал это Откровение так же, как и пророчества Ветхого

Завета, не ради того, чтобы удовлетворить любопытство людей, делая их способными предузнавать будущее, но ради того, чтобы исполнением их на деле явлен был миру святой Промысел Его, а не проницательность истолкователей. Ибо наступление событий, предсказанных за несколько столетий, служит убедительным доказательством того, что вселенная управляется Провидением. Ибо как несколько неясных пророчеств относительно первого пришествия Христова послужили для установления христианской религии, ныне почти утраченной, так многие и ясные пророчества о событиях, которые совершаются при втором пришествии Христовом, служат не только предсказанием, но и содействуют обретению и восстановлению истины и установлению царства, где обитает праведность».

Ньютон сетует на то, что христианская религия почти утрачена. Сильное заявление! Что он имел в виду? Судя по последнему слову, отсутствие праведности, нарушение христианских заповедей. Но почему так произошло? Почему в данном случае Ньютон говорит о ясных пророчествах, хотя прежде утверждал, что простому смертному пророчества не дано понять до конца дней? Далее он пишет:

«События оправдают Откровение; когда же будет подтверждено и понято это пророчество, то раскроется смысл древних пророков, и всё это вместе даст возможность познать истинную религию и установить её. И тот, кто желал бы понять древних пророков, должен начать с Апокалипсиса; но время совершенного уразумения его ещё не пришло, так как не совершился тот полный мировой переворот, который предсказан в Откровении…

До той же поры мы должны довольствоваться истолкованием лишь того, что уже исполнилось».

Позиция Ньютона не лишена противоречий. Предположим, понять смысл пророчеств можно только задним числом. Но ведь Иоанн Богослов разворачивает перед нами последовательную вереницу событий. Зная их ход, нетрудно предвидеть то, чему суждено произойти после того, как произошло предсказанное. Если этого сделать нельзя, то перед нами всего лишь собрание разрозненных высказываний, толкование которых допускает различные варианты.

Например, полный мировой переворот, согласно Апокалипсису, должен был начаться вскоре после того, как будет повержен зверь из бездны, и продлиться тысячу лет. Ко времени Ньютона срок этот был давно превзойден. Как это понимать, Ньютон не пояснил.

Порой кажется, что знаменитый научный труд писал один

человек, а менее знаменитые богословские труды – другой, независимо один от другого. Как физик он убедительно показал, что кроме относительного времени существует абсолютное, подобное потоку. Как богослов он допускал предопределённость событий (вопреки относительному времени) и возможность предвидения будущего (вопреки времени абсолютному).

Верил ли Ньютон в предопределённость всего сущего? С научной позиции – нет, но с теологической принимал Апокалипсис Иоанна Богослова как зашифрованную символическую истину. В таком случае финал человечества предопределён.

Казалось бы, теологу «положено» верить в чудо как проявление неведомого человеку промысла Бога. На это у Ньютона было свое мнение:

«Чудеса называются так не потому, что они творятся Богом, но потому, что они случаются редко и потому удивительны. Если бы они происходили постоянно по определённым законам природы вещей, то они перестали бы казаться удивительными и чудесными и могли бы рассматриваться в философии как часть явлений природы (несмотря на то что они суть следствие законов природы, наложенных на природу силою Бога), хотя бы причина их и оставалась нам неизвестной».

Выходит, Богом даны законы природы, дан импульс развития Вселенной, а затем Он устранился от активного вмешательства в дела Мироздания. Почему? Неведомо.

Если Ньютон сомневался ещё и в догмате Троицы, то его религиозные взгляды были далеки от канонов официального христианства. Зачем же он долго и упорно занимался богословием? Надеялся создать что-то подобное рациональному христианству, догмы которого не противоречат научным данным? Или, критикуя католическое учение, хотел избавиться от сомнений в истинности англиканской церковной догматики?

Так или иначе он стремился понять этот Мир и с позиций науки (тогда её называли философией и не отделяли от неё), и с позиций религии. Но как совместить механику движения небесных тел, подчинённых чётким законам, с жизнью людей, животных, растений? Можно ли считать, что каждый человек и всё общество подчиняются изначальным установлениям Бога? Или Он предоставил человеку свободу воли? Для чего? Почему нет в жизни людей той гармонии, которую демонстрирует небо?..

Подобные вопросы волновали Ньютона, вносили сомнения в душу. Можно предположить, что от этого он временами терял самообладание, проявляя худшие черты своего характера. Ум его был нацелен на познание, но тщетны были попытки соединить

законы науки, догмы христианства и реалии жизни. Эти противоречия подавляли его эмоционально.

Такое предположение отчасти подтверждает тот факт, что увлечённо работая над «Началами», он был замечательным и симпатичным учёным, если судить по воспоминаниям его секретаря и однофамильца Гэмфри Ньютона. Конечно, Гэмфри нельзя назвать объективным свидетелем. Работал он у «сэра Исаака» с 1685 по 1689 год и, судя по стилю его воспоминаний, постарался как можно точнее передать свои впечатления:

«В это время он писал свои “Начала”, и по его распоряжению я переписывал это великолепное произведение, прежде чем послать его в печать. После напечатания сэр Исаак послал меня с книгами для подарков начальствующим лицам в колледж и своим знакомым; кое-кто из них (в особенности доктор Бебингтон из Тринити) сказал, что надо лет семь учиться, прежде чем что-нибудь поймёшь в этой книге.

Сэр Исаак был в это время очень любезным, спокойным и очень скромным и, по-видимому, никогда не впадал в раздражение; за исключением одного случая я никогда не видел, чтобы он смеялся…»

Человек, который почти никогда не смеётся! Такая характеристика не в пользу Ньютона. Судя по имеющимся сведениям, он не обладал чувством юмора. Другое дело – над ним посмеивались. Говорили, что много раз присутствуя на заседаниях парламента, он лишь однажды выступил и произнёс самую короткую речь: «Господа, если вы не возражаете, я попросил бы закрыть окно, чтобы не простудиться».

Безусловно, увлечённая работа над научным исследованием и многочисленные алхимические опыты не располагают к веселью и долгим политическим прениям. И хотя Ньютон встречался с друзьями, выходил в сад, это были для него досадные отвлечения от главного занятия жизни. Как писал Гэмфри:

«Он постоянно был занят работой, редко ходил к кому-нибудь или принимал у себя гостей, за исключением двух-трёх друзей – д-ра Эллиса, м-ра Лотона и химика м-ра Вигани. Он не позволял себе никакого отдыха и передышки, не ездил верхом, не гулял, не играл в кегли, не занимался спортом; он считал потерянным всякий час, не посвящённый занятиям. Редко уходил он из своей комнаты, за исключением только тех случаев, когда ему надо было читать лекции как люкасовскому профессору. Лекции мало кто посещал и ещё меньше того понимал. Часто приходилось читать перед пустыми стенами.

Посторонних он принимал с простотой и почтением; если его приглашали на ужин или обед, что случалось очень редко, он с

удовольствием устраивал ответное угощение. Занятиями увлекался он настолько, что часто забывал обедать. Нередко, заходя в его комнату, я находил обед нетронутым на столе, и только после моего напоминания он стоя что-нибудь съедал. Я никогда не видал, чтобы он садился за обед сам, без напоминания. В тех редких случаях, когда он принимал гостей, присутствовало главным образом начальство колледжа.

Раньше двух-трёх часов он редко ложился спать, а в некоторых случаях засыпал только в пять, шесть часов утра. Спал он всегда 4 или 5 часов, особенно осенью и весной, когда в его химической лаборатории ни днём, ни ночью почти не прекращался огонь. Я не мог узнать, чего он искал в этих химических опытах, при выполнении которых он был очень точен и аккуратен; судя по его озабоченности и постоянной работе, думаю, что он стремился перейти черту человеческой силы и искусства. У Ньютона в это время не было ни учеников, ни товарищей по комнате, которые помогали бы ему в работе. Только один раз за всё время он был болен и пролежал несколько дней в постели; страдания он выносил с большим терпением, совершенно безразлично относясь к жизни и смерти.

В лаборатории сэра Исаака было много химических приборов, однако чаще всего он пользовался плавильными тиглями, в которых расплавлял свои металлы. Иногда он справлялся в старой истлевшей книге, лежавшей в его лаборатории и носившей название Agricola. De Metallis. Превращение металлов было главной целью, а сурьма – главным ингредиентом… Иногда во время прогулки в саду Ньютон внезапно останавливался, вбегал по лестнице в свою комнату и, подобно Архимеду, начинал писать за своим пультом, забывая сесть…

Не найдя на лекции ни одного слушателя, Ньютон через четверть часа возвращался обратно. Он подолгу ходил в своей комнате взад и вперед… Днём он никогда не спал. Думаю, его немало печалила необходимость тратить время на еду и сон. Хотя у него была большая библиотека, он редко справлялся в книгах».

Причина проста: он был занят узкоспециальным исследованием в области механики, включая движение небесных тел. Природа в её бесконечно разнообразных проявлениях Ньютона не интересовала. Его солидная монография содержит решения сложных геометрических задач, формулы, схемы. Надо обладать особым складом ума и упорством в достижении неблизкой цели, чтобы создать такую работу.

Можно ли назвать её гениальной? Да, по логической завершённости многих разделов, отличной способности автора решать сложные математические (геометрические) задачи,

убедительному обоснованию законов механики и всемирного тяготения. Однако нет в ней идей, помогающих понять земную природу, Жизнь, Разум, человека. У Ньютона именно «математические начала». И на этих началах он остановился.

Физики продолжили физико-математические разработки всё тех же ньютоновских начал. В XX веке физики отказались от абсолютного времени и пространства, а также эфира в пользу относительного пространства-времени Эйнштейна-Минковского. Затем пришлось вводить абсолютную геохронологию и вакуум. Возникла модель Вселенной (Метагалактики), рождённой в результате Большого взрыва. Однако эта гипотеза вызывает много вопросов, не имеющих объяснения. Ничего полезного для познания Земли, Жизни, Разума, человека эти «математические начала» не дали.

В предисловии к первому изданию своих «Начал» Ньютон заявил, что его философия природы ограничена областью физики: «Новейшие авторы, отбросив субстанции и скрытые свойства, стараются подчинить явления природы законам математики.

В этом сочинении имеется в виду тщательное развитие приложений математики в физике».

По отношению к первым двум книгам это верно. Третья – «О системах Мира» – посвящена проблемам астрономии, движения небесных тел. Ньютон сослался на свои опыты с маятниками из разного материала, подтвердившие известный факт, что сила тяжести не зависит от свойств вещества, а только от массы. И добавил: «Не может быть сомнения, что природа тяжести на других планетах такая же, как на Земле». Значит, речь идёт именно о всемирном законе тяготения.

История с падением яблока, якобы подсказавшего Ньютону закон всемирного тяготения, показывает весьма упрощённый взгляд выдающегося физика и математика на природу. Его мало интересовало, как растёт дерево, почему зреют плоды, каким образом увеличивается их масса, как живёт окружающая природа. Он ограничивался исследованием механического движения, алхимическими опытами, толкованием текстов Библии, составлением хронологии исторических событий.

У него есть только мимолётные замечания о живой природе. Он предполагал, что хвосты комет содержат водяной пар: «Для сохранения морей и влаги на планетах, по-видимому, требуются кометы, из сгущенных выделений и паров коих всякая жидкость, поглощаемая растениями и гниением их превращаемая в сухую

землю, может непрерывно восполняться и образовываться вновь». Он предполагал, что водяные пары и газы уходят от планет в космос, а кометы восполняют их дефицит:

«Пары, производимые Солнцем, неподвижными звёздами и кометными хвостами, могут от своего тяготения падать в атмосферы планет, здесь сгущаться и превращаться в воду и во влажные спирты и затем от медленного нагревания переходить в соли, в серы, в тинктуры, в ил, в тину, в глину, в песок, в камни, в кораллы и в другие земные вещества».

В сознании Ньютона был образ великолепной машины Мира, создав которую Творец определил её законы и придал ей первоначальное движение. Можно ли считать, что это и есть свет, рассеявший существовавший до этого мрак? Вряд ли.

«Математические начала» Ньютона ознаменовали три во многом печальные явления в истории науки, о которых мы уже упоминали:

- выделение одной особо прославленной личности с преувеличением её достижений;
- чрезмерное преувеличение значения математики для познания природы;
- иллюзию постижения Вселенной на основе физико-математических моделей, не учитывающих присутствие в Мире Жизни, Разума, человека.

Возможно, в этом сказалось проявление личности, умственного склада Исаака Ньютона. По его примеру некоторые выдающиеся физики XX века в шутку или всерьёз упоминали Бога в своих дискуссиях. Но разве можно верить в присутствие разумного начала во Вселенной, если она способна сжиматься, взрываться и расширяться, как детская игрушка?

У Ньютона на этот счёт было своё логически оправданное мнение: величественная и чудесная гармония Мироздания продумана и осуществлена всезнающим, всемогущим Творцом. Способен ли человек постичь во всей полноте замыслы Бога? Нет, конечно. Но познание – высшая степень человеческого бытия, приобщающая к божественным истинам. Такая устремлённость изначальна в людях.

…В отличие от Ньютона, старавшегося постичь механизм Мира, «поверить алгеброй гармонию», предопределённую Творцом, Лейбниц предполагал в Мире присутствие Жизни и Разума как основ бытия, наравне с веществом и энергией. Возможно, сходные представления были у Роберта Гука. Но такие взгляды не укладывались в жёсткие рамки физико-математических схем.

Веря в прогресс, неуклонное развитие природы и общества, преодоление несовершенства и приближения к мировой гармонии, ни Лейбниц, ни Гук не задавались вопросами: почему не был сотворён Мир, совершенный во всех отношениях? Какая роль определена человеку во Вселенной, где наша планета является «бесконечно малой», которой можно пренебречь? Почему человек творит так много злого, преступного, глупого?..

Увы, идея прогресса смущала – и продолжает смущать – многие умы, не замечающие явных её опровержений самой жизнью. В науке она проявляется в убеждении, будто будущие достижения познания раскроют все тайны природы. Механическая гармония небесных тел и возможность описать её системой математических формул создаёт иллюзию постижения Вселенной.

Конечный результат подобных усилий осознал Ньютон на склоне лет: «Не знаю, чем я могу казаться миру, но сам себе я кажусь только мальчиком, играющим на морском берегу, развлекающимся тем, что от поры до времени отыскиваю камешек более цветистый, чем обыкновенно, или красивую раковину, в то время как великий океан истины расстилается передо мной неисследованным».

…Как бы мы ни относились к нему, это был выдающийся мыслитель. Его причуды, периоды помешательства и некоторые серьёзные недостатки во многом определяются его достоинствами как талантливого математика и физика, увлечённого научными исследованиями.

Эммануил Сведенборг (1688–1772)

Эммануил Сведенборг – шведский учёный, натуралист. Разнообразие его интересов было необычайным: космология, механика, математика, анатомия, физиология, политика, экономика, металлургия, минералогия, горное дело, геология, химия, философия, теология.

Википедия: «Возможно, что именно удивительная широта интересов, тонкое чувство взаимосвязи различных вещей и явлений помогли ему совершить прорыв к “тайному знанию”. Поворот произошёл, когда Сведенборгу было 56 лет; в один из апрельских вечеров он, по собственным заверениям, пережил встречу с Господом, который благословил его будущие деяния».

Философ В.С. Соловьёв назвал его «самым замечательным (после Якоба Бёма) теософом новых времён». Аргентинский писатель Хорхе Луис Борхес полагал, что речь должна идти о нетипичном мистике:

«Трезвый трудолюбивый Эммануил Сведенборг, исходивший вдоль и поперёк наш, а также многие другие миры, меньше всего напоминает этот образ. Никому ещё не удавалось принять жизнь в таком разнообразии, никому еще не доводилось изучать её так пылко, с такой любовью рассудка, с таким нетерпением познания. Мало кто отличался от монаха сильнее, чем этот скандинавский сангвиник, забиравшийся много дальше Эриха Рыжего» (нормандского мореплавателя, открывшего Скандинавию).

Одни уверены: он стал «духовидцем», странником в мире духов. Другие полагают, что у него началось душевное заболевание. Приходится делать выбор: либо гениальный учёный проник за пределы зримой реальности, недоступные обычному уму, либо он заблудился в сумерках своего подсознания…

Родился Эммануил в Стокгольме в семье епископа и полкового священника королевской гвардии Еспера Сведберга. Учился в Упсальском университете, проявляя поистине всеобъемлющий интерес и к естественным, и к гуманитарным наукам. Завершил он образование во время четырёхлетнего путешествия по Англии, Голландии, Франции, Германии, посещая лекции в разных университетах.

«Этот выдающийся и одинокий человек был многолик, – писал Борхес. – Он не презирал ремёсел; в Лондоне, будучи юношей, он обучается ручной работе переплётчика, чернодеревщика, оптика, часовщика и изготовителя научных приборов. Он также чертит необходимые для глобусов карты. И при этом не пропускает занятий по разнообразным естественным

дисциплинам, по алгебре и новой астрономии Ньютона – он мечтает с ним побеседовать, но так и не встретится с ним. Его трудолюбие всегда отличалось изобретательностью. Он предвосхищает теорию небесной механики Лапласа и Канта; проектирует корабль, способный летать по воздуху, и другой, военный, способный двигаться под водой. Ему мы обязаны особым методом определять расстояния и трактатом о диаметре Луны. Около 1716 года, в Упсале, он предпринимает издательство одной научной газеты, восхитительно им озаглавленной Daedalus Hyperboreus *(«Дедал Гиперборец», от имени искусного изобретателя греческой мифологии. – Р.Б.*) и просуществовавшей два года. В 1717 году неприязнь к числовому умозрению вынуждает его отказаться от предложенной королем кафедры астрономии. Во время жутких, почти мифических войн Карла XII… работает военным инженером. Он придумывает и воплощает способ транспортировки кораблей по суше на расстояние более четырнадцати миль».

Эммануил Сведберг приобрёл известность в научных кругах, на него обратил внимание король Карл XII, предложив ему должность контролёра Королевской горной коллегии. Король был убит в 1718 году при осаде норвежского города Фридрихсгаля. Тем не менее заслуги изобретателя и учёного не были забыты: королева Ульрика-Элеонора возвела его в дворянское достоинство под фамилией Сведенборг.

Для основательного знания горного дела и металлургии он побывал на рудниках и заводах разных стран. В 1734 году были изданы его труды по философии (естествознанию) и минералогии в трёх томах. Его интересует проблема бесконечности, а более всего – о связи души с телом. С этой целью он стал изучать зоологию, физиологию и анатомию. В двух работах о царстве животных он взял за основу как высшее проявление живого существа – человека. По словам В.С. Соловьёва, «предмет этих двух его сочинений может быть точно обозначен как *морфология и механическая физиология человеческого организма*».

Благодаря своим многочисленным и разнообразным научным трудам Сведенборг получил широкое признание как учёный; был избран почётным членом многих академий, в том числе Петербургской АН. Возможно, у него возникло чувство своей необычайной одарённости, нечто подобное мании величия. Он в дневнике, как отмечает Борхес, «обвиняет себя в безумном самолюбии».

Весной 1745 года в Лондоне с ним произошло чрезвычайное происшествие. Вот его рассказ об этом.

«Я был в Лондоне и ужинал поздно вечером в обычной

гостинице, где я имел свою собственную комнату, чтобы оставаться одному. К концу ужина я заметил, что перед моими глазами расстилается как бы облако, и я увидел, что пол был покрыт противными пресмыкающимися, змеями, ящерицами, жабами и другими. Я тем более испугался при этом, что сделался почти полный мрак. Однако мрак скоро исчез, и я увидел сидящего в углу комнаты мужа, окружённого лучезарным светом; он сказал мне громким голосом: “Не ешь так много!” При этих словах видение исчезло…

Следующей ночью мне снова явился тот же блестящий образ и сказал: “Я Господь Бог, творец и искупитель, я избрал тебя для объяснения людям внутреннего духовного смысла Священного Писания и буду внушать тебе то, что ты должен писать”. Муж был одет в пурпур, и явление продолжалось около получаса. В эту ночь открылся мой внутренний взор, так что я получил возможность видеть обитателей мира духов небес и ада и благодаря этому множество скрытых аспектов бытия. После этого я посвятил себя исключительно духовным постижениям, и Господь Сам руководил моими записями об этом».

Что это было? Прорыв в «параллельный мир» или самообман, болезненные видения? Так или иначе, он замкнулся в своём внутреннем духовном бытии.

Обратим внимание на обстоятельства, при которых возникли видения. Уединение, размышления, сосредоточенность на еде, приток крови к желудку, недостаточное кровеносное питание мозга, временная потеря сознания. Как бывает во сне, отреагировало подсознание, представив образ, который предостерёг его от возможного заворота кишок или от рвоты.

Нервное потрясение от пережитого, долгая голодовка, напряжённые размышления о согласовании Священного Писания с наукой, связи души и тела – всё это воплотилось в яркие образы, возникшие из подсознания. С этих пор он стал видеть мир духов и общаться с ними.

Сказалось и «безумное самолюбие». Он не ограничивался записями в дневнике, а писал и публиковал свои толкования библейских текстов и мистические сочинения («Небесные тайны, находящиеся в Св. Писании, или в Слове Господа, с диковинами видными в мире духов и в небе ангелов», «О небе, аде и мире духов» и многие другие).

Правда, Борхес отвергал возможность психического заболевания у Сведенборга, ссылаясь на тысячи страниц его связных текстов. «Два года, – писал Борхес, – отдал Сведенборг еврейскому языку, чтобы изучать Писание без посредников. Я придерживаюсь того мнения – учтите, что речь идёт о бесспорно

еретическом мнении обыкновенного литератора, а не учёного или теолога, – что, подобно Спинозе и Фрэнсису Бэкону, Сведенборг – совершенно самостоятельный мыслитель, который совершил непростительную ошибку, решив упорядочить свои идеи в рамках Писания» И ещё: «От символического прочтения Библии Сведенборг переходит к символическому прочтению вселенной и нас самих».

У него проявилось, как называют в психиатрии, автоматическое письмо. Человек не обдумывает слова и фразы, исписывая страницу за страницей, как будто рукой его водит неведомая сила. Прежде считали, что это ангел или чья-то душа, за последние полтора века стали ссылаться на космос.

Мне дважды пришлось иметь дело с женщинами, которые были уверены, что они пишут, получая космическую информацию. В Звенигороде я посетил приветливую пожилую женщину, которая в юности однажды видела гуляющих в саду детей царя Николая II. Через 60 лет после их трагической гибели она стала принимать послания от духа царевича Алексея, а также другие сообщения. У меня хранятся некоторые её записи.

Не было сомнений: она говорила правду. Но правда эта относилась только к её личным переживаниям и фантазиям. Она верила, что принимает сигналы из банка космической информации, хранящего сведения о всех событиях, происходивших во Вселенной.

Подобные записи, сделанные от имени каких-либо людей прошлого, никаких особых откровений или гениальных идей, мыслей, стихотворений не содержат. Обычно это подражания тем, на кого ссылаются.

Иной человек может поверить, будто в него вселилась чья-то душа (чаще всего – знаменитого человека). В психиатрических лечебницах всего мира находится немало Наполеонов, Александров Македонских, Иисусов… Тут уже спиритизм достигает крайних пределов.

Связность и логичность визионерских сочинений Сведенборга вполне соответствует симптомам «автоматического письма». Это вовсе не безумный бред, а выражение знаний и умений данного человека, но с маниакальной целеустремлённостью и верой в свой необычный дар. Этим Сведенборг решительно отличался от признанных философов.

Он не прибегал к символическому толкованию Библии, подобно многим теологам, а сообщал о своих видениях как о зримой реальности. И перешёл не к символическому прочтению Вселенной и нас самих, а к сотворению образов неба и ада в себе

самом.

О Сведенборге уже при его жизни стали рассказывать были и небылицы. Он действительно общался с духами. Один посетитель, придя к нему в дом, узнал от слуги, что хозяин занят, и стал ожидать его в гостиной. Из кабинета раздавались голоса. Дверь открылась, и вышел Сведенборг. Он продолжал беседу… Никого рядом с ним не было. Проводив невидимого посетителя, открыв ему дверь и почтительно раскланявшись, хозяин любезно пригласил к себе в кабинет сильно озадаченного гостя.

Вот один из рассказов Сведенборга о его видениях. Свои знания анатомии человека, строения сердца он распространил на Бога:

«В это время мой внутренний человек находился в средних небесах, в сердечной области Господа, в левом желудочке, который составляется из обществ таких ангелов, что любят истину, поскольку она есть добро. При этом я почувствовал сильное влияние их на моё сердце, переходившее через него в мой мозг. И у меня явилась мысль: каким образом возможно, чтобы благость Господа допускала бесам вечно оставаться в аду?»

Милосердие у него распространялось и на чертей! Это замечательно. Хотя следом можно было бы подумать: а зачем вообще нужен ад, легион бесов и предводитель их? Но у Сведенборга преобладают образы, и они, как в сновидении, иллюстрируют его главную идею.

«Только что я это помыслил, как один из ангелов правого предсердия чрезвычайно быстро низринулся в седалищную область великого Сатаны и извёл оттуда, по внушению Господа, одного из самых дурных бесов, чтобы доставить ему небесное блаженство. Но мне было дано видеть, что по мере того, как ангел восходил к небесным сферам, его пленник менял гордое выражение своего лица на страдающее, и тело его чернело, когда же он, несмотря на своё сопротивление, был вовлечён в средние небеса, то с ним сделались страшные конвульсии, он всем своим видом и движениями показывал, что испытывает величайшие и нестерпимые муки; когда же он приблизился к сердечной области небес, то язык его вышел далеко наружу, как у очень уставшего и жаждущего пса, и глаза лопнули, как от жгучего жара. И мне сделалось его жалко, и я взмолился Господу, чтобы велел ангелу отпустить его».

Вспоминаются псевдогаллюцинации Долинина (В.Х. Кандинского). Но в том случае, созвучно эпохе и атеистической вере, речь шла о революции в Китае. Углублённый в религиозные проблемы, Сведенборг имел соответствующие образы. При этом он не утратил ясности мышления.

Джироламо Кардано, когда его «посещал добрый демон», записывал всякую абракадабру, испытывая помешательство реальное или мнимое. У Сведенборга сохранялась трезвость ума, но он был полностью подчинён образам из подсознания, подобным сновидениями наяву. Сцена на небесах, которая ему открылась, завершилась логично:

«И когда, по соизволению Господа, он */бес/* был отпущен, он бросился вниз головой с такой стремительностью, что я мог видеть только как мелькнули его чрезвычайно чёрные пятки. И тогда мне было внушено: пребывание кого-нибудь в небесах или в аду зависит не от произвола Божьего, а от внутреннего состояния самого существа, и перемещение по чужой воле из ада в небеса было бы так же мучительно для перемещаемых, как перемещение из небес в ад… И, таким образом, я понял, что вечность ада для тех, кто находит в нём своё наслаждение, одинаково соответствует как премудрости, так и благости Божьей».

Если принять за истину всё то, о чём он сообщает, получается связная, разумная и убедительная картина. Она даёт ответ на очень непростой вопрос о существовании в Мире области, где вечно страдают души грешников.

Данте подробно описал круги ада, Боттичелли и Доре изобразили их реалистично. Поэт и художники воображали то, что создавали. Они были властны над образами, продумывали их, исправляли то, что их не устраивало. Данте работал над своим сочинением около 15 лет. Сведенборг записывал свои видения быстро и много. Образы полностью овладевали его сознанием.

Сведенборга действительно порой посещали духи разных людей, возникающие в его воображении. Так бывает с психически больными и с теми, кто долго пребывал в изоляции. Люди в прежние времена считали подобные состояния нормальным «духовидением», а беседующих с незримыми духами – медиумами.

В этом отношении у Сведенборга есть общее с Бёме: оба были уверены в реальности своих видений. Но Бёме от своего внутреннего мира переходил к познанию Природы, а Сведенборг от познания Мира перешёл в личный духовный мир и замкнулся в нём. Он продолжал жить в материальной действительности, но разум его был заворожён образами, которые он воспринимал как духовную реальность.

Возможно, у него была отчасти мания величия, хотя и не в острой форме. Он был уверен, что видит внутренним взором то, что недоступно простым смертным. Он общался (телепатически, без слов) с Господом и ангелами. Его единственного осенила истина, и он возвестил о ней:

«Христианскому миру совершенно неизвестно, что небеса и ад образуются из рода человеческого: обыкновенно думают, что сначала были сотворены ангелы и что из них образовались небеса; что дьявол или сатана был прежде ангелом света, который за возмущение был вместе с полчищем своим низвергнут и что таким образом образовался ад. Ангелы крайне дивились таким верованиям в христианском мире… Поэтому они хотят, чтобы я подтвердил как слышанное из уст их, что нет во всех небесах ни одного ангела, который бы создан был таким с самого начала, ни в аду дьявола, который сперва был создан ангелом света, а потом был низвергнут, но все жители как небес, так и ада произошли от рода человеческого; что в небеса идут люди, жившие на земле в небесной любви и вере, а в ад – жившие в адской любви и адской вере».

Мысль Сведенборга оригинальна. Возможно, такова была его реакция на поэму Джона Мильтона «Потерянный Рай», вышедшую первым изданием в 1667 году. Сведенборг, часто бывавший в Лондоне, должен был критически воспринять сочинение Мильтона, где гордый падший ангел дерзко восстаёт против власти самодержца-Творца. Противодействие тому, что там описано, могло вдохновить его на создание своей версии рая и ада. Она логичнее, чем у Мильтона. В Ветхом Завете не сказано, что сотворены прежде были ангелы и бесы, рай и ад.

То, что создала фантазия Мильтона или Данте, остаётся вне Священного Писания. Красочный многоплановый художественный стиль этих поэм резко отличается от сухого протокольного изложения видений Сведенборга, который не фантазировал, а наблюдал как натуралист то, что видел в мнимой реальности.

В некоторых своих сочинениях он символически толковал библейские тексты, подлаживая их под свою концепцию. У него Бог имеет образ человека в прямом смысле – это Христос. Он управляет и раем, и адом.

«Мне дано было беседовать на том свете, – сообщает Сведенборг, – с людьми, удалившимися от мирских сует ради благочестивой, святой жизни; также с людьми, налагавшими на себя по обету страдания разного рода». Его вывод разумен:

«Жизнь, ведущая к небесам, не есть жизнь, отвлечённая от мира, но жизнь в миру и богомольная жизнь без деятельной любви, которую можно найти только в миру, не ведёт к небесам, а ведёт к ним жизнь деятельной любви, т. е. прямое, честное и правосудное исполнение всякой должности или обязанности…»

Пожалуй, так Сведенборг оправдывает свою деятельную, хотя и неаскетическую жизнь, ведущую прямиком в рай. А то, что о

человеке следует судить по делам его, было сказано Иисусом Христом.

Как доказывал Сведенборг свои оккультные идеи? Никак. Он был убеждён, что вещает истины, открытые ему непосредственно Богом. Один из примеров:

«Что человек по внутренним началам своим дух, ясно доказывается тем, что по отрешении своём от тела, или после смерти, он продолжает жить как человек. Мне дано было убедиться в этом беседою почти со всеми, кого я только знал в земной жизни; беседою с иными в продолжение нескольких часов. С другими – в течение недель и месяцев и даже многих лет. Это делалось для того, чтобы я сам убедился и свидетельствовал перед другими».

Не странно ли: естествоиспытатель, признанный учёный для доказательства ссылается на то, что сам видел духов и беседовал с ними! Он утверждает: «Мне также дано было говорить с другими духами, жившими в древности и принадлежавшими тогда к числу самых мудрых».

Повторяю: в его сообщениях о мире духов нет никаких признаков художественного произведения, аллегорий. Он вёл записи своих видений, переходя в мир воображения в уверенности, что это реальность.

В 1769 году шведский сейм, членом которого был Сведенборг, признав его душевно больным, постановил поместить в лечебницу (на чём особенно настаивали деятели церкви). Король не одобрил такое решение. Последнее посещение Лондона оказалось для Сведенборга роковым: он тяжело заболел и умер.

Его учение нашло отзвук в сердцах и умах многих людей. Это неудивительно: ведь оно «доказывало» на конкретных образах – по свидетельству авторитетного учёного! – бессмертие души.

«В 80-х годах XVIII века, – писал В.С. Соловьёв, – основалась в Лондоне особая сведенборгианская церковь («Нового Иерусалима»), которая скоро стала распространяться по Великобритании и Америке. К концу XIX в. насчитывалось сведенборгских общин 81 в Соед. Королевствах и 116 – в Соед. Штатах Сев. Америки… В Германии, во Франции, в Швеции находятся спорадические группы последователей Сведенборга, также и в России до последнего времени (сюда принадлежали известный писатель В.И. Даль и отчасти проф. Московского унив. П.Д. Юркевич)».

Против спиритизма было немало выступлений (в том числе Ф.М. Достоевского), но без заметного успеха. Философ Н.Н. Страхов писал: «Овеществить духовное, поймать его руками или инструментами и через то преодолеть пропасть между

материей и духом не имеет смысла». В защиту спиритизма выступил известный химик академик А.М. Бутлеров… Впрочем, о нём речь впереди.

… Говорят, духов легче вызвать, чем затем от них избавиться. Это верно. Человек может начать заниматься магией, колдовством, спиритизмом просто так, из любопытства или играя (так обычно начинают и принимать наркотик). Постепенно вовлекаясь в такую «игру», он начинает относиться к ней всё серьёзнее, вплоть до того, что она полностью завладевает им.

Дальнейшее зависит от человека. Он может свести всё к шутке или отказаться от попыток общаться с нечистой силой (которая таится в нас самих). Но порой шаг за шагом человек становится всё более убеждённым «духовидцем» или теряет здравый рассудок, принимая создания своего воображения за реальность.

Так произошло с Эммануилом Сведенборгом. Вряд ли это можно назвать странностью. Если она и была поначалу, то зашла слишком далеко. Он не был безумен в том смысле, что не утратил ума. Свои незаурядные умственные способности он по воле подсознания, заворожённый его образами, использовал для создания учения о мире духов, аде и рае.

Почему так получилось, трудно сказать. Возможно, с возрастом его всё больше тяготила мысль о неизбежности смерти как небытия. Он много раз возвращался к этой теме, обдумывая варианты бессмертия души. Он был уверен, что достоин бессмертия. Плоть разлагается, становится частью природы. Но душа принадлежит к миру иному!

Тяжёлые раздумья, эмоционально усиленные, «осаждались» в подсознании, воплощаясь в зримые образы. И в какой-то момент они вырвались на свободу и подчинили себе рассудок.

В наши дни, когда в мире, а особенно в России обострились социальные отношения, развалилась великая держава, неустойчивы экономика, финансы, а средства массовой рекламы, агитации, пропаганды (СМРАП) воздействуют на сознание масс по заказу имущих власть и капиталы, возродились самые нелепые оккультные идеи. Широкие ряды соответствующих книг выстроились на полках магазинов, телевизионные передачи посвящают экстрасенсам, пророчице Ванге, артисту мнемонисту Вольфу Мессингу, выдаваемому за визионера, гипнотизёра и пророка. И публика воспринимает это с наивностью несмышлёныша.

«Значит, это кому-нибудь нужно», – как писал Владимир Маяковский, хотя и по другому поводу.

…Когда философ Иммануил Кант ознакомился с трудами Сведенборга, он окончательно разуверился не только в оккультной мистике, но и в метафизике. Отозвался сатирическим опусом, единственным в его творчестве: «Сновидения духовидца, пояснённые сновидениями метафизики» (1766).

Как писал М.М. Филиппов: «В лёгкой и шутливой форме Кант высказывает, однако, весьма серьёзные мысли, и его возражения духовидцам отличаются беспощадной логичностью…

…Спиритуалистические воззрения на духовное существование отбрасываются Кантом окончательно как иллюзия, близкая к сновидению. Духи не могут быть ощущаемы и воспринимаемы, мы не можем ни видеть их, ни слышать; поэтому все “духовные явления” в смысле появления духов или призраков не более как продукты воображения. Духовные представления могут приобретать такую живость и яркость, что фантазия превращает их в чувственные образы, которые наконец могут даже одержать верх над образами, получаемыми от впечатлений внешнего мира. В этом – источник всех сновидений, иллюзий и патологических расстройств воображения».

По словам Канта, если прежде от таких видений лечили сожжением на костре, то теперь времена изменились, и вполне достаточно дать человеку слабительного.

Николай Лобачевский (1792–1856)

Странности, связанные с именем Николая Ивановича Лобачевского, начинаются с его рождения. Отцом его, возможно, следует считать не Ивана Максимовича Лобачевского, как указано в метрике, а Сергея Степановича Шебаршина (Шабаршина), который значился его воспитателем и опекуном. Такая версия неплохо обоснована в книге математика Д.А. Гудкова «Н.И. Лобачевский. Загадки биографии» (1992).

Конечно, нет ни нужды, ни смысла менять всемирно известную фамилию творца новой математики. Упомянут биографический казус, чтобы подчеркнуть: с первых лет своей жизни Николай Иванович находился в необычном положении. Вместе с братьями и матерью жил в доме Шебаршина, имея фамилию Лобачевский. С Иваном Максимовичем если и виделся, то мельком, постоянно общаясь с Сергеем Степановичем.

Его второй (по-видимому, родной) отец Шебаршин умер, когда мальчику было пять лет – в 1797 году. Именно такую дату смерти отца указывал Николай Иванович, тогда как в это время Иван Максимович был ещё жив.

Воспитывался Николай под влиянием Шебаршина на правах наследника (то же относится и к его братьям). Он не прозябал в бедности, вопреки мнению его первых биографов, а жил в семье со средним достатком. Все три брата считались «воспитанниками» землемера капитана Шебаршина, что в те времена частенько относилось к «незаконнорождённым» детям.

«Черты характера Николая Ивановича, – писал Д.А. Гудков, – целеустремлённость, воля, способность доводить дело до конца; достижение своих целей, несмотря на сопротивление людей и обстоятельств, – всё это было характерно и для Прасковьи Александровны, его матери. Она воспитывала эти черты в сыновьях своим примером, а также, видимо, и сознательно».

Нередко упоминают о личности родителей выдающегося человека, словно черты характера могут наследоваться, подобно цвету глаз или форме ушей. Есть некоторые сведения, что темперамент, отчасти зависящий от активности обмена веществ, может быть наследственным. Но ум, воля, любознательность и многие другие качества (в том числе дурные) младенец, ребёнок, юноша приобретает в общении с близкими людьми, в процессе воспитания и образования, под воздействием окружающей среды.

Негласный отец Николая Лобачевского был незаурядной личностью. «Сергей Степанович Шебаршин, – по сведениям Гудкова, – исключительно талантливый, вспыльчивый и борющийся за справедливость человек. Будучи по происхождению “из солдатских детей”, он окончил университет, был геодезистом Сената, а затем странствовал по городам и весям России в качестве землемера…» На закате жизни он тяжело болел.

Забегая вперёд, отметим важный факт: геометрия Лобачевского, которую он назвал «воображаемой», в полном смысле земная, реальная. Идеален мир геометрии Евклида, ограниченный предельно точными прямоугольными координатами. Это нехарактерно для объектов природы.

Реальное искривление координат на земной поверхности вынуждены учитывать, например, создатели глобусов и мелкомасштабных карт, отражающих обширные территории. Как знать, не услышал ли впервые об этом Николай от Сергея Степановича? Не стало ли это первое детское удивление (мы обитаем на поверхности шара, а видим её плоской) тем исходным рубежом, от которого начался его путь к созданию новой геометрии?

В пять лет Николай Лобачевский остался сиротой. Имея на руках трёх сыновей, Прасковья Александровна переехала в Казань и определила их в гимназию за казённый счёт. Старший Александр учился отлично, подавал большие надежды, но вскоре после поступления в Казанский университет (только что открытый) утонул, купаясь в реке.

Николай и Алексей отличались смышлёностью. Правда, Николай имел чересчур живой нрав. Он проказничал, досаждая учителям. Один из них как-то не выдержал:

– Послушай, Лобачевский, да из тебя со временем выйдет настоящий разбойник!

Николай поступил в 1807 году в Казанский университет, имея пусть и неглубокие, но разнообразные знания (изучал французский, латинский, немецкий и татарский языки, логику, философию, геометрию и тригонометрию, механику, физику, химию, естественную историю, архитектуру, фортификацию).

Университет переживал пору становления. Студентов было сравнительно немного. Учились они, как говорится, не за страх, а за совесть. Большинство впервые ощутили радость познания. Перед ними открывался чудесный мир мысли и знаний.

С приходом в университет известного математика Бартельса уровень преподавания этого предмета резко повысился. Бартельс приучал студентов к творчеству. Одним из способнейших его учеников стал Николай Лобачевский, к которому в университете

было особое отношение. Сокурсники восхищались его выдумками, лихими проделками, а то и безобразиями.

Однажды он смастерил ракету и ночью запустил её на университетском дворе, едва не учинив пожар. Вызвав переполох, не признавался поначалу в содеянном и угодил в карцер. В другой раз привел корову, уселся на неё верхом и стал потешать товарищей, изображая вольтижировку. Вдруг все смолкли: на крыльцо вышел ректор, изумленно глядя на упражнения студента. Последовало наказание. На педагогических советах частенько склонялось его имя: то как ослушника, охальника и безобразника, то как весьма сообразительного, способного ученика.

Инспектор посвятил ему фискальное донесение в педсовет. Отмечал: Лобачевский позволяет «мечтательное о себе самомнение, упорство, неповиновение, грубости, нарушения порядка и отчасти возмутительные поступки». Вдобавок «явил признаки безбожия». В результате, как гласил один из протоколов заседания педсовета, «Николай Лобачевский по отличным успехам своим и дарованиям в науках математических мог бы быть удостоен звания студента-кандидата, если бы худое его поведение не препятствовало сему, почему он и не одобрен».

После проволочек Лобачевский получил степень кандидата, однако дисциплинированным так и не стал. Ректор Румовский написал: «Он отличные свои способности получает несоответственным поведением». И всё-таки по настоянию нескольких профессоров своенравный студент был удостоен звания магистра. Он написал мемуар «Теория эллиптического движения небесных тел», высоко оценённый Бартельсом.

Этот учёный оказал самое благотворное влияние на Лобачевского, пробудив в нем любовь к математике и наделив соответствующими знаниями. Бартельс был человеком замечательным, талантливым учёным и педагогом. Рассказывали, что на вопрос, кто лучший математик в Германии, Лаплас ответил: «Бартельс». «А как же Гаусс?» – спросили его. «О, Гаусс – первый математик в мире».

Гаусс тоже был учеником Бартельса. Лобачевскому посчастливилось иметь выдающегося учителя. Но ведь способных учеников в России Бартельс имел немало, а самым прославленным суждено было стать Лобачевскому благодаря его неординарной личности, сообразительности, жажде познания и оригинальному складу ума.

В чём же суть научного открытия Лобачевского? «Сооткрыватель» специальной теории относительности французский математик Анри Пуанкаре утверждал: «Геометрия –

это учение о свойствах, которые имели бы инструменты, если бы они были совершенными». Такое идеальное учение было создано Евклидом. Его геометрию оставалось только заучивать и учитывать. Теория окаменела в своём совершенстве.

Математики много раз пытались преобразовать её. Начинали с наиболее слабого звена – теоремы о параллельных линиях (пятого постулата), справедливо сомневаясь в её убедительности. Звучит она так:

«И если прямая, падающая на две прямые, образует внутренние и по одну сторону углы, меньшие двух прямых, то продолженные неограниченно эти прямые встретятся с той стороны, где углы меньше двух прямых».

Другая формулировка более привычна для нас:

«В плоскости через точку, не лежащую на данной прямой, можно провести только одну прямую, параллельную данной».

Для человека, не искушённого в математических тонкостях, этот постулат выглядит как очевидное утверждение – аксиома, не требующая доказательств. Однако специалисты считали её теоремой, которую требуется доказать со всей строгостью математической логики или опровергнуть. Но для успеха такого предприятия требовалось предложить что-то не менее убедительное и совершенное.

Попыток доказать эту теорему было много, но успехов они не имели. Как писал немецкий историк естествознания Фридрих Даннеман: «Если усомниться в аксиоме параллельности, то теряет силу теорема, согласно которой сумма углов треугольника равна двум прямым, и таким образом оказывается, что в важнейших принципах геометрии заложена некоторая недостоверность… Гаусс, сознававший бесполезность попыток доказать аксиому параллельности, высказал ту мысль, что для чистой математики могло бы иметь большое значение создание геометрии, отказывающейся от этой аксиомы. То, на что Гаусс лишь намекал, осуществил Лобачевский».

Намекал на возможность создания новой геометрии не только Гаусс. Ректор Харьковского университета Т.Ф. Осиповский в начале XIX века высказал мысль о геометрии без постулата Евклида о параллельных. Профессор права Харьковского университета Фердинанд Карл Швейкарт в 1818 году послал «королю математиков» Карлу Фридриху Гауссу письмо. Там говорилось:

«Существует двоякая геометрия: геометрия в узком смысле слова – евклидова – и астральное */звёздное/* учение о величинах. Треугольники последней геометрии имеют ту особенность, что сумма трёх углов не равна двум прямым. Принимая это, можно

строжайшим образом доказать следующее:

а) что сумма трёх углов треугольника меньше двух прямых;

б) что сумма эта тем меньше, чем больше площадь треугольника;

в) что высота прямоугольного равнобедренного треугольника, постоянно возрастая с возрастанием боковых сторон, не может превзойти некоторую линию, которую я называю константой».

Насколько я понимаю, такая геометрия названа «звёздной», ибо исходит из шарообразности пространства Вселенной. Евклид исходил из предположения, что оно имеет привычные для нас три измерения, где плоскости и линии не искривлены.

К тому времени Гаусс, по его позднейшему признанию, уже осмыслил эту идею, хотя выступать с ней публично не решился. Судя по всему, у него были некоторые догадки, которые он так и не превратил в завершённую работу с неопровержимыми доказательствами.

Философская идея в этом случае (как часто бывает) опередила научную мысль. Иммануил Кант на полвека раньше высказался о возможности «многоразличных видов пространства». По его словам, «наука о них была бы, несомненно, высшей геометрией».

Открытие неевклидовой геометрии доставило Лобачевскому не почёт и признание, а поначалу немало неприятностей. Впервые о возможности неевклидовой геометрии написал он в 1823 году, когда был деканом физико-математического факультета. Статья получила отрицательный отзыв и не была напечатана. Через три года та же участь постигла другую его работу на эту тему.

С 1819 года куратором Казанского университета был М.Л. Магницкий, занявшийся искоренением вольнодумства. Для студентов ввели монастырскую дисциплину; в научных курсах отдали приоритет богословию. Лобачевского лишили кафедры чистой математики; он стал преподавать физику и астрономию.

Доходило до абсурда. Профессор прикладной математики Никольский вещал: «Гипотенуза в прямоугольном треугольнике есть символ сретения правды и мира, правосудия и любви через ходатая Бога и человека, соединение горнего с дольним, земного с божественным… Как без единицы не может быть числа, так Мир не может быть без единого творца». За такие успехи в просвещении Никольского поставили ректором Казанского университета.

Вступивший на престол Николай I обратил внимание на деятельность Магницкого. Ревизия установила падение образования в университете и крупную растрату казённых денег. В 1826 году Магницкого отстранили от должности, а ректором

университета назначили Лобачевского. Этот год стал знаменательным для него ещё и потому, что он сделал научный доклад «Сжатое изложение основ геометрии со строгим доказательством теоремы о параллельных». Коллеги суть исследования не поняли, поэтому доклад не был напечатан.

В 1832 году Лобачевский послал в Петербургскую АН свой мемуар «О началах геометрии». Отзыв академика Остроградского был отрицательным. В нём говорилось: «Автор, по-видимому, задался целью писать таким образом, чтобы его нельзя было понять. Он достиг этой цели; большая часть книги осталась столь же неизвестной для меня, как если бы я никогда не видал её. В ней я понял только следующее: Можно допустить, что сумма углов в треугольнике меньше, чем два прямых угла. Геометрия, вытекающая из этой гипотезы, труднее и пространнее той, которая известна нам…

Значение интеграла, данное на стр. 120, является поистине новым. Оно – достояние г-на казанского ректора. К несчастью, оно неверно.

…Всё, что я понял в геометрии г-на Лобачевского, ниже посредственного… Всё, что я не понял, было, по-видимому, плохо изложено по той же самой причине, что в нём трудно разобраться. Из этого я вывел заключение, что книга г-на ректора Лобачевского опорочена ошибкой, что она небрежно изложена и что, следовательно, она не заслуживает внимания академии». (Советский математик В.Ф. Каган в книге «Лобачевский» показал, что заявление М.В. Остроградского об ошибке в интеграле в книге Н.И. Лобачевского неправильно.)

Через год в журнале «Сын Отечества» появился анонимный фельетон с издёвками над учёным, пытающимся создать новую геометрию: «Есть люди, которые, прочитав иногда одну книгу, говорят: она слишком проста, слишком обыкновенна, в ней не о чём и подумать. Таким любителям думанья советую прочесть геометрию Лобачевского. Вот уж подлинно есть о чём подумать. Многие из первоклассных наших читали её, думали и ничего не поняли…

Даже трудно было бы понять и то, каким образом г. Лобачевский из самой лёгкой и самой ясной в математике, какова геометрия, мог сделать такое тяжёлое, такое тёмное и непроницаемое учение …Чего не может представить воображение, особливо живое и вместе уродливое! Почему не вообразить, например, чёрное – белым, круглое – четырёхугольным, сумма всех углов в прямолинейном треугольнике меньше двух прямых?..

…Почему бы вместо заглавия “О началах геометрии” не

написать, например, сатира на геометрию, карикатура на геометрию или что-нибудь подобное?..»

Николая Ивановича огорчил отзыв Остроградского и возмутил журнальный пасквиль. Некоторой компенсацией стала для него высокая оценка его работе на благо просвещения. Посетивший в 1836 году Казань император Николай I наградил Н.И. Лобачевского «за заслуги на службе и в науке» орденом Анны II степени, дававшим право на потомственное дворянство.

…Лобачевский вернул геометрии её первозданный смысл. Ведь она получила в Древней Греции название от имени богини Земли Геи, означая «изменение земли». Русский математик обратился к системам реальных измерений, которые, даже выполненные с безупречной точностью, не всегда подтверждаются аксиомами и теоремами Евклида. У больших треугольников на земном шаре сумма углов будет меньше 180°, а четырёхугольника – меньше 360°. Такова реальность!

Для осуществления подобных измерений на земной поверхности во времена Лобачевского требовалось немалое воображение (отсюда и название его мемуара – «Воображаемая геометрия»). Но это не выдумки, мечтания, а обращение к действительности.

Измерения в системе Евклида помимо идеальных приборов предполагают идеальное пространство, в частности космическую среду с определёнными свойствами «прямизны». Лобачевский не принял на веру такое предположение. Он считал, что эту идею «проверить, подобно другим физическим законам, могут лишь опыты, каковы, например, астрономические наблюдения».

Приоритет реальности перед вольной игрой ума, природоведения перед комбинаторикой – такова была принципиальная, неожиданная и чрезвычайно оригинальная по тем временам позиция Лобачевского. По его словам, в основании математики должны находиться понятия, «приобретаемые из природы». Он высказывался порой ещё резче: «Все математические начала, которые думают произвести из своего разума, независимо от вещей мира, останутся бесполезными для математики».

Его открытие было следствием твёрдого и самобытного характера, оригинального склада ума, не подверженного диктату авторитетных мнений. Его «вольнодумства» и экстравагантные поступки в юности помогли в зрелые голы высказать нетривиальные суждения.

Абстрактные умственные игры не слишком его увлекали; не вдохновляло и честолюбие. Подобно Ломоносову, он заботился о славе России не на словах, а в своей деятельности как

преподаватель и ректор Казанского университета, библиотекарь, а также и как учёный. Лобачевский стремился постичь природу, великую правду Мироздания. Не потому ли он, совершив великое открытие, упорно, твёрдо, много лет утверждал свою правоту.

Достижение Лобачевского относится не только к математике, но и к естествознанию, и к философии. Некоторые его идеи созвучны основам теории относительности. Он считал, что в природе мы познаем лишь движение, а пространство само по себе, вне него, не существует. Или другая мысль: «Время есть движение, измеряющее другое движение». Пожалуй, эта формула поныне остается в науке неоценённой по достоинству.

Лобачевский жил и умер как-то очень по-русски. Болея и предчувствуя свой смертный миг, позвал жену:

– Прощай, Варвара Алексеевна, пришло время, в могилу надо, умирать пора, – протянул ей руку и тихо скончался.

… Достоевский словами героя романа «Братья Карамазовы» упомянул о новом мировосприятии: «Находились и находятся даже и теперь геометры и философы, и даже из замечательных, которые сомневаются в том, что вся Вселенная, или ещё обширнее – всё бытие было создано лишь по евклидовой геометрии».

Всё бытие! А значит – и микрокосм души человеческой. Геометрия Лобачевского раскрыла новые пространства для воображения.

Известный французский математик Таннери сравнил Николая Лобачевского с Колумбом, открывшим новый мир и не испугавшимся его причудливых очертаний.

Английский ученый Клиффорд утверждал: «Чем Коперник был для Птолемея, тем Лобачевский был для Евклида. Между Коперником и Лобачевским существует поучительная параллель. Коперник и Лобачевский – оба славяне по происхождению. Каждый из них произвёл революцию в научных идеях, и значение каждой из этих революций одинаково велико. Причина громадного значения и той, и другой революции заключается и в том, что они суть революции в нашем понимании Космоса».

Приведём и мнение другого величайшего учёного-творца, главное открытие которого определило многие черты наук нашего века – Д.И. Менделеева: «Геометрические знания составили основу всей точной науки, а самобытность геометрии Лобачевского – зарю самостоятельного развития наук в России. Посев научный взойдёт для жатвы народной».

Янош Больяи (1802–1860)

Чезаре Ломброзо причислил его к психически ненормальным гениям, имея на то веские основания:

«Все математики преклоняются перед гениальностью геометра Больяи, отличавшегося, однако, безумными поступками. Так, например, он вызвал на дуэль 13 молодых людей, состоявших на государственной службе, и в промежутках между поединками развлекался игрою на скрипке, составлявшей единственную недвижимость в его доме.

Когда ему назначили пенсию, он велел напечатать большими буквами на чёрном фоне пригласительные билеты на свои похороны и сделал сам для себя гроб (подобные странности я наблюдал ещё у двоих математиков, недавно умерших). Через семь лет он снова напечатал второе приглашение на свои похороны, считая, вероятно, первое уже недействительным, и в духовном завещании обязал наследников посадить на его могиле яблоню в память Евы, Париса и Ньютона. И такие штуки проделывал великий математик, исправивший геометрию Эвклида!»

Надо только уточнить: классическую геометрию никто не исправлял. Януш Больяи независимо от Лобачевского и немногим позже него предложил неевклидову геометрию. Он писал: «Из ничего я сотворил новый мир». И ещё: «Я уверен, что это доставит мне такую же славу, как если бы я уже дошёл в открытии до конца».

Высказывания, вполне уместные в устах рекордсмена умственной эквилибристики, честолюбивого творца воображаемых миров. Нечто подобное мог бы сказать и Гаусс, хотя его честолюбие и без того было удовлетворено славой первого математика мира.

Янош родился в Трансильвании (Австро-Венгрия, ныне Румыния) в семье профессора математики венгра Фаркаша Больяи, учившегося вместе с Гауссом и дружившего с ним в Гёттигенском университете.

Отец постарался, чтобы сын с детства заинтересовался математикой, не предвидя, что это увлечение заведёт его слишком далеко, повлияв на психическое здоровье. Характер у сына был независимый, вздорный, замкнутый, честолюбивый. Янош окончил в 1822 году Военно-инженерную академию в Вене, где не надо было платить за образование. Увлекался игрой на скрипке и поисками доказательства пятой теоремы Евклида о параллельных прямых.

Получив в 1823 году звание лейтенанта, Янош не образумился. Отец опасался за его психику. Предупреждал: «Ты не должен пытаться одолеть теорию параллельных линий; я знаю этот путь, я проделал его до конца, я пережил эту беспросветную ночь, и всякий светоч, всякую радость моей жизни я в ней похоронил. Молю тебя, оставь в покое учение о параллельных линиях; ты должен его страшиться, как чувственных увлечений; оно лишит тебя здоровья, досуга, покоя – оно погубит все радости жизни.

Эта беспросветная мгла может поглотить тысячу таких титанов, как Ньютон, и никогда на земле не прояснится; никогда несчастный род человеческий не достигнет совершенной истины – даже в геометрии. Да хранит тебя Бог от этого увлечения, которое тобой овладело. Оно лишит тебя радости не только в геометрии, но и во всей жизни. Я был готов сделаться мучеником этой истины, чтобы только очистить геометрию от этого пятна, чтобы передать роду человеческому безукоризненную науку. Я проделал гигантскую работу; я достиг много лучшего, нежели то, что было получено до меня; но совершенного удовлетворения не получил!»

Но это лишь подхлестнуло его честолюбивого сына. Он уверил отца, что подошел к заветной цели, осталось отработать некоторые детали. В первый том своего двухтомника «Тентамен» («Опыт») отец включил мемуар сына как «Аппендикс» («Придаток» – по латыни). Полное заглавие: «Приложение, излагающее абсолютно верное учение о пространстве, независимо от правильности или ложности XI аксиомы Евклида (что *a priori* никогда не может быть решено), с добавлением геометрической квадратуры круга для случая ложности аксиомы».

Книга вышла в 1832 году. Критика обошла молчанием «Аппендикс». Его трудно было понять: много формул, мало слов и пояснительных чертежей, непривычная идея. Авторы послали книгу Гауссу. Получили ответ через полгода. Много общих слов, изъявлений дружбы Фаркашу, и только в конце о том, что так нетерпеливо ждал Янош:

«Теперь кое-что о работе твоего сына… Если я начну с того, что я эту работу не должен хвалить, то ты, конечно, на минуту поразишься, но иначе я не могу; хвалить её значило бы хвалить самого себя: всё содержание сочинения, путь, по которому твой сын пошёл, и результаты, которые он получил, почти сплошь совпадают с моими собственными достижениями, которые частично имеют уже давность в 35 лет. Я действительно этим в высшей степени поражён.

Моим намерением было о моей собственной работе, которая,

впрочем, до настоящего времени очень мало нанесена на бумагу, при жизни ничего не публиковать. Большинство людей не имеют правильных воззрений на те вопросы, о которых здесь идёт речь; я нашёл лишь мало людей, которые с особым интересом отнеслись к тому, что я им сообщил по этому предмету. Чтобы быть в состоянии это усвоить, нужно прежде всего весьма живо прочувствовать то, чего здесь, собственно, не хватает, а это большинству людей совершенно неясно. Однако я имел намерение со временем изложить всё это на бумаге в такой форме, чтобы эти идеи по крайней мере не погибли со мной. Таким образом, я чрезвычайно поражён тем, что эта работа с меня снимается, и я в высшей степени рад, что именно сын моего старого друга предупредил меня таким замечательным образом».

Фаркош был в восторге: сын сделал научный труд, который был по силам только Гауссу!

Янош возмутился ответом Гаусса, заподозрив маститого учёного в зависти. Письмо давало для этого повод. Невразумительно объясняется причина, по которой Гаусс не решился опубликовать своё открытие, о котором мечтало несколько поколений математиков. Неужели только потому, что «мало людей, которые с особым интересом отнеслись к этому?» Трудно поверить. Любое крупное научное открытие в полной мере доступно пониманию немногим специалистам. На это и существуют специальные издания, которые совершенно неинтересны для непрофессионалов.

В 1818 году Гаусс получил от Фердинанда Карла Швейкарта письмо, где речь шла о неевклидовой «астральной» геометрии, в которой сумма углов треугольника меньше двух прямых. И тогда ответ Гаусса тоже был уклончив: мол, я и сам уже это продумал.

Но если всё продумал, то почему ничего не опубликовал? Так в науке не принято, тем более, когда ты признан выдающимся математиком и твою статью опубликует любой специальный журнал. Ведь речь идёт об открытии новой области геометрии, о которой не догадывался ещё никто на свете!

Прославленному математику следовало по всем правилам приличия и благородства сначала поздравить молодого учёного с замечательным успехом и сказать отцу, что он может гордиться своим талантливым сыном. Только потом можно было упомянуть о своих таких же результатах; тем более что они документально не подтверждены.

В одном из частных писем Гаусс высказался вполне определённо: «Этот молодой геометр Больяи – гений высшего класса». Почему он не написал того же отцу этого молодого гения? Из зависти? Невероятно. Ему вполне доставало славы

великого математика (у него были открытия ещё и в астрономии, физике); он был членом нескольких академий, имел научные награды, да и по характеру не был склонен к дурным поступкам, коварству.

Он, по-видимому, в молодые годы и позже временами размышлял о пятом постулате Евклида, придя к каким-то предварительным выводам. Они не показались ему убедительными, и он переходил к другим проблемам.

С 1818 по 1832 год Гаусс руководил геодезической съемкой Ганноверского королевства. Он создал высшую геодезию, позволяющую точно устанавливать форму земной поверхности. Написал «Общие изыскания о кривых поверхностях» (1828). В связи с решением задач изображения на плоскости карты сферической поверхности Земли он подошёл к идее неэвклидовой геометрии с иным законом параллельных линий.

Когда Гаусс читал статью Яноша, ему могло показаться, что точно так он думал 35 лет назад. Подобные казусы памяти не редкость. Человек порой проживает и продумывает происходящее так, будто оно уже случалось когда-то. Гаусс мог свои не вполне определённые соображения, которые у него прежде были, вообразить готовым решением теоремы.

Возможно, он откладывал завершение этого исследования на всё более поздний срок, но так и не преодолел своих сомнений. Николай Лобачевский и Янош Больяи были более решительными и целеустремлёнными.

Фаркош Больяи пытался оправдать некоторые несуразности в письме своего старого приятеля. Но Янош был не из тех, кого можно так просто переубедить. Поссорившись с отцом, он покинул навсегда родной дом.

В звании капитана он ушёл в 1833 году в отставку, не имея желания продолжать службу. Стал жить главным образом на средства отца. Спустя год женился гражданским браком на Розалии Кибеди Орбан. У них было двое детей. А с математическими произведениями Яношу не повезло. Писал он много работ, но ни одной не завершил.

Неожиданный подарок он получил от отца в 1848 году: трактат Лобачевского «Геометрические исследования по теории параллельных линий», опубликованный на немецком языке. Первым его чувством было возмущение. Он решил, что Гаусс присвоил его открытие, издав эту работу под псевдонимом. Однако, читая трактат, он понял, что ход рассуждений автора не такой, как у него. Он оставил на этом экземпляре свои замечания и восклицательные знаки.

Яноша – честного искателя истины – трактат привёл в

восхищение. Но это лишь усугубило его моральное состояние как непризнанного гения.

Был ли он психически ненормальным, как полагал Чезаре Ломброзо? Вряд ли. Его нелюдимый характер и раздражительность можно объяснить неприятием той среды, в которой ему приходилось жить: он был увлечён математикой, тогда как у молодых офицеров были другие увлечения. Понять его поведение они не могли.

У Яноша Больяи, возможно, был некоторый изъян психики: нацеленность на одну научную проблему. Это напоминает манию. Посвятив себя решению пятой теоремы Евклида, он достиг цели ценой больших усилий. И что дальше? Честолюбивые надежды на всеобщее признание не оправдались.

Можно вспомнить пример болезни Виктора Кандинского, когда он вообразил себя руководителем успешной революции в Китае. Он ожидал триумфа, но вдруг понял, что находится в изоляции. Это вызвало у него истерику. Так бывает при крушении психической установки.

У Яноша Больяи, в отличие от Виктора Кандинского, не было псевдогаллюцинаций и явного психического расстройства. Но была жёсткая установка, отчасти подсознательная, переходящая в сферу эмоций. В этом её сходство с манией. Он видел перед собой только одну цель: создать новую геометрию, которая прославит его имя. Его мало интересовали природа, служба, философия, литература. Скрипка помогала ему хотя бы на время обрести душевный покой.

Быть может, именно некоторые странности, неординарность мышления, чрезмерно жёсткая установка на одну идею помогли ему стать соавтором великого открытия Лобачевского.

Александр Бутлеров (1828–1886)

Выдающийся учёный, как принято считать, должен быть рассудочным, хладнокровным. Это вполне оправдано в первую очередь для тех, кто проводит тщательные наблюдения, физические эксперименты, химические опыты, а затем на основе строгих законов логики обобщает полученные материалы.

Однако такие занятия подчас вызывают парадоксальную реакцию. Постоянное напряжение рационального сознания подавляет эмоциональное подсознание, и оно проявляет свою активность в каких-то других действиях. Такую роль у Яноша Больяи играла (в полном и переносном смысле слова) скрипка.

Другой пример: Эммануил Сведенборг. У него вырвавшееся на свободу подсознание подчинила себе рациональный ум. Нечто подобное, только не в такой яркой и патологической форме, произошло с выдающимся химиком Александром Михайловичем Бутлеровым.

В его жизни до некоторых пор всё шло так, как бывает у многих талантливых учёных. Окончил Казанский университет, работал в химической лаборатории у Н.Н. Зинина. Преподавал студентам-медикам физику и физическую географию, а позже читал лекции по неорганической химии на физико-математическом факультете.

Во время заграничной командировки познакомился с лучшими лабораториями Западной Европы. В 1857 году опубликовал свою первую статью «О действии осмиевой кислоты на органические соединения». Осенью 1861 года изложил теорию химического строения, согласно которой свойства веществ зависят от порядка связей атомов в молекулах и их взаимного влияния (доклад на съезде немецких врачей и натуралистов «Нечто о химической структуре тел»). Объяснил явление изомерии. Синтезировал ряд органических соединений, в том числе уротропин, полимер формальдегида. Открыл полимеризацию изобутилена. Предвосхитил идеи стереометрии.

Бутлеров стал профессором Казанского университета. В 1868 году получил Ломоносовскую премию. Д.И. Менделеев предложил его кандидатуру на должность профессора химии Петербургского университета:

«А.М. Бутлеров – один из замечательнейших русских учёных. Он русский и по учебному образованию, и по оригинальности трудов. Ученик знаменитого академика нашего Н.Н. Зинина, он сделался химиком не в чужих краях, а в Казани, где и продолжает развивать самостоятельную химическую школу. Направление

научных трудов Александра Михайловича не составляет продолжения или развития идей его предшественников, но принадлежит ему самому. В химии существует бутлеровская школа, бутлеровское направление».

В 1871 году А.Н. Бутлерова избрали в Петербургскую академию наук (членом которой так и не стал Д.И. Менделеев).

Бутлеров не ограничивался только занятиями химией. Его с юных лет интересовали насекомые. В университете он выбрал сначала профессию биолога, написал дипломную работу «Дневные бабочки волго-уральской фауны», но затем увлёкся химией.

Он несколько лет возглавлял Вольное экономическое общество. Был известным пчеловодом, автором книги «Пчела, её жизнь и главные правила толкового пчеловодства», выдержавшей более десятка изданий. Его «Введение к полному изучению органической химии» (1864) вскоре перевели на немецкий язык, что показательно, ибо в Германии к тому времени сложилась группа химиков-органиков мирового уровня.

Бутлеров был талантливым химиком-аналитиком и теоретиком, успешным практиком-пчеловодом и общественным деятелем, превосходным преподавателем. Он отличался спокойным характером и незаурядной физической силой.

Правда, в его детстве был случай, который при желании можно отнести к мистическим пророчествам. Во время пребывания в пансионе он три дня носил на груди доску с надписью: «Великий химик».

Но это было не признанием его достижений в учёбе, а наказанием за то, что он, занявшись втайне от воспитателей изготовлением бенгальского огня, устроил взрыв. С этой надписью он стоял в углу столовой в то время, когда другие дети обедали.

Он действительно стал великим химиком. Но при этом вновь прославился самым неприятным образом. Намекая на него, сатирический журнал «Стрекоза» в 1876 году опубликовал стихи с такими строфами:

Странное явленье!
Человек науки
Верит в духов, в тени,
В неземные звуки.

…….

И читая бредни,

Думаешь невольно:
“Для учёных наших
Простоты довольно!”

Современный филолог и журналист Илья Виницкий, приведя эти стихи, добавил: «Автор фельетона “В мире духов. (Ощущения, признания, характеристики и наблюдения аксако-бутлеро-вагнероведа)” подписывается псевдонимом Не-Вагнер. В этой сатире, вышитой по мотивам вагнеровских “чудес”, изображаются, в частности, спириты, исполняющие гимн “тирес-тирес-берберe”, а потом, под общий крик радости и умиления, дружно падающие на землю перед медиумом… В другой юмореске Вагнер и Бутлеров являются на маскарад в костюмах сумасшедших и поют куплеты: “С шиком мы явились, с шиком и ушли”».

Дело в том, что во второй половине XIX века профессор химик А.Н. Бутлеров и профессор зоолог Николай Петрович Вагнер (1829–1907) всерьёз увлеклись модным в то время спиритизмом – искусством вызывать духов умерших людей и общаться с ними.

Русский публицист А.Н. Аксаков перевёл две книги Сведенборга и стал популяризировать его учение. Издал в 1864 году «Евангелие по Сведенборгу». Его идеи способствовали распространению спиритизма в России. Пока вызывали духов и беседовали с ними обыватели в полутёмных квартирах, просвещённые люди считали это нелепым развлечением от глупости и безделья.

Группа единомышленников, увлечённых таинственными явлениями, волнуется, возбуждается, стремится испытать необычайные переживания. Этому способствует интимная обстановка. Спириты усаживались вокруг стола, клали на него руки и сосредоточенно ждали, когда на их вопросы начнет отвечать вызванный дух. Он заявлял о себе или вращением столика, или стуками. Иногда возникали какие-то видения.

Среди группы мог находиться шутник или жулик, который вращал столик или постукивал. Но бывало и так, что спириты невольно, бессознательно двигали столик или стучали, воображая, будто общаются с духами.

В журнале «Русский Вестник» (ноябрь, 1875) была опубликована статья А.М. Бутлерова «Медиумические явления». Автор сразу же заявил, что, печатая не раз по-немецки об этих явлениях, он «считал до сих пор несвоевременным говорить о них в русской печати». Его останавливал печальный опыт Н.П.

Вагнера, которого за такие публикации критиковали и даже осмеивали.

По словам Бутлерова, «главная причина распространения спиритизма лежит просто в реальности фактической стороны дела, и более или менее странные толкования примешиваются сюда потому, что в огромном большинстве случаев факты подпадают обсуждению лиц, не подготовленных к тому, чтобы мыслить строго».

Он утверждал, что наблюдал «реальные, неподдельные явления природы», которые «требуют наблюдения, изучения».

В статье Бутлеров соединял как нечто единое гипноз, внушение и спиритизм. В детстве его поразил случай, как он выразился, «животного магнетизма»: нервную больную доктор успокоил и усыпил «магнетическими пассами» рук над больной. Такие явления он счёл доказательством влияния одного организма на другой на расстоянии, подобно тому, как действует всемирное тяготение или магнитные силы.

Он видел выступления фокусников и не мог понять некоторые их номера, из чего заключил, что тут проявляется явление медиумизма. Тем более он укрепился в этом мнении, на проводимых спиритических сеансах Дугласа Юма, который жил в Петербурге в его квартире.

Он подробно описал происходившие явления, и они действительно были странными и необъяснимыми. Столь же убеждённо он утверждал существование левитации, уменьшение веса предмета по воле медиума вопреки земному притяжению. В отличие от фантастических видений Сведенборга, Бутлеров чётко и ясно давал описание опытов, во время которых происходили явления, опровергающие некоторые законы физики, в частности, закон гравитации в его классическом виде.

Он закончил статью словами английского профессора математики и спирита де Моргана: «Физические объяснения, которые мне приходилось слышать, легки, но до жалости недостаточны; духовная гипотеза достаточна, но представляет громадные трудности… Спиритуалисты, без всякого сомнения, стоят на том пути, который вёл ко всякому прогрессу в физических науках; их противники служат представителями тех, которые всегда ратовали против прогресса».

Статья Бутлерова, как он и ожидал, вызвала преимущественно резко негативную реакцию в русском просвещённом обществе. Журналисты не лишили себя удовольствия поглумиться над учёными мужами, занятыми мракобесием.

В начале 1876 года Лев Толстой в письме философу и

публицисту Н.Н. Страхову противопоставил простые верования «свежего мужика» со спиритическими занятиями профессоров, «одуревших, сидя над микроскопом или ретортами».

Что же случилось с Бутлеровым? Это не было связано со старческими психическими отклонениями. Ведь Бутлерову было 38 лет, и он находился в расцвете физических и умственных сил. Неужели на него оказали воздействие спиритические откровения Сведенборга?

Вряд ли. Настоящий учёный не склонен бездумно доверять мнению даже авторитетного человека. Ему требуются доказательства. А какие доказательства мог предложить Сведенборг? Никаких.

Научно обосновать спиритизм попытался издатель и публицист А.Н. Аксаков на основе представлений о сфере бессознательного в психике человека и ещё неизученных феноменов. По его словам, изучение гипнотизма и внушения «естественно и неизбежно приведет к признанию всей громадной области *явлений телепатических,* и группа неутомимых, неустрашимых учёных уже стала изучать их в широких размерах – признала их и привела в систему. Эти факты имеют величайшее значение для объяснения и признания остальных фактов – анимических и спиритических. Ещё шаг, и мы пойдём к *фактам ясновидения* — они уже стучатся в двери святилища!»

Он перечислил «бессознательные психические явления, имеющие место *вне пределов телесной сферы медиума* (умственное общение между людьми – телепатия, движение предметов без прикосновения – *телекинетик,* явление прижизненных призраков – т*елефония,* пластическое действие на расстоянии – телесоматия, материализация)».

В наше время сеанс общения с потусторонним миром прошел в РФ 7 марта 1993 года, вечером. Он транслировался по центральному каналу телевидения.

– Мы вызываем из банка космической информации дух Сталина! – провозгласил маг и колдун Юрий Лонго (ныне покойный).

Многомиллионная аудитория приобщилась к тому, что атеисты называют опиумом для народа, а христиане – сатанизмом. Приобщилась в прямом эфире, вживаясь в происходящее как соучастники.

Молодой человек, предоставивший свое тело духу Сталина, находился в глубоком трансе. Ответы, в полном соответствии с вопросами, были невнятны и глупы. На сакраментальное: «Когда снизятся цены?» – медиум мучительно выдавил: «Ддд-ааа».

Наконец, маг послал «сталинский» дух в космический банк и движением рук внедрил прежнюю душу в тело молодого человека, не сумевшего воссоздать хотя бы грузинский акцент. Лонго поведал, что по его воле совершенно мёртвый труп умершего человека поднимался, делал два-три шага и падал.

Столь замечательный опыт тоже был показан по телевидению в записи; правда, злые языки позже говорили, что роль мертвеца сыграл кто-то за бутылку водки; да мало ли чего говорят, а воскрешение-то было показано!

Во времена Бутлерова одним из наиболее веских аргументов в пользу существования духов стала неевклидова геометрия и теория пространств более трёх измерений. Эти искривлённые и многомерные пространства, о которых непосвящённые имели самые туманные представления, пригодились на роль вместилища духов.

Другое предположение опиралось на гипотезу всемирного эфира Ньютона. Мол, эту чрезвычайно тонкую субстанцию, обладающую энергией, способны воспринимать и передавать медиумы, проникающие таким образом в мир духов. А если духи способны двигать столы, то со временем можно научиться использовать их для производства энергии в быту и промышленности…

Об этом упомянул Д.И. Менделеев в своих публичных лекциях о спиритизме в конце 1875 года. «Когда явился в Петербург Юм (*знаменитый на Западе медиум*), – говорил Менделеев, – к нему отнеслись с одной насмешкой; над спиритическими сеансами шутили… Тогда ещё не знали, что спиритизму сочувствуют у нас некоторые учёные. Когда же узнали, что за спиритизм – профессора Бутлеров и затем Вагнер, оттенок мнений переменился. Имя г. Бутлерова пользуется заслуженной доброй известностью не только в небольшом кружке русских учёных, но и среди учёных всего мира».

Менделеев отчасти из осторожности, чтобы не обидеть собратьев по науке, разделявших веру в материализацию духов, высказал свои симпатии открытым для экспериментов спиритам, «которые не боятся предрассудков, смело идут против общепринятого, имеют в себе то нестадное, что необходимо в жизни людей». Он отметил: спиритизм заставляет исследовать гипноз и некоторые загадочные явления психики, которые будут изучены на основе «физиологии и психологии, терапии и психиатрии».

По его инициативе была создана научная комиссия для объективного анализа спиритических явлений. В неё вошли

12 учёных-физиков.

Ф.М. Достоевский с иронией отозвался о деятельности комиссии Менделеева заметками в трёх номерах «Дневника писателя» за 1876 год. Он с позиций православия заклеймил спиритизм как «непотребное (в его мистическом значении) новое учение». Но признался: «Явлений же спиритических, с которыми я и до сеанса с медиумом был несколько знаком, я не в состоянии был вполне отрицать никогда, даже и теперь».

Менделеев приветствовал интерес в обществе к спиритизму сугубо теоретический, научный, вне материальной выгоды: «В том внимании, которое заслужил спиритизм в обществе, видна другая, чрезвычайно утешительная сторона этого дела… Привыкли мы утверждать, что наш век есть век практический, так что весьма полезно получить лишний раз убеждение в том, что интересы, совершенно чуждые практических задач, заслуживают общественного внимания… Никто не посмеет сказать теперь, что только одни личные делишки и грошовые интересы могут привлекать общественное внимание».

…Люди склонны давать волю фантазии в тех случаях, когда не могут объяснить какие-либо явления, в особенности, если это касается духовного мира, – во многом субъективного. Так возникают суеверия. А это уже беда: «Суеверие есть уверенность, на знании не основанная. Наука борется с суевериями, как свет с потёмками». Эти слова Менделеева стали крылатыми.

Бутлеров признавал, что в спиритизме присутствуют субъективные факторы. Но был уверен, что есть в нём и объективная часть. Как верующий христианин он не сомневался в догмате бессмертия души. А спиритизм подтверждал это на конкретных опытах.

Возражая Достоевскому, он утверждал «безосновательность мнения о разладе между христианским учением и медиумизмом, как отраслью положительной науки; согласие между вероятными выводами медиумизма и важнейшими положениями религиозной философии с положительным знанием».

А.Н. Аксаков не сомневался в научной достоверности спиритических явлений: «Заинтересовавшись спиритическим движением с 1855 года, я не переставал изучать его во всех его подробностях во всех частях света и во всех литературах… В 1870 году довелось мне присутствовать на первом сеансе в частном кружке, мною самим устроенном; я нисколько не удивился, увидавши, что факты были действительно таковы, как их описывали другие; я получил глубокое убеждение, что в этих фактах, как и во всём существующем в природе, мы имеем непоколебимую основу, твёрдую почву для созидания новой

науки о человеке, обещающей, быть может, в далёком будущем разрешение проблемы его бытия».

Бутлерова убедило «теоретическое» обоснование спиритизма А.Н. Аксаковым: «Гипнотизм – вот тот клин, который пробьёт стены научного материализма и даст проникнуть туда элементу сверхчувственному или метафизическому… В настоящее время в свете гипнотических опытов понятие о *личности* подвергается полному превращению. Это уже не единица сознательная, неделимая и нерушимая, как старая школа это утверждала, но “психофизиологическая координация”, сплочение, синтез, ассоциация явлений сознания».

Да, можно усмотреть нечто общее между гипнозом, внушением и спиритизмом. Только связано это не с миром духов, присутствующих где-то в четвёртом измерении пространства, а с психикой людей и проявлением в ряде случаев коллективного бессознательного – явления интересного, отчасти загадочного, но не сверхъестественного.

Под редакцией А.Н. Аксакова и Н.П. Вагнера с 1881 года стал выходить спиритический журнал «Ребус» (просуществовал до 1918 года). На его страницах публиковали сообщения о «загадочных явлениях». Порой проводились дискуссии о возможности общения с духами. В этих обсуждениях участвовал А.М. Бутлеров, убеждённый в необходимости научного изучения спиритизма.

После смерти Бутлерова его друг с детских лет неугомонный профессор зоологии Н.П. Вагнер на спиритических сеансах стал вызывать дух Александра Михайловича. В апреле 1888 года Вагнер написал А.Н. Аксакову, что в одном из сеансов дух Бутлерова явился к ним, «закутанный весь в белом. Он выходил к нам три раза и… тихо уходил за занавеску. Он держал в руке образок… тот самый, с которым его похоронили».

В том же году знаменитые медиумы три сестры Фокс, проводившие сеансы общения с духами в США, Европе, России, признались в обмане. Знаменитый «духовидец» Паркер, нажив немалый капитал, стал называть спиритизм вековой глупостью.

В конце XIX – начале XX века неоднократно проводились проверки спиритизма. Были раскрыты подлоги и фокусы, к которым прибегали спириты, а в особенности те медиумы, которые получали плату за свои выступления.

Однако ничто не могло поколебать устои этого учения, которому некоторые неглупые люди, а иногда и натуралисты, стремились дать научное объяснение.

Вызывание духов называется некромантией («некрос» – по-гречески «мертвец», «мантос» – «гадание»). Над ней потешался

Джонатан Свифт, но за последнее столетие она приобрела новые формы.

Многие полагают, что душа, отделённая от тела, способна видеть и слышать, производить звуки, перемещать предметы и её можно взвесить. Есть поверье, что после смерти человека его тело становится тяжелее, потому что его покидает душа.

Взвешивать душу можно с таким же успехом, как взвешивать ум или глупость, красоту или уродство, добро и зло, правду и ложь. В каком виде и где она может сохраниться? И почему она является после каких-то заклинаний, манипуляций? Вразумительных ответов нет.

Издавна существовали маги, чародеи, колдуны, прорицатели, астрологи, некроманты. Они неистребимы, ибо в доверчивых, внушаемых, суеверных или невежественных людях нет недостатка.

На сверхъестественные силы обычно рассчитывают в экстремальных ситуациях, да и то не все и не всегда (на Бога надейся, да сам не плошай!). Умные религиозные деятели активно боролись с суевериями, так же как умные философы и учёные.

Некромантию практиковали шаманы. Переходя в состояние сильного возбуждения, транса (нередко с помощью наркотиков), шаман ощущал возле себя духов предков, начинал говорить не своим голосом. Складывалось впечатление, что его устами вещает кто-то другой.

В мифах многих народов рассказывается о подземном царстве, куда после смерти попадают души людей. Иногда туда удавалось спускаться некоторым богам и людям (например, Орфею и Гераклу в античной мифологии), а затем возвращаться к живым. Такие поверья могли возникнуть после сновидений, где можно увидеть умерших живыми, беседовать с ними.

Сеанс некромантии описан в «Первой книге царств» Библии: израильский царь Саул обратился к волшебнице с просьбой вызвать дух мудрого Самуила. И сказала волшебница: «Выходит из земли муж престарелый, одетый в длинную одежду». Саул узнал, что это Самуил. Явившийся дух предрек ему поражение в битве с филистимлянами и скорую смерть. «Тогда Саул вдруг пал всем телом своим на землю, ибо сильно испугался слов Самуила; притом и силы не стало в нем, ибо он не ел хлеба весь тот день и всю ночь».

Предсказание сбылось. Впрочем, о печальном конце царствования Саула нетрудно было догадаться, зная, в каком смятенном состоянии он находится. До этого он приказал изгнать

волшебников и гадателей из страны, и вдруг сам обратился к колдунье. Выходит, чувствовал, что дела его плохи.

Для христианина, а также исламиста, иудея считается большим грехом участие в разного рода магических обрядах вызывания духов, занятие некромантией и спиритизмом. Атеисты, отвергающие веру в Бога, называют такие «опыты» чудачеством, нелепой забавой или одурачиванием наивных суеверов.

Достоевский, видя в спиритизме какую-то чертовщину, отчасти был прав. Но более прав был Менделеев: он понимал, что так проявляется общественное сознание (добавим: и бессознательное тоже). Такое явление надо изучать методом науки, а не воспринимать как нечто таинственное.

Люди жаждут чуда и тайны (у Достоевского это утверждает Великий инквизитор из романа «Братья Карамазовы»). Спиритизм призван утолять эту жажду. За постылой, а то и трагичной реальностью хочется видеть нечто иное, придающее смысл жизни и смерти.

В последней трети XX века спиритизм возродился на основе науки. Американский врач Раймонд Моуди издал книгу «Жизнь после жизни». Затем он вновь вернулся к этой теме, которую подхватили не только медики, но и оккультисты. Немногие учли то, что Моуди складывал общую картину полёта души по фрагментам из разных свидетельств лиц, побывавших «на том свете». По его словам: «Не всякий, кто прошёл через клиническую смерть, помнит что-либо об этом».

Многие люди при недолгой остановке сердца вообще не испытывают никаких ощущений: погружаются в небытие, как в сон без сновидений. Если бы все ощущали исход души из тела, полёт в тоннеле, радость встречи со светоносным существом, значит, всем нам суждено это пережить после жизни. Но если так бывает редко и не всегда по одному сценарию, значит, в угасающем мозгу порой возникают образы, и это вполне естественно.

Нет доказательств существования души вне тела. Как она может думать без мозга, видеть и слышать без органов зрения и слуха?..

Не исключена возможность перехода духовной субстанции в «мир иной». В последней версии таблицы Менделеева нулевой элемент нулевого ряда – вакуум (Ньютоний). Предположим, в «антимире» вакуума в виде трёхмерной тени присутствует наше отражение (как отражены в нём все тела, обладающие массой покоя). Такой вариант выглядит фантастично, но нет в нём

ничего невероятного.

Однако такой «отпечаток личности» вряд ли сохранится целиком при деградации тела. Могут, предположим, остаться фрагменты того, что мы называем душой. Но они должны представлять какую-либо ценность для этого или того миров. Это, пожалуй, единственный вариант, о котором допустимо строить догадки, не теряя научной опоры.

Может ли выдающийся учёный быть суеверным? Пример Бутлерова показывает: да, может. Ни лекции Менделеева, ни выводы авторитетной комиссии не убедили его в ложности спиритизма. Почему?

Он много раз участвовал в спиритических сеансах, проводил их у себя дома. Свою привычку к объективным лабораторным исследованиям он распространил и на «опыты» с вызыванием духов. Не мог допустить, что кто-то из его знакомых, сидящих с ним за одним столом, например, знаменитый медиум Даниэль Дуглас Юм, способен фокусничать.

Не всегда бывает явный обман. Некоторые люди, впадая в транс, могут невольно обманывать самих себя и окружающих. Тем более, если собрался тесный кружок единомышленников.

Почти все люди в молодые и зрелые годы не желают воспринимать смерть как вечное небытие. «Быть или не быть?» – вопрошал Гамлет в трагедии Шекспира. Он страшился не вечного покоя, а возможных посмертных видений и мучений души.

Возможно, такое чувство испытывал Бутлеров. Спиритизм внушал ему надежду на бессмертие души. А вера или суеверия чаще всего сильнее доводов рассудка и подчиняют их себе.

Быть! Вот простой ответ на вопрос Гамлета.

Надо достойно пройти свой недолгий жизненный путь в этом мире. Это проверка на качество прожитого, продуманного и созданного.

Как человек распорядился бесценным даром жизни? Что сделал для того, чтоб хотя бы частица души обрела бессмертие? Вот в чём вопрос.

Пётр Кропоткин (1842–1921)

Мне давно хотелось написать книгу, назвав её «Жизнь, удивительные приключения и замечательные открытия выдающегося учёного, самобытного мыслителя, революционера-анархиста князя Рюриковича Петра Алексеевича Кропоткина».

Начал бы я её так: «Жил-был маленький принц…»

Да, речь идёт о принце, а по-русски – князе, Петре Кропоткине. Был он самым необычайным принцем на свете. У него не расходились слово и дело, идеалы и поведение, образ жизни и образ мысли.

О нём Оскар Уайльд сказал: «Человек с душой того прекрасного Христа, который, кажется, идёт из России», считая его одним из двух по-настоящему счастливых людей из всех, кого он знал.

В сказке «Счастливый принц» Оскар Уайльд показал радость дарить людям добро даже ценой собственных лишений. Это доказывает судьба Петра Кропоткина, подтверждая тезис Канта: не надо стремиться к счастью, надо быть достойным счастья.

Ромен Роллан писал: «Я очень люблю Толстого, но мне часто казалось, что Кропоткин был тем, о чём Толстой только писал. Он просто и естественно воплотил в своей личности тот идеал моральной чистоты, спокойного, ясного самоотречения и совершенной любви к людям, которой мятущийся гений Толстого хотел достичь всю свою жизнь и достигал только в искусстве».

Необычайным было поведение Петра Кропоткина. Он сам избрал свой жизненный путь и упорно следовал по нему вопреки судьбе, которую предопределили ему рождение, воспитание, обучение. Его не остановило то, что этот путь был смертельно опасен.

Пётр Алексеевич отличается от прославленных учёных, общественных деятелей не особыми должностями и званиями, не тем, чего достиг в карьере, а тем, от чего отказался. Сын богатого помещика стал интеллигентом-пролетарием, жил только своим трудом; камер-паж императора оказался бесстрашным путешественником, столбовой дворянин – народником-анархистом.

Один мой интеллигентный знакомый, ставший монархистом, сказал, что Пётр Кропоткин был либо предателем Российской империи, как все революционеры, либо безумцем с манией величия.

Эта мысль меня возмутила. Подумав, нашёл её вполне допустимой. Не так-то просто решить, какие причины побуждают

человека порвать со своей социальной группой, пренебречь всем тем, что считается самым ценным в общественном мнении, а также в научном сообществе.

Родился Пётр Кропоткин в Москве в семье генерала, потомка Рюриковичей. Рано лишился матери. Учился в Первой гимназии, что на Пречистенке. Испытал грозные раскаты отцовского гнева и затаённую злость мачехи. У него был старший брат Александр. Добрые няньки и слуги – из крепостных – жалели барчуков-сироток.

Окончил он Пажеский корпус с отличием, был камер-пажом Александра II. Его ждала блестящая карьера. К удивлению царя, он выбрал службу в Амурском казачьем войске.

В Сибири и на Дальнем Востоке Кропоткин совершил ряд тяжелейших экспедиций, порой опасных для жизни; открыл неведомые ранее горные гряды, вулканические области, Патомское нагорье; уточнил сведения о географии и геологии Сибири, Дальнего Востока.

Вернувшись в 1867 году в Петербург, работал в Русском географическом обществе, учился на физико-математическом факультете Петербургского университета, зарабатывал на жизнь публицистикой.

Его научная карьера начиналась блестяще. 21 марта 1874 года в Петербурге на общем собрании Географического общества он выступил с докладом о результатах научных исследований в Финляндии и Швеции.

Тридцатидвухлетний князь – с окладистой бородой, широким лысоватым лбом – отрицал общепринятое мнение о существовании в недавнем прошлом на месте Русской равнины холодного моря, по которому айсберги разносили скандинавские валуны. По его мнению, их притащили с севера великие ледники.

Оживленные прения не прояснили проблемы. Трудно было вообразить столь непомерно обширные ледники. Но и оспорить доводы докладчика было трудно. Подвёл итог знаменитый геолог Барбот де Марни: «Был ли ледниковый покров или нет, но надо признать, господа, что всё, что мы говорили о действиях плавающих льдин, в действительности не подтверждается никакими исследованиями».

Молодому учёному предложили почётную должность председателя отделения физической географии. Он отказался. Понимал, что с научной карьерой, пожалуй, придётся проститься. И был прав.

На следующий день пролётку, на которой он ехал, задержали. Жандарм при содействии двух полицейских его арестовал и

препроводил к прокурору.

Допрос начался в четыре часа утра. «Вы обвиняетесь, – произнёс прокурор, – в принадлежности к тайному сообществу, имеющему цель ниспровергнуть существующую форму правления».

Князь Пётр Кропоткин был революционером-народником. У него словно было три жизни одновременно: работал в Русском географическом обществе, встречался с людьми из высшего общества (бывал в Зимнем дворце, например) и вёл революционную пропаганду среди рабочих.

На допросе он отказался давать показания и был заключён в Петропавловскую крепость на неопределённый срок.

Тяжёлая тишина каменного каземата. Маленькое оконце под потолком, забранное решеткой. Койка, табурет. Десять шагов из угла в угол. Пройти полтораста раз – верста. Каждый день: две версты утром, две перед обедом, две после обеда и одна перед сном. Повороты – медленные, чтобы голова не закружилась. Дважды в день – гимнастика с тяжёлой табуреткой.

На свободе князь временами переодевался в простонародные одежды и, называясь Бородиным, вёл долгие беседы с ремесленниками, ткачами. Он отказался от должностей в Географическом обществе из-за революционной работы. А в заточении мысли его занимал неоконченный научный труд о ледниковом периоде.

В Петропавловской крепости арестантам предоставляли перо и бумагу только по личному разрешению царя. Брат Петра Кропоткина Александр добился такого разрешения с помощью Академии наук.

Отчёт разрастался в два больших тома. Вновь переживал Кропоткин месяцы, проведённые на северо-западной окраине России. Именно там странным образом переплетались его крамольные научные мысли с крамольными политическими.

«Наука – великое дело, – писал он позже. – Я знал радости, доставляемые ею, и ценил их, быть может, даже больше, чем многие мои собратья… Когда я всматривался в холмы и озера Финляндии, у меня зарождались новые, величественные обобщения. Я видел, как в отдалённом прошлом, на заре человечества, в северных архипелагах, на Скандинавском полуострове и в Финляндии скоплялись льды. Они покрыли всю Северную Европу и медленно расползлись до её центра. Жизнь тогда исчезла в этой части Северного полушария и, жалкая, неверная, отступала всё дальше и дальше на юг перед мертвящим дыханием громадных ледяных масс. Несчастный, слабый, тёмный дикарь с великим трудом поддерживал непрочное существование.

Прошли многие тысячелетия, прежде чем началось таяние льдов…

Мне хотелось разработать теорию о ледниковом периоде, которая могла бы… открыть новые горизонты для геологии и физической географии.

Но какое право имел я на все эти высшие радости, когда вокруг меня гнетущая нищета и мучительная борьба за чёрствый кусок хлеба?

Все эти звонкие слова насчёт прогресса, произносимые в то время, как сами делатели прогресса держатся в сторонке от народа, все эти громкие фразы… придумали, чтобы отделаться от разъедающего противоречия».

Днём в протопленном каземате было жарко, парило. Ночью по полу тёк морозный воздух. Становились влажными стены, простыни, тонкое одеяло, борода. Начиналась «зубная боль» в суставах – сказывался ревматизм, нажитый во время путешествий по неизведанным краям Сибири.

Кропоткин продолжал писать. Продолжал вышагивать тюремные вёрсты и упражняться с табуреткой. Закончил первый том и передал брату для подготовки к печати. Второй том продвигался медленнее. Появились признаки цинги, постоянно болел желудок. Сказывалась и утомительная умственная работа. Правда, из остальных заключённых, вовсе лишённых работы, некоторые умерли в крепости, а несколько человек сошли с ума.

Минуло два года. Кропоткина перевели в Дом предварительного заключения. Здесь в крохотной камере (четыре шага по диагонали) ему стало ещё хуже. Он уже с трудом, отдыхая, мог подняться на второй этаж.

– Не дожить тебе, сердешному, до осени, – вздохнул, на него глядя, солдат-часовой.

Кропоткина перевели в тюремный госпиталь. Силы его стали восстанавливаться. В тайных шифрованных записках на волю он предлагал и уточнял план побега.

Домик напротив тюрьмы сняли друзья. В назначенный день – 30 июня – из окон дома послышались звуки скрипки, когда конвоир вывел Кропоткина на прогулку. Это означало – путь свободен.

Сбросить тяжёлый тюремный балахон – две секунды (тренировка!). Бежать! Впереди – двор и открытые ворота. Конвоир оторопел.

– Лови его! Лови! – кричали крестьяне, привезшие дрова.

Сзади его нагонял конвоир, тыча вперёд себя ружье со штыком. Сбоку наперерез бежали трое солдат. Ворота! На улице – пролётка.

– Скорей! – крикнул седок в военной фуражке, подняв револьвер.

Кропоткин бросился в пролетку. Конь – призовой рысак Варвар – рванул и помчал крупной рысью. «Держи его!» – неслось вослед. Выстрелов не было.

Беглец набросил на плечи пальто, надел на голову цилиндр. Перед Невским проспектом два жандарма, стоявшие у дверей трактира, отдали честь военной фуражке спутника Кропоткина.

Сбрив бороду, Петр Алексеевич со своим другом отправился в модный ресторан Донона. Уж тут-то не догадаются искать беглеца, которого по приказу царя надлежало поймать во что бы то ни стало.

С паспортом одного из друзей Кропоткин проехал Финляндию и переправился в Швецию. Оттуда отплыл в Англию.

Северное море бушевало. Он часами сидел у бушприта. Тяжёлые волны наваливались на корабль и, словно вспоротые форштевнем, рассыпались, обдавая сидящего брызгами. Холодно, пасмурно, сыро… И – кипение пены, взрывы ветра, беспечная удаль стихий. Свобода!

Необычайна судьба «Исследования о ледниковом периоде», созданного в заточении. Его автора следовало бы считать творцом ледниковой теории. Но…

В науке редкие открытия делают одиночки. Связь ископаемых остатков животных с определёнными слоями горных пород открыли англичанин Вильям Смит и француз Жорж Кювье. Теория естественного отбора была впервые изложена Чарлзом Дарвином и Альфредом Уоллесом. Теория относительности Эйнштейна была выдвинута физиком и математиком Анри Пуанкаре, опиралась на работы Лобачевского, Лоренца, Максвелла…

В.М. Севергин еще в 1815 году высказал мысль о том, что ледники стекали на Русскую равнину со Скандинавских гор. Но эта идея оставалась гипотезой, не имея убедительных доказательств.

В 1833 году были опубликованы «Основы геологии» английского натуралиста Чарлза Лайеля. «Нас могут спросить, – писал он о валунах, – каким образом первоначально оторвались эти каменные глыбы? На это мы ответим, что одни из них упали с обрывистых утёсов, другие приподнялись с морского дна, примерзнув своими вершинами ко льду, между тем как некоторые сплавлены реками и глетчерами».

Пётр Кропоткин во время своей сибирской экспедиции в 1865 году писал в письме брату: «Вот так гольцы довелось посмотреть!.. На них для меня ясны следы ледников. Большие

плоскости, совершенно гладкие, и борозды – некоторые указания на бывшие здесь когда-то ледники. Материалов для обоснования ледниковой гипотезы накопляется много – преимущественно геологических».

Дальнейшие исследования Кропоткина едва не пошли в другом направлении. Он составил проект экспедиции для исследования северных морей. Обобщил сведения о морских течениях, ледяных заторах и выносимых льдами камнях. Предположил существование острова северо-восточнее Шпицбергена и северо-западнее Новой Земли.

Министерство финансов не ассигновало необходимых для экспедиции 30–40 тысяч рублей. (Через два года научное предсказание Кропоткина оправдалось: австрийская экспедиция открыла остров, назвав его Землей Франца-Иосифа.)

Кропоткину предложили командировку в Финляндию и Швецию летом 1871 года. Там у него сформировалась теория ледникового периода на основе конкретных наблюдений. Первый том его работы о ледниковом периоде вышел в 1876 году; второй, задержанный жандармерией, лишь в 1895 году.

К тому времени в Шотландии вышла книга Джона Гейки «Великий ледниковый период». Там говорилось: «В течение последних 200 000 лет вся Северная Европа и Северная Америка исчезли под толстым покровом льда и снега».

Другую фундаментальную монографию о великих ледниках написал швед Отто Торелль, детально изучивший следы древних оледенений Северной Европы и современные ледники Альп и острова Шпицберген.

У ледниковой теории оказалось три первооткрывателя: Кропоткин, Гейки, Торелль. Пётр Алексеевич сам не пожелал всецело заняться наукой. Он был борцом за справедливость, а не только мыслителем. На скудных полях Финляндии его научные размышления перемежались с мыслями о том, как сделать этот край благодатным, обеспечить достойную жизнь его обитателям. Счастье научного творчества не избавляло Кропоткина от мыслей о людях, лишённых этой радости:

«Из дикого смешения фактов, из-за тумана догадок, опровергаемых, едва лишь они успеют зародиться, возникает величественная картина, подобно альпийской цепи, выступающей во всём своём великолепии из-за скрывающих её облаков и сверкающей на солнце во всей простоте и многообразии, во всём величии и красоте…

Кто испытал раз в жизни восторг научного творчества, не забудет этого блаженного мгновения. Он будет ждать повторения. Ему досадно будет, что подобное счастье выпадает на долю

немногих, тогда как оно всем могло быть доступно в той или другой мере, если бы знание и досуг были достоянием всех».

У него, в отличие от подавляющего числа учёных, чувство совести и справедливости было сильнее стремления к познанию и научным открытиям.

Он 40 лет провёл в эмиграции (не по своей воле). Сотрудничал в «Британской энциклопедии», публиковал научные труды: «Взаимопомощь как фактор эволюции», «Великая французская революция», «Хлеб и воля», «Современная революция и анархия», «Идеалы и действительность в русской литературе», «Этика», биографические «Записки революционера».

…В белую ночь 14 июля 1917 года площадь перед Финляндским вокзалом Петрограда заполнилась народом. Военный оркестр играл «Марсельезу». Присутствовали анархисты и монархисты, эсеры и большевики, члены Временного правительства, интеллигенты, аристократы и солдаты, рабочие.

Портрет того, кого они встречали, поместил журнал «Нива» с подписью: «Старейший из мучеников русской революции. Более половины жизни истинный борец за свободу провёл в изгнании. Теперь спустя сорок лет после своего бегства из заключения Кропоткин вернулся на родину, чтобы стать в ряды созидателей новой жизни России».

Он пытался встать в эти ряды, не примыкая ни к одной партии. К разочарованию анархистов (в частности, Нестора Махно, встречавшегося с ним), Кропоткин не поддержал их устремления к террору. На Всероссийском демократическом совещании 15 августа 1917 года призвал к единению «левых» и «правых» для победы над Германией и создания Российской республики.

Подобно многим, он не мог верно оценить реальность. Временное правительство не пользовалось популярностью в народе. Армия, которую перевели на «демократическую основу», разваливалась. Солдаты бросали оружие не из-за агитации пацифистов и социал-демократов, а потому, что у них в деревнях оставались жёны, дети, старики. Лозунги «Мир народам!» и эсеровский «Земля крестьянам!» обеспечили большевикам поддержку солдатских масс.

Кропоткин отверг предложение Керенского стать министром Временного правительства. Октябрьский переворот не признал; резко выступал против белого и красного террора, диктатуры большевиков.

Умер он в городе Дмитрове в 1921 году. Его похороны на Новодевичьем кладбище в Москве прошли при огромном стечении народа; были отпущены на этот день под честное слово

заключённые анархисты.

Время показало: на тот исторический период Ленин был прав. Словно возражая клеветникам, наш замечательный поэт Сергей Есенин так отозвался на смерть вождя:

…Того, кто спас нас, больше нет.
Его уж нет, а те, кто вживе,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.

Великий князь Алексей Михайлович, один из немногих уцелевших Романовых, патриот России, вынужден был признать: «На страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи».

Пётр Алексеевич был прав как философ, но не как политик и государственный деятель. Ведь он был убеждён: «Государство – покровитель мироедства, заступник хищничества, защитник собственности, основанной на захвате чужой земли и чужого труда! Тому, у кого ничего нет, кроме рук да готовности работать, тому нечего ждать от государства».

Так писал не изгой, обделённый по рождению и воспитанию благами, а князь, наследник имений, лично знакомый с императором Александром II и его семьёй, признанный учёный. Он не только не преследовал никаких личных интересов, напротив, учил и действовал вопреки им!

За последние три десятилетия в нашей стране стало популярным мнение о том, что революционеры стремились захватить власть ради личных интересов, действовали по заказу врагов России, уничтожали «благородное сословие», интеллигенцию.

Эту ложь распространяют враги и предатели России – СССР или люди, одурманенные антисоветской пропагандой. Конечно, революционеры были разные, но большинство из них отдавали здоровье и жизнь за идею, не рассчитывая на богатства и почести.

Российскую империю разрушили не революционеры и уж, безусловно, не большевики. Ленин, не предполагавший увидеть при жизни падения царизма, прибыл в Россию, как известно, после Февральской революции. Она была анархической, народной, и поэтому царь отрёкся от престола. Власть захватили «демократы» (в их числе были Деникин, Юденич, Врангель, Колчак).

Гражданская война могла окончиться разделом России на зоны влияния западных держав, США. Победа большевиков ознаменовала возрождение великой России – СССР.

Пётр Алексеевич понимал, что будущее не предопределено. В отличие от Карла Маркса, он не был уверен, что прогресс техники и промышленности непременно обеспечит лучшее будущее человечества. Он высказал сомнение: «Хватит ли у современных образованных народов… общественного творчества и смелости, чтобы использовать завоевания человеческого ума для всеобщего блага, трудно сказать заранее».

Увы, не хватило ума, совести, бескорыстия, благородства. Идеалы анархизма противоречат исторической реальности. Цивилизация построена на принципах личной и групповой выгоды, частной собственности (за что, по преданию, Каин убил брата Авеля) и господства человека над человеком.

Под руководством В.И. Ленина, а затем И.В. Сталина удалось с огромными усилиями и немалыми жертвами возродить и сделать сверхдержавой СССР на основах коллективизма, запрета частной собственности на средства производства, более справедливого распределения общественных богатств.

Но сильнее оказались буржуазные ценности максимального обогащения, личной выгоды, нетрудовых доходов, индивидуализма. Переход к власти олигархов стал роковым для России – СССР.

Анархия – это не хаос, а свобода. Так учил Кропоткин. Человеческая личность была для него высшей ценностью. Но не сама по себе, а только в единении с другими людьми.

Социальные условия и воспитание внедряют в души эгоизм, подлость, ненасытную жажду материальных благ. Надо это преодолевать. Идеал – гармоничное соответствие между личностью и социумом, преобладание духовных потребностей над материальными ценностями.

Кропоткин был атеистом и предполагал происхождение нравственности от Природы. Достоевский, в отличие от него, утверждал: если люди отрекутся от Бога, то поставят себя на его место и станут жить по принципу «всё дозволено» при неутолимой жажде личных благ.

Чем возразил Кропоткин на этот довод? Самым убедительным образом: собственной жизнью. Но изучал проблему нравственности и с научных позиций. В этих исканиях он не был первым. Ещё Чарлз Дарвин и Герберт Спенсер исследовали

естественные истоки чувства добра, взаимопомощи. Известный ботаник Андрей Бекетов, с которым в молодые годы дружил Пётр Кропоткин, писал о «взаимодействии» в природе.

Развил эту тему петербургский профессор зоолог Карл Кесслер в опубликованной речи «О законе взаимной помощи». Доказывал: «Взаимная помощь – такой же естественный закон, как и взаимная борьба; но для прогрессивного развития видов первая несравненно важнее второй».

Идею подхватил Кропоткин в книге «Взаимная помощь как фактор эволюции». Он показал, что в трудных природных условиях происходит общее ослабление популяций. «Никакая прогрессивная эволюция видов не может быть основана на подобных периодах острого соревнования».

Его общий вывод: «Объединяйтесь – практикуйте взаимную помощь! Она предоставляет самое верное средство на обеспечения наибольшей безопасности как для каждого в отдельности, так и для всех вместе; она является лучшей гарантией для существования и прогресса физического, умственного и нравственного. Вот чему учит нас Природа: и этому голосу Природы вняли все те животные, которые достигли наивысшего положения в своих соответственных классах. Этому же велению Природы подчинился и человек – и лишь вследствие этого он достиг того положения, которое мы занимаем теперь».

Кропоткин проследил явление взаимопомощи от низших животных до человека и истории общества. По его словам, «оно зиждется на сознании – хотя бы инстинктивном – человеческой солидарности, взаимной зависимости людей. Оно зиждется на бессознательном или полуосознанном признании силы, заимствуемой каждым человеком из общей практики взаимопомощи; на телесной зависимости счастья каждой личности от счастья всех и на чувстве справедливости».

Природа учит людей добру, сочувствию, справедливости. Но каким образом? В XX веке американский генетик Ф.Г. Добржанский предположил, что имеются молекулярные структуры, которые передают по наследству признаки, полезные для вида, популяции, сообществу организмов даже в ущерб индивидам. Советские учёные В.П. Эфроимсон и Б.Л. Астауров привели ряд доказательств врожденного характера некоторых черт социального поведения. Хотя до сих пор эту закономерность нельзя считать безупречно обоснованной.

Кропоткин прав: взаимопомощь в самых разных формах является важнейшим качеством для всего живого, в значительной мере определяя прогрессивную эволюцию видов. Это проявляется

во взаимном «тяготении» полов, в заботе родителей о потомстве, обучении, объединении в сообщества. Каждое живое существо, каждый из нас – это содружество разнообразных клеток и органов, вирусов, бактерий. Когда они находятся во взаимной гармонии, взаимопомощи – человек жив и здоров. Когда согласие нарушается – наступают болезни и смерть.

Наш мозг объединяет десятки миллиардов нервных клеток. Как смог организоваться такой великолепный ансамбль? Ответ Кропоткина: «Если мы знаем что-либо о Вселенной, о её прошлом существовании и о законах её развития; если мы в состоянии определить отношения… между расстояниями, отделяющими нас от Млечного Пути и от движения Солнца, а также молекул, вибрирующих в этом пространстве; если, одним словом, наука о Вселенной возможна, это значит, что между этой Вселенной и нашим мозгом, нашей нервной системой и нашим организмом вообще существует сходство структуры».

Эта идея была высказана в Античности как единство «Космос – Микрокосм», а ещё раньше в индуизме: Брахман – Атман.

У Кропоткина была склонность к чёткой законченной модели мира в стиле «Математических начал…» Ньютона, но только без Бога. Холодный рассудок не подавлял в нём восторженных движений души: «Непрестанная жизнь Вселенной… сделалась для меня источником высшей поэзии, и мало-помалу чувство единства человека с одушевлённой и неодушевлённой природой… стало философией моей жизни».

Выходит, основы добра и красоты присутствуют в космическом порядке? Но как такое возможно без участия Разума? Не может же космический порядок, включающий добро и красоту (осознал их человек по законам природы), возникнуть случайно? Почему тогда он устойчиво не возвращается к хаосу?

Кропоткин постарался обнаружить природные основы понятия о справедливости. На первый взгляд, постановка вопроса некорректна. Для природы одинаково приемлемы мгновения и вечность, атом и звезда, жизнь и смерть организма. Справедливость придумали люди, соединённые в сообщество и начинающие сознавать права и достоинства личности.

Нет, не так просто: «Склонность нашего ума искать «равноправия» не представляет ли одно из следствий *строения нашего мыслительного аппарата* — в данном случае, может быть, следствие двустороннего или двухполушарного строения нашего мозга? На этот вопрос, когда им займутся, ответ получится, я думаю, утвердительный». По его мнению, мозг работает в режиме диалога, ибо состоит из двух полушарий. А продуктивный диалог возможен только на условиях равенства. Замечательная мысль!

Когда организмы обрели такое качество? Простейшая форма размножения делением одноклеточного организма уже предопределила «родственные связи» двух половинок, ставших самостоятельными существами на равных основаниях.

…От каждого из нас в глубины прошлого тянется непрерывная линия предков. Мы сохраняем родственные связи не только со своим родом, племенем, человечеством, но и с млекопитающими, рептилиями, земноводными, рыбами, одноклеточными. Завет «возлюби ближнего как самого себя» утверждает не только равенство личностей, но и их единство.

Идея анархии утверждает свободу личности – вне системы господства и подчинения. Любое существо ощущает себя в центре Мира и видит его по-своему. Солнце и небосвод с мириадами звёзд вращаются вокруг одного центра, которым является любой разумный наблюдатель.

Разве есть во Вселенной общий центр и единое управление? По словам Кропоткина, «ни одна наука – ни астрономия, ни физика, ни химия, ни биология – не доказывает необходимости власти, нигде в природе нет единого управляющего центра, а всюду и везде мы видим лишь взаимодействие различных сил, координацию разнообразных движений».

Философ епископ Николай Кузанский утверждал: «Центр Мира везде, окружность Мира нигде».

Модная ныне гипотеза рождения видимой нами Вселенной после Большого взрыва предполагает, что когда-то такой центр был (хотя неясно где, ибо не было никаких координат пространства). Определяют даже, когда это произошло.

Такая теоретическая конструкция удивительно примитивна и не имеет никаких подтверждений с позиций философии, естественных наук о Земле, Жизни, Разуме, не говоря уже о религии.

Да, вряд ли есть центр Вселенной. Но многие галактики, вращающиеся вокруг своих внутренних центров. Планеты кружатся вокруг солнц, а электроны – вокруг атомных ядер.

У сообществ животных обычно есть вожаки, у муравьев – «царица», да и у людей издавна имелись вожди. Взаимопомощь преобладает, иначе общество разрушилось бы из-за междоусобиц. Но есть и распри, зависть, ненависть, эгоизм…

Кропоткин недооценивал существование в природе, обществе, душе человека сил, нарушающих гармонию природы. Он был идеалистом в лучшем смысле этого слова. Жил и творил во имя высоких идеалов. Был убеждён: главнейшая задача общества –

предельно раскрыть творческий потенциал каждого.

Раскрывается человек, не приспосабливаясь к окружающей среде, а в свободных исканиях правды, созвучной его духовному строю, который, в свою очередь, остаётся отзвуком гармонии Мироздания. Так полагал Пётр Кропоткин. Он прожил счастливую, насыщенную событиями и радостью познания жизнь, ибо осознал истины, присутствующие в пронизывающей нас Природе.

Глава 3. На всякого мудреца… (философы)

В отличие от учёных, в особенности от многих математиков, химиков, физиков, философы (любомудры по-русски) не озабочены решением какой-то конкретной задачи. Они обдумывают самые общие вопросы бытия и познания.

Казалось бы, таким мыслителям должны быть присущи здравый смысл, проникновение в реальность. И тотчас возникает философский вопрос: а что есть реальность, действительность? И начинаются рассуждения, конца которым нет поныне.

На первый взгляд, всё очевидно в прямом смысле: окружающий мир воздействует на наши органы чувств и заявляет о себе с каждым нашим вздохом и взглядом. Но философы не склонны доверять очевидности. Они напомнят: не менее или даже более реален для нас наш внутренний мир («Я мыслю, значит, существую»).

Чувствовать – ещё не означает понимать, а что такое познание – тоже непростой вопрос. Если мы наделены жизнью и разумом, как могли они возникнуть в неживой и неразумной природе? Если Вселенная бесконечна, в ней всё может повторяться сколько угодно раз, а если конечна, что было до неё? Если Вселенная сотворена Всевышним, то где Он пребывает и почему в мире так много зла и несовершенства?

В чём смысл бытия каждого из нас и всего человечества?..

Перечень вопросов можно продолжать. На каждый из них философы дадут ответ – но не один, а несколько. Как в этом разобраться? Пытаясь это сделать, начинаешь плутать в дремучей чаще проблем и мнений, сомневаться в своих сомнениях и у тебя может в конце концов зайти ум за разум.

Не случайно, пожалуй, среди философов людей с причудами было значительно больше, чем у представителей наук, да и те проявляли причуды, обычно когда начинали философствовать, в особенности на религиозные темы.

Диоген Синопский (IV в. до н. э.)

Великий полководец Александр Македонский, ученик Аристотеля, посетив Коринф, пришел в кипарисовую рощу на окраине города, встал перед большой глиняной бочкой-амфорой и представился:

– Я – Александр, царь Македонии.

– А я – собака Диоген, – прогудел глухой голос из бочки.

– Почему ты так называешь себя?

– Кто бросит мне кусок – тому виляю, кто не бросит – облаю, кто зол – кусаю.

– Что я могу сделать для тебя? – спросил царь.

– Отойди в сторонку, ты загородил мне солнце.

…Большим оригиналом был «бочкожитель» Диоген. Стал он таковым отчасти по прихоти судьбы.

Он был сыном чиновника-менялы Гикесия и получил должность чеканщика монет. Говорят, он пошел в Дельфы и спросил оракула, что ему предпринять. «Сделай переоценку ценностей», – был ответ. Будущий философ понял совет просто: надо подделывать монеты – и занялся этим неблаговидным, но доходным занятием, пока его не изобличили. Избегая ареста и суда, он вынужден был бежать.

Впрочем, по другим версиям, подделкой занимался он вместе с отцом, а у оракула побывал после того, как был изгнан из родного города Синопа (Южное Причерноморье). Так или иначе, а бедствуя во время скитаний, он действительно переоценил ценности, оставив мечту о материальном богатстве, отдав предпочтение интеллектуальному. Придя в Афины, направился в гимнасий Киносарге (в переводе – Белый Пёс), где преподавал философ Антисфен – личность примечательная и весьма оригинальная.

Антисфен был учеником Сократа и постоянно ходил к нему за 8 километров. По его мнению, философия научила его умению беседовать с самим собой. На вопрос, какая наука самая необходимая, отвечал: «Наука забывать ненужное».

Он отдавал предпочтение действиям, а не словам. Во время дискуссии в ответ на убедительные логичные доводы, что абсолютного движения нет, он встал и стал прохаживаться перед оппонентом.

(Вообще-то можно принять за точку отсчёта самого шагающего философа. Тогда он предстанет находящимся в покое, а все прочие объекты – движущимися относительно него. Казалось бы, так простейшим образом доказывается принцип

относительности движения. Мол, всё зависит от заранее принятой системы координат. Хотя в действительности все объекты на свете пребывают в постоянном движении. Оно является изначальным и постоянным признаком окружающего и пронизывающего нас Мироздания. Вопрос в том, существует ли абсолютный покой?)

Антисфен учил – прежде всего собственным примером – предельно ограничивать свои материальные потребности. Диоген довёл этот принцип почти до предела, едва ли не до абсурда, отказавшись почти от всей личной собственности. Говорят, что, увидев, как мальчик пьёт из источника, зачерпывая воду ладонью, он выбросил свою чашку, ибо и без неё, оказывается, можно обойтись.

Тяжелобольной Антисфен жаловался на свои страдания Диогену, который достал кинжал со словами: «Вот что избавит тебя от них». Однако учитель возразил: «Я сказал: от страданий, а не от жизни».

Римский писатель III века Диаген Лаэрций (Лаэртский) в книге «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» в главе, посвящённой Диогену Синопскому, написал: «Он говорил, что когда видит правителей, врачей или философов, то ему кажется, будто человек – самое разумное из живых существ, но когда он встречает снотолкователей, прорицателей или людей, которые им верят, а также тех, кто чванится славой или богатством, то ему кажется, что ничего не может быть глупее человека».

Однажды он рассуждал о важных предметах, но никто не хотел его слушать. Тогда он заверещал по-птичьи, залаял, как собака, и вокруг быстро собралась толпа.

– О люди! – сказал Диоген. – Вы сбегаетесь по пустякам, а на разумное и полезное вы не обращаете внимания.

Когда его спросили, много ли было людей на стадионе, он ответил:

– Народу было много, людей мало.

Порой он ходил по улице днём с огнём, поясняя: «Ищу человека».

В то время пользовалось популярностью определение Платона: «Человек есть животное о двух ногах, лишённое перьев». Диоген ощипал петуха и принес его в школу Платона со словами:

– Вот ваш человек!

Говорят, после этого Платон добавил к своему определению: «…и с широкими ногтями». Хотя Диоген имел в виду, что суть человека определяет не столько его биологическая природа, сколько особенности духовного мира.

Однажды он пришёл в дом знатного господина. Слуга провёл его по роскошно убранным комнатам, восхваляя богатство хозяина и великолепие убранства. Диоген откашлялся, посмотрел по сторонам и плюнул в лицо холую.

– За что? – обиделся тот.

– Я хотел сплюнуть, но не нашел здесь места гаже, чем твоя рожа.

Он старался избавлять людей от суеверий. Видя, что женщина отвешивает земные поклоны перед статуей бога, он подошел к ней и сказал:

– А ты не боишься, женщина, что бог находится сзади тебя, ибо всё полно его присутствием, и тогда ты ведёшь себя непристойно по отношению к нему.

Ему сказали, что на острове Самофракии в пещере, посвящённой богине Гекате, оставляют дары спасшиеся от смертельной опасности.

– Даров было бы гораздо больше, – резонно заметил философ, – если бы их приносили не спасённые, а погибшие.

При нем священнослужители вели в тюрьму человека, укравшего чашу из храмовой казны, Диоген сказал: «Большие воры ведут мелкого».

Алчность он называл матерью всех бед.

Кто-то сказал Диогену:

– Тебя многие поднимают на смех.

– А я все никак не поднимусь, – ответил он.

– Но ведь над тобой смеются!

– А над ними, быть может, смеются ослы. Но как им нет дела до ослов, так и мне – до них.

За примитивный быт Диоген получил прозвище Кион (собака). Его последователи именовались киниками (циниками). По другой версии, возможно, более верной, это название пошло от философской школы Антисфена, расположенной в гимнасии «Белый Пес».

На вопрос, почему люди подают милостыню нищим и убогим, но не помогают философам, Диоген ответил: «Богатые знают, что бедными и больными они могут стать, но мудрецами – никогда».

О себе он говорил, что судьбе противостоит мужеством, закону предпочитает природу, а страстям – разум.

Достигнув преклонных лет, на совет отдохнуть от трудов Диоген отвечал: «Если бы я бежал на далёкую дистанцию и уже стал приближаться к цели, разве не следовало бы напрячь все силы, вместо того чтобы уйти на отдых?»

Несмотря на чудачества Диогена, афиняне его уважали. Однажды мальчишка камнем разбил дом-бочку. Проказника

(мальчика, а не Диогена) выпороли, а философу предоставили такое же новое жилище.

После смерти Диогена сограждане почтили его память медным изображением с надписью:

Пусть состарится медь под властью времени – всё же
Переживает века слава твоя, Диоген:
Ты нас учил, как жить, довольствуясь тем, что имеешь,
Ты указал нам путь, легче которого нет.

Последнее утверждение хотелось бы оспорить. Увы, слишком мало тех, кто избирает путь простой жизни с малыми материальными потребностями. Напротив, стремятся обзавестись всё большим количеством вещей, увеличивать до астрономических сумм свои капиталы.

Диоген считал, что нельзя утверждать, что человек богат, если у него много денег. И пояснил:

– Богатый человек удовлетворён тем, что имеет. Беднее его тот, кто старается иметь больше того, что у него есть. Значит, ему, бедняге, чего-то постоянно недостаёт.

…Можно посмеиваться над чудачествами философа-киника. Тем более что он, пожалуй, гордился своей бедностью, выставляя её напоказ. Но в основном он был совершенно прав:

- суть человека отражают не внешние признаки, а внутренний мир;
- подлинный человек должен иметь ограниченные материальные и безграничные духовные потребности.

Диоген воплотил эти принципы в крайней степени. Это уже, что называется, перебор. Но ничего ненормального в этом нет. Напротив, убогие безумцы те, кто становится рабами своих вещей и капиталов.

Джордано Бруно (1548–1600)

8 февраля 1600 года в Риме во дворце Мадруцци в присутствии знатных гостей на балконе появились папа Климент и группа кардиналов.

Дюжие стражники вывели, как дикого зверя, изможденного узника и повергли его на колени. Нотарий зычно читал решение святой инквизиции: «Называем, провозглашаем, осуждаем, объявляем тебя, брата Джордано Бруно, нераскаянным, упорным и непреклонным еретиком».

Его передавали суду губернатора Рима. «Причём усиленно молим, – продолжал нотарий, – да будет ему угодно смягчить суровость законов, относящихся к казни над твоею личностью, и да будет она без опасности смерти и членовредительства».

Торжествующая ложь казнила честность. Мольба о смягчении казни означала: кровь не будет пролита – жертву сожгут заживо. И тут раздался необычно звонкий голос Бруно: «Вы с большим страхом произнесли приговор, чем я его выслушал».

Казнь свершилась 17 февраля. Ночью загудел колокол на башне «Братства усекновения главы Иоанна Крестителя». Из замка Святого Ангела вереницей выходили попарно монахи в капюшонах с прорезями для глаз. Факелы освещали путь. Негромко тянули заупокойные гимны. В капелле началось отпевание человека, которого вывели из тюрьмы, – отпевание заживо.

Он шёл спокойно в одежде смертника: высокий колпак, накинутый на плечи балахон – санбенито – с нарисованными языками пламени, чертями и крестом Святого Андрея. Его затащили на кучу хвороста. Рядом готовили к казни бывшего священника. Последние призывы к отречению от ереси и раскаянию. Ноланец безответен. Его белое лицо устремлено в небо. Он ждёт солнца.

Несильное пламя уже ластилось к его ногам. Струйки дыма вились вокруг лица. Затрещал хворост, и пламя воспрянуло, бросив искрами одежду и лицо. Ткань дымилась. К его губам на шесте подвели крест: «Лобызай!» Он стиснул зубы и отвернулся. Крестом с силой провели по лицу, оставив багровый след. Ноланец смотрел в небо. Он ждал.

И в тот миг, когда первый луч коснулся его глаз, пламя вспыхнуло мощно, сжигая одежду; столб дыма взвился, скрывая лицо Ноланца.

Тогда же грозно загрохотал Везувий – родная гора Ноланца. Взметнулся чёрный столб дыма, раздвоился в вышине наподобие

креста. Сотряслась земля. Дрогнули стены и зазвенели стекла домов. Стадо быков, которое гнали через площадь Навона, в ужасе разбежалось, заколов и затоптав сто двадцать человек.

Теперь, спустя сотни лет, никто не вспоминает о тех погибших римлянах, никто не помнит их имена, всё население Вечного города многократно обновилось, а имя, образ, мысли Ноланца летят сквозь века. «Погибший в своём веке живёт в последующих…» Пророческие его слова.

Распространено мнение, будто Бруно казнили как сторонника системы Коперника. Но он не считал Солнце центром Мира, не был коперникианцем. Он утверждал: существует множество звёздных миров и обитаемых планет.

Да и разумно ли отдавать жизнь за научную или философскую идею? Что от этого изменится? Лишь одним мыслителем станет меньше. Разве так доказывают теории? Нет. Свою единственную жизнь можно отдать только во имя чего-то бесценного, без чего нет смысла существовать.

От него не требовали отречения от какой-то идеи. Просвещённый епископ Николай Кузанский полтора века ранее утверждал, что имеется бесчисленное множество солнечных систем, а центр Мира везде.

Его арестовали как еретика. Он бежал из монастыря, отрёкся от ордена доминиканцев. Писал о принадлежащих к этому нищенствующему ордену:

«Большинство из них избегало труда и забот, свойственных людям, соблазнилось бездельем и обжорством, и лишь немногие преследовали цель подлинной добродетели души… Даже знаменитейшие среди них, их доктора, превратились в гнуснейших паразитов вследствие злоупотребления бездельем… И будущий век, когда мир слишком поздно поймёт своё бедствие, позаботится о том, чтобы уничтожить людей, избалованных бездельем, жадностью и надменностью».

В монастыре он написал комедию «Подсвечник». В ней торжествуют шарлатаны, проходимцы, куртизанки, сводницы, а ещё влюбленные.

Только за то, что он предал доминиканский орден, его имели право осудить на смерть. А он вдобавок проповедовал своё учение – «философию рассвета». Верил в могущество разума, не признавал Троицы, а Иисуса Христа считал пророком, но не богом в образе человека…

Инквизиторы требовали от него, казалось бы, не слишком многого: покаяться и отречься от своих убеждений. Раскаяние

известного еретика стало бы ценным подарком католической церкви к юбилейному 1600 году. За это ему была бы дарована жизнь.

Знавшие его взгляды были удивлены: почему он избрал смерть? По его словам, «жизнь проходит навеки, без всякой надежды на возвращение». Он не верил в существование души в мире ином. В таком случае надо стараться как можно дольше пребывать в мире этом.

Разве так уж трудно признать свои заблуждения и вернуться в лоно церкви? Притвориться. Лицемерие под угрозой смерти вполне оправдано. Никто не залезет в твою душу и не выяснит, насколько искренне раскаяние. Если лицемерят, лгут служители церкви, почему не ответить им тем же?

Позже так поступил Галилео Галилей. Ничего нет в этом позорного. Истина восторжествует рано или поздно. Она пробьёт себе дорогу. Так живой росток, проклюнувшись из зерна, преодолевает мрак почвы и выходит к солнечному свету.

Что же заставило Джордано Бруно избрать смерть? Это не было «безумием храбрых», воспетым Максимом Горьким в «Песне о Буревестнике». Бруно имел немало времени в застенках инквизиции, чтобы обдумать своё решение. Его мучили восемь лет, пытали, но и это не сломило его упорства. Или он был маниакально одержим своими идеями? Или сошёл с ума от пыток? Кто в здравом уме предпочтёт мученическую смерть на костре ни к чему не обязывающему и необязательно искреннему отречению от своих взглядов?

На некоторых допросах он не выдерживал и начинал отказываться от некоторых своих идей, прибегал к схоластическим ухищрениям, чтобы представить их созвучными учению католической церкви (а софистом он был великолепным!). Но затем вновь настаивал на своём. Во вторник 21 декабря 1599 года, как записано в анналах инквизиции: «Сказал, что ему не в чем каяться, что каяться он не должен и не желает».

Это решение было им продумано и выстрадано. К нему привели его избранный жизненный путь и выработанное учение.

…Родился он в небогатой дворянской семье в посёлке Нола близ Неаполя (отсюда его прозвище Ноланец). Назвали его Филиппо. Учился в монастырской школе доминиканского ордена; став монахом, получил имя Джордано. Бруно благодаря своим способностям быстро получил сан священника и степень доктора философии. Отличаясь свободомыслием, чувством собственного достоинства и остроумием, он высказывал крамольные вещи. Его обвинили в ереси. В 1572 году он бежал из монастыря и покинул

Италию.

В трудах Джордано Бруно натурфилософия Возрождения выражена полно и ярко. Он обладал необычайным набором качеств: великолепной памятью, обширными знаниями, творческой активностью, поэтическим воображением, литературным даром, неутолимой жаждой познания, смелостью мысли, героическим энтузиазмом.

В Париже Бруно читал лекции по философии и математике в университете, блестяще выигрывал диспуты-турниры. То же было и в Лондоне, где он жил с 1583 по 1584 год, издав трактаты: «О причине: начале и едином», «Пир на пепле», «О бесконечности, Вселенной и мирах». Переехав в Германию, опубликовал несколько своих сочинений.

В 1582 году его пригласили в Венецию для преподавания, но там предательски выдали инквизиции.

«Природа есть Бог в вещах», – по-своему формулировал Бруно принцип пантеизма; слепую бездумную веру он отвергал. Вселенную считал единством материи и сознания, вещества и Бога. «В мире, – писал он, – идёт постоянная война между светом и тьмой, между наукой и невежеством».

Он предполагал многомерность пространства: «Подобно тому, как в этом равном по величине миру пространстве, которое называется платониками материей, существует этот Мир, так и другой мир может быть в другом пространстве и бесчисленных пространствах, равных этому и находящихся по ту сторону его».

Одно из прозрений Бруно – представление о круговоротах материи: «Мы непрерывно меняемся, и это влечёт за собою то, что к нам постоянно притекают новые атомы и что из нас истекают принятые уже ранее». Таков один из основных законов природы. Земля тоже живёт: «Недрами, внутренностями Земли одни вещества принимаются, другие выносятся… И наши вещества входят и выходят».

Идею круговорота атомов через два века после Бруно возродил Ж. Кювье, а в XX столетии – В.И. Вернадский в своём учении о биосфере как живом организме. Человек, по словам Бруно, «сын Отца-Солнца и Земли-Матери». Вселенная одухотворена, а Бог – душа её:

«Нечестиво искать его в крови клопа, в трупе, в пене припадочного, под топчущими ногами палачей и в мрачных мистериях презренных колдунов. Мы же ищем его в неодолимом и нерушимом законе природы, в благочестии души… сиянии солнца, в красоте вещей, происходящих из лона нашей матери-природы, в её истинном образе, выраженном телесно в бесчисленных живых существах, которые сияют в безграничном

своде единого неба, живут, чувствуют, постигают и восхваляют величайшее единство».

…Люди больше всего ценят то, в чём испытывают нужду. Не потому ли в середине XIX века вспомнили о героическом энтузиазме Ноланца, о его преданности высоким идеалам мудрости, добра, любви? Научно-технические достижения, успехи индустриализации не только повысили благосостояние общества, но и обострили капиталистическую конкуренцию, яростную «борьбу за существование» среди жаждущих наживы.

«Синица в кулаке лучше, чем журавль в небе» – возобладал этот убогий принцип жизни именно тогда, когда успехи научных исследований необычайно расширяли пределы Вселенной, доступной наблюдению, когда вычислили расстояния до звёзд и открыли новые звёздные системы. Словно стремительное расширение горизонта познания столь же быстро сужало область личного духовного бытия.

Но сохранялась мечта о прекрасном, вера в высокое предназначение человека разумного на Земле и в Космосе. Возродились идеи Бруно. Он знал, что это свершится: «И смерть в одном столетии дарует жизнь во всех веках грядущих!» Он был счастлив этим бессмертием.

…Джордано Бруно не был беспечным оптимистом. Не исключал, что может настать пора всеобщего одряхления, угасания светлых порывов и героического энтузиазма. Предупреждал нас:

«Явятся новая правда, новые законы, не останется ничего святого, ничего религиозного, не раздастся ни одного слова, достойного неба и небожителей. Одни только ангелы погибели пребудут и, смешавшись с людьми, толкнут несчастных на дерзость, ко всякому злу, якобы к справедливости, и дадут тем самым предлог для войн, для грабительства, обмана… И то будет старость и безверие мира!.. После того как исполнится все это… правитель мира, всемогущий промыслитель, водным или огненным потопом, болезнями или язвами… несомненно, положит конец этому позору и воззовёт мир к древнему виду».

«Это не предопределение свыше, – утверждал Бруно. – Мы сами творим свою судьбу. Нам противостоит не Вселенная – противостоят наши низкие помыслы, столь жалкие и пошлые перед неизбежностью смерти каждого. Лишь борьба дарует счастье победы. Достигнув умения жить прошлым и будущим, человек приобщается к бессмертию и вечной красоте Мироздания».

«Долой, долой эту тёмную и мрачную ночь наших заблуждений, ибо прекрасная заря нового дня справедливости

зовёт нас; приготовимся встретить восходящее солнце; да не застанет оно нас такими, каковы мы теперь».

…Только постоянно возрождаясь, подобно огню, существует жизнь. И если в смене многих поколений, вопреки имущим власть и капиталы вновь и вновь возрождается образ Джордано Бруно, значит, жизнь его продолжается, значит, он необходим людям, значит, сохраняется вера в высшее предназначение человека и остаётся надежда.

Научные идеи переходят в учебники, истираются от частого употребления, блекнут со временем. Но кроме них есть высокие проявления человеческого духа: честь, совесть, мужество, любовь, доброта.

Будь Ноланец прославлен только своими мыслями, этого было бы вполне достаточно для его посмертной славы. Но велик он, более того, своей жизнью, своей великолепной личностью. А это – достоинства высшей пробы, неподвластные времени. Нам необходимы не только его идеи, но и он сам. Такие люди придают смысл существованию человечества.

Он учил словом, но более всего – собственной жизнью; мыслил и жил честно; умер героем. Для него «лучше достойная и героическая смерть, чем недостойный и подлый триумф». Он жил так же честно, как учил жить. И в этом был подобен Иисусу Христу.

Якоб Бёме (1575–1624)

В конце европейского Средневековья (Эпохи веры) христианство разделилось на восточное православное, южное католическое и северное протестантское. Западная и отчасти Центральная Европа были полем острых религиозных столкновений, имеющих социальные корни.

Расшатывалось мировоззрение, основанное на библейских канонах. Развивались философия и науки по свойственному людям стремлению к познанию тайн природы. Рост промышленных производств потребовал новой техники. Это стимулировало развитие механики и появление основ физики, химии, технических наук: купцы, банкиры, предприниматели были прежде всего прагматиками.

Характерная примета времени – триумф механики. Епископ философ Николай Кузанский называл Вселенную мировой машиной, хотя при этом верил в присутствие в ней души и божественного разума. Но уже один из первых президентов Лондонского королевского общества Роберт Бойль считал Мир только космическим механизмом.

Устойчивое средневековое мировоззрение стало вытесняться новым, основанным в первую очередь на данных науки. В этот переходный период жил и творил в Священной Римской империи на немецко-польских землях сапожник по профессии, религиозный философ по призванию Яков Бёме.

В нём совместились религиозная мистика Средневековья и натурфилософия Возрождения. Русский философ Николай Бердяев писал: «Гениальные, опережающие время антропологические прозрения открываются у величайшего из мистиков-гностиков (*от греческого «гнозия» – знание*) всех времён – Якова Бёме». Немецкий философ Вильгельм Виндельбанд высказался проще: «Во время своих странствий он набрался разных идей и затем перерабатывал их в тиши».

Оба мнения верны. Надо лишь добавить, что у Бёме были видения и он считал, что на него находило просветление свыше.

«Я плохо понимал раньше, – вспоминал он, – возвышенные символы веры по примеру всех мирян и ещё менее природу, пока не начал мне сиять свет вечной природы, чему я так обрадовался, что начал записывать познанное мной. Ибо дух пронзил меня, как молния, и я увидел глубину вечности; когда проходит ливень, он настигает то, что настигает; так было и со мной: я начал писать, как мальчик в школе, и записывал познанное с большим рвением».

Родился и воспитывался Бёме в небогатой крестьянской семье в лютеранской вере; пас домашний скот, учился в школе. Как подмастерье странствовал вместе с бродячим сапожником. Став сапожных дел мастером, обосновался в городе Гёрлице, в 1599 году женился на дочери мясника Катарине и открыл своё дело, не переставая интересоваться всем на свете. Читал труды теологов, мистиков, алхимиков. Большое впечатление произвели на него идеи Теофраста Парацельса.

Следующий год стал для него знаменательным. В семье родился первенец (всего было у них четверо сыновей), а у Якоба было видение.

«Я созерцал, – вспоминал он, – необъятную глубину этого мира, наблюдал за солнцем, звёздами, облаками, дождём и снегом, представлял себе мысленно всё творение этого мира и находил добро и зло, любовь и гнев во всём – не только в людях, в животных, но и в неразумной твари: в дереве, камнях, земле и стихиях».

Философ И.И. Лапшин писал: «Духовный переворот, которым определялся ход его философского развития, имел место дважды, когда ему было 25 лет и 35 лет. В 1606 г. он раз, сидя у себя в комнате, увидел внезапно яркое отражение солнца на оловянном (тёмном) сосуде. Это красивое зрелище не только поразило его, но сыграло известную символическую роль в его последующей философии. Этот тёмный сосуд является условием для *светлого* отражения солнца, это, по аналогии, можно было перенести и в область теодицеи, которая так занимала Бёме. Примирить Бога с мировым злом возможно, если предположить, что в самом Боге есть тёмное начало, как бы *фон* для светлого отражения».

Мысль о присутствии в едином Боге «тёмного начала», элементов зла, на первый взгляд кажется кощунственной. Но ведь единое предполагает именно такой вывод. Иначе получается двойственность миропорядка по ученью зароастризма.

Блаженный Августин предлагал считать зло всего лишь отсутствием добра. Однако в общественной жизни и в душах людей присутствует и порой проявляется с убийственной силой активное воинствующее зло.

Связь Мира и Бога с нашей сущностью, по-моему, можно представить так:

В любой былинке разум дремлет.
Планету, звёзды, электрон
Непостижимый Бог объемлет…
Так, значит, дьявол тоже в нём!

Мы – существа иного сорта,
Премного мельче и слабей,
Коль в Боге есть частица чёрта,
Так что же спрашивать с людей?

По мнению Лапшина, в Бёме «никак нельзя отрицать значительного философского дарования, и хотя его философская “интуиция” не дала миру новой истины, но всё же она выражает известный взгляд на природу и Бога, яркий и интересный, как образчик кустарно-примитивного философского творчества».

В последних словах можно усмотреть высокомерие интеллигента к недоучке. Хотя, несмотря на обширные профессиональные знания, Лапшин не создал оригинального философского учения. В отличие от сочинения «*Аврора, или Утренняя заря в восхождении*», то есть Корень или мать философии, астрологии и теологии, или Описание природы, каким всё было и как стало вначале: как природа и стихии стали тварными, также об обоих качествах, злом и добром; откуда всё имеет своё начало, и как пребывает и действует ныне, и как будет в конце сего времени; также о том, каковы царства Бога и ада и как люди в каждом из них действуют тварно; всё на истинном основании и в познании духа, пробуждением Божиим прилежно изложено Якобом Бёме в Герлице, в лето Христово 1612, возраста же его на 37 году, во вторник, в Троицын день».

Действительно, есть ощущение философского примитивизма: с детской наивностью автор предполагает изложить и объяснить суть Мира, Бога и человека!

Якоб Бёме понимал дерзновенность своего труда, в котором немало было расхождений с канонами богословия (за это в те времена могли его жестоко покарать). Он не страдал манией величия, сознавая и своё незнание, и субъективный взгляд:

«Всё это исследовано за долгие годы премудрыми и разумными учёными людьми, прилежным наблюдением, и подмечанием, и глубоким размышлением, и исчислением. Я же этому не учился и не изучал и представляю речь об этом учёным; но моё намерение в том, чтобы писать по духу и смыслу, а не по наблюдению».

Он писал о своём творчестве: «И я не восходил также на небо, и не видел всех дел и творений Божьих; но оное небо открылось мне в моём духе, дабы я в духе познавал дела и творения Божьи; также и воля на то не есть моя природная воля, но побуждение духа; и немало пришлось мне потерпеть при этом и поражений от дьявола».

В отличие от Ивана Лапшина, Николай Бердяев высоко, возможно даже с преувеличением, оценивал «кустарно-примитивное» творчество: «Вся потрясающая натурфилософия Бёме, хотя и не до конца понятная нам, предполагает, что человек – микрокосм и что всё свершающееся в человеке свершается в космосе. Душа и природа – едины. Бёме должен войти в нашу духовную жизнь как вечный элемент, ибо никогда ещё гнозис человеческий не поднимался до более сверхчеловеческих высот».

Мне кажется, вернее было бы назвать это поэтическими высотами. Бёме предпочитал не формулировать логически выверенные мысли, а предлагал художественные образы. У него языческая картина природы как мирового дерева переходит в «драгоценное дерево познания», и стоит оно на земле, которая питает его соками.

Для Бёме вечны Бог и Природа. «Где нет ничего, там ничего и не бывает; всякая вещь должна иметь свой корень, иначе ничего не вырастет: если бы семь духов природы не было от вечности, то не возникло бы ни ангела, ни неба, ни земли».

Вера в познание у него сильнее веры в Писание. Творческое отношение к Библии. Он не боится сказать про миф о сотворении Мира: «Это описание показывает, что не высокий муж Моисей – автор его, обо оно совсем невразумительно и простовато написано, хотя, однако, заключает в себе весьма точный смысл».

Он, мистик, не избежал веяний времени перемен и образов механических: «Божество есть как бы колесо, вращающееся со своими спицами и ободами и со своею ступицею, и ободы его так вделаны один в другом, как если бы оно состояло из семи колес, могущих идти: не поворачиваясь, и вперед, и назад, равно как и вверх, и вниз, и в стороны».

Однако, в отличие от механической модели Мироздания, которую создавали астрономы и физики, для Бёме Вселенная была живой, пронизанной Святым Духом. У него основой знания была наша родная Земля и непосредственное восприятие природы человеком. А учёные исходили из наблюдений за движением небесных тел.

До сих пор физико-математические модели Мироздания считаются подлинной научной картиной природы, несмотря на то, что в них отсутствуют представления о Жизни и Разуме, основанные на изучении Биосферы.

Создаётся впечатление, что техническая цивилизация со времён позднего Средневековья формирует и во многом уже сотворила техногенного человека, воспринимающего мир как механизм.

Голосом Бёме говорил отчасти биогенный человек, ощущающий своё единство с живой природой. О таком человеке писал поэт философ Максимилиан Волошин в поэме «Путями Каина»:

Адам был миром, мир же был Адам.
Он мыслил небом, думал облаками,
Он глиной плотствовал, растеньем рос,
Камнями костенел, зверел страстями,
Он видел Солнцем, грезил сны Луной,
Гадал планетами, дышал ветрами,
И было всё – вверху, как и внизу, —
Исполнено высоких соответствий.

Как можно истолковать озарения Якоба Бёме? Быть может, это психическая аномалия, переход в изменённое состояние сознания, когда человек становится либо безумцем, либо гением? Не так ли объяснял Сократ подсказки своего демона?

Сторонники оккультных тайн предполагают, что избранным дано постигать непостижимое с помощью Вселенского Разума. Нечто подобное предполагал Бердяев, когда писал о микрокосме и сопоставлял человека с Мирозданием. Он только не учёл, что для Бёме Вселенная была ограничена сферой неподвижных звёзд.

Надо сознавать бесконечную малость нашей планеты и всей Солнечной системы в современной модели Вселенной с миллиардами галактик, в каждой из которых – миллиарды звёздных систем. Эти звёздные миры, в которых присутствует своя жизнь, чужды нам – существам, сотворённым Биосферой, в ней живущим и умирающим. Она для нас есть единственная на всю Вселенную космическая родина.

Из этого неявно исходил в своих прозрениях Бёме. Его вдохновляла живая природа Земли, с которой он чувствовал и телесную, и духовную связь. На сломе эпох в нём сохранялись основы средневекового мировоззрения.

Под воздействием искусственной среды обитания, цивилизации, воспитания и образования ощущение единства с природой стало вытесняться в глубины подсознания. Оно проявляется эмоционально в любви к растениям, животным, пейзажам. Такова позиция потребителя. В общественном сознании господствует физико-математическая модель Мира.

Научная мысль расчленяет природу на объекты познания. Научный метод строг и требует убедительных доказательств. В наибольшей степени этому принципу отвечает математика.

Ответом на него может служить восклицание Якоба Бёме: «Если ты владеешь искусством этого мира, то я владею

искусством божественного мира: ты изучил своё, а моё есть дар милости Божьей».

Не будем забывать: у него Бог и Природа были едины.

Жан-Жак Руссо (1712–1778)

Психиатр Чезаре Ломброзо поставил Руссо диагноз без тени сомнений: «Кто, не бывши ни разу в больнице для умалишённых, пожелал бы составить себе верное представление о душевных муках, испытываемых липеманьяком, тому следует прочесть сочинения Руссо… “Исповедь”, “Диалоги” и “Прогулки одинокого мечтателя”».

Под устаревшим термином «липемания» Ломброзо имел в виду психопатов, склонных к бредовым состояниям и меланхолии. Он ссылался на такие признания Жана-Жака Руссо:

«Я обладаю жгучими страстями и под влиянием их забываю обо всех отношениях, даже о любви: вижу перед собой только предмет своих желаний, но это продолжается лишь одну минуту, вслед за которой я снова впадаю в апатию, в изнеможение. Какая-нибудь картина соблазняет меня больше, чем деньги, на которые я мог бы купить её!.. Когда мне нравится вещь, я предпочитаю *взять её сам*, а не просить, чтобы мне её подарили».

На основании этого Ломброзо находил у Жана-Жака клептоманию, инстинкт воровства. Вроде бы никто в таких действиях Руссо не обвинял (кроме него самого). Хотя в некоторых случаях свидетели предпочитают сделать вид, что ничего не заметили.

«Однако не одни страсти его отличаются болезненной пылкостью – самые умственные способности были у него с детства и до старости в ненормальном состоянии». В доказательство этого Чезаре вновь сослался на исповедальные сочинения Руссо:

«Воображение разыгрывается у меня тем сильнее, чем хуже моё здоровье. Голова моя так устроена, что я не умею находить прелесть в действительно существующих хороших вещах, а только в воображаемых. Чтобы я красиво описал весну, мне необходимо, чтобы на дворе была зима».

В данном случае приходится ставить диагноз психиатру Ломброзо: он слишком примитивно воспринимал художественное творчество: по принципу «что вижу, о том пою». О психологии восприятия реальности у него было странное мнение. Ведь мы не только видим, слышим, обдумываем, но при этом испытываем эмоции. Воображение наше прихотливо; в холодный день нам приятно вспомнить о летних солнечных днях, а в зной – об осенней прохладе. В этом нет ничего особенного.

Другое признание Руссо: «Реальные страдания оказывают на меня мало влияния, гораздо сильнее мучаюсь я теми, которые

придумываю себе сам: ожидаемое несчастье для меня страшнее уже испытанного». Но нечто подобное характерно едва ли не для всех людей; хотя и реальные, и мнимые страдания бывают разными; какой-то общей закономерности тут нет.

Ломброзо считал Руссо сумасшедшим: «И в литературе, и в науке он брался за все отрасли, занимаясь то медициной, то теорией музыки, то ботаникой, теологией и педагогией (*добавим: политической экономикой, социологией, культурологией. – Р.Б.)*. Злоупотребление умственным трудом (особенно вредное для мыслителя, идеи которого развивались туго и с трудом), а также всё увеличивающееся самолюбие сделали мало-помалу из ипохондрика меланхолика и наконец – настоящего маньяка… Тщетно Руссо старался убежать в леса – безумие следовало туда за ним и настигало его всюду».

Сомнителен пассаж о злоупотреблении умственным трудом. Видимо, Ломброзо считал, что Руссо по складу ума и характера не вполне подходил для активного творчества. И это сказано о человеке, которого по праву считают выдающимся писателем, философом и незаурядным композитором. Вновь приходится отмечать неадекватность ряда суждений Чезаре Ломброзо.

Впрочем, Руссо упомянул о своей неусидчивости: «Должно быть, я не рождён для занятий науками, потому что долгое прилежание утомляет меня, и я не могу усиленно заниматься одним и тем же предметом даже полчаса, в особенности следя за чужой мыслью, хотя своей собственной мысли мне случалось предаваться дольше и даже довольно успешно. После того как я прочитал несколько страниц книги, требующей вдумчивости, мой ум вдруг перестает воспринимать читаемое и теряется в облаках… Но при смене разнообразных предметов, хотя бы и непрерывной, один предмет позволяет мне отдохнуть от другого, и я, даже без передышки, гораздо легче за ними слежу. Я воспользовался этим наблюдением в своем расписании и, перемежая предметы, получил возможность заниматься целый день, никогда не утомляясь».

Вновь приходишь к выводу: никакой психической аномалии в этом нет. Смена занятия полезна для творческого человека с активно работающим подсознанием. И всё-таки биография Жана-Жака Руссо даёт определённые основания для диагноза Ломброзо. Можно привести и вывод современного магистра богословия из США К. Крид: «Руссо на долгие годы отдался попыткам самоанализа – порой впадая в совершеннейшее отчаяние и страдая усиливающейся паранойей».

…Родился Жан-Жак Руссо в Женеве (Швейцария) в семье часовщика; рано лишился матери, воспитывался отцом и

близкими родственниками. Он рано пристрастился к чтению, но систематического образования не получил (не потому ли стал самобытным мыслителем?). Его отдали на учёбу нотариусу, а затем гравёру.

Не желая приспосабливаться к религиозному деспотизму, он бежал из протестантской Женевы в католическую Савойю. С тех пор началась его жизнь в чужих богатых домах то слугой, то секретарём у вельможи. Порой он зарабатывал, переписывая ноты. Сочинял музыку. Изобрёл систему обозначать ноты цифрами (в Парижской академии её не одобрили).

Он был неуживчив, эмоционален, с неустойчивым характером, при случае мог украсть бутылку-другую вина. Жил с неграмотной служанкой Терезой, а детей отдавал в воспитательный дом.

В обыденной жизни Руссо был более или менее заурядным обывателем – незлобным, весьма чувствительным. Порой шёл на сделку с совестью (рассудок находил оправдание неблаговидным, а то и подлым поступкам). Однако в творчестве он был предельно честен и свободен, не шёл ни на какие компромиссы. Это определило его интеллектуальные достижения.

В 1742 году в Париже он познакомился с авторами и составителями «Энциклопедии», прежде всего с Дени Дидро; написал несколько статей по истории и теории музыки, а также работу «О политической экономии» (была издана в 1755 году). В ней высказал немало дельных мыслей.

«Народное понимание слова “экономия”, – писал он, – подразумевает скорее разумное, бережное обращение с тем, что имеется, чем средства приобрести то, чего нет». «Если мы рассмотрим, как возрастают потребности Государства, мы увидим, что происходит это почти так же, как у отдельных людей: не столько в результате подлинной необходимости, сколько в результате роста бесполезных желаний; и часто расходы увеличивают лишь для того, чтобы иметь предлог увеличить сборы, так что Государство иногда выиграло бы, если бы обходилось без богатства, и это кажущееся богатство для него, по сути, более обременительно, чем сама бедность».

Руссо отметил хроническую и роковую болезнь цивилизации: всё больше производится продукции ради выгоды дельцов и производства, а не для удовлетворения необходимых для жизни нужд большинства населения. Возрастает количество избыточных материальных потребностей для богатых. Он предлагал ограничивать траты на роскошь.

Это была одна из идей, которые вдохновляли французов на революцию.

Руссо глубоко интересовала не экономическая, а духовная жизнь общества. И тут ему помог случай. В 1749 году он увидел в газете объявление Дижонской академии о конкурсе на тему «Содействовало ли возрождение наук и художеств очищению нравов». Это была его тема! Он зарыдал от счастья. Можно было высказать свои выстраданные мысли.

…Во время странствий он ужинал однажды в деревенском доме. Угощение было самое скудное. Однако поняв, что перед ним не «канцелярская крыса», хозяин достал из погреба вино, хороший хлеб и сыр. Объяснил: если власти узнают, что он не пухнет с голоду, то задушат налогами. Как вспоминал Руссо: «То, что он в связи с этим мне рассказал и о чем я понятия не имел, произвело на меня неизгладимое впечатление; он заронил в мою душу семя той непримиримой ненависти, которая впоследствии выросла в моём сердце против притеснений, испытываемых несчастным народом, и против его угнетателей».

На Дижонском конкурсе победил очерк Жан-Жака Руссо «Рассуждение об искусствах и науках». Членов жюри поразила оригинальность и сила идей, которые шли вразрез с общепринятой иллюзией всеобщего прогресса.

Руссо писал: «В то время как правительство и законы охраняют общественную безопасность и благосостояние сограждан, науки, литература и искусства – менее деспотичные, но, быть может, более могущественные – обвивают гирляндами цветов оковывающие людей железные цепи, заглушают в них естественное чувство свободы, для которой они, казалось бы, рождены, заставляют их любить своё рабство и создают так называемые цивилизованные народы. Необходимость воздвигала троны – науки и искусства их утвердили. Сильные мира сего, любите таланты и покровительствуйте их обладателям!

Цивилизованные народы, лелейте их. Счастливые рабы, вы им обязаны изысканным и изощрённым вкусом, которым вы гордитесь, мягкостью характера и обходительностью нравов, способствующими более тесному и лёгкому общению, – словом, всеми внешними признаками добродетелей, которых у вас нет».

Это был голос человека из народа: «Нет ни искренней дружбы, ни настоящего уважения, ни полного доверия, и под однообразной и вероломной маской вежливости, под этой хвалёной учтивостью, которою мы обязаны просвещению нашего века, скрываются подозрения, опасения, недоверие, холодность, задние мысли, ненависть и предательство».

Он критиковал и науку: «Сколько подводных камней, сколько ложных путей в научных исследованиях! Истина достигается ценою множества заблуждений, и опасность этих заблуждений во

сто крат превышает пользу от этих истин. Невыгода – очевидна; проявления лжи – бесконечно разнообразны, тогда как истина – одна. Да к тому же, кто её искренне ищет? И даже при самых лучших намерениях, по каким признакам её можно безошибочно узнать? Оглушаемые разноголосицей мнений, что мы примем за *критерий* истины? И самое трудное: если, по счастью, найдём наконец такой критерий, кто из нас сумеет правильно воспользоваться им?»

Его трактат вызвал шквал ответных статей. С опровержением идей Руссо выступил, в частности, польский король Станислав Лещинский. Но в самом главном Жан-Жак был прав: искусственная среда обитания вынуждает человека приспосабливаться к ней, деформируя личность. Человек рождается с великолепными возможностями для всестороннего развития, для великих свершений, а превращается в заурядного обывателя.

Впрочем, более популярным было мнение английского философа Томаса Гоббса о том, что в естественном состоянии «человек человеку волк» (почему-то тогда думали, будто волки постоянно грызутся между собой, чего в природных условиях бывает несравненно реже, чем распри между людьми). Тем не менее обличительный трактат Руссо был с восторгом воспринят буржуазным обществом, которое он обличал.

Прогресс техники, промышленности, искусств, литературы, наук создаёт иллюзию интеллектуального и духовного развития личности. Но заученные знания не делают человека умней, а привитые воспитанием хорошие манеры – честней, добрей, совестливей, благородней. Как принято говорить, «Такова жизнь!».

Руссо стал известным композитором после постановки его комической оперы «Деревенский колдун». Она была впервые исполнена в октябре 1752 года при королевском дворе и понравилась Людовику XV. Он пожелал встретиться с автором и назначить ему пожизненную пенсию. Руссо отказался от встречи.

Неприхотливая демократичная опера «Деревенский колдун» пользовалась успехом, в отличие от других музыкальных сочинений Руссо. Её слушал в юности Моцарт и написал сочинение в том же стиле; её исполнили на свадьбе Людовика XVI с Марией Антуанеттой. (Злая ирония судьбы: они были казнены во время Великой французской революции, вдохновляли которую, в частности, идеи Руссо.)

Очередной конкурс Дижонской академии «О происхождении неравенства между людьми и о том, согласно ли оно с естественным законом». Руссо ответил трактатом «О

происхождении и основаниях неравенства между людьми».

Он доказывал: по природным данным люди неравны, но в естественном состоянии их эгоизм сдерживается состраданием, и они стараются не причинять вреда друг другу. В условиях общества у них возникают зависть, гордыня, тщеславие, жажда богатства и власти. Государство люди создают для своей защиты, но оказываются у него в рабстве. Возникает неравенство в богатстве, почестях и власти:

«Первый, кто, огородив кусок земли, выдумал назвать его своим и нашёл таких простаков, которые ему поверили, был истинным основателем гражданского общества. Сколько преступлений, сколько войн, сколько убийств, сколько бедствий и ужасов отвратил бы от человеческого рода тот, кто, вырвав шесты и засыпав канаву, закричал бы себе подобным: берегитесь слушать этого обманщика! Вы погибли, раз вы забудете, что плоды принадлежат всем, а земля никому».

Насколько мне известно, комментаторы этого текста не отметили его соответствие библейской притче о земледельце Каине, убившем своего брата Авеля, стадо которого навредило его посевам. Именно Каин, согласно этой версии, основал первый город на земле.

Богач для защиты своей собственности, считал Руссо, придумал хитроумный способ: установить правила правосудия и мира, высшую власть, узаконить собственность. Постепенно власть перешла к богатым, обрекая бедных на рабство. «Законам природы противоречит состояние, при котором возможно, чтобы ребенок повелевал старцу, глупец управлял мудрым и чтобы небольшая часть людей утопала в изобилии, когда голодная масса нуждается в самом необходимом».

Суть его идеи проста и логична. Цивилизация формирует личность по своим стандартам. Дефекты общественной системы уродуют чувства и мысли. «Человеческая душа, изменяясь в лоне общества от тысячи причин, знаний и заблуждений, физического состояния и непрекращающегося столкновения страстей, изменила свой облик почти до неузнаваемости; и вместо существа, руководствующегося неизменными и твёрдыми принципами, вместо той небесной величественной простоты, которую вложил в неё Создатель, мы видим лишь расплывчатые противоречия между страстями и маниакальными рассуждениями».

Его исследование, не получив первой премии, вызвало сильный отклик в обществе. Оно не содержало и намёка на

революцию, но дух его был именно таким.

Можно ли в поведении и сочинениях Руссо заметить хотя бы намёк на сумасшествие? Напротив: у него сильная воля к творчеству, здравый смысл, искренность и честность, смелость мысли. Он высказывал оригинальные идеи, умея их выразить эмоционально, художественно и всегда логично.

Мужество мыслителя ещё ярче проявилось в последующих его работах. Хотя их успех стал для него отчасти роковым. Тогда-то и стала проявляться его психическая аномалия.

Ему исполнилось полвека, когда вышли его самые знаменитые сочинения: роман в письмах «Юлия, или Новая Элоиза», трактаты «Эмиль, или О воспитании» (с приложением «Исповеди савойского викария») и «Общественный договор». Это был апогей его прижизненной славы. Но тогда же Руссо ожидали новые испытания и моральные потрясения.

Его суровая критика современной цивилизации была воспринята обществом более благосклонно, чем высказывания о религии. Жан-Жак не отрицал религии, чем настроил против себя атеистов Дени Дидро и Поля-Анри Гольбаха (они раньше, чем Лаплас, предлагали обходиться без «гипотезы Бога); к тому же они верили в прогресс цивилизации, который Руссо отрицал.

Жан-Жак признавал существование Бога и бессмертие души. Бог для него олицетворял разумную организацию и динамику Вселенной, а идея бессмертия души – надежду на то, что в мире ином будут преодолены зло и несправедливость этого мира. Он не признавал догму о первородном грехе. По его мнению, «христианство весьма благоприятствует тирании, которая всегда умела извлечь из него пользу».

«Со стороны клерикалов, – писал советский философ В.Ф. Асмус, – началась не только политическая борьба, но и прямые полицейские преследования. “Эмиль” был сожжён в Париже по навету духовных и по приговору светских властей. Спасаясь от ареста, Руссо бежит на родину, в Швейцарию. Но и здесь крамольного автора постигла та же участь. Власти не захотели терпеть его присутствия ни в Женеве, ни в Берне. На короткое время Руссо переезжает в Невшатель, находившийся под властью прусского короля. Но и здесь, несмотря на покровительство Фридриха II, преследования продолжаются. Настроенная против Руссо толпа забрасывает камнями окна его домика.

Руссо принимает предложение находившегося в то время во Франции английского философа Д. Юма, который обещал ему приют в Англии, и сопровождает Юма во время его возвращения на родину. Здесь Руссо было оказано самое радушное и искреннее

гостеприимство. Но Руссо не нашёл душевного покоя и при этих обстоятельствах. Уже в течение многих лет он страдал тяжёлой формой подозрительности, перешедшей в настоящую манию преследования. Всюду ему мерещились интриги, козни и заговоры врагов, даже покушения на его здоровье и жизнь».

В этой связи можно отметить три обстоятельства.

● Для подозрительности у Руссо были основания. Войдя в «высший свет», он убедился, что здесь искренность редка, в отличие от злословия. Его наивность и откровенность порой выглядели нелепо.

● Его хотели арестовать, и вполне могли быть люди, желающие его смерти. В такой ситуации у человека с недостаточно крепкими нервами есть веские основания для мании преследования.

● У Руссо было нечто подобное раздвоению личности. В творчестве он был подчас героически смелым и решительным. В личной жизни он не отличался такими качествами. Но упрекать его за это может только тот, кто сам совершал героические поступки.

Напомню, как он начал свою «Исповедь», которую можно назвать подлинным научным исследованием психологии личности:

«Я хочу показать своим собратьям одного человека во всей правде его природы – и этим человеком буду я…

Пусть трубный глас Страшного суда раздастся когда угодно – я предстану перед Верховным судиёй с этой книгой в руках. Я громко скажу: “Вот что я делал, что думал, чем был. С одинаковой откровенностью рассказал я о хорошем и о дурном. Дурного ничего не утаил, хорошего ничего не прибавил; и если что-либо слегка приукрасил, то лишь для того, чтобы заполнить пробелы моей памяти. Может быть, мне случалось выдавать за правду то, что мне казалось правдой, но никогда не выдавал я за правду заведомую ложь.

Я показал себя таким, каким был в действительности: презренным и низким, когда им был; добрым, благородным, возвышенным, когда им был. Я обнажил всю свою душу и показал её такою, какою Ты видел её сам, Всемогущий. Собери вокруг меня неисчислимую толпу подобных мне: пусть они слушают мою исповедь, пусть краснеют за мою низость, пусть сокрушаются о моих злополучиях. Пусть каждый из них у подножия Твоего престола в свою очередь с такой же искренностью раскроет сердце своё, и потом хоть один из них, если осмелится, скажет Тебе: *Я был лучше этого человека*”».

Было немало людей, которые с полным правом могли бы

сказать, что в поведении своём были лучше Жана-Жака Руссо. Но мало мыслителей за всю историю человечества, сравнимых с ним по оригинальности, силе и культуре мышления, по умению излагать свои мысли, откровенности, литературному таланту.

На склоне лет он писал «Исповедь», раскрывающую предельно полно, насколько мог, свою душу. В этом исследовании нет самолюбования, свойственного мании величия, нет «литературщины». Однако надо отметить его чрезмерную подозрительность. Он писал:

«Но между тем как я попирал бессмысленные суждения пошлой черни, так называемых знатных особ и так называемых мудрецов, я позволил поработить себя и руководить мною, как ребёнком, мнимым друзьям; они же, завидуя тому, что я пошёл один по новой дороге, под видом забот о моём счастье на деле хлопотали о том, чтобы сделать меня смешным, и прежде всего постарались унизить меня, а затем оклеветали. Они завидовали не столько моей литературной известности, сколько преобразованию моей личной жизни, относившемуся к этой эпохе: они, может быть, простили бы мне мою блестящую репутацию как писателя, но не могли простить, что своим поведением я подаю пример, который, видимо, раздражал их.

Я был рождён для дружбы; мой уживчивый и кроткий характер поддерживал её без труда. Пока я жил в безвестности, меня любили все, кто меня знал, и у меня не было ни одного врага; но, как только я приобрёл имя, я потерял друзей. Это было очень большим несчастьем. Ещё большее несчастье заключалось в том, что я был окружён людьми, которые называли себя моими друзьями и пользовались правами друзей только для того, чтобы привести меня к гибели. Продолжение этих воспоминаний разоблачит этот гнусный сговор; здесь я только отмечаю его зачатки; скоро можно будет увидеть, как завязывалась первая петля».

Он не привёл убедительных доказательств какого-то сговора его друзей против него. При глубоком и тонком анализе своих чувств он не смог столь же внимательно и объективно обдумать поведение своих реальных или мнимых друзей.

В начале своей исповеди он обмолвился, что не похож на других. Он, плебей, не менял своих манер в угоду аристократам, находясь в их обществе. Не примыкал ни к одной философской школе или политической партии, ни к одному религиозному направлению (включая атеизм). Поэтому отношение к нему было порой ироничным, а то и враждебным.

Возможно, двойственность его натуры, независимость и гонения в конце концов вызвали у него нечто подобное мании

преследования. Но это не означает какой-то врожденной психической патологии. Он с ясным умом и твёрдой волей отстаивал свою независимость, своё человеческое достоинство.

Руссо испытывал вдохновение, совершая уединённые прогулки в лесу. Это не свойственно человеку, психика которого отягощена манией преследования.

«Уйдя поглубже в лес, – вспоминал он, – я искал и находил там картину первобытных времен, историю которых смело стремился начертать; я обличал мелкую людскую ложь; я дерзнул обнажить человеческую природу, проследить ход времен и событий, извративших её, и, сравнивая человека, созданного людьми, с человеком естественным, показать людям, что достигнутое ими мнимое совершенство – источник их несчастий.

Моя душа, восхищённая этим величественным созерцанием, возносилась к божеству; и, видя с этой высоты, как мои ближние в слепом неведении идут по пути своих предрассудков, своих заблуждений, несчастий, преступлений, я кричал им слабым голосом, которого они не могли услышать: “Безумцы, вы беспрестанно жалуетесь на природу. Узнайте же, что все ваши беды исходят от вас! “»

В словах и поступках Жана-Жака Руссо нет ничего ненормального для человека незаурядного с непростой судьбой. Подобным выдающимся людям посвящены строки Шарля Бодлера (перевод Дмитрия Мережковского):

Во время плаванья, когда толпе матросов
Случается поймать над бездною морей
Огромных белых птиц, могучих альбатросов,
Беспечных спутников отважных кораблей, —
На доски их кладут; и вот, изнемогая,
Труслив и неуклюж, как два больших весла,
Влачит недавний царь заоблачного края
По грязной палубе два трепетных крыла.
Лазури гордый сын, что бури обгоняет,
Он стал уродливым, и жалким, и смешным,
Зажжённой трубкою матрос его пугает
И дразнит с хохотом, прикинувшись хромым.
Поэт, как альбатрос, отважно, без усилья,
Пока он – в небесах, витает в бурной мгле,
Но исполинские невидимые крылья
В толпе ему ходить мешают по земле.

Григорий Сковорода (1722–1794)

Этот поэт и просветитель, по мнению историка философии В.В. Зеньковского, – «первый философ на Руси в точном смысле слова». Н.О. Лосский предпочёл уклончивое определение: «любитель философии».

Григорий Саввич Сковорода был более чем мыслитель: жил в соответствии со своими воззрениями. Его можно назвать учителем жизни, а не только ярким представителем русской мысли (и украинской, конечно). Первый его биограф М.И. Ковалинский писал: «Поставленный между вечностью и временем, светом и тьмою, истиною и ложью, добром и злом, имеющий преимущественное право избирать истинное, доброе, совершенное и приводящий то в исполнение на самом деле, во всяком месте, бытии, состоянии, знании, степени, есть мудрый, есть праведный.

Таков есть муж, о котором здесь предлежит слово».

Родился он в селе Чернухи на Полтавщине в казацкой семье. Уже в детские годы, по словам Ковалинского, «приметен был склонностью к богочтению, дарованием к музыке, охотою к наукам и твёрдостью духа».

Судьба Григория Саввича определялась его личными качествами. В отрочестве он поступил в Киево-Могилянскую академию. Учение было прервано вызовом в Петербург, где он стал певчим в придворной капелле. Через два года, вернувшись в Киев, продолжил учёбу. Окончив академию в 23 года, отказался от духовного звания, поступил на службу к генералу Вишневскому и несколько лет пробыл в западных странах, главным образом в Венгрии.

Он прекрасно владел немецким и латинским, знал греческий и древнееврейский. За границей продолжил учиться, знакомясь с трудами античных философов и беседуя с высокообразованными людьми. Вернувшись на родину, стал странствующим просветителем и проповедником, своеобразным «русским Сократом» (в отличие от греческого предшественника, он не имел своего дома и писал сочинения).

«Сковорода – крестьянский просветитель. Он решительно осуждает не только феодальные оковы, – писали И.В. Иванько и В.И. Шинкарук, – но и социальный гнет буржуазных отношений. Ему органически чуждо воспевание собственнического интереса как движущей силы человеческих поступков, свойственное буржуазным просветителям… Сковорода восстаёт… прежде всего против власти вещей, богатства, накопительства… Мир, в

котором господствуют буржуазно-собственнические отношения, – это мир морального растления, власти вещей, корыстолюбия, алчности, духовной опустошенности».

Это было написано с упрощённых марксистских позиций, но в значительной мере справедливо. Сковорода отвергал буржуазные корыстные ценности не только на словах, а несравненно весомее – на деле. «Не войду в город богатый, – писал он, – я буду на полях жить». Так и поступал.

Незадолго до смерти он побывал в Петербурге, пришёл к своему другу и ученику Ковалинскому и передал ему все свои рукописи. Умирать вернулся на родную Полтавщину. На могиле завещал поместить собственную эпитафию: «Мир ловил меня, но не поймал».

Что этим он высказал? Свой уход от мира материальных ценностей ещё при жизни? То, что ему удалось избежать соблазнов этого мира? Или достижение духовной свободы и независимости? Или то, что он не будет понят как мыслитель?.. Пожалуй, он имел в виду сразу несколько смысловых вариантов, предоставив потомкам безуспешно разгадывать головоломку.

Непростой смысл философских и морально-этических взглядов Сковороды тоже можно толковать по-разному.

По мнению Зеньковского, понимание мира и жизни складывалось у Сковороды «из религиозной сосредоточенности и постоянного погружения в молитву», а потому он «глубоко чувствует тайную печаль, тайные слёзы в мире». Но разве не проще предположить, что Григорий Саввич выстрадал на собственном опыте и сочувственно воспринял опыт жизни народа, в котором жил и частицей которого оставался?

В отличие от профессиональных «философов на службе», находящихся среди привилегированной части общества, Сковорода не понаслышке и не из сочинений знал о жизни, горестях и мыслях людей. Его больше всего огорчали несправедливость и нечестивость, озабоченность многих людей низменными материальными благами. Смерть он воспринимал поистине как мудрец. В этом он стоял выше, чем, скажем, Шопенгауэр, с которым его сравнивал Зеньковский. Вот конкретный пример.

В одном из писем Григорий Саввич рассказал о своём присутствии в храме, где отпевали игумена, начиная со слов Цицерона: «О времена! О нравы! Игумен умер, народ суетится, плача; я смеюсь и вместе с тем плачу в душе. Смеюсь над человеческой глупостью, её же оплакиваю».

Он пояснил: «Где благочестие? Где прежняя мудрость? Такими словами оплакивать телесную смерть, которой вовсе не

следует избегать и которую всякий, у кого есть хоть немного здравого смысла, должен признать единственным и надёжнейшим выходом из всех опасностей и бед?.. Что смерть духовная есть несчастие, это можно видеть более чем достаточно из Священного Писания, но что телесную смерть следует оплакивать…»

Действительно, те, кто, зная бренность тела, искренне верит в бессмертие души, должны воспринимать телесную смерть спокойно, как само собой разумеющееся, а заботиться при жизни о чистоте своей души.

В цикле «Сад божественных песен» Сковорода восклицает: «Смерть страшна, замашная коса!» Спрашивает: кто же плюёт на её «острую сталь»? И отвечает: «Тот, чья совесть, как чистый хрусталь…»

Он не признавал холодных рассуждений: «Мудрствование мёртвых сердец препятствует философствовать во Христе». Особо выделял здравый ум и сладостные для души «умности Христовы», проникнутые любовью к человеку и миру.

Оставаясь религиозным философом, постоянно цитируя Священное Писание, Сковорода не терял самобытности. Он не стремился создавать завершенное, логически выверенное учение, а был естественен и противоречив, как сама жизнь. В одном случае говорил: «Мысль есть тайная пружина всей нашей телесной машины». В другом утверждал: «Всему в человеке глава есть сердце – оно и есть истинный человек». И раскрывал смысл, соединяя оба тезиса: «Что есть сердце, если не душа? Что есть душа, если не бездонная мыслей бездна? Что есть мысль, если не корень, семя и зерно всея нашей плоти-крови?..»

У него не было расхождений между сердцем и мыслью. Смелость и свобода его суждений подчас переходили в «героический энтузиазм» (говоря словами Джордано Бруно). Признавая, что «христианский Бог есть Библия», Сковорода продолжал: «Но сей Бог наш первее на еврейский, потом на христианский род бесчисленные и ужасные навёл суеверий наводнения».

Мыслитель с возмущением привёл примеры этих суеверий: что Иисус Навин остановил солнце; что скоро грядёт конец света и т. д. Считал, что вера в такие нелепости хуже безбожия! И даже осмелился сказать: «Библия есть ложь…» Но только для тех, кто не обдумывает её тексты, многие из которых следует толковать аллегорически. Слепая вера становится источником диких предрассудков.

Некоторые суждения Сковороды поражают смелостью, граничащей со святотатством. В одном из диалогов Души с Духом он позволяет такие высказывания (в сокращённом пересказе):

Дух. Библия – не только от Бога, но и от дьявола. Она во многом безрассудна и вредна, без всякого вкуса лжёт.

Душа. Где же там ложь?

Дух. Повсюду. Самая первая: «Вначале сотворил Бог небо и землю».

Душа. Боже мой! Неужели сие ложь есть?

Дух. Конечно. Известно, что не одна земля на свете, а множество миров. И давно уже просвещённые люди сказали: вещество вечно. Да и откуда свет, если все небесные светила появились только на четвёртый день? А как день может быть, если ещё нет солнца? И весь рассказ о сотворении таков, будто кто-то был зрителем этого вселенского чуда… Наконец, Бог закрыл свою фабрику, будто утомился. А то бы, пожалуй, мог натворить всяких крылатых черепах, пуховых ежей, премудрых дураков, вечный двигатель…

Сковорода пояснил: мир Священного Писания – «символический, тайнообразный». Есть другой мир, окружающий и пронизывающий нас: «мы в нём, а он в нас обитает». Наконец, третий мир – микрокосм человека. Все три составляют единство. У него есть сущности явная и тайная, видимая и незримая, телесная и духовная. Такое соединение Бога и материи позволяет считать Сковороду пантеистом. Вот, к примеру, его высказывание: «Нельзя сыскать важнее и Богу приличнее имени, как… природа или естество».

Во Вселенной Сковорода предполагал множество обитаемых миров. Библейское предание о днях творения толковал, исходя из идеи вечности Мироздания: «Каждого мира машина имеет своё, с плывущими в нём планетами, небо». То, что земля была безвидна, по его мнению, говорит о её хаотичном состоянии: «Грязь же сия и сволочь тленных фигур натаскана безобразно и беспорядочно…» А в Библии свет есть символ истины, Солнце – правды.

Некоторые высказывания Сковороды свидетельствуют о его замечательных прозрениях. Он постоянно возвращался к идее круговоротов: «бесконечное начало и безначальный конец, начиная, кончит, кончая, начинает. Но бесчисленный есть тайнообразный мрак божественных гаданий».

Что сие означает? Бесконечное разнообразие воплощений творческой энергии? Возможно. А что значит «мрак божественных гаданий»? Не то ли, что даже Богу многое неведомо и нет неизбежного предопределения? Иначе говоря, в мире царствует не только необходимость, но и неопределённость, вероятность. (В XX веке А. Эйнштейн усомнится, что «Бог играет в кости», но квантовая теория, принцип неопределённости Шрёдингера,

опровергли его сомнения.)

Чем объяснить озарения Григория Сковороды? Его ответ: «Всех наук семена сокрыты внутри человека, тут их тайный источник». Но если такой источник находится в каждом из нас, почему лишь немногим удается извлечь из него истину? Сковорода предлагает «прежде всего сыскать внутри себя искру истины Божией».

Он прозорливо отметил: «Мы в посторонних околичностях чересчур любопытны, рачительны и проницательны: измерили море, землю, воздух и небеса, обеспокоили брюхо земное ради металлов… нашли закомплетных миров неисчислимое множество, строим непонятные машины, засыпаем бездны, возвращаем и привлекаем стремнины водные, ежедневно новые опыты и дивные изобретения.

Боже мой, чего не умеем, чего мы не можем? Но то горе, что при всём том кажется, что чего-то великого недостаёт…

Математика, медицина, физика, механика, музыка со своими буйными сёстрами: чем изобильнее их вкушаем, тем пуще палит сердце наше голод и жажда, а грубая наша остолбенелость не может догадаться, что все они суть служанки при госпоже… Дух несытости гонит народ…

Что же такое сделать вас может счастливыми?»

Вопрос обращён к каждому из нас. А ответ прост: «Сие-то есть быть счастливым – узнать, найти самого себя». Наше истинное счастье «живёт во внутреннем сердце нашего мира, а мир в согласии с Богом».

Это нельзя постичь из книг. Необходимы усилия собственного ума и воли: «Не разум от книг, но книги от разума родились». И добьётся успеха лишь тот, «кто чистыми размышлениями в истине очистил свой разум». А «источником несчастия есть нам наше бессовестие».

Чистая совесть, искренняя устремлённость к истине – вот путеводная нить, ведущая к таящейся в душе искре Божией. Сковорода напоминает слова Иисуса Христа: «Царство Божие внутри вас есть».

«Сего сокровища не ищи вне себя, – не раз повторяет Сковорода. – Уединение – внутри себя, покой – в сердце твоём: отрежь и убей, попри волю свою буйную, иначе, хоть покори всю Вселенную, не сыщешь [счастья]». Но главное поучение он выразил собственной жизнью и с полным основанием мог написать:

«Что касается меня, то пусть другие позаботятся о золоте, о почестях, о сарданапаловых пирах и низменных наслаждениях; пусть ищут они народного расположения, славы, благоволения

вельмож; пусть получат они эти, как они думают, сокровища, я им не завидую, лишь бы у меня были духовные богатства…»

Такова простая форма спасения и каждой личности, и всего человечества (не устаю её повторять): ограниченные материальные потребности и безграничные – духовные.

Завершим очерк стихотворением М.И. Ковалинского (1794 год):

Ревнитель истины, духовный богочтец,
И словом, и умом, и жизнию мудрец;
Любитель простоты и от сует свободы,
Без лести друг прямой, доволен всем всегда,
Достиг на верх наук, познавши дух природы,
Достойный для сердец пример, Сковорода.

Артур Шопенгауэр (1788–1860)

Психические аномалии Артура Шопенгауэра отмечали многие авторы. О нём советский психиатр О.Г. Виленский высказался без обиняков: «В целом это жизнеописание вполне соответствует картине параноидной шизофрении».

В.П. Эфроимсон в книге «Генетика этики и эстетики» несколько иначе сформулировал диагноз: «Шопенгауэр относится к мыслителям, у которых действовал двойной аппарат стимуляции умственной активности – подагрический и гипоманиакально-депрессивный» (ослабленный).

Ч. Ломброзо не сомневался: «Шопенгауэр наследовал, по собственному его признанию, ум от матери, энергичной, хотя и бессердечной, женщины, и притом писательницы, а характер – от отца, имевшего банкирскую контору, человека странного, мизантропа и даже липеманьяка, который впоследствии застрелился» (психопат, склонный к бредовым состояниям и меланхолии).

Надо внести ясность. У Артура не ладились отношения с матерью, и она в письме ему назвала причину: «На меня производят также подавляющее действие твоё вечное недовольство, твои вечные жалобы на то, что неизбежно, твой мрачный вид, твои странные суждения, высказываемые тобою, точно изречения оракула; всё это гнетёт меня, но нимало не убеждает. Твои бесконечные споры, твои вечные жалобы на глупость мира и на ничтожество человека мешают мне спать по ночам и давят меня, точно кошмар».

С отрочества Артура поразила мысль о неизбежности смерти, вечности небытия, а значит, бессмысленности скоротечной жизни, глупости и пошлости людей, погрязших в суете.

Возможно, об этом у него были разговоры с отцом, разделявшим такое мнение. Но мать – женщина общительная и жизнерадостная – не сошлась характером ни с мужем Генрихом-Флорисом, ни с единственным сыном.

Ломброзо продолжал: «Шопенгауэр был тоже липеманьяк; из Неаполя его заставила уехать боязнь оспы, из Вероны – опасение, что он понюхал отравленного табаку (1818), из Берлина – страх перед холерой, а самое главное – боязнь восстания.

В 1831 году на него напал новый припадок страха: при малейшем шуме на улице он хватался за шпагу и трепетал от ужаса при виде каждого человека; получение каждого письма заставляло его опасаться какого-то несчастья, он не позволял брить себе бороду, но выжигал её, возненавидел женщин, евреев и

философов, в особенности этих последних, а к собакам привязался до того, что по духовному завещанию отказал им часть своего состояния…

Философствовал Шопенгауэр постоянно, даже по поводу самых ничтожных вещей, например, своего громадного аппетита (философ был очень прожорлив), лунного света…

Он жил всегда на нижнем этаже, чтобы удобнее было спастись в случае пожара, боялся получать письма, брать в руки бритву, никогда не пил из чужого стакана, опасаясь заразиться какой-нибудь болезнью, деловые заметки свои писал то на греческом, то на латинском, то на санскритском языке и прятал их в свои книги из нелепой боязни, как бы кто не воспользовался ими… считал себя жертвою обширного заговора, составленного против него философами».

Отсутствие остроумия и чувства иронии мешало Ломброзо оценить многие высказывания Шопенгауэра о себе и о других. Психиатр отнёс в разряд ненормальностей философа его суждение: «Для меня легче, если черви будут грызть моё тело, чем если профессора станут грызть мою философию».

Однако в одной фразе Шопенгауэр сравнил профессоров с могильными червями, напомнил о неизбежности смерти, отверг утешительную идею бессмертия души и намекнул на то, что его учению придёт свой черёд, его будут изучать и толковать на разные лады (что и свершилось). Такое насыщенное смыслами высказывание говорит не о безумии, а, напротив, – об уме и остроумии.

Странности философа объясняются отчасти его независимостью. Он имел возможность жить, не лицемеря, и писать то, что считал нужным, не считаясь с чужими мнениями. Для свободы творчества у него были все возможности: ему не приходилось зарабатывать себе на жизнь.

Трудно оспорить мнение Шопенгауэра: «Для огромного большинства учёных их наука – средство, а не цель. Поэтому они никогда не произведут в ней чего-либо великого: для этого требуется, чтобы наука для того, кто ею занимается, была целью, а всё остальное, даже и само существование, только средством».

Об узких профессионалах, склонных к широким обобщениям, он отозвался так: «Самобытный мыслитель только впоследствии знакомится с авторитетными для него авторами, которые ему тогда служат для подтверждения его мыслей и для собственного подкрепления; тогда как книжный философ отправляется, исходит от них, устраивая себе из вычитанных чужих мнений целое, которое и уподобляется составленному из чужого материала автомату. Мировоззрение же первого, напротив,

подходит на живорождённое дитя. Ибо оно есть выношенный и рождённый плод, зачатый вследствие воздействия внешнего мира на мыслящий дух».

Шопенгауэр пророчески заметил: «Мы скоро увидим учёных, которые вне своей специальности будут чистейшими ослами».

За последние полвека наиболее популярны весьма сомнительные гипотезы: рождение Вселенной в результате Большого взрыва; вымирание динозавров из-за падения астероида (а они вымирали 15 миллионов лет); появление гор от столкновения плит литосферы; синтез живого организма из неживого; прогрессивная эволюция на основе естественного отбора…

Это подтверждает мнение Шопенгауэра о профессионалах. Хотя надо иметь в виду, что самобытными мыслителями становятся не сразу, а после обучения, самопознания, чтения книг. Многое зависит от объекта исследований. Когда речь идёт о формальных физико-математических моделях и конкретных, преимущественно технических проблемах, узкая специализация незаменима.

Фундаментальные теории требуют надёжных знаний во многих дисциплинах, обширного научного кругозора.

Принято объяснять безнадёжный пессимизм Шопенгауэра его психической аномалией. А он так же расценивал взгляды неисправимых оптимистов. Вот некоторые его высказывания, которые трудно оспорить:

«Мы знаем, что смерть неизбежна, и всё равно ставим перед собой какие-то цели, стараясь выдумать мыльный пузырь как можно больше, хотя отлично знаем, что он лопнет».

«Люди подобны часовым механизмам, которые заводятся и идут, не зная зачем».

«Тысячи наслаждений не окупают одного страдания».

«Какой прок от просветителей, реформаторов, гуманистов? Чего добились на самом деле Вольтер, Юм, Кант? Все их старания – тщетные и бесплодные усилия, ибо мир – госпиталь неизлечимых».

Он писал, что великие произведения литературы посвящены борьбе, страданиям, битвам за счастье и справедливость. Но даже в случае победы героя ожидают краткий триумф и последующее бесцельное существование. У Данте в «Божественной комедии» наиболее могучее и мудрое творение – Ад, а не Рай. Чем это объяснить? Материал для своего Ада черпал он из реального мира, и получилось убедительно и сильно. Для Рая не нашлось подобий, и картины получились бледными.

Может быть, Природа, наша прародительница, даёт основание для оптимизма? Увы, достаточно присмотреться к жизни её творений, чтобы убедиться в обратном. Улитки и червячки поедают растения, а сами становятся добычей более сильных и ловких тварей. Никакое существо не имеет защиты от врагов; даже могучие хищники погибают от микробов.

Создав изумительные организмы, искусная природа равнодушно обрекает их на бесчисленные опасности и страдания. Жизнь или смерть индивидуума для неё безразличны. В этом людям следует поучиться у неё.

В мире царит слепая, бессмысленная воля к жизни. Трагедия разумного существа – в сознании неизбежности своей смерти и тщетности устремлений к иллюзии счастливого будущего.

Блестящая литературная форма придаёт доводам Шопенгауэра дополнительную убедительность. Хотя его личная жизнь опровергает их.

Несмотря на бренность бытия и ничтожность людей, он напрягал свой ум, стараясь убеждать их в своих идеях. Уверял, что наш мир – худший из возможных миров, а сам панически боялся смерти. Видел счастье человека в весёлом нраве, отличаясь замкнутостью и мрачностью. Основой нравственности называл сострадание, а с наибольшим сочувствием относился к своей любимой собаке, а не к людям.

Шопенгауэр стремился создать цельную философскую систему. Как он признавался: «Лучшим в моём собственном развитии я обязан, после впечатлений наглядного мира, творениям Канта, равно как Священному Писанию индусов и Платону».

«На 17-м году моей жизни, – вспоминал он, – безо всякой школьной учёности, я был так же охвачен чувством *мировой скорби*, как Будда в своей юности, когда он узрел недуги, старость, страдания и смерть. Истина, которая громко и ясно говорила из мира, скоро преодолела и мне внушённые еврейские догмы, и в результате у меня получился вывод, что этот мир не мог быть делом некоего всеблагого существа, а несомненно – дело какого-то дьявола, который воззвал к бытию твари для того, чтобы насладиться созерцанием их мук».

На это можно ответить: если Мир есть плод наших представлений, то это лишь один из многих взглядов на жизнь. Живое существо, не размышляющее о неизбежности смерти, пребывает в вечности (пока живёт), на что нацеливает его воля. Для разума человека мысль о смерти есть испытание. Он может верить в смысл жизни или в её бессмыслицу. Исходить из принципа всего живого: мы вечны, пока живы. Что дальше? Тело

становится частью организма Биосферы, среды жизни, пронизанной энергией Солнца; её учёный, теолог и философ Тейяр де Шарден называл Божественной, ибо она создала нас и дала жизнь…

Впрочем, наш ответ не удовлетворил бы Шопенгауэра, убеждённого в переходе в небытие. Что ж, и он прав, так же как многие другие, думающие иначе, чем он.

Ходже Насреддину сосед пожаловался на их общего знакомого. «Ты прав, – сказал Ходжа, – он плохой человек». Позже зашёл к нему этот общий знакомый и пожаловался на первого. «Ты прав, – сказал Ходжа, – он плохой человек».

Жена Насреддина, слышавшая эти разговоры, отчитала мужа: «Как можешь ты говорить и тому и другому, что они правы?!» «И ты права», – вздохнул Ходжа.

…Каждый человек с определённого возраста вольно или невольно выбирает свой жизненный путь. Артур Шопенгауэр не был в этом отношении исключением. Благодаря финансовым возможностям отца он в юности путешествовал по европейским странам, выучил несколько языков, много читал. Генрих-Флорис Шопенгауэр хотел, чтобы сын пошёл по его стопам, и определил его в гамбургскую фирму для освоения торгового дела. Но судьба распорядилась иначе.

Как писал русский публицист Э.К. Ватсон: «Весною 1805 года скоропостижно умер отец Артура: он упал из окна чердака в глубокий канал и утонул. Ходили слухи, будто, сделавшийся в последние годы своей жизни чрезвычайно раздражительным, особенно вследствие усилившейся с годами глухоты своей, Генрих-Флорис Шопенгауэр преднамеренно бросился в канал; другие утверждали, что Шопенгауэр-отец лишил себя жизни в припадке умопомешательства, наследственного в его семействе (действительно, в нескольких поколениях семьи Шопенгауэр встречается не один случай умопомешательства); третьи же видели в смерти Генриха-Флориса просто несчастный случай. Как бы то ни было, но смерть отца произвела на Артура сильное, удручающее впечатление».

По версии немецкого юриста и писателя В. Абендрота, Генрих-Флорис случайно провалился в складской люк и стал инвалидом. Его жена не изменила своего светского образа жизни. Как писал Артур: «Эта госпожа, моя мать, давала приёмы, пока он умирал в одиночестве, и развлекалась в то время, когда он переносил тяжелейшие муки. Такова женская любовь».

Её понять можно. Она была на 20 лет моложе мужа и

пользовалась популярностью как писательница. (Криминальный сюжет в современном стиле – заказное убийство; ведь Генрих-Флорис оставил крупное состояние, на которое безбедно прожили его вдова и сын.)

В 1807 году Артур Шопенгауэр поступил на медицинский факультет Геттингенского университета. Через полгода стал посещать лекции и на философском факультете. Круг его интересов был чрезвычайно широк. Через три года он продолжил учёбу в Берлинском университете. Он всерьёз интересуется естественными науками. Лекции по философии не только записывает, но и снабжает своими критическими замечаниями.

В Йенском университете он защитил докторскую диссертацию «О четверояком корне закона достаточного основания». Согласно этому закону, каждое утверждение должно быть обосновано или логически, или на фактах, на опыте. Формулировка Лейбница: «Ни одно явление не может оказаться истинным или действительным, ни одно утверждение – справедливым – без достаточного основания, почему именно дело обстоит так, а не иначе, хотя эти основания в большинстве случаев вовсе не могут быть нам известны».

По мнению Шопенгауэра, закон достаточного основания не может иметь доказательств и проявляется в четырёх ипостасях. Для пространства и времени это закон бытия; для материального мира – закон причинности; для познания – закон логического обоснования; для наших действий – закон мотивации.

Шопенгауэр ожидал, что его новые идеи будут высоко оценены. Но получил только благоприятный отзыв Гёте, хорошего знакомого семьи Шопенгауэров. Артур был разочарован столь скромной оценкой. Из 500 экземпляров его диссертации за 10 лет было продано немногим более трети.

В судьбе Артура Шопенгауэра сыграло роковую роль любовное разочарование. Он путешествовал по Италии с молодой особой, которую пылко любил. Вот что он вспоминал:

«У меня было рекомендательное письмо Гёте к лорду Байрону. В Венеции я хотел явиться к адресату с этим письмом… И вот однажды я гуляю с моей любовницей по Лидо, как вдруг моя Дульцинея весьма возбужденно восклицает: “Вон английский поэт!” Байрон пронёсся на лошади мимо меня, а женщина не могла целый день избавиться от впечатления, произведённого на неё этой встречей. И тогда я решил не передавать письма. Я испугался, что мне наставят рога. Как я сожалею об этом!»

По его словам, внутренний голос предостерёг его от безумного любовного чувства и повелел продолжать свой жизненный путь в одиночестве.

Вряд ли он испугался, что его подруга бросится в объятия Байрона. Более вероятно другое. Она пришла в восторг, увидев европейскую знаменитость, романтического поэта, тогда как рядом с ней великий мыслитель Артур Шопенгауэр! Он не смог вынести такого удара по своему самолюбию от любящей вроде бы его женщины.

Не менее сильную психическую травму получил он по выходу в свет первого тома своей ставшей позже знаменитой работы «Мир как воля и представление». Он писал издателю в марте 1818 года: «Мой труд представляет собою… новую философскую систему, притом новую в полном смысле слова: не пересказ уже существующего, а в высшей степени взаимно связанных новых мыслей, никогда прежде не приходивших ни в одну человеческую голову. Работа эта в равной мере далека как от высокопарного, пустопорожнего и бессмысленного словоблудия новой философской школы, так и от многословной болтовни докантовского периода».

Увы, почти весь тираж пошёл на макулатуру: из 800 экземпляров было продано лишь 100. Комментарий автора: «Полное пренебрежение, которому подверглись мои труды, доказывает либо то, что я не был достоин современности, либо наоборот».

Но и это было ещё не всё. В феврале 1820 года, став приват-доцентом Берлинского университета, он назначил свои лекции в те же дни и часы, что и Гегель, признанный философ. Это соревнование Шопенгауэр проиграл полностью. К нему приходило не более пяти студентов.

На следующий семестр он представил курс «Основания философии, или Всеобщая теория познания». Аудитория оказалась пустой. С тех пор он проникся ненавистью к Гегелю и презрением ко всем тем, кто равнодушен к его идеям, то есть ко всему человечеству.

«Безотрадное пребывание в Берлине, – писал о Шопенгауэре советский философ Б.Э. Быховский, – несколько оживлял его продолжительный роман с хористкой Берлинской оперы Каролиной Рихтер. Зато скандальная история с другой Каролиной – его соседкой по квартире, 47-летней швеёй Маркет – долгие годы отравляла его существование. В 1821 году, озлобленный шумом, зачастую доносившимся из её комнаты, он однажды, встретив соседку, так толкнул её с лестницы, что полученные от падения ушибы искалечили её. После длительного судебного процесса Шопенгауэру пришлось не только уплатить 300 талеров за её лечение, но в течение двадцати лет платить ей алименты за нетрудоспособность».

С 1833 года и до конца своих дней Шопенгауэр провёл в одиночестве во Франкфурте-на-Майне, трудясь над своими сочинениями. Первый и последний прижизненный успех пришёл к нему в 1839 году: Королевское норвежское научное общество удостоило премии его работу «О свободе воли человека».

Казалось бы, просвещённая публика, падкая на новизну, должна была взахлёб читать его сочинения, написанные ясно и художественно. Почему этого не было? Шопенгауэр нашёл этому объяснение, сравнив книгу с зеркалом: «Когда осёл глядит в него, он не может увидеть в нём ангела».

Но было и более серьёзное объяснение: «Пошлость – это клей, который цементирует людей. У кого его мало, тот отпадает». «Главная причина пренебрежения, которое встречает моя философия, заключается в том, что именно в моё время на месте философии и мышления была поставлена умопомрачающая протестантско-иезуитская официальная лжемудрость, приспособленная к тому, чтобы одурачивать умы, – беспримерная низость гегелевщины».

В христианстве он категорически отрицал Ветхий Завет (по сути – Тору, священную книгу иудаизма): «Евреи – избранный народ своего бога, а он – избранный бог своего народа; ну и никого больше это не касается».

Сложнее его отношение к Гегелю. Шопенгауэр не мог признаться себе, что завидует популярности этого мыслителя. О низости «гегелевщины» можно говорить с иронией. Ведь там речь идёт о безмерно возвышенных категориях: Всемирном Разуме, Мировом Духе, Абсолюте. Но в них теряется реальность, и восхождение к этим абстрактным категориям оборачивается лицемерием, бедами людей и природы, войнами, злодеяниями, уродствами этого мира – слишком велики огрехи Высшего Разума, чтобы считать его источником всеобщего блага. Из этого, по-видимому, исходил Шопенгауэр в своём презрении к учению Гегеля.

…Непризнанному гению приходится утешаться тем, что современники недостойны его творений. Главное – не терять веры в себя и свои идеи. Так и поступил Шопенгауэр. Поведение вполне нормального человека. Был ли он обуян манией величия? Он преувеличивал свои достижения. («Моя философия в пределах человеческого познания вообще представляет собою действительное решение мировой загадки».) Но и это вполне нормально для непризнанного гения.

Артур Шопенгауэр, несмотря на свою заносчивость, отдавал должное роли отца в своей жизни. В его бумагах сохранилось

посвящение Генриху-Флорису Шопенгауэру для книги «Мир как воля и представление»:

«Благородный, благодетельный ум, которому я всецело обязан тем, чем я стал. Твоя попечительная предусмотрительность охраняла и лелеяла меня не только в течение всего беспомощного детства и опрометчивой юности моей, но и в зрелом возрасте, по настоящий день. Даровав мне жизнь, ты в то же время позаботился о том, чтобы твой сын в этом мире, каков он есть, имел все способы существовать и развиваться, а без этой твоей заботливости я сотни раз оказался бы на краю гибели. В моём уме стремление к теоретическим исследованиям сущности бытия преобладало слишком решительно для того, чтобы я ради обеспечения своей особы мог, насилуя свой ум, предаться какой-нибудь иной деятельности и поставить себе задачею добывание хлеба насущного. По-видимому, именно в предвидении этого случая ты понял, что твой сын неспособен ни пахать землю, ни тратить силы на механическое ремесло. Равным образом ты, гордый республиканец, понял, что сыну твоему чужд талант соперничать с ничтожеством и низостью, или пресмыкаться перед чиновниками, меценатами и их советниками в тех видах, чтобы подло вымаливать себе кусок чёрного хлеба, или же, наконец, подлаживаясь к надутой посредственности, смиренно присоединяться к славословящей ее толпе писак и шарлатанов. Ты понял, что твоему сыну скорее свойственно, вместе с почитаемым тобою Вольтером, думать: "Так как нам дано лишь два дня жизни, то не стоит труда проводить их в ползании перед презренными плутами". Поэтому посвящаю тебе моё творение и шлю тебе, за пределы могилы, благодарность, которою обязан лишь тебе одному и никому иному. Тем, что силы, дарованные мне природою, я мог развить и употребить на то, к чему они были предназначены; тем, что последовав прирождённому влечению, я мог без помехи работать в то время, когда мне никто не оказывал содействия, – всем этим я обязан тебе, мой отец: твоей деятельности, твоему уму, твоей бережливости и заботливости о будущем. За это хвала тебе, мой благородный отец! Пусть же всякий, кто в моём творении найдёт для себя радость, утешение и поучение, услышит твое имя и узнает, что если бы Генрих-Флорис Шопенгауэр был не тем человеком, каким он был в действительности, то Артур Шопенгауэр успел бы сто раз погибнуть. Итак, да сделает моя благодарность то единственное, что в состоянии сделать для тебя я, которого ты создал: да разнесётся имя твоё так далеко, как только в состоянии будет разнестись мое имя».

Бурные политические события первой половины XIX века, в

частности, взлёт и падение Наполеона Бонапарта, французские революции прошли для Шопенгауэра словно в мире ином, который имел к нему лишь косвенное отношение; разве только иногда вызывали беспокойство за собственную безопасность. Он был всецело занят самим собой, своим творчеством, а дружил только со своей собакой.

«Вид *всякого животного* даёт мне непосредственную радость, – признавался он, – и у меня при этом становится теплее на сердце; больше же всего радует меня вид собак, а затем и всех свободных животных… Наоборот, вид людей возбуждает у меня почти всегда решительное отвращение; ибо они сплошь да рядом, за редкими исключениями, являют самое отталкивающее безобразие во всех его отношениях и формах… Воля на высшей ступени своей объективизации даёт совсем не привлекательное, а отвратительное зрелище».

Пожалуй, тут камень в «философский огород» Гегеля, сторонника всеобщего прогресса.

Материальное бытие, считал Шопенгауэр, с полным основанием именуется действительностью, ибо оно определяется действиями людей. Действие направляется волей, преимущественно бессознательной. И всё это обретает смысл в том случае, когда есть воспринимающий субъект, когда появляется какое-либо представление о мире. Объект и субъект существуют только в единстве. Нет объекта без субъекта. Воля первична для одного и другого. В природе господствует необходимость. Чтобы преодолеть её, следует выйти за её пределы в царство благодати.

Шопенгауэр – дерзновенный, интеллектуальный искатель – в частной жизни был заурядным обывателем. Чрезмерно заботился о своём здоровье и благополучии, приходил в неистовство оттого, что его не прославляют, был равнодушен к чужим страданиям, приветствовал подавление рабочих во время революции 1848 года. Возможно, пессимизм Шопенгауэра подпитывался уязвлённым самолюбием.

Оптимизм он называл измышлением плосколобых болтунов и «поистине бессовестным воззрением, горькой насмешкой над невыразимыми страданиями человечества». И всё-таки, опровергая собственные слова, старался жить как можно дольше.

По иронии судьбы сочинения Шопенгауэра обрели популярность среди тех, кого он глубоко презирал – сытых и самодовольных буржуа. Их время наступило после того, как на Западе прокатилась волна революционных выступлений, во многих странах установился прочный полицейский режим. Острые высказывания Шопенгауэра воспринимались обывателями

как пикантная приправа к пресной умственной пище.

Популярность его идей определялась вовсе не тем, что публика за два-три десятилетия резко поумнела. Таких чудес не бывает. В середине XIX века одним из властителей дум на Западе стал Томас Карлейль – романтик и революционер не в социальной, а в духовной сфере. Он воспевал сильную личность, героев. По его словам, великий человек – «свет, озаряющий мир, освещающий тьму мира; …источник природной оригинальной прозорливости, мужества и героического благородства, распространяющий всюду свои лучи».

Под эту категорию Шопенгауэр никак не подходил.

«Настоящий герой, – утверждал Карлейль, – всегда труженик… Его высшее звание – слуга людей. Он – первый рабочий на подённом труде своих сограждан, первый мститель за неправду, первый восторженный ценитель всего благого… Он вечно стремится к недостижимому идеалу».

Он понимал, что настало время промышленного производства, когда «руководители промышленности… будут, в сущности, вождями мира. Если в них нет благородства, то на свете никогда больше не будет аристократии».

Верное замечание. Хотя в условиях буржуазных демократий власть стала принадлежать прежде всего крупному капиталу, тем финансовым магнатам, которые, по Карлейлю, исповедуют «философию свиней», старающихся урвать из общей кормушки предельно больше для себя.

Как проявить свои способности в обществе, где господствуют идеалы буржуа: стремление получить максимальную оплату за минимальный труд или вовсе существовать без труда, за счёт спекулятивных махинаций или на ренту, как Артур Шопенгауэр?

Последние герои уходили в прошлое вместе с остатками феодализма. Усилия реанимировать героическую эпоху были тщетными. В период социальных конфликтов на первый план – как герои – вышли революционеры, террористы, анархисты. Все это было проявлением бунта личности: от мыслителей-индивидуалистов до вождей и активных деятелей социалистического и коммунистического направлений.

Только во второй половине XIX века, когда в Европе укрепилось господство буржуазии, крупного капитала (несмотря на существование трёх империй), Артур Шопенгауэр наконец-то стал известен как философ, а не как сын писательницы Иоганны Шопенгауэр. Это объяснялось не столько убедительностью его философской системы, сколько его остроумными, нередко мудрыми афоризмами, размышлениями на разные темы.

Вот, к примеру, его суждение о спиритизме и

бессознательном:

«Когда кто-либо вопрошает, как оракула, *стучащий стол* и стол верно возвещает ему прошлое и даже будущее, то это можно объяснить тем, что стол доводит до его сознания уже известное ему бессознательно. В нас таится скрытый пророк, который становится явным в сомнамбулизме и ясновидении, когда он возвещает нам то, что было или будет у нас в бодрствующем состоянии, – бессознательном. Также в глубоком сне он знает всё и пытается иногда довести это до сведения мозга в аллегорических снах, реже – в непосредственных видениях. Но часто он не может донести до мозга ничего, кроме смутного предчувствия».

Надо лишь уточнить: в последней фразе под словом мозг, по всей вероятности, подразумевается рассудок. Нетрудно заметить, что эти идеи воспринял и активно использовал Зигмунд Фрейд, в юности много читавший Шопенгауэра.

Лев Толстой написал Афанасию Фету в августе 1869 года: «Не знаю, переменю ли я когда мнение, но теперь я уверен, что Шопенгауэр – гениальнейший из людей. Вы говорите, что он так себе, кое-что писал о философских предметах. Как кое-что? Это весь мир в невероятно ясном и красивом отражении. Я начал переводить его. Не возьмётесь ли и вы за перевод его? Мы бы издали вместе. Читая его, мне непостижимо, каким образом может оставаться его имя неизвестным? Объяснение только одно – то самое, которое он так часто повторяет, что “кроме идиотов, на свете почти никого нет”».

…Восторги Льва Толстого несколько преувеличены. Но, безусловно, Артур Шопенгауэр остаётся в ряду крупнейших мыслителей человечества. С ним можно соглашаться или спорить, однако читать надо хотя бы ради духовного общения с умным собеседником.

Порой кажется странным его убеждение в существовании двух основных философских лагерей: идеализма и материализма. Он утверждал, что Мир есть наше представление: «“Нет объекта без субъекта” – вот положение, которое навсегда делает невозможным всякий материализм». На основе знания и в нём «мир только и существует»; без знания «его нельзя даже мыслить, ибо он всецело представление и в качестве такого нуждается в познающем субъекте как носителе своего бытия».

Да, нельзя судить о существовании мира, если не воспринимаешь его, не мыслишь, не представляешь. В стиле Декарта можно заявить: «Я мыслю Мир, значит, он существует». И надо бы добавить: существует для меня. Но точно так же он существует и для всех прочих теперь, и в прошлом, и, можно

надеяться, в будущем.

Каждое живое существо имеет своё представление (пускай даже бессознательное) о Мире. Значит, он присутствует во всём этом бесконечном разнообразии субъективных представлений. И возникает вопрос: а есть ли субъект без объекта?

Почему-то его не задал себе Шопенгауэр. Ибо надо признать, что и нет субъекта без объекта. Если я не имею представления о Мире, значит, или он, или я не существуем. Второе представляется более вероятным. Но во избежание схоластических споров разумно признать: *нет субъекта без объекта и нет объекта без субъекта*.

Мир – это единство материального и духовного, действия и познания. Хотя каждый воспринимает Мир по-своему, имея возможность выбирать ту философскую систему, которая ему по душе и разуму. Можно познавать Мир и без всякой общей формулировки, только потому, что это необычайно интересно и весьма полезно.

Когда речь идёт о знаменитом мыслителе, принято подчёркивать его «основополагающие идеи». У Шопенгауэра выделяют основную тему его работы «Мир как воля и представление». Но он относится к философам, у которых не менее интересны и важны мысли, высказанные в разных сочинениях. В этом он похож на выдающихся писателей и поэтов.

Свой главный труд Шопенгауэр начал так:

«Мир есть моё представление – вот истина, которая имеет силу для каждого живого и познающего существа, хотя только человек может возводить её для рефлективно-абстрактного сознания; и если он действительно это делает, то у него зарождается философский взгляд на вещи. Для него становится тогда ясным и несомненным, что он не имеет ни солнца, ни земли, а знает только глаз, который видит солнце, руку, которая осязает землю; что окружающий его мир существует лишь как представление, то есть исключительно по отношению к другому, к представляющему, каковым является сам человек».

Насколько я понимаю, речь идёт не о мире вообще, а о том, что нам дано воспринимать его только со своей точки зрения и по своим возможностям. И с этим, как говорится, ничего не поделаешь. Судя по всему, Шопенгауэр не отрицал существования мира вне нас. То, что Кант называл «вещью в себе», о сути которой мы можем только догадываться, Шопенгауэр определил как «волю». Что это такое? По мнению Шопенгауэра, объяснить это невозможно.

Если взглянуть с современных позиций, то его непознаваемая воля выглядит более определённо:

- *воля к действию (всеобщая деятельность, энергия, движение);*
- *воля к жизни, свободе (у живых организмов);*
- *воля к познанию (у разумных существ).*

В окружающей нас природной среде присутствуют все эти три разновидности воли: ведь мы существуем не сами по себе, а как творение и часть земной среды жизни, Биосферы, насыщенной солнечной энергией. Именно эта энергия – основа бытия.

…Итак, был ли Артур Шопенгауэр душевно больным? Нет ли в его философском учении патологических элементов, отражающих аномалии его ума и характера?

Всякое выдающееся творение человека в любой области знаний и практической деятельности отражает в той или иной степени его личность. Заурядный человек тем и отличается, что мыслит и действует по шаблону. Шопенгауэр явно был не таким.

На мой взгляд, называть его психически ненормальным можно только по большому недоразумению или непониманию духовного мира человека незаурядного, творческого и оригинального. Черты его ума и характера вполне объяснимы его образом жизни, особенностями воспитания и образования, событиями того времени, а также запоздалым признанием его творческих достижений.

Вне своего творчества он был более или менее заурядным обывателем. Ничто человеческое ему не было чуждым, в том числе и пороки. Он ведь и сам писал о роковом несовершенстве человека.

Пётр Чаадаев (1794–1854)

Пушкин так представил Петра Яковлевича Чаадаева:

Он высшей волею небес
Рождён в оковах службы царской,
Он в Риме был бы Брут, в Афинах – Периклес,
А здесь – он офицер гусарской.

Шутка конечно же юного восторженного поэта, но в ней есть и доля истины. Хотя, прожив значительно больше лет, чем Пушкин, Чаадаев не проявил себя ни сходством с Брутом, ни тем более с Периклом. Однако совершил он поистине безумный поступок.

Его первое сочинение – «Философическое письмо» (1836) – было взрывоподобным. Николай I в гневе объявил автора сумасшедшим. Журнал «Телескоп», напечатавший статью, был закрыт, цензор смещён, профессор Н.И. Надеждин – редактор – выслан. Чаадаеву было запрещено что-либо публиковать. Его как опасного психического больного оставили под присмотром врача (не говоря уже о жандармах).

Придётся признать, что царь не был далёк от истины. Одно дело – написать что-либо подобное для себя и близких друзей; совсем другое – опубликовать эту, как много позже выразились российские кубофутуристы, «пощёчину общественному вкусу».

Письмо Чаадаева, обращённое к неведомой сударыне, начинается с назидания: «Лучший способ сохранить религиозное чувство – это соблюдать все обряды, предписываемые Церковью». Столь миротворное начало обманчиво. Речь идёт не о религии, а о предначертании свыше, которому следуют народы Западной Европы, когда наступает «эпоха сильных ощущений, широких замыслов, великих страстей народных» (пожалуй, намёк на революции).

«У нас ничего этого нет. Сначала – дикое варварство, потом грубое невежество, затем свирепое и унизительное чужеземное владычество, дух которого позднее унаследовала наша национальная власть, – такова печальная история нашей юности…

Эпоха нашей социальной жизни, соответствующая этому возрасту, была заполнена тусклым и мрачным существованием, лишённым силы и энергии, которое ничто не оживляло, кроме злодеяний, ничто не смягчало, кроме рабства… Мы живём одним

настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мёртвого застоя…»

И это написано в 1828–1830 годы, после того как был побеждён и низвергнут Наполеон Бонапарт, когда русские войска вошли в Париж! А до этого были Александр Невский и Дмитрий Донской, Иван Грозный, завоевание и освоение Сибири, Пётр I и Екатерина II. А из бурных событий разве не было мощного и жестокого бунта Пугачёва и восстания декабристов?!

Не замечая ничего достойного внимания в истории России, русский автор «философического письма» полностью ориентирован на Запад. Словно запамятовал он об отечественных самобытных мыслителях, утверждая:

«Мы ничего не дали миру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума, и всё, что нам досталось от прогресса, исказили. С первой минуты нашего общественного существования мы ничего не сделали для общего блага людей; ни одна полезная мысль не родилась на бесплодной почве нашей родины: ни одна великая истина не вышла из нашей среды…»

Развёртывается удручающая картина: «Стоя как бы вне времени, мы не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода». Сказано сильно и несправедливо. Наконец: «Глядя на нас, можно было бы сказать, что общий Закон человечества отменён по отношению к нам. Мы во всяком случае составляем пробел в нравственном миропорядке».

Подобные суждения противоречивы. Выходит, русские на свой лад движут историю, и в этом они не похожи на западные «цивилизованные» народы. Слова о том, что мы якобы составляем, используя выражение Гоголя, «прореху на человечестве», выглядят как склонность к уничижению и покаянию – тоже особое качество, позволяющее занимать особое место в «прогрессе человеческого разума» и в «нравственном миропорядке».

Весьма характерно и то, что написаны эти письма были русским человеком по-французски, тогда как русская литература от Ломоносова до Пушкина была уже на подъёме.

Чаадаеву можно было бы ответить: друг мой, у тебя есть досуг и умственные силы, ты знаком с Шеллингом, тебе доступны сочинения крупнейших философов Запада. Почему бы тебе вместо поношения своего народа не взяться за дело и создать нечто такое, что прославит тебя и твою несчастную родину на весь мир?!

У Петра Яковлевича были для этого все условия. Он родился

в богатой дворянской семье. Его дедом по линии матери был М.М. Щербатов, автор многотомной «Истории России с древнейших времён», правда, несколько сумбурной.

Рано лишившись родителей, Пётр со старшим братом Михаилом жил, воспитывался и обучался в Москве у тётки княжны Анны Щербатовой; слушал лекции в Московском университете; дружил с будущим декабристом И.Д. Якушкиным и А.С. Грибоедовым (считается, что Чацкий в «Горе от ума» отчасти списан с Чаадаева).

Пётр Чаадаев в 1812 году участвовал в Бородинском и в нескольких других сражениях, был награждён орденом Св. Анны. В Царском Селе, где был расквартирован его Гусарский лейб-гвардии полк, он познакомился, а потом и подружился с Александром Пушкиным. О том, какое влияние могла оказать эта дружба на поэта, можно судить по стихотворению «К Чаадаеву»:

…Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

Товарищ, верь: взойдёт она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Тут слышны тайные мотивы первого из «Философических писем».

Несколько лет Пушкин находился под впечатлением личности Петра Чаадаева. Но пыл юности стал постепенно остывать:

Чадаев, помнишь ли былое?
Давно ль с восторгом молодым
Я мыслил имя роковое
Предать развалинам иным?
Но в сердце, бурями смиренном,
Теперь и лень и тишина,
И, в умиленье вдохновенном,
На камне, дружбой освященном,
Пишу я наши имена.

Как бы ни относиться к Чаадаеву-философу, но в поведении своём он был, пожалуй, чрезмерно озабочен своей внешностью и позой. Его называли «самым блистательным из всех молодых людей в Петербурге» (Екатерина Раевская). В первой главе «Евгения Онегина» (1823 год) упомянут он именно в такой ипостаси:

Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей:
К чему бесплодно спорить с веком?
Обычай деспот меж людей.
Второй Чадаев, мой Евгений,
Боясь ревнивых осуждений,
В своей одежде был педант
И то, что мы назвали франт.
Он три часа, по крайней мере,
Пред зеркалами проводил,
И из уборной выходил
Подобный ветреной Венере,
Когда, надев мужской наряд,
Богиня едет в маскерад.

В начале 1821 года Пётр Чаадаев вышел в отставку, пренебрегая возможностью сделать неплохую карьеру. Причины этого поступка неясны. Пожалуй, он решил стать «вольным мыслителем» и заняться философией. Во всяком случае, по словам мемуариста Ф.Ф. Вигеля, он был «первым из юношей, которые полезли тогда в гении».

Если учесть восхищение Чаадаева Западной Европой, можно предположить, что его привлекал образ байроновского Чайльд Гарольда – разочарованного в жизни вольнолюбивого мыслителя и скитальца по экзотическим странам.

Чаадаев три года (с 1823) путешествовал по странам Западной Европы. Сначала он не собирался возвращаться на родину, но передумал. Возможно, осознал, что в тех краях он остаётся «чужаком», а знакомство с европейской философией позволит ему на родине стать «властителем дум».

Он старался сопоставлять идеи западных мыслителей со своим пониманием России. В письме Ф. Шеллингу признавался: «Чтение Ваших произведений… было для меня источником плодотворных и чарующих размышлений… хотя и следуя за Вами по Вашим возвышенным путям, мне часто доводилось приходить в конце концов не туда, куда приходили Вы».

Осенью 1826 года он поселился в подмосковном имении

Щербатовых, где начал писать «Философические письма». В Москве жил на Новой Басманной улице, получив прозвище «Басманный философ», и действительно стал на некоторое время властителем дум в российском обществе. Он одинаково сильно стимулировал творческие искания и западников, и славянофилов своей искренней и печальной, хотя не всегда справедливой, критикой русского общества.

В 1827 году его друг А.В. Якушкин писал о нём: «Он чрезвычайно экзальтирован и весь пропитан духом святости… Ежеминутно он закрывает себе лицо, выпрямляется, не слышит того, что ему говорят, а потом как бы по вдохновению начинает говорить».

Возможно, Чаадаев вошёл в роль мыслителя-пророка. Тем более что, по его мнению, «мы пользуемся мировым разумом в нашем познании».

Как писал в «Истории русской философии» В.В. Зеньковский: «Основная богословская идея Чаадаева есть идея Царства Божия, понятого *не в отрыве от земной жизни, а в историческом воплощении, как церковь*». По словам Чаадаева: «Призвание Церкви в веках было дать миру христианскую цивилизацию». Он называл себя «христианским философом».

Подобно Гегелю, он считал христианство последним словом и заключительной истиной религиозного сознания. Не желал учитывать, что позже появился ислам, а само христианство раскололось на три главных течения, не считая сект. Смысл истории, по Чаадаеву, – следование за «божественной волей, властвующей в веках и ведущей человеческий род к его конечным целям».

Какие конечные цели имеются в виду? В Апокалипсисе Иоанна Богослова это вселенская катастрофа и Страшный суд над многогрешным человечеством. Чаадаев, однако, ориентировался главным образом на Западную Европу и католичество: «Несмотря на всю неполноту, несовершенство и порочность, присущие европейскому миру… нельзя отрицать, что Царство Божие до известной степени осуществлено в нём».

В те же годы прямо противоположную мысль высказал Шопенгауэр, знавший неповерхностно западную цивилизацию. По его словам, она осуществляет на земле царство дьявола. Как показал последующий век и отметил Н.А. Бердяев, человек попал в полную зависимость от нечистого демона техники.

Позже в своей «Апологии сумасшедшего» Чаадаев вспомнил «о прекрасных страницах нашей истории» и решил, что

«преувеличением было бы опечалиться хотя бы на минуту за судьбу народа, из недр которого вышли могучая натура Петра Великого, всеобъемлющий ум Ломоносова и грациозный гений Пушкин».

Тут же оговорился: «Я не научился любить свою Родину с закрытыми глазами, с преклонённой головой, с запертыми устами». И это справедливо: не видеть недостатков своей страны, значит, не исправлять их. Вот только нелегко понять, в чём же главном эти недостатки выражаются.

Чаадаев выразил надежду: «Мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суеверия». Но и это, увы, лишь то, что можно пожелать, но нелегко осуществить. К сожалению, проще всего воспринимаются массовым сознанием именно заблуждения и суеверия.

В конце XX века Россия попыталась встать на рельсы западного пути развития. Это обернулось для неё трагедией. Великая держава распалась, а русский народ с тех пор продолжает вымирать. Ретивые «западнисты» вещают, будто у нас внедрили какой-то «не тот» капитализм и «не ту» буржуазную демократию.

Причина катастрофы не в этом. Наиболее развитые державы Запада добились экономического могущества за счёт ограбления и эксплуатации многих других стран, уничтожения цивилизаций Нового Света и колониального владычества.

Это не выдумка Маркса, а историческая реальность. Путь технической цивилизации, локомотивом которого были державы Западной Европы, а затем США, лежал через жестокости, грабежи, злодеяния. В наибольшей степени это отражается на деградации Биосферы и человеческой личности. Красивый фасад западной цивилизации мешает увидеть за ним торжество мещанства, эгоизма, корысти, лжи, что не укрылось от пристального взгляда Герцена.

В «Апологии сумасшедшего» сказано разумно: «Прекрасная вещь – любовь к Отечеству, но есть ещё нечто более прекрасное – это любовь к истине. Любовь к Отечеству рождает героев, любовь к истине создает мудрецов, благодетелей человечества. Любовь к Родине разделяет народы, питает национальную ненависть и подчас одевает Землю в траур; любовь к истине распространяет свет знания, создает духовные наслаждения, приближает людей к божеству».

По его мнению, индивидуальное сознание каждого из нас есть частичка сознания всего человечества и формируется именно

так. «Если не согласиться с тем, что мысль человека есть мысль рода человеческого, то нет возможности понять, что она такое».

Да, личное наше сознание формируется только в социальной среде, которая объемлет родных, близких, свой род, всё человечество. А эта среда есть часть земной и космической природы. Отсюда можно заключить вслед Чаадаеву, что «мы пользуемся мировым разумом в нашем познании». Только непонятно, что означает мировой разум и в чём (или в ком) он выражается.

Чаадаев не идеализировал реальность: «Общее мнение отнюдь не тождественно с безусловным разумом …инстинкты масс бесконечно более страстны, более узки и эгоистичны, чем инстинкты отдельного человека… не в людской толпе рождается истина». Его вывод верен: «Во всём своём могуществе и блеске человеческое сознание всегда обнаруживалось только в одиноком уме, который является центром и солнцем его сферы».

Можно лишь добавить: этот ум должен принадлежать личности благородной, честной и устремлённой к поискам истины. Хотя и в этом случае нет гарантии от ошибок и заблуждений.

Это полностью относится к Петру Чаадаеву. Он мог бы ответить тем, кто считал его психически ненормальным, словами Чацкого:

> Я странен? А не странен кто ж?
> Тот, кто на всех глупцов похож?

Огюст Конт (1798–1857)

Французский социолог Огюст Конт предложил систему научной положительной (*позитивной*) философии, отвергающей всё надуманное, недосказанное, химерическое. Её цель – «непрерывно улучшать условия нашего… существования вместо напрасного удовлетворения бесплодного любопытства».

Конт провозгласил открытие великого основного закона познания: от теологического (фиктивного) через метафизическое (отвлеченное) к научному (позитивному). Умственные усилия не должны тратиться на бесплодные или неразрешимые проблемы. Нет смысла спрашивать, *почему* происходит то или иное явление, существует какой-то объект, а следует выяснять – *как*.

Казалось бы, столь рациональный мыслитель, в отличие от разного рода мистиков, романтиков и религиозных фанатиков, должен был отличаться здоровой психикой и ясным рассудком. Но вот что пишет о нём Чезаре Ломброзо:

«Великий мыслитель Огюст Конт, основатель позитивной философии, в продолжение десяти лет лечился у Эскироля от психического расстройства и затем по выздоровлении без всякой причины прогнал жену, которая своими нежными попечениями спасла ему жизнь. Перед смертью он объявил себя *апостолом* и *священнослужителем* материалистической религии, хотя раньше сам проповедовал уничтожение всякого духовенства. В сочинениях Конта рядом с поразительно глубокими положениями встречаются чисто безумные мысли вроде той, например, что настанет время, когда оплодотворение женщины будет совершаться без посредства мужчин».

Правда, И.И. Лапшин нашёл у Ломброзо сразу несколько ошибок: «Конт был душевнобольным не 10 лет, а 8 месяцев. Ломброзо приписывает Конту наклонность к пророчествам, которых Конт не делал. Речь идёт об одном месте из “Системы позитивной политики”, где Конт высказал мысль, что жизнь женщины была бы более альтруистична, если бы деторождение совершалось без участия мужчин».

В наше время эта идея Конта реализовалась. Искусственное оплодотворение не только животных, но и человека стало реальностью. Возникли пикантные ситуации. Появились особы, пожелавшие таким способом забеременеть от спермы нобелевских лауреатов. Прекрасный пример интеллектуальной деградации!

С безумием Огюста Конта не так всё ясно, как обрисовал И.И. Лапшин. По словам английского философа Джеймса Фредерика Феррье, брак с Каролиной Массин, заключённый Огюстом

в 1825 году, «оказался бурным и завершился в 1842 году. Но в этом промежутке Конт выступил с грандиозным курсом приватных лекций, начатых в 1825 году и вылившихся в шеститомный “Курс позитивной философии”. Сложный курс… прервался уже после третьей лекции, так как Конта постигло нервное расстройство, потребовавшее госпитализации и медленного, мучительного выздоровления (во время которого он пытался покончить с собой, бросившись в Сену), но в 1828 году он вернулся к начатому».

Выходит, напряжённая умственная работа не так уж безобидна для мыслителя? От гения до безумия один шаг?

Странности Огюста Конта проявились и позже. «В 1845 году, – писал Феррье, – он повстречался с прекрасной, кроткой и образованной мадам Клотильдой де Во и влюбился настолько крепко, что после её безвременной смерти (1846) он поклонялся памяти любимой, совершая каждую среду ритуальную прогулку к её могиле, трижды в день вслух взывал к её добродетелям и включил в свою религию человечества элементы женского мистицизма».

Это и вовсе удивительная метаморфоза с философом, утверждающим необходимость позитивного научного осмысления действительности. Не означает ли это деградацию ума, попавшего под деспотическую власть эмоций?

…Жизнь Огюста Конта демонстрирует резкие противоречия «хладного рассудка» и бурных чувств. С детства он не отличался крепким здоровьем, хорошо учился, особенно преуспевая в математике. Окончив католическую гимназию, испытал разочарование в официальной религии. В 1814 году поступил в знаменитую парижскую Политехническую школу. Но через два года в школе начались волнения из-за произвола одного из репетиторов. Под петицией студентов подпись Огюста Конта стояла первой. Его как зачинщика беспорядков отдали под надзор полиции, а школу закрыли.

Он не пожелал оставаться в родном городке Монпелье в своей католической и вполне мещанской, хотя и обеспеченной, семье (отец был сборщиком податей). Фактически порвав с семьей, Огюст стал жить в Париже, зарабатывая на пропитание уроками математики. Ему, как говорится, улыбнулось счастье: его взял домашним секретарём богатый банкир, член парламента (будущий министр) Казимир Перье. Однако строптивый Конт не поладил с хозяином.

Более удачным была его работа секретарём у Анри Клода де Рувруа Сен-Симона. И хотя позже они разошлись, Конт воспринял у него (хотя предпочёл не ссылаться на первоисточник) идею

стадий интеллектуального прогресса: от теологической и метафизической к промышленной и научной.

У Сен-Симона теория общества – в проекции на будущее – предполагала существование религии при явном приоритете математики и особо выделенного, едва ли не обожествляемого Сен-Симоном закона всемирного тяготения Ньютона. В остальном общественная система была представлена как утопия без указания путей и методов её достижения кроме пожелания обходиться без революционных переворотов.

Огюсту Конту было 20 лет, когда он стал секретарём Сен-Симона, публикуя первые свои работы в качестве его ученика. Наиболее крупная и оригинальная из них – «Позитивная политика» – вышла в 1824 году, и с тех пор он порвал отношения с Сен-Симоном, воспринимая себя вполне сложившимся самостоятельным философом.

Его поведение и поступки в этот период В.С. Соловьёв характеризовал так: «Личная жизнь Конта во время его молодости была беспорядочна; в 1818 году он сошёлся с женщиной значительно старше его, от которой имел дочь; в 1821 году он познакомился в одном увеселительном заведении с молодой особой лёгкого поведения, Каролиной Массен, с которой потом вступил в гражданский брак. Эта женщина отличалась замечательными умственными способностями и сильным характером, но вместе с тем, по свидетельству Конта, подтверждаемому её позднейшим поведением, ей недоставало женственности, сердечности и нравственного чувства».

Ничего хорошего из этого брачного союза не получилось, что сказалось на психике Огюста Конта. К этому времени он приобрёл некоторый авторитет в научно-философских кругах. Весной 1826 года начал читать в своей квартире курс позитивной философии. В числе слушателей были такие выдающиеся учёные, как географ и геолог Александр Гумбольдт и зоолог Анри Бленвиль, математик и физик Луи Пуансо.

Конт обычно не тушевался перед знаменитостями, но в данном случае нервное напряжение было велико. Он стал раздражительным. Сказались обострённые отношения с женой, а также полуголодное существование из-за тяжёлого материального положения. Не отличаясь крепким здоровьем, он, тем не менее, проделал колоссальную работу, сделав обзор всех основных наук и преимущественно социологии. Предполагалось 72 лекции. Прочёл он их только три – и исчез.

Через несколько дней жена нашла его севернее Парижа в городке Монморанси. Вот как описал дальнейшие события русский социолог и литератор В.И. Яковенко:

«Конт находился в чрезвычайно возбуждённом состоянии и отвергал всякую врачебную помощь. Успокоившись немного, он предложил жене прогуляться, привёл к озеру, бросился в воду и пытался увлечь её за собою. Будучи особой довольно сильной, она схватилась за корни дерева и не только удержалась, но спасла и своего сумасшедшего мужа. По крайней мере так впоследствии рассказывала об этом эпизоде сама г-жа Конт; других свидетелей не было. С большим трудом удалось увести больного в ближайшую гостиницу».

Больного устроили в психиатрическую лечебницу. Через несколько месяцев его выписали. «Буйный период помешательства ещё не кончился, – писал Яковенко. – Конт и у себя дома бушевал, бросал ножом в жену, однажды убежал из дома и бросился в Сену; но мало-помалу стал успокаиваться и поправляться… В 1828 г. Конт начал уже работать и написал между прочим статью …в которой воспользовался своим печальным личным опытом. Во время болезни он пользовался материальной поддержкой со стороны отца и некоторых друзей».

В январе 1829 года Конт вновь стал читать лекции и благополучно завершил весь курс. Однако его материальное положение по-прежнему оставалось плачевным. Он обратился к историку Франсуа Гизо, ставшему министром образования Франции, с просьбой получить кафедру истории и философии физических и математических наук. Гизо вспоминал о беседе с Контом:

«Он сбивчиво и невнятно излагал мне свои взгляды на человека, общество, цивилизацию, религию, философию, историю. Это был человек простой, честный, глубоко убеждённый, преданный своим идеям, скромный по наружности, хотя в глубине души ужасно гордый и искренне считавший себя призванным открыть для человеческого духа и человеческого общества новую эру… Я не пытался даже оспаривать его: его искренность, его преданность и ослепление внушили мне то печальное почтение, которое выражается молчанием… Если бы я решил создать подобную кафедру, я, конечно, ни одной минуты не подумал бы пригласить на неё Конта».

Возможно, философ показался министру не вполне нормальным. Конт был так сильно увлечён позитивизмом, настолько крепко уверовал в открывшуюся ему истину, что забывал о том, какое впечатление производят его слова на собеседника.

Для Гизо такие фанатики были не редкость. Их замкнутость на собственных идеях обычно производит впечатление мании. Впрочем, это и есть мания изобретений, открытий, своего величия

как мыслителя. Но она необязательно свидетельствует о шизофрении: всё зависит от степени увлечённости своими открытиями, тем более, когда они не мнимые, а реальные. Многих гениев признавали только после их смерти.

Был ли подлинным гением Огюст Конт?

Он был признан таковым при жизни своими сторонниками. Его имя прочно вошло в историю философии. И всё-таки он глубоко заблуждался по поводу оригинальности, ценности и неопровержимости своих идей.

В молодости он с восторгом читал предсмертный труд Жана Антуана Кондорсе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума». Там сказано: «Прогресс наук обеспечивает прогресс промышленности, который затем сам ускоряет научные успехи, и это взаимное влияние… должно быть причислено к наиболее деятельным, наиболее могущественным причинам совершенствования человеческого рода».

Кстати, как предшественник Конта Кондорсе был математиком и социологом, первым предложивший использовать в общественных науках теорию вероятности. Он называл причиной деградации общества «нищету и чрезмерное богатство». Утверждал, что благодаря прогрессу наук «солнце будет освещать землю, населённую только свободными людьми, не признающими другого господина кроме своего разума: тогда тираны и рабы, священники и их глупые или лицемерные средства будут существовать только в истории и на театральных сценах».

Всё это было сказано задолго до Огюста Конта. Так что упования на успехи науки и промышленности, на господство разума на планете не были новы, а реальность их подтверждала лишь отчасти. Вот и Кондорсэ погиб в тюрьме во время Великой французской революции, а постоянные войны опровергают идею торжества разума.

Французский философ и публицист Жозеф Мари де Местр (в 1802–1817 годах он был в Петербурге посланником низверженного короля Сардинии) называл идею прогресса пошлой гипотезой, не признавал полной противоположности веры и знания, а религию считал более важной для людей, чем наука.

Конт был склонен сводить сложные процессы к простым схемам. Для каких-то целей это допустимо, а то и полезно. Но если схема начинает подменять реальность, это уже беда. А он был убеждён в своих основных идеях поистине безрассудно. Вдохновенно работая над своим учением, он перестал интересоваться тем, что пишут учёные и философы, какие идут научные споры и происходят открытия. Это он называл «гигиеной

мысли».

Результаты такой увлечённости собственными идеями без умения осмысливать их критически были печальными. Он с самого начала избрал ложные ориентиры. Сомнителен его великий и основной закон духовного развития человечества. Первое и низшее – «состояние теологическое или фиктивное», следом идёт «состояние метафизическое или отвлечённое», а завершает развитие высшая фаза – научная или позитивная.

В доказательство Конт ссылался на развитие нашего интеллекта по той же схеме: от детского мифотворчества через юношеские общие рассуждения к познанию методом науки. Правда, сам он, пройдя вроде бы эти стадии, пришёл к религии, замкнув цикл развития и угодив в замкнутый круг (об этом мы ещё поговорим).

Сравнение развития индивидуального человека и человечества не отвечает реальности. Младенец попадает в определённую социальную и духовную среду; взрослея, проходит систему воспитания и образования. Человечество как биологический вид пребывает в природной среде и развивается, меняя её и приспосабливая к своим нуждам посредством орудий труда, техники.

Религиозный мыслитель Сергей Николаевич Булгаков писал в статье «Основные проблемы теории прогресса» (1902): «Этот мнимый закон всё ещё, по-видимому, является основным философским убеждением широких кругов нашего общества. Между тем он представляет собой грубое заблуждение, потому что ни религиозная потребность духа и соответствующая ей область идей и чувств, ни метафизические запросы нашего разума и отвечающее на них умозрение нисколько не уничтожаются, даже ничего не теряют от пышно развивающейся наряду с ними положительной науки. И религия, и метафизическое мышление, и положительное знание отвечают основным духовным потребностям человека».

Уточним: атеизм также относится к религиозным системам, ибо отсутствие или присутствие в Мире высшего существа одинаково недоказуемо, основано на вере. Так называемый закон трёх состояний, провозглашённый Контом, относится к области метафизики, рассуждений умозрительных и не подтверждённых фактами.

Так считали не только противники позитивизма, но и один из его основателей английский философ Герберт Спенсер. По его словам, «можно было бы наполнить десятки страниц указаниями на несообразности системы Конта».

В XXI веке торжества техники и, как считается, науки в мире чрезвычайно популярны не только религии (вплоть до религиозных войн), но и астрология, колдовство, магия, ясновидение…

Таков удел тупой необразованной массы? Нет. Среди суеверов много людей с высшим образованием, немало кандидатов и докторов наук.

Может быть, это компенсируют необычайные успехи научного познания? Нет. Великолепны технические свершения. В теоретической науке застой, а популярностью пользуются весьма сомнительные гипотезы.

У первобытных людей главной духовной опорой были положительные знания об окружающем мире. Г. Спенсер верно отметил: «Наука и обыденное знание по природе своей родственны». Наука систематизирует знания, осмысливает, дополняет и уточняет с помощью техники, обобщает.

Практические знания древних людей не были связаны напрямую с религией. Об этом можно судить на примере шимпанзе. Они не имеют религиозных верований и не склонны к метафизике, но умеют колоть орехи камнем или использовать ветку, очищенную от листьев, для добычи муравьёв или мёда.

Сомнительна идея прогресса по Конту: «Позитивизм считает постоянной целью нашего существования, личного и общественного, всеобщее усовершенствование сначала нашего внешнего положения, а затем и нашей внутренней природы». Но если речь идёт о цели человека или общества, то это уже относится к ведению веры (если это осознанная идея) или метафизики, если она предполагается.

Идея всеобщего усовершенствования умозрительна и неопределённа. Что под этим подразумевать? Улучшая свой быт, например, человек разрушает природные взаимосвязи, создаёт упрощённую искусственную среду обитания взамен естественной. Для людей это, как теперь говорят, комфортно, а для земной природы губительно.

И почему надо усовершенствовать сначала внешнее положение, а затем духовный мир человека? И то и другое происходит во взаимной связи. Добиваясь личного комфорта, человек нередко превращается в сытую скотину, как отмечал Томас Карлейль.

В первый наиболее продуктивный период своего творчества Огюст Конт отвергал религию и метафизику, лишь затрудняющие переход к торжеству научного реализма, в котором остаются только факты и доказанные теории. Исходя из этого, он в основу иерархии наук определил математику. Затем следуют по мере

возрастания сложности астрономия, физика, химия, биология и социология.

Позитивизм предлагает ограничить умственный кругозор надёжно установленными знаниями. Вместо живой природы – результаты научных опытов, выстроенные в логическом порядке. Творчество неявно подменяется канцелярской работой. Такое впечатление производят сочинения позитивистов. Тем более что изложены их бескрылые мысли скучным языком.

Одним из показателей простоты и реализма астрономии Конт назвал невозможность узнать химический состав звёзд и планет. Но благодаря спектральному анализу, открытому при его жизни, вскоре было установлено присутствие на Солнце ряда химических элементов.

Науки о Земле в классификации Конта были частью физики. Хотя в конце XIX века возникла геохимия, незаменимая для поисков полезных ископаемых, рациональной эксплуатации природных богатств, решения обостряющихся экологических проблем и познания Биосферы.

С современных позиций критиковать позитивизм нетрудно. Даже более столетия назад многие философы отмечали коренные недостатки умозрений Огюста Конта. Сошлюсь хотя бы на Сергия Булгакова и Владимира Соловьёва. В книге «Философия свободы» (1911) Н.А. Бердяев отметил:

«Люди “научного” сознания полны всякого рода вер и даже суеверий: веры в прогресс, в закономерность природы, в справедливость, в социализм, веры в науку… Возьмите самых крупных глашатаев наступления позитивной эры, тех, которые во имя будущего человечества страстно отрицали религиозную веру, – Конта, Фейербаха, Спенсера, Маркса. О. Конт был не только верующий по своей психологической природе, но и настоящий мистик: он верил в человечество, которое сближалось у него с вечной женственностью христианской мистики, и кончил построением позитивной религии человечества с культом, напоминающим католичество».

Что же произошло с Огюстом Контом? Почему в его сознании свершился поистине революционный переворот, и «научный позитивизм», как утверждал автор, обернулся религиозным учением со своим пророком и культом? В этом можно увидеть симптомы душевной болезни.

И неудивительно. Он открыл новое направление в философии, которое считал вершиной познания, но признали его достижение только немногие сторонники. Несмотря на колоссальную работу в попытке обзора всех наук и обоснования позитивной философии, ему не давали возможности занять

кафедру в высшем учебном заведении.

Он оставался вне официальной науки и философии. По словам В.И. Яковенко: «Учёные всякого рода, начиная с математиков и кончая историками, встречали в высшей степени недружелюбно этого непатентованного философа, обладавшего громадным умом и обширнейшими познаниями».

На его психике определённо сказывалось положение непризнанного гения. Его вера в своё учение от этого ещё более укреплялась. Критику своих взглядов он стал воспринимать как личную обиду и происки недоброжелателей.

Усугублялись его переживания конфликтами с женой Каролиной, которая не раз уходила от него. Весной 1845 года он познакомился с тридцатилетней Клотильдой де Во, женой одного проходимца, угодившего на каторгу. Она была добра, мила, болезненна, писала статьи в газете и по характеру была полной противоположностью Каролины.

«Без всякой сентиментальной аффектации, – писал Клотильде Огюст, – я должен сказать, что своим сладким нравственным возрождением я обязан Вам. И какой громадный контраст представляет это состояние по сравнению с тем, в каком я находился раньше!»

В ответ она призналась ему, что уже испытала безответную любовь и сильно страдала: «Вот уж два года, как я люблю одного человека, от которого меня отделяет двойная преграда. Тщетно я пыталась превратить это гибельное чувство в любовь матери, в нежность сестры, в преданность друга – оно терзало меня во всяком виде. И я снова начала жить только тогда, когда набралась храбрости уйти, удалиться».

Она посоветовала Конту поступить так же.

В ответ он обещает погасить эту свою единственную любовь. Конт надеется, что ему поможет его учение: «Верьте, сударыня, я умею владеть собою. Моя любимая философия, не распускающаяся в пустых словах, может… вдохновить человека на отречение так же, как и на деятельность. Она предохранит меня от всякой безумной борьбы с явно непреодолимыми препятствиями».

Да, позитивная философия отвергает проблемы, на которые наука не даёт чёткого ответа и, возможно, не даст никогда. Однако чувства неподвластны логике и здравому смыслу. Этого не учитывал Конт. В письме своей любимой он обещал:

«Я снова буду искать, как мне уже не раз приходилось, отвлечения и вознаграждения за незаслуженные несчастья моей личной жизни в общественной деятельности… Пусть человечество извлечёт пользу из этой чрезвычайной, но

неизбежной жертвы! Я должен с этих пор удвоить свою любовь к нему. История показывает, что человечество никогда не бывает неблагодарным. Но – увы! – оно наградит меня своею святой вечной любовью лишь много времени спустя после того, как я буду неспособен уже воспринять это неизречённое утешение, которое доступно бывает людям только в виде идеального предвкушения».

Он предполагал человечество в образе гигантского сверхчеловека, чего в действительности нет и в помине. Поиски забвения от любви в работе на благо человечества оказались тщетными. Он не перестал писать Клотильде, называя её своей истинной супругой, что её вовсе не радовало. Однажды его настойчивость заставила её поколебаться. Она обещала подумать о возможности их супружеской жизни. Он был в восторге. Они встретились. Ему был дан окончательный отказ.

Конт предложил ей поклясться в вечной духовной любви. Она ответила, что «никогда не впадала в посмешище спиритуализма». Трудно сказать, чем бы закончились их отношения. Судьба распорядилась жестоко: Клотильда умерла от скоротечной чахотки. Это лишь усилило любовь Конта к её образу, ставшему для него идеалом и объектом преклонения.

«В своих “Исповедях”, – писал В.И. Яковенко, – Конт постоянно обращается к Клотильде, как к живой, сообщает ей обо всех успехах позитивной религии, о своём положении первосвященника и т. д. …Он преклоняется перед креслом, на котором обыкновенно сидела Клотильда, хранит, как религиозные реликвии, цветы, присланные ею, наконец, начинает прямо молиться на неё».

Он называет Клотильду своей святой покровительницей.

Можно с полным основанием сказать, что его любовь была безумной. Психиатр обнаружит в его поведении немало аномалий. Например, фетишизм и манию величия. На последнем этапе жизни Огюст Конт оправдал диагноз, поставленный ему Чезаре Ломброзо (один из немногих случаев, когда этот психиатр и писатель был прав, хотя бы отчасти).

В.С. Соловьёв писал: «В то время как лучшие ученики позитивной философии объявили её основателя сумасшедшим, верные последователи позитивной *религии* провозглашали его величайшим из людей, не только как учёного и мыслителя, но и как нравственного героя. *Великим* учёным Конт не был…

Ни одной из наук он не владел в достаточной степени, чтобы предпринимать самостоятельные исследования, делать научные открытия, устанавливать законы явлений. Энциклопедист и систематизатор, он обладал обширным кругом разнообразных

знаний, которые приобрёл в молодости, а впоследствии не углублял и не пополнял в силу “мозговой гигиены”. Важнейшие успехи точных наук, достигнутые или подготовленные в его эпоху (например, механическая теория теплоты, спектральный анализ, теория эволюции организмов), частью были ему чужды, частью прямо противоречили его мнениям…

Правда, его отношения к Клотильде де Во, особенно после её смерти, чрезвычайно трогательны и делают честь его сердечности и идеализму, в этом отношении, как и в некоторых других, он напоминает Дон Кихота…

Не нужно быть психиатром, чтобы понять специфически болезненный характер такого, например, факта: в 1855 году, в самый разгар притеснительного режима второй империи, Конт хотел читать публичный курс позитивной философии, но не получил на это разрешения от властей… Конт (в частном письме) объясняет его, вполне серьёзно, особым деликатным вниманием императорского правительства к достоинству его, Конта, как первосвященника, которому не подобает выступать перед публикой в качестве обыкновенного лектора. Несомненная ненормальность обнаруживается также в его сношениях с иезуитами. В окончательной оценке личность Конта вызывает скорее сострадание, чем благоговение. Он не был нравственным героем, как не был и великим деятелем точной науки».

Огюст Конт верил в истинность френологии Галля; исходил из неё в суждениях о психике и уме человека. Он составил позитивистский календарь: 13 месяцев (по 28 дней), посвящённых выдающимся людям: Архимеду, Гуттенбергу, Декарту, Шекспиру…

С целью воплотить свою социальную утопию в жизнь он обратился с письмом к императору Николаю I. Называя себя в третьем лице, утверждал, что «постоянно боролся против верховенства народа и равенства во имя прогресса». Не получив ответа, обратился к министру иностранных дел Османской империи Мустафе Рашид Паше с тем же предложением, предполагая вполне реальным переход от ислама к позитивизму.

…Огюст Конт демонстрирует редчайший пример подлинного «горя от ума». В обширных знаниях и проницательном уме ему не откажешь. Но, чтобы совершить выдающееся открытие в науке или философии, одного этого мало. Свои умственные силы он направил в одном направлении, казавшемся ему ведущим к истине, а оно завело его в тупик.

Выход из этого тупика стал полным опровержением его позитивной науки – прямиком в религию. Так произошло в значительной мере по той простой причине, что помимо строгого

рассудка существуют бурные эмоции, сила которых управляет разумом.

В XX веке возникла и обрела популярность идея ноосферы (часто её некорректно называют теорией). Она предполагает управление обществом и земной природой на основе науки.

Ничего подобного в обозримом будущем не предвидится. Человечество разделено на враждующие политические, религиозные, социальные, национальные сообщества, а отношения с земной природой постоянно ухудшаются. На планете наиболее стремительно и грозно развивается техника. Биосфера, область жизни, переходит в Техносферу.

Николай Фёдоров (1829–1903)

Он был внебрачным сыном князя П.И. Гагарина; появился на свет в имении отца в Тамбовской губернии. Получил фамилию и отчество от своего крёстного. Окончив одесский Ришельевский лицей, сам зарабатывал на жизнь, преподавая в уездных училищах, а с 1869 года в Москве, где стал библиотекарем. Был замечательным знатоком и страстным любителем книги. Работая с 1874 года в Румянцевском музее, общался со многими русскими мыслителями.

Две идеи вдохновляли его: братское единение людей и борьба со смертью. Он верил в науку и полагал, что когда-нибудь удастся не просто достичь бессмертия, но и воскресить былые поколения.

«Всеобщее воскрешение, – писал он, – есть полная победа над пространством и временем». И ещё: «Жизнь, конечно, есть дар, и напрасный, и случайный, нужно прибавить – и бесцельный, если только он не будет выкуплен трудом, объединённым в общей цели, – для человека дорого лишь то, что он сам выработал, приобрёл трудом».

В его воззрениях сочетались категоричность суждений с добротой и наивностью; трезвый взгляд на вещи и опора на здравый смысл – со склонностью к мечтаниям и утопии; стремление во всём дойти до предела. Он верил в разумное преобразование природы, выход человека в космическое пространство. Это соединялось с верой в Бога, высший разум и высшую справедливость.

«Дело заключается в том, – полагал он, – чтобы найти наконец потерянный смысл жизни, понять цель, для которой существует человек, и устроить жизнь сообразно с ней. И тогда *сама собой* уничтожится вся путаница, вся бессмыслица современной жизни».

По его убеждению, «космос нуждается в разуме, чтобы быть космосом, а не хаосом». Являясь частью Природы, человек – во избежание роковых трагедий – обязан исполнять её законы, действовать в соответствии с общим строем мироздания. Это не означает покорность, приспособление к существующим условиям и текущим ситуациям. Напротив! «Повиноваться природе для разумного существа значит управлять ею, ибо природа в разумных существах обрела себе главу и правителя».

Высшие космические ценности – Жизнь и Разум. Если ты явлен на Земле не кристаллом, не цветком или деревом, не насекомым или скотом, то есть в этом какой-то смысл? По

обыденным представлениям, проблемы нет: старайся продлить свою жизнь и развивай свой ум. Фёдоров имел в виду цели не ближайшие и проходящие, а дальние и вечные: жизнь – везде и для всех, разум – всеобщий. Жить нужно не для себя (эгоизм), не для других (альтруизм), а *со всеми и для всех*.

Имеются в виду именно все люди – нынешние, прошлые и будущие. Необходимо всеобщее воскрешение – достигнутое собственными усилиями, трудом и волей, разумом, научной мыслью, такова окончательная победа человека над смертью!

Идея в основе своей христианская. Однако, в отличие от канонических представлений, тут упование не на чудо, а на безграничные возможности познания. Человечество, следуя путём Христа, через сомнения, отчаяние и великие мучения, а главное – творчество придёт к Царству Божию.

…Трудно придумать идею, одинаково чуждую теологам и атеистам, мистикам и учёным, идеалистам и материалистам. Не менее верно и другое: концепция Николая Федорова объединяет разные взгляды, словно бесчисленные потоки времени достигают океана вечности. Земная область жизни и разума распространится на Вселенную: человеку суждено осваивать другие планеты и звёздные миры, одухотворяя мёртвые небесные тела. Так учил Фёдоров, пророк космической эры (К.Э. Циолковский был его последователем).

Что требуется для преодоления ограничений пространства и времени? Единение и целеустремлённость! Братские отношения людей между собой, любовь ко всему живому, преклонение перед предками, вдохновенный труд.

Н.Ф. Фёдоров, как его дальний родственник князь П.А. Кропоткин, выступали против господства над людьми и государства и капитала. По словам Фёдорова, «свобода исполнять свои прихоти и завистливое искание равенства не могут привести к братству: только любовь приводит к братству». Небратское существование ведёт к войнам и революциям. Вдобавок «человек сделал, по-видимому, всё зло, какое только мог, и относительно природы (истощение, опустошение, хищничество)». Этот странный русский утопист видел реальность яснее, чем завзятые прагматики.

Что же делать? Действовать! – отвечал он. Преодолевать уродства современной цивилизации. Свой главный труд он назвал: «Философия общего дела», присовокупив подзаголовок: «Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства».

Как действовать? Убеждением и собственным примером.

Кстати, он завещал раздавать свою книгу бесплатно.

Николай Фёдорович избегал публичных выступлений, не стремился издавать свои произведения. К суетной славе был равнодушен. Был праведником и подвижником. Своей скудной зарплатой библиотекаря делился по-братски со всеми, кто обращался за помощью. Частенько довольствовался ржаным хлебом, селедкой да крутым кипятком, чуть подкрашенным заваркой. Был счастлив, ибо жил по совести. Да и что значили радости богатеев и властолюбцев для человека, сознание которого соединялось с жизнью и разумом Вселенной!

Русский космизм в трудах Н.Ф. Фёдорова достиг предельных масштабов: вселенское братство и любовь, свободный творческий труд, воскрешение всех людей и освоение человеком звёздных миров.

Наивные выдумки? Нет. Недостижимое не означает ненужное. Порой оно необходимо для человека и полезно в конкретных делах. Полярная звезда и Солнце недостижимы; Бог недостижим и непостижим. Не станем же мы по этой причине отказываться от них.

Серьёзные сомнения относительно его идей высказывал В.С. Соловьёв. Есть ли смысл воссоздавать злодеев, подлецов, пошляков, паразитов? Вряд ли. Впрочем, сам Фёдоров пояснил, что воскрешение – не самоцель, а предпосылка к полному совершенству и всеобщему счастью. Он предполагал не умозрительное, а телесное воскрешение во плоти, ибо наука добьется «управлением всеми молекулами и атомами Мира, чтобы рассеянное собрать, разложенное соединить, то есть сложить в тело отцов».

Невероятно! Даже клонирование не поможет воссоздать из праха прежних людей.

Доводов против главной идеи Н.Ф. Фёдорова много. Но ведь речь идёт об *идеале*, зовущем к великим свершениям, сплачивающим людей в единое братство. Надо ли стремиться к воскрешению плоти? Если когда-нибудь реализуются принципы Н.Ф. Фёдорова – свобода, труд, справедливость, братство, – это хотя бы отчасти оправдает все прошлые жертвы и невзгоды.

Фридрих Ницше (1844–1900)

Говоря о Великой французской революции, историк Жюль Мишле отметил: «Вопреки бытующей вздорной версии, вожаки эпохи Террора вовсе не были людьми из народа: это были буржуа или дворяне, образованные, утончённые, своеобычные, софисты и схоластики».

Бунтари, отвергающие существующий строй, государство и даже бытие Бога, обычно были интеллектуалами и/или аристократами. В эпоху Просвещения наиболее смелые мыслители преодолели наследие средневекового религиозного мировоззрения – чувство рабской зависимости от высших сил.

Свобода мысли, избавленной от «гипотезы Бога», предопределила быстрое развитие наук о природе и обществе. Теперь, оставшись наедине с природой, человек вынужден был всерьёз задуматься о смысле своего существования.

Прежде достаточно было сослаться на волю богов или единого Бога, и вопрос был исчерпан. Отвергнув Владыку Вселенной или оставив ему привилегию Творца и первопричины сущего, человеческая личность лишилась духовной опоры «свыше», ощутив себя центром Мира и покорителем природы.

В таком контексте «человек» – философская категория; либо символ человечества, либо абстрактной личности, типового представителя данного биологического вида. Понятие «природа» тоже весьма условное и подразумевает, по сути, отдельные территории, где хозяйничают сообщества людей. Ведь всю земную природу человек покорить не может уже потому, что является её частью.

Ну а как быть с конкретным индивидуумом, с каждым из нас? Только в бреду можно считать себя покорителем стихий. Каждый из нас – лишь крохотная клеточка общественного организма, малый винтик механизма государства. Неужели в этом смысл нашего личного существования? Это же нелепая роль функции, детали, срок жизни которой недолог, бытие сопровождается страданиями, а там и уход в небытие.

Шопенгауэр по-своему выразил эти мысли, смиренно избрав жизнь заурядного обывателя и видя исход в надежде слиться с Высшим Разумом, в единство личной и мировой души (Атман = Брахман).

Одним из наиболее ярких мыслителей-анархистов, восставших против закабаления личности государством, религией, научными догмами, философскими императивами, вековыми предрассудками и традициями, был Фридрих Ницше.

Феномен его принято считать уникальным явлением на фоне общего подъёма культуры, в особенности литературы и науки в XIX веке. Он был странным и противоречивым: человек физически болезненный призывал к отказу от сострадания и презрению к слабым и больным.

Его нетрудно подозревать в мании величия. Вот главы из его последней работы «Ессе Номо», оставшейся незавершённой из-за резкого обострения психической болезни автора: «Почему я так мудр», «Почему я так умён», «Почему я пишу такие хорошие книги», «Почему являюсь я роком».

Последнее утверждение оказалось пророческим. Так же как его обращение к будущему: «Тогда откроют мои книги, и у меня будут читатели. Я должен писать для них, для них я должен закончить мои основные идеи. Сейчас я не могу бороться – у меня нет даже противника».

Его идеи в конце XIX века стали входить в общественное сознание европейцев, вдохновляли националистов, а затем отозвались мощным социальным взрывом германского фашизма.

Логичен вывод: больное общество вполне естественно восприняло мысли физически и психически больного философа. Но это верно лишь отчасти. «Ницшеанство» возникло раньше Ницше, идеи которого полезно осмысливать в контексте его предшественников.

Он мнил себя одиноким мыслителем, и таким его обычно считают. Хотя он многим был обязан своему времени. Его судьба, подобно судьбе Байрона, в немалой степени определялась болезнью. Идеи, которые воплотил в своей жизни Бакунин, для Ницше оставались теорией.

Итак, познакомимся с его незаурядными предшественниками.

Джордж Ноэл Гордон Байрон (1788–1824) с младенчества был хром. По этой причине предпочитал одиночество. Узнав, что падший ангел света Люцифер, свергнутый с небес Богом, повредил ногу, счёл себя тоже отмеченным печатью проклятия свыше. И стал бунтарём.

Байрон унаследовал от двоюродного деда титул лорда и поместье. Окончив Кембриджский университет, путешествовал по Ближнему Востоку и Южной Европе. Вернулся в Англию сторонником освобождения народов и человеческой личности – вплоть до восстания против Бога. Свои чувства и мысли воплотил в поэмах «Гяур», «Паломничество Чайльд Гарольда», «Лара», «Корсар», «Осада Коринфа». Создал образ бунтаря, разочарованного в цивилизации и буржуазных ценностях.

Некоторые его чудачества граничили с безрассудством. Рискуя жизнью, в 1810 году он в одиночестве переплыл залив

Дарданеллы. По тем временам это был рекорд. Он доказывал свою физическую полноценность самому себе.

Как член палаты лордов Байрон поддержал луддитов, протестовавших против внедрения машин в производство и безработицы. В Швейцарии написал героические поэмы «Манфред», «Каин». В Италии присоединился к национально-освободительному движению карбонариев. Когда заговор был раскрыт, переехал в Грецию, где участвовал в борьбе против турецкого владычества. Посмертно был удостоен высокой почести: тело его перевезли в Англию и похоронили в Вестминстерском аббатстве, где находятся могилы великих деятелей культуры.

Творчество и образ Байрона воздействовали на современников и последующее поколение. Парадоксально: он не был разочарованным пессимистом, как байронисты (как не был дарвинистом Дарвин, марксистом – Маркс). Гений не укладывается в прокрустово ложе узкого направления. «По моему убеждению, – писал Байрон, – нет выше поэзии, чем поэзия, проникнутая этическим началом; как нет на земле ничего достойнее правды, в основе которой лежат высокие нравственные принципы».

Он стремился к правде, искренности, осмысленности, а салонный «байронизм» быстро выродился в нечто прямо противоположное. В этом, конечно, не вина поэта, а беда общества.

Байрон вступил в ряды борцов за свободу. Восстание против несовершенства Мира обречено на провал; остаётся бунт личности за свою духовную свободу, за справедливость и человеческое достоинство.

Сознание непостижимости бытия дает надежду на то, что наши труды и страдания не напрасны, и есть скрытый смысл в нашем скоротечном существовании. Как писал Байрон (перевод Константина Бальмонта):

Меж двух миров, на грани смутной тайны
Мерцает жизни странная звезда.
Как наши знанья бедны и случайны!
Как многое сокрыто навсегда!

Подлинный байронизм, а не театральный воспринял и воплотил Михаил Александрович Бакунин (1814–1876). Его отец, помещик, одно время примыкавший к декабристам, пытался освободить своих крестьян. Детей воспитывал в европейском духе.

Михаил, окончив Артиллерийское училище в Петербурге, недолго служил офицером и вышел в 1835 году в отставку. В Москве познакомился с Герценом, Станкевичем, Белинским. Чёткость мысли и ясность изложения отличали его первую статью «О философии» (1840). За границей он изучал философию в Берлинском университете, где преподавал Шеллинг. Бакунина увлекла мечта о героических свершениях, об освобождении личности от власти государства и церкви, от экономического рабства.

За участие в революционных восстаниях 1848–1849 годов его дважды приговорили к смертной казни суды Саксонии и Австрии. Выданный русскому правительству, после тюремного заключения был сослан в Сибирь, откуда в 1861 году бежал через Японию и Америку в Англию. Издал книгу «Государственность и анархия» (1873). Стал работать в I Интернационале. Выступал против подчинения личности, в чём идейно разошелся с Марксом и Энгельсом. Принял участие в Лионском восстании (1870) и выступлениях итальянских анархистов (1874). Умер в Швейцарии. В России его идеи оказали воздействие на движение революционеров-террористов, народников, коммунистов, анархистов.

Всё зло, считал он, проистекает из несвободы человека – духовной и материальной. Механизм подавления личности – государство. Надо его уничтожить. Уже в первой своей заграничной статье он провозгласил: «Радость разрушения есть творческая радость». Разрушение ради творчества и уничтожения отжившего, угнетающего человека.

Под влиянием идей Фихте он писал: «Цель жизни – Бог, но не тот бог, которому молятся в церквах, но тот, который живёт в человечестве, который возвышается с возвышением человечества». «Личность Бога, бессмертие и достоинство человека могут быть поняты только практически, только путём свободного дела», которое «утверждает Бога внутри самого себя».

Из частного письма: «Я чувствую в себе Бога, я ощущаю рай в душе». А через несколько лет активной борьбы за свободу и справедливость: «Если Бог существует, то у человека нет свободы, он – раб». «Всякий, кто хочет поклониться Богу, должен отказаться от свободы и достоинства человека». «Бог – это абсолютная абстракция, собственный продукт человеческой мысли».

Бакунин учил честно – своей жизнью, делом, а не только словом. По завету Христа узнавать лжепророков «по делам их».

Бакунин выразился резко: «Долой все религиозные и философские теории! Истина не теория, но дело, сама жизнь…

Познать истину не значит только мыслить, но жить, и жизнь есть больше, чем мышление… жизнь есть чудотворное осуществление идеи».

Его суждения о Боге обретают цельность в духе пантеизма: «Природа – это всемогущество, по отношению к которому не может быть никакой независимости или автономии. Это высшее сущее, которое охватывает и пронизывает своим непреодолимым действием бытие всех сущих, и среди живых существ нет ни одного, которое бы не несло в себе, конечно в более или менее развитом состоянии, чувство или ощущение этого высшего влияния и этой абсолютной зависимости. Так вот, это ощущение и это чувство и составляют основу всякой религии».

Значит, человек обречен на вечное рабство у Природы с её законами, не подлежащими обжалованию? Бакунин возражал: «Подчиняясь законам природы, человек ни в коей мере раб, так как он подчиняется только тем законам, которые присущи его собственной природе».

Подавление личности возникло из-за стремления части общества к господству, сопряжённому с материальными благами. Так государство стало орудием подавления большинства. Преодолеть это может только бунт.

Организуя общество, «основанное на разуме, справедливости и праве, человек создаёт свою свободу!» Так рассуждал Бакунин.

Он отрицал идею Маркса о завершении человеческой истории в коммунизме: «Горе было бы человечеству, если бы когда-нибудь мысль сделалась источником и единственным руководителем жизни, если бы наука и учение стали во главе общественного управления. Жизнь иссякла бы, а человеческое общество обратилось бы в бессловесное и рабское стадо. Управление жизни наукою не могло бы иметь другого результата кроме оглупления всего человечества».

Ведь тогда человеку останется, как иронизировал Достоевский, только есть, пить да заботиться о продолжении всемирной истории. При этом Бакунин считал расширение горизонтов познания предназначением разумного существа: «Если человек не хочет отказаться от своей человечности, он должен знать. Он должен пронизывать своей мыслью весь видимый мир…»

Почему бы не организовать жизнь общества на научных основах, если «знание – сила»? (Бакунин приводил этот афоризм Ф. Бэкона.) Потому что диктат науки засушит живую жизнь, в которой должно оставаться место таким «ненаучным» категориям, как вера, надежда, любовь, свобода, красота, добро.

«То, что я проповедую, – пояснял Бакунин, – есть,

следовательно, до известной степени бунт жизни против… правления науки. Не разрушение науки – это было бы преступлением против человечества, – но водворение науки на её настоящее место».

Установление диктатуры пролетариата Бакунин считал возвращением после революции новой государственной системы. Бывшие рабочие «лишь только сделаются правителями или представителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной… Мнимое народное государство будет не что иное, как весьма деспотичное управление народных масс новою и весьма немногочисленною аристократиею».

Предвидение Бакунина было пророческим.

Любое государство, утверждал он, «есть зло, но зло, исторически необходимое». Только не оправдалась вера Бакунина в непрерывную поступь прогресса, который есть «длительный и постепенный переход от рабства к свободе, к величию, к совершенству, к действительной свободе, – вот в чем весь смысл истории».

Но, может быть, в истории человечества, как в судьбе каждого из нас, есть изрядная доля бессмыслицы? И не столько разумом живут люди, сколько неразумием? Или при любых условиях, даже наилучших, неизбежно проявится мятежная сущность человека? Как писал Максимилиан Волошин:

Вначале был мятеж,
Мятеж был против Бога,
И Бог был мятежом.
И всё, что есть, началось чрез мятеж.

Были ещё два человека, которых можно считать, хотя бы отчасти, «духовными отцами» Ницше (их у него, как видим, было немало).

В год его рождения в Германии вышла книга Макса Штирнера «Единственный и его собственность». Он оказался одним из самых смелых бунтарей в области духа и заурядным обывателем в личной жизни.

Штирнер откровенно высказал то, что другие стыдливо прикрывают фиговыми листочками религиозности, семейственности, патриотизма, морали: «Для Меня нет ничего выше Меня».

Такова высшая стадия анархического индивидуализма. Конкретная личность – превыше всего! Каждый из нас Единственный, которому в собственность дан весь Мир. Но…

Реальность постоянно доказывает, что любой Единственный – один из многих миллиардов; недолгая наша жизнь зависит от многого, а полностью – от земной природы. Хотя об этом не задумывались ни Штирнер, ни Ницше.

Наконец, упомянем Ф.М. Достоевского. С его сочинениями Ницше познакомился сравнительно поздно, в начале 1887 года. Как пишет исследователь его творчества философ К.А. Свасьян:

«Впечатление нередко таково, что в последних произведениях Ницше философствуют разные герои Достоевского, от Раскольникова до Ставрогина, герои, спасшие в своё время своего творца, который освобождался в них от собственной болезни через благодатное самоотчуждение романной техники, и погубившие в другом случае немецкого автора, в лице которого они *преступили* на сей раз романное пространство и вторглись в реальное, отождествив себя с творцом и подчинив его трагически однозначному исходу своих судеб!»

Вряд ли Фёдор Михайлович освобождался от психического недуга, воплощая свои чувства и мысли в литературные образы. В таком случае следовало бы считать всех великих писателей творцами на грани безумия. Не в этом тайна их творчества. Они были мыслителями прежде всего.

Художественный метод Достоевского основан на мысленных экспериментах, резких столкновениях противоположных идей и характеров. Он с полным основанием утверждал: «Меня зовут психологом; это неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой».

Для этого надо было погружать в глубины не только своей души, но и проникать мыслью в души других. Это не было свойственно Ницше. Он так и остался в замкнутом пространстве своего внутреннего мира. Такова главная особенность шизофрении (в переводе с греческого – «разделение ума»; чаще всего это отрешение рассудка от реальности).

На Достоевского ссылаются учёные-естественники, физики, философы, теологи, социологи, психологи, психиатры. Он сильно и точно описывал душевные аномалии. А у него периодически бывали приступы «падучей», эпилепсии – очевидная аномалия головного мозга, в конечном счёте психики.

Если бы речь шла о художнике, музыканте, поэте, можно было бы ссылаться на повышенную эмоциональность, бурные страсти гения. Но ведь Достоевский проявил себя как выдающийся мыслитель. Неужели у него, как позже у Ницше, психический недуг был связан с гениальностью?

Как вспоминал Н.Н. Страхов: «Много раз мне рассказывал Федор Михайлович, что перед припадком у него бывают минуты

восторженного состояния. “На несколько мгновений, – говорил он, – я испытываю такое счастье, которое невозможно в обыкновенном состоянии и о котором не имеют понятия другие люди. Я чувствую полную гармонию в себе и во всем мире, и это чувство так сильно и сладко, что за несколько секунд такого блаженства можно отдать десять лет жизни, пожалуй, и всю жизнь”».

Приступы болезни возникали у Достоевского при активной работе мысли, на эмоциональном подъёме, вызывая у него иллюзию (или так было в реальности?) невыразимой гармонии Мироздания и микрокосма души.

Ничего подобного с Фридрихом Ницше не происходило. Его терзали частые и сильные головные боли, а в конце жизни началось настоящее безумие.

Показательны названия некоторых его произведений: «Злая мудрость», «Книга для свободных умов», «По ту сторону добра и зла», «Антихристианин», «Воля к власти». Каким был этот человек и как пришёл он к своим идеям?

Фридрих Вильгельм Ницше родился в семье священника в городке Рёккен (Пруссия). В 10 лет, испытывая религиозный восторг, сочинял духовную музыку и стихи. Слабое здоровье и плохое зрение не мешали ему заниматься самообразованием и музыкой, хорошо учиться.

На семинарах в Боннском и Лейпцигском университетах Ницше изучал преимущественно теологию, филологию. Сочинял музыкальные композиции (между прочим, и две песни на слова Пушкина); восхищался трудами Шопенгауэра и музыкой Вагнера.

В 25 лет он стал профессором филологии Лейпцигского университета. Через год ушел добровольцем на войну с Францией в качестве санитара и едва не умер, заразившись дизентерией и дифтеритом. В 1872 году опубликовал трактат «Рождение трагедии из духа музыки».

С этого времени он стал разрабатывать свою философскую систему, в центре которой – сильная и свободная личность, стремящаяся к полноте духовного бытия, проявлению высших своих возможностей в единстве мыслей и действий. Такой человек отвергает «человеческое, слишком человеческое» (название одной из работ Ницше), мелкую и мерзкую мирскую суету.

Русский мыслитель и публицист В.К. Михайловский писал: «Сам Ницше, весь его облик является как бы осуществлением следующего предположения, можно сказать, пророчества того безымянного “парадоксалиста”, от лица которого ведутся “Записки из подполья”».

Он имел в виду повесть Достоевского, изданную в 1864 году, когда Ницше было 20 лет. Там сказано:

«Я нисколько не удивлюсь, если вдруг ни с того ни с сего, среди всеобщего будущего благоразумия, возникнет какой-нибудь джентльмен с неблагородной… насмешливой физиономией, упрёт руки в боки и скажет нам всем: “А что, господа, не столкнуть ли нам всё это благоразумие с одного раза ногой, прахом, единственно с тою целью, чтобы все эти логарифмы отправить к чёрту и чтобы нам опять по своей глупой воле пожить”. Это бы ещё ничего, но обидно то, что ведь непременно последователей найдёт… Своё собственное, вольное и свободное хотенье, свой собственный, хотя бы самый дикий, каприз, своя фантазия, раздражённая иногда хотя бы до сумасшествия: вот это всё и есть та самая пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни под какую классификацию не подходит и от которой все системы и теории постоянно разлетаются к чёрту. И с чего это взяли все эти мудрецы, что человеку надо какого-то нормального, какого-то добродетельного хотения? С чего это непременно вообразили они, что человеку надо непременно благоразумно выгодного хотения? Человеку надо только самостоятельного хотения, чего бы эта самостоятельность ни стоила и к чему бы ни привела».

Но почему непременно так проявлять свою волю? Почему вдруг возник именно такой ниспровергатель благоразумия, призывающий к переоценке всех ценностей? Откуда он взялся? Какие подпольные силы и по какой причине в нём проявились?

Достоевский на эти вопросы не ответил. Михайловский их вроде бы не заметил. А они помогают понять истоки философии Ницше помимо тех его предтеч, которые были упомянуты.

На путь ниспровержения кумиров и презрения к благоразумному прозябанию встал Ницше во многом благодаря своей болезни. Именно – благодаря, ибо он не проклинал её, а воспринимал как испытание воли к творчеству и власти над собой.

Последние годы жизни Ницше были омрачены безумием. Некоторые исследователи его творчества предполагают, что оно изначально несёт в себе печать психического расстройства. Да, многие его труды, особенно поздние, не без «безуминки», но в них нет пошлости. У него всегда сохранялось чувство благородства мыслителя. По его верной и образной мысли, «познающий не любит погружаться в воды истины не тогда, когда она грязная, но когда она мелкая».

Он так выразил своё отношение к болезни: «Напрягая свой ум для борьбы со страданием, мы видим вещи в совершенно ином

свете, и несказанного очарования, сопровождающего каждое новое освещение смысла жизни, иногда достаточно для того, чтобы победить в своей душе соблазн самоубийства и обрести желание жить.

Страдающий с презрением смотрит на тусклое, жалкое благополучие здорового человека и с презрением относится к своим бывшим увлечениям, к своим близким и дорогим иллюзиям. В этом презрении всё его наслаждение. Оно поддерживает его в борьбе с физическими страданиями, и как же оно ему в этой борьбе необходимо! Гордость его возмущается, как никогда; радостно защищает он жизнь против такого тирана, как страдание, против всех уловок физической боли, восстанавливающих нас против жизни. Защищать жизнь перед лицом этого тирана – это ни с чем не сравнимый соблазн».

О его болезни высказано несколько версий. Наиболее часто пишут о прогрессивном параличе (одна из форм прогресса!) на почве сифилиса. Убедительных доказательств этому нет.

Первые приступы мигрени начались у него в 14 лет. С возрастом и увеличением интеллектуальных нагрузок они возникали чаще и проявлялись сильней. Нередко им сопутствовали спазмы желудка, приступы рвоты, бессонница. Он принимал хлоралгидрат, веронал и, возможно, индийскую коноплю, увеличивая дозы. Это приводило к временному улучшению с накоплением негативных эффектов, ведущих к деградации функций мозга.

Словно пытаясь избавиться от навязчивых болезней, Ницше переезжает из города в город. Он одинок, беден, теряет зрение и силы, живет в дешёвых гостиницах, питается скудно, постоянно принимает различные снадобья.

Его идеи не находят отзвука в общественном сознании. Поистине – глас вопиющего в пустыне! Но он продолжает работать, преодолевая беды и боли:

«Болезнь может быть энергичным стимулом к жизни… Я как бы вновь открыл жизнь. Включил себя в неё, я находил вкус во всех хороших и даже незначительных вещах, тогда как другим нелегко находить в них вкус, – я сделал из моей воли к здоровью, к жизни мою философию… Я перестал быть пессимистом в годы моей наименьшей жизнеспособности: инстинкт самовосстановления воспретил мне философию нищеты и уныния».

Одна из главных его идей: глупо заботиться о ближнем, ибо он слаб и жалок. Его надо «преодолеть», ему надо помочь исчезнуть с лица земли ради дальнего – Сверхчеловека, устремлённого к высоким идеалам.

Произведения Ницше – соединение философских размышлений, религиозного учения, художественных образов, крика души измученного физическими и духовными страданиями человека. Порой это просто набор высказываний, мало связанных между собой. Печать болезни: он пишет урывками, в минуты избавления от боли, просветления сознания.

Показательна его работа «Так говорил Заратустра. Книга для всех и для никого». Она стилизована под житие восточного мудреца. Она не завершена, фрагментарна и с приближением к финалу переходит в бессвязные фразы, восклицания. Кто-то сказал, что это было написано в соавторстве с хлорал-гидратом.

Индивидуализм Ницше был выстраданным и отражал его борьбу – один на один! – с болезнями и невзгодами. Он оставался одиноким всю свою жизнь и даже не смог сохранить близкие отношения с другом и отчасти идейным учителем Рихардом Вагнером.

Вагнер высказал некоторые идеи, обуревавшие Ницше, раньше него. Например: «Лицемерие является отличительной чертой всех веков христианства» и наиболее властно проявилось в буржуазный век. Искусство, находившееся в зависимости от просвещённых владык, «продалось душой и телом гораздо худшему хозяину – Индустрии».

По мнению Вагнера, возродить духовную жизнь может только великая Революция. Её главной целью должна стать свободная, прекрасная и сильная личность. Человек должен преодолеть ограничение и смирение духа, предполагаемое христианством, предельно полно раскрывая свою природную сущность.

Рихард Вагнер не противопоставлял себя обществу и более или менее умело приспосабливался к обстоятельствам. Фридрих Ницше не признавал никаких компромиссов. Его не устраивала действительность едва ли не во всех её проявлениях. Он презирал людей, готовых трусливо прозябать всю свою единственную и неповторимую жизнь. «Чего мы ищем? – вопрошал Ницше. – Покоя, счастья? Нет, только одну истину, как бы ужасна и отвратительна она ни была».

При жизни он так и не был услышан. Утешался тем, что пишет для будущего: «Тогда откроют мои книги, и у меня будут читатели. Я должен писать для них, для них я должен закончить мои основные идеи. Сейчас я не могу бороться – у меня нет даже противников».

И ярые последователи, и яростные противники появились у Ницше позже. Его идеи вдохновили Гитлера на борьбу за величайший германский рейх и за «белокурую бестию» на пути к Сверхчеловеку. Но диктатура нацистской партии и могучей

государственной машины штамповала только «винтиков». Стремясь истребить или поработить «недочеловеков», озабоченных одним лишь материальным благополучием, фашисты сами становились «недочеловеками». По афоризму Ницше: «Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтоб самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна притягивает тебя».

Ницше выступал – не всегда осознанно – против подавления и унижения личности не только внешними силами, но и собственными слабостями, безволием. Такая борьба придаёт жизни внутреннюю напряжённость, целеустремлённость и смысл. Исходя из этого, он отрицал христианство, призванное утешать слабых. Воспевая сильную личность, он создавал новое религиозно-философское учение для одинокого искателя истины, отвергающего всё, что подавляет его духовную свободу.

Пророк Заратустра – его герой, – не обременённый смирением, пребывает в гордом одиночестве, подчёркивая очевидность: каждая вершина возвышается отдельно… Хотя, как известно, в природе гора не возвышается сама по себе среди низменности, а является частью хребта, горной страны.

Учение Ницше в потаенной глубине своей – бегство от реальности. Оно являет собой нечто противоестественное, подобное величественным египетским пирамидам, возвышающимся над равниной. И всё-таки духовный протест сильной творческой личности в научно-технический век оправдан, ибо творение человека – техническая цивилизация – стало подавлять своего творца, пересоздавать его по своему образу и подобию. Замкнутый в себе Заратустра рискует превратиться в «заратустрицу» в чреве автомобиля, раба техники.

Оправдан бунт Ницше против нравственного закона, исполняемого под угрозой наказания свыше (обществом, государством, Богом). Это обстоятельство подчёркивал одновременно с Ницше оригинальный и рано умерший мыслитель Жан Мари Гюйо (1854–1888). Он ровно через сто лет после «Основ метафизики нравственности» И. Канта написал книгу «Нравственность без обязательства и без санкций». Уже в названии – отрицание кантова категорического императива, предписывающего всеобщую обязанность для всех разумных существ. Отвергается и санкция свыше, на которую ссылаются все религии.

Несмотря на свой недолгий жизненный опыт, Гюйо точно оценил социальные перемены: «Эра личностей кончается, наступает эпоха масс». Он отвергал ницшеанскую волю к власти: «Метафизические системы, проникнутые духом авторитета и

власти, – помочи, пригодные для народов, находящихся на младенческой стадии развития». «Желать властвовать над умами ещё хуже, чем желать властвовать над телом» (имеется в виду запугивание угрозой наказания при жизни или после смерти).

В отличие от Ницше, Гюйо утверждал право на индивидуальность любого человека: «Единство в познании принесло бы смерть самому познанию… Разнообразие теорий и доктрин служит доказательством богатства и силы мысли». «Самый дух человека весь проникнут идеей социальности: мы мыслим… в категории общества».

Фридрих Ницше был уверен, что мыслит «в категории» свободной личности. Но, как мы уже говорили, у него были предтечи. Его идеи отвечали духу времени, хотя и в парадоксальной форме, доведённой до крайних пределов.

Его упрекали в аморализме. Это заблуждение. Как бы ни изощрялись теоретики, чему бы ни поклонялись верующие, нравственность – в поступках, образе жизни, а не в декларациях, заповедях, словах.

Лицемерие – одно из самых мерзких проявлений безнравственности. В этом отношении Ницше, например, человек высокой морали, в отличие от многих проповедников, церковных иерархов, идеологов, которые на словах провозглашают принципы поведения, которым сами не следуют.

Пока философы-индивидуалисты, поклонники Сверхчеловека или Единственного, утверждали свои взгляды, оформились (вспомним труды и жизнь Петра Кропоткина) концепции коллективизма, основанные на солидарности трудящихся, принципах взаимопомощи и справедливости.

Казалось бы, такие взгляды противоположны тому, что утверждал Заратустра. Однако не совсем так. Имеется нечто такое, что объединяет моралистов типа Кропоткина и Гюйо с отрицателями морали, подобных Ницше. Это приоритет свободы.

Душа человека – единственное, что принадлежит только ему, а не Природе или Богу. Свобода распоряжаться своей душой предполагает управление своей судьбой, насколько это в силах человеческих. Такова естественная основа нравственности.

Славен искатель истины, ибо он обретает цель жизни.

Славен преодолевающий в себе недочеловека, ибо он устремлён к высшему.

Славен тот, кто пренебрегает материальными ценностями, ибо ему принадлежат духовные богатства, ради обретения которых и даны человеку жизнь и разум.

Так не говорил Заратустра. Но, возможно, именно это стремился внушить людям Фридрих Ницше.

Владимир Соловьёв (1853–1900)

У философа и поэта Владимира Сергеевича Соловьёва, как обычно подчёркивают его биографы, были мистические видения. Его друг философ и публицист Е.Н. Трубецкой писал:

«У него были всякого рода галлюцинации – зрительные и слуховые; кроме страшных были и комичные, и почти все были необычайно нелепы. Как-то раз, например, лёжа на диване в тёмной комнате, он услыхал над самым ухом резкий металлический голос: “Я не могу тебя видеть, потому что ты так окружён!” В другой раз, рано утром, тотчас после его пробуждения, ему явился восточный человек в чалме. Он произнёс необычайный пассаж по поводу только что написанной Соловьёвым статьи о Японии (“ехал по дороге, про буддизм читал, вот тебе буддизм”) и ткнул его в живот необычайно длинным зонтиком. Видение исчезло, и Соловьёв ощутил сильную боль в печени, которая потом продолжалась три дня».

По мнению Е.Н. Трубецкого, «в своих галлюцинациях он признавал *явления медиумические*. И в самом деле, как бы мы ни истолковывали спиритические явления, какого бы взгляда мы ни держались на их причину, нельзя не признать, что сами *явления* переживались Соловьёвым очень часто. Он, во всяком случае, был очень сильный медиум, хотя медиум невольный, пассивный».

Трудно сказать, что подразумевал Трубецкой под «невольным пассивным медиумом». Пожалуй, он верил в то, что некоторым, как теперь говорят, экстрасенсам удаётся воспринимать иные миры, подобно Сведенборгу. Но если без предубеждения взглянуть на видения Владимира Соловьёва, то они не выглядят в мистическом ореоле.

Владимир Соловьёв был поэтом, и к его рассказам надо относиться с учётом этого существенного обстоятельства. Когда видения бывают в тёмной комнате или во время пробуждения, то они практически всегда являются не галлюцинациями, а сновидениями в полудрёме. Подобные случаи вполне обычны и нормальны.

В медицине давно известно, что во сне могут проявиться первые симптомы заболевания. Об этом писал ещё Гиппократ. Врач и учёный Гален, живший почти два тысячелетия назад, привёл случай: один человек видел во сне, что его нога стала каменной, а через несколько дней она была парализована.

В XX веке связь сновидений с болезнями изучали многие врачи. «Наиболее характерным общим признаком сновидений у заболевших было появление у них часто повторяющихся

неприятных зрительных образов и сцен, связанных с особенностями заболевания», – отметил советский медик В.Н. Касаткин. Он провёл исследования, опросив 247 человек и проанализировав более полутора тысяч сновидений.

Один из случаев: студентке медицинского института приснилось, что сосед по квартире приложил горящую папиросу к тыльной части кисти правой руки, которую она тотчас отдёрнула. Последователь Фрейда без тени сомнений предположит проявление сильного, «жгучего» сексуального влечения с элементами садизма или мазохизма, подавленными желаниями…

Проснувшись, девушка обнаружила на том самом месте кисти руки покраснение и слабую боль. К концу дня там же началось воспаление, появился нарыв. Сновидение совершенно определённо засвидетельствовало начало процесса (хотя и сексуальный подтекст не исключён).

Женщина видела сон: за ней гнались хулиганы, она бежала изо всех сил, задыхалась. Один из преследователей догнал её и схватил за горло, стал душить. Она проснулась от страха, сильного сердцебиения. Днем выяснилось, что у неё началась ангина, хотя накануне она считала себя вполне здоровой.

В одном из тяжёлых случаях заболевания геморроем (расширения вен нижнего отдела прямой кишки) пожилой мужчина в сновидении участвовал в войне с турками, был взят в плен и посажен на кол. Он чувствовал, как его пронзает острая боль в заднем проходе. При более лёгких формах этого заболевания сновидения не столь ужасны, но связаны с тем же органом.

При заболевании острым аппендицитом в некоторых случаях первые признаки недуга подсказывали сновидения. В них преобладали образы войны, истязаний, ранений в правую нижнюю часть живота. Обычно просыпались от боли, чувства страха.

Пожилая женщина в сновидении пришла на кладбище к могиле мужа. Вдруг из земли поднялись две костлявые руки: одна схватила её за горло, другая вцепилась в область сердца. Костлявые пальцы впивались в тело все глубже, стало трудно дышать, горло перехватило. Она крикнула – и проснулась от сильного сердцебиения, спазма в горле, острой боли в сердце. У неё был микроинфаркт миокарда.

По наблюдениям В.Н. Касаткина, «в сновидениях неврастеников *более определённо*, чем у здоровых людей, были логически связанные законченные мысли», а зрительные сцены обычно цветные, яркие, соединённые «в большие, цельные картины».

О связи сновидений с болезнями и неврастенией можно было бы привести множество примеров. Но и этих достаточно, чтобы признать видения Владимира Соловьёва, о которых упомянул Е.Н. Трубецкой, нормальным явлением, а не признаком «пассивного медиума».

Впрочем, в жизни Владимира Соловьёва были другие события, которые могут свидетельствовать о какой-то психической аномалии. Тем более что он был человеком весьма оригинальным.

Он родился в Москве, воспитывался в многодетной семье известного историка С.М. Соловьева. От детской веры в Бога пришёл к атеизму, а затем к осознанной христианской вере (вне официальных канонов).

В университете изучал гуманитарные и естественные науки. Позже писал: «Верить в Царство Божие – значит с верою в Бога соединять веру в человека и веру в природу».

Защитил магистерскую диссертацию «Кризис западной философии», затем докторскую – «Критика отвлечённых начал» (опровергая и материализм, и идеализм как две крайности). По его мнению, природа без Духа Божия мертва, а Бог вне природы – абстракция.

Жил он неустроенно, бездомно, деньгами не дорожил, обитал в гостиницах, в имениях друзей. Был остроумен и умел по-детски смеяться. Жизнь свою посвятил служению красоте, добру, истине. В этом смысле ему удалось достичь цельности, триединства чувств, мыслей и воли.

Мы только вскользь затронем огромную и порой противоречивую тему творчества В.С. Соловьёва. Как он понимал взаимосвязь человека, Природы, Бога? В чём видел смысл бытия в материальном и духовном мире?

В одной из речей в память Достоевского он утверждал: «Человек и природа имеют смысл только в своей связи с Божеством… Природа, отделённая от Духа Божия, является мёртвым и бессмысленным механизмом без причины и цели… Бог, отделённый от человека и природы, вне своего положительного откровения является для нас или пустым отвлечением, или всепоглощающим безразличием».

Такие высказывания могут показаться туманно-мистическими. Почему бы не употребить вместо таинственного Духа Божия философское понятие движения (самодвижения, саморазвития материи)? Но такая характеристика не предполагает жизни, разума, воли, красоты, творческой силы. А именно они – в наивысших проявлениях – присущи Богу в понимании Соловьёва.

Пользуясь религиозными понятиями, он не пренебрегал данными науки и старался не противоречить им. Лишь в умозрении допускал разделение материи и сознания, Разума и Вселенной. Так, у здравствующего человека нельзя отделить душу от тела. Это было бы смертью. «Верить в природу, – писал Соловьёв, – значит признавать в ней сокровенную светлость и красоту, которые делают её Телом Божиим. Истинный гуманизм есть вера в Богочеловека, и истинный натурализм есть вера в Богоматерию».

Ревнители научного метода вправе возразить: речь идёт о вере, а не о знании; перед нами сугубо религиозный подход! Да, это не научный подход, основанный на фактах, логике, доказательствах. Согласно науке, всякий организм есть сгусток солнечной энергии, воды и земного праха.

Соловьёв был уверен: одного этого недостаточно. Требуется ещё нечто важное, объединяющее первичные компоненты, «оживляющие» их. Вот и сумма знаний – необходимый, но инертный материал. Он одухотворяется творческими усилиями, что предполагает разум и стремление к истине. Естествознание началось с той поры, когда люди *поверили* в самобытность природы, а великими натуралистами становились лишь те, кто восхищался её красотой, непостижимой сложностью и гармонией.

В этом смысле Владимир Сергеевич был натуралистом (недаром он поначалу учился на естественнонаучном отделении университета, всерьёз увлекаясь биологией и геологией). Идеализм его был реалистическим, утверждающим реальность окружающего мира. Он утверждал: «Душа образует себе органическое тело вовсе не для того только, чтобы смотреть через него на мир явлений, но также и гораздо более для того, чтобы действовать посредством него в этом мире, и, разумеется, результаты этой деятельности не могут быть безразличны для души и после того, как орудия её земного действия разрушены».

Но если вечная душа причастна к Разуму Вселенной, то почему человеческая активность на Земле приводит к таким катастрофическим последствиям для природы и общества? Почему в научном и философском познании так много ложного, так часты заблуждения?

В «Критике отвлечённых начал» Соловьёв пояснил так: мы воспринимаем по-разному свой родной (внутренний) мир и как бы чуждый для нас – внешний. Особенно резко это проявляется в атеистическом мировоззрении.

«Конечно, истина вечно есть в Боге, но, поскольку в нас нет Бога, мы и живём не в истине: не только наше познание ложно, ложно само наше бытие, сама наша действительность. Итак, для

истинной организации знания нужна организация действительности. А это уже есть задача… мысли созидающей или творчества».

По мнению Владимира Соловьёва, со времени господства научно-технической мысли возобладало «механистическое мышление». Оно «берёт различные понятия в их отвлечённой отдельности, рассматривает, следовательно, предметы под каким-нибудь частным односторонним определением… В противоположность этому мышлению органическое рассматривает предмет во всесторонней целости и… в его внутренней связи с другими… Мышление механическое (рассудочное) есть только сопоставляющее и комбинирующее». Оно отчуждает сознание человека от единой Богоматерии, приобщая к механическим движениям мёртвых тел природы.

Философ приводил конкретные примеры конфликтов цивилизации с окружающей средой: вырубание лесов, обеднение ландшафтов, опустынивание земель. Как же избежать этих бед? Тут недостаточны технические ухищрения и научные рекомендации. Надо изменить саму суть представлений об окружающей действительности, а также свои потребности:

«Цель труда по отношению к материальной природе не есть пользование ею для добывания вещей и денег, а совершенствование её самой – оживление мёртвого, одухотворение вещественного… Без любви к природе для неё самой нельзя осуществить нравственную организацию материальной жизни… В общей жизни человечества борьба с внешней, земной природой и покорение её есть только необходимый переход, а не окончательная норма деятельности: нормальная деятельность здесь есть культивирование земли, ухаживание за нею ввиду её будущего обновления и возрождения».

Эти мысли, высказанные почти полтора столетия назад, остаются актуальными поныне. По-прежнему люди озабочены своими материальными потребностями, борьбой за власть и капиталы, стремлением извлечь как можно больше природных богатств, пусть нанося непоправимый урон земной области жизни, Биосфере.

Материализм, идеализм и прочие философские учения остаются бесплодными умствованиями, если уклоняются от реальности, которая познаётся в действии, а не только в размышлениях, и наиболее полно проявляется в научных фактах. С этим должны считаться религиозные и философские учения.

Подлинная глубокая вера не склонна рядиться в загадочные одеяния, избегает выспренних фраз и величавых поз. Она светла и

радостна, ибо покоится на внутренней убеждённости. В этом заключена одна из важных особенностей реалистического идеализма Владимира Соловьёва, который приводил в пример творчество Достоевского:

«Он брал человека во всей его полноте и действительности; такой человек тесно связан с материальной природой, и Достоевский с глубокой любовью и нежностью обращался к природе, понимал и любил землю и всё земное, верил в чистоту, святость и красоту материи. В таком материализме нет ничего ложного и греховного».

Богоматерия предстает зримым воплощением творящей силы и мысли божества. Признавая первичным бытие Бога, Владимир Соловьёв свято чтил материю, ему подчинённую. Он понимал красоту «как преображение материи через воплощение в ней другого, сверхматериального начала». В то же время: «Красота есть действительный факт, произведение реальных естественных процессов, совершающихся в мире».

«Органическая жизнь есть превращение света, – писал он. – Таким образом, материя становится носительницей красоты через действие одного и того же светового начала, которое её сперва поверхностно озаряет, а затем внутренне проникает, животворит и организует». Так поэтически выражается научная мысль, получающая затем религиозную формулировку: «Порядок воплощения идеи или явления красоты в мире соответствует общему космогоническому порядку».

По-своему объяснял Соловьёв процесс биологической эволюции: «Отвоевывая шаг за шагом у хаотических стихий материал для своих органических созданий, космический ум… покидает только то, в чём его победа была мнимою, на что безмерность хаоса наложила свою неизгладимую печать». «Красота в природе… есть реально объективное произведение сложного и постепенного космогонического процесса».

Соловьёв связывал воедино идеи развития материи, красоты, Разума Вселенной. На него оказало влияние научно-фантастическое учение Н.Ф. Фёдорова о беспрерывном прогрессе человечества, ведущем к победе над смертью. По словам советского историка философии А.В. Гулыги: «Философия любви перерастает здесь в философию беспредельного прогресса человечества. Соловьёв сближается с русским космизмом: о «сверхлюдях», достигших бессмертия в ходе развития науки, будет говорить и Циолковский». Но и без этого идеи Владимира Сергеевича были проникнуты космическим миросозерцанием, ибо он рассматривал мир как гармоничное развивающееся целое, одухотворённое творящим Разумом.

Но чем тогда объяснить и оправдать существование зла, уродства, неразумия? Почему Разум Вселенной допускает их в мире? Зачем человеку предоставлена возможность совершать трагические ошибки и злодеяния, внося в окружающий мир пороки своей души? Невольно встаёт образ механизма природы, где господствует косная материя и лишь слабыми искрами случайно вспыхивают, тлеют и со временем угасают очаги жизни и разума. Человечество блуждает, не находя верного пути к торжеству добра и красоты. Значит…

Значит, есть нечто такое, что не допускает превращения человека в слепого механического исполнителя высшей воли! Вот мнение Соловьёва: «Зачем природа должна испытывать муки рождения и зачем… прежде чем породить совершенный и вечный организм, она производит столько безобразных, чудовищных порождений, не выдерживающих жизненной борьбы и бесследно погибающих?…Зачем вообще реализация божественной идеи в мире есть постепенный и сложный процесс, а не один простой акт?

Ответ на этот вопрос заключается в одном слове, выражающем нечто такое, без чего не могут быть мыслимы ни Бог, ни природа, – это слово есть *свобода*… Если всё существующее… должно соединиться с Божеством – а в этом цель всего бытия, – то это единство, чтобы быть действительно единством, очевидно, должно быть обоюдным, т. е. идти не только от Бога, но и от природы, быть и её собственным делом».

В образе человека Бог создал партнёра в «игре жизни и разума», наделённого свободой выбора добра и зла, красоты и уродства, правды и лжи. Что же противодействует творчеству Мирового Разума? Что противостоит божественному порядку? Ведь для реализации свободы требуется неопределённость!

Соловьёв не верил в злокозненную силу, противостоящую Богу («В чёрта я не верю»). Зато упоминал о хаосе стихий как материале творения. Всемирному Разуму противостоит инертность и неупорядоченность материи. Воля и сознание Бога постепенно одухотворяют косный материал, создавая Богоматерию. Человек-творец, внося разум и красоту в окружающий мир, преображается в Богочеловека…

Эта идея Владимира Соловьёва остаётся благим пожеланием. Земная природа преображается по законам производства, техники, выгоды (для немногих). Цивилизация преимущественно разрушает и обедняет Биосферу. Происходит формирование техногенного человека. Он рабски зависит от техники материально и духовно.

…Исследователи творчества В.С. Соловьёва много и

основательно пишут о его концепции Всеединства. Однако остаётся в забвении идея Богоматерии. А ведь Мироздание имеет смысл только в том случае, если оно живое, а не мёртвое.

Модная ныне гипотеза Большого взрыва, создавшего видимую нами Вселенную (Метагалактику), – торжество механического физико-математического мировоззрения. В таком случае каждый из нас, человечество, вся земная жизнь предстают бессмысленной малостью, жалкой плесенью на одном из ничтожных осколков чудовищного взрыва.

Что-то более нелепое о происхождении Мироздания трудно придумать. Однако почти все крупнейшие современные физики, астрономы, космологи соглашаются с этой идеей только потому, что она является следствием систем формул и теорий. Нет никакого вразумительного обоснования её с позиций философии, здравого смысла, наук о Земле и Жизни.

Вспоминается сказка Андерсена «Новое платье короля». Хочется быть мальчиком, воскликнувшим: «А король-то голый!»

Владимир Соловьёв сначала интересовался преимущественно концепцией цельного знания: эмпирического, рационального и мистического (их он не вполне корректно отождествлял с наукой, философией и религией). К этому периоду относятся его работы «Чтение о богочеловечестве», «Три силы». Затем углубился в проблемы христианских церквей, возможности их воссоединения и установления – в идеале – царства Христа на Земле, теократического правления.

Следующей центральной темой стала нравственная философия, эстетика и этика («Смысл любви», «Три разговора», «Красота в природе», «Теоретическая философия», «Оправдание добра»). В основе его мировоззрения – знание науки и философии, вера в Бога, Богоматерию, Богопознание. Он предполагал путь цивилизации как восхождение от зверочеловека к богочеловечеству – торжеству истины, добра.

Вера в прогресс не отрешила его от реальности. Он убедился, что в обозримом будущем не предвидится переход к духовно возвышенному человечеству, объединённому и вдохновлённому учением Иисуса Христа. Более вероятным стал выглядеть трагический финал человеческой истории.

…Философские труды Владимира Сергеевича не дают оснований предполагать у него видения, подобные тем, которые были, скажем, у Сведенборга. Но в конце сентября 1898 года в поэме «Три свидания» поведал он о своих мистических переживаниях. В примечании пояснил:

«Осенний вечер и глухой лес внушили мне воспроизвести в шутливых стихах самое значительное из того, что до сих пор случилось со мною в жизни. Два дня воспоминания и созвучия неудержимо поднимались в моём сознании, и на третий день была готова эта маленькая автобиография, которая понравилась некоторым поэтам и некоторым дамам».

Странно, конечно, что «самое значительное», случившееся в его жизни, он изложил «в шутливых стихах», иронично-игриво упомянув, что они понравились «некоторым дамам». Или он в данном случае предстал как поэт, а не философ, или скрыл за иронией свои интимные переживания, или то и другое вместе.

Он вспомнил свою первую любовь и муки ревности:

И в первый раз, – о, как давно то было! —

Тому минуло тридцать шесть годов,
Как детская душа нежданно ощутила
Тоску любви с тревогой смутных снов.
Мне девять лет, она… ей девять тоже.
«Был майский день в Москве», как молвил Фет.
Признался я. Молчание. О, Боже,
Соперник есть. А! он мне даст ответ.
Дуэль, дуэль! Обедня в Вознесенье.
Душа кипит в потоке страстных мук…

Его обуревали вполне нормальные чувства. Вряд ли тогда он предполагал нечто иное. Но в память врезалось: у алтаря

Пронизана лазурью золотистой,
В руке держа цветок нездешних стран,
Стояла ты с улыбкою лучистой,
Кивнула мне и скрылася в туман.

Таким было первое свидание с образом, который Гёте назвал «Вечной Женственностью», а Владимир Соловьёв отождествлял с Софией и Богоматерью:

Не веруя обманчивому миру,
Под грубою корою вещества
Я осязал нетленную порфиру
И узнавал сиянье Божества…

В детстве поэт не мог мыслить такими категориями, но воспринял как возвышенное и божественное красоту и любовь.

Второе свидание произошло в Лондоне, где он изучал тексты древних мистиков в библиотеке Британского музея.

И вот однажды – к осени то было —
Я ей сказал: «О Божества расцвет!
Ты здесь, я чую, – что же не явила
Себя глазам моим ты с детских лет?»
И только я помыслил это слово —
Вдруг золотой лазурью всё полно,
И предо мной она сияет снова —
Одно её лицо – оно одно.
И то мгновенье долгим счастьем стало…

Одно мгновенье? Это не галлюцинация, а умственный образ. Неясно, при каких обстоятельствах он возник – только прекрасное лицо. Ему хотелось увидеть её всю (голую истину?). Внутренний голос велел: «В Египте будь!» Чувство было сильным, а «рассудок промолчал, как идиот».

Третье свиданье было в Египте. Он добрался туда, поселился в одном из отелей Каира, и вскоре остался без гроша в кармане. В поисках высоких откровений он отправился пешком в пустыню. Там его едва не убили бедуины. Он был голоден. Настала ночь.

И долго я лежал в дремоте жуткой,
И вот повеяло: «Усни, мой бедный друг!»
И я уснул; когда ж проснулся чутко —
Дышали розами земля и неба круг.
И в пурпуре небесного блистанья
Очами, полными лазурного огня,
Глядела ты, как первое сиянье
Всемирного и творческого дня…

……..

Один лишь миг! Видение сокрылось —
И солнца шар всходил на небосклон.
В пустыне тишина. Душа молилась,
И не смолкал в ней благовестный звон.

Опять лишь миг? А если это сон? Но вероятнее псевдогаллюцинация. Условия для неё были самые

благоприятные: сильные переживания, голод, одиночество, усталость, нервное напряжение…

Он верно определил обратный путь к Каиру (и вряд ли отошёл от него далеко за несколько часов (вряд ли больше чем на 15–20 км).

Советский философ А.Ф. Лосев в книге «Вл. Соловьёв» (1983) писал об этом свидании: «Вульгарное и обывательское представление о мистике, конечно, многих может навести здесь на мысль о какой-то соловьёвской психопатологии или о каких-то литературных выкрутасах. Но неопровержимые биографические данные свидетельствуют о том, что Вл. Соловьёв был в то время духовно здоровым и весёлым молодым человеком, у которого умозрительные чувства соединялись с обыкновенным бытовым поведением…

Он уже в Египте жил не по средствам и во время своего “свидания” не забывал требовать у родителей 200 рублей… После Египта он направился вовсе не в Россию, а почему-то ещё в Италию и ещё в Париж». А.Ф. Лосев сослался на свидетельство В.А. Пыпиной-Ляцкой:

«С большим юмором рассказывал он также о своих злоключениях в Италии, когда он, поднимаясь на Везувий с двумя знакомыми дамами, повредил себе ногу и лишён был возможности продолжать путешествие. Последние деньги истратил он на чудные розы, которые послал своим спутницам, и жил в гостинице в долг, ожидая присылки денег из Москвы…

Как только нога поправилась настолько, что явилась возможность передвигаться, он обратился к русскому консулу, рассказал о своей беде, дал о себе необходимые сведения и попросил ссудить деньгами. Консул выслушал серьёзно, денег дал, но выразил сожаление, что у столь знаменитого, уважаемого человека, как историк Соловьёв, такой “беспутный” сын. Вернувшись в гостиницу, Владимир Сергеевич велел подать себе шампанского и как можно больше роз».

Идея Вечной Женственность была близка Владимиру Соловьёву как поэту из-за его влюбчивости.

Е.М. Поливанова оставила интересные воспоминания о встречах с ним в молодости. Ему тогда было около 20 лет. «Несмотря на целую массу общих прогулок и пикников, – писала она, – я также проводила много времени с глазу на глаз с Владимиром Сергеевичем. С ним было необыкновенно легко. Беседа всегда лилась сама собою, затрагивая самые разнообразные предметы…

Он в то время горячо верил в себя, верил в своё призвание совершить переворот в области человеческой мысли. Он

стремился примирить веру и разум, религии и науку, открыть новые, неведомые до тех пор пути для человеческого сознания. Когда он говорил об этом будущем, он весь преображался. Его серо-синие глаза как-то темнели и сияли, смотрели не перед собой, а куда-то вдаль, вперёд, и казалось, что он уже видит перед собой картины этого чудного грядущего…

Наряду с такими возвышенными беседами, бывали у нас и другие, в совершенно другом роде. Мы оба любили всё таинственное, сверхъестественное и на эту тему могли говорить также без конца, рассказывая друг другу всякие чудеса, слышанные нами от очевидцев, или из вторых и третьих рук, или даже вычитанные нами из книг…

1 июня, в самый Троицын день, мы были вместе у обедни. Спасаясь от нестерпимой духоты, мы пробрались на хоры, а затем вышли на крышу храма, откуда открывался на окрестности Дубровиц чудный вид, который я давно обещала показать ему.

Я села на порог у самой двери, а Владимир Сергеевич стоял в трёх шагах от меня на самом краю крыши, да еще поставив ногу на низкую балюстраду. Было прохладно, дул очень свежий ветер. Боясь, чтобы он не простудился, я предложила вернуться на хоры.

– Нет, нет! – проговорил Владимир Сергеевич.

И вдруг нежданно-негаданно он сказал мне, что любит меня и просит меня быть его женой.

Как это ни странно, но за всё время нашего знакомства мне и мысли о любви не приходило в голову. Я была поражена, ошеломлена. Я растерялась.

Я видела перед собой его бледное взволнованное лицо, его глаза, устремлённые на меня с выражением тревожного ожидания, и в то же время сама была охвачена чувством страха, что он вот-вот может сорваться вниз…

Я что-то пролепетала, сама не знаю что.

Он настаивал на категорическом ответе.

Я ответила да, и в этом моя глубочайшая вина перед ним. Но в эту минуту я об этом не думала, да и не знаю, думала ли о чём-нибудь.

Народ стал выходить из церкви, мы тоже сошли вниз.

Дома мы застали гостей, целый класс лицеистов, товарищей брата Володи.

Весь день все были заняты этой шумной компанией. Владимир Сергеевич тоже занимался молодежью, смеялся с ними, шутил, был необычайно весел, вид у него был счастливый…

Однако, когда на другой день мы встретились, вся моя решимость исчезла: у него был такой радостный, сияющий вид! За завтраком он передал мне соль, и кто-то сказал, что передача

соли ведёт к ссоре. Он внезапно побледнел так, что даже губы у него побелели. Где же, как тут говорить?..

Но вот он уехал на два дня в Москву… Как только он приехал, я позвала его на Деснинскую скамейку, где мы оба любили сидеть, и разом, сама не знаю как, сказала ему всё. Я чувствовала, что делаю какое-то зло, но поступить иначе я уже не могла. Сама я очень страдала и плакала горючими слезами».

Зная подобные факты, вряд ли можно всерьёз утверждать, будто у Соловьёва были приступы психического расстройства, связанного с галлюцинациями, переходами в изменённое состояние сознания… Впрочем, подобные переходы могли временами происходить в результате употребления спиртных напитков.

Он, безусловно, был весьма оригинален, отличаясь от большинства интеллектуалов умом и характером. Но отличался тем, что приближался к идеалу интеллигента: не был озабочен бытовой суетой, поглощающей и опошляющей душу человека, имея безграничные интеллектуальные и весьма ограниченные материальные потребности. Он беспечно относился к деньгам. Мечтал о нравственном и умственном прогрессе человечества, писал философские трактаты, лирические стихи, публицистические статьи…

«Но эта внутренняя и внешняя духовность, – отмечал А.Ф. Лосев, – удивительным образом совмещалась у него с весёлым нравом, с постоянной шутливостью, с любовью к своим и чужим анекдотам, с шуточными произведениями, занимающими далеко не последнее место в сборнике его стихотворений».

Даже зловещий образ смерти не вызывал у него уныния. Вот его эпитафия самому себе:

Владимир Соловьев
Лежит на месте этом.
Сперва был философ,
А нынче стал шкелетом.
Иным любезен был,
Он многим был и враг:
Но, без ума любив,
Сам ввергнулся в овраг.
Он душу потерял,
Не говоря о теле;
Её диавол взял,
Его ж собаки съели.
Прохожий! Научись из этого примера,
Сколь пагубна любовь и сколь полезна вера.

У него и в стихах философских, так же как в поэме «Три свидания», глубокомысленные проблемы представлены остроумно:

Во-первых, объявлю вам, друг прелестный,
Что вот теперь уж более ста лет,
Как людям образованным известно,
Что времени с пространством вовсе нет;
Что это только призрак субъективный,
Иль, попросту сказать, один обман.
Сего не знать есть реализм наивный,
Приличный лишь для обезьян…
Сказать по правде: от начала века
Среди толпы бессмысленной земной
Нашлись всего два умных человека —
Философ Кант да прадедушка Ной.
Тот доказал методой априорной,
Что, собственно, на всё нам наплевать,
А этот – эмпирически бесспорно:
Напился пьян и завалился спать.

Одна из его эпиграмм оказалась, увы, пророческой:

Придет к нам, верно, из Лесбо́са
Решенье женского вопроса.

И вот ещё одно его грустное и не теряющее актуальности признание:

Благонамеренный
И грустный анекдот:
Какие мерины
Пасут теперь народ!

Впрочем, его звонкий заразительный и несколько тревожный смех в последние годы жизни звучал всё реже. Он утрачивал свои иллюзии о возможности перехода общества к теократическому правлению, к приоритету нравственности и веры во всеобщее единство и Богоматерию. Для него это стало личной трагедией.

Смысл индивидуальной жизни каждого из нас определяется

нашим разумом, нашей сознательной или бессознательной волей.

В чём смысл культуры и цивилизации? Владимир Сергеевич видел его в предельно полном проявлении всего лучшего, чем наделил человека таинственный Разум Вселенной, проявления которого мы видим в красоте, гармонии окружающей природы, Божественной Материи.

Однако приверженность к идеализму не отрешила Соловьёва от реальности. Он понимал её конечно же на свой лад. В последней своей книге «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории со включением краткой повести об Антихристе» (1900) он отказывается от идеи прогресса как пути человечества к светлому будущему и предлагает своё сочинение на тему Апокалипсиса Иоанна Богослова о втором пришествии Христа и Страшном суде (после войны Востока и Запада, явления Антихриста и всяческих бедствий).

Он не отказался и там от некоторых ироничных и шутливых пассажей. Но главный и роковой финал человечества, по его мнению, будет вызван религиозной рознью. Философ словно не замечал грозной поступи быстро набирающей мощь технической цивилизации с культом выгоды и богатства, конфликтами не столько религиозными, сколько социальными и политическими.

Владимир Сергеевич Соловьёв был, как прежде говорили, поэтической натурой, и это сказалось на его философских взглядах.

А.Ф. Лосев писал: «Личность Вл. Соловьёва – большая, глубокая, широкая, даже величественная, хотя в то же время до чрезвычайности сложная и запутанная».

Но разнообразие проявлений личности – вполне естественно для нормального духовно свободного человека. Патология психики проявляется в тех случаях, когда личность скукоживается, упрощается до примитива с убогими стандартными потребностями, становится винтиком технической цивилизации.

Суть своего понимания Мира и человека поэт и философ Владимир Соловьёв, не мудрствуя лукаво, высказал в стихах:

Милый друг, иль ты не чуешь,
Что одно на целом свете
Только то, что сердце сердцу
Говорит в немом привете?

Глава 4. Изощрения рассудка (изобретатели)

Изобретатели имеют дело с техникой, механикой, электроникой – предметами неживыми, создаваемыми человеком. Тут всё надо продумывать чётко, рационально. Казалось бы, люди такого склада ума имеют иммунитет от психических аномалий.

Действительно, совсем немного выдающихся изобретателей, у которых были серьёзные причуды, заставляющие подозревать душевную болезнь. В XX веке таким был, пожалуй, только Никола Тесла.

Мы уже упоминали об Архимеде, которого даже страх смерти не мог отвлечь от решения геометрической задачи. У него рациональное мышление, судя по этой истории, было сильнее эмоций (что бывает чрезвычайно редко).

Такое утверждение вроде бы опровергается популярной историей о том, что, погрузившись в ванну, Архимед вдруг понял, что вытеснил объём воды, равный погружённому в неё телу. С криком «Эврика!» он выскочил на улицу, в чём был (а был без ничего).

Но и в этом случае ничего ненормального не произошло. Радость открытия возобладала не над рассудком, а над чувством стыда. К тому же у античных греков было вполне естественное отношение к обнажённому телу, без предрассудков.

Архимед, как известно, был учёным и знаменитым изобретателем. Универсализм был характерен для выдающихся мыслителей до XIX века. Они были одновременно учёными, философами, нередко – писателями, художниками, изобретателями.

Раймунд Луллий и Блез Паскаль в данную главу помещены как изобретатели, хотя каждый из них был ещё философом, писателем, теологом. Но среди философов и без них немало людей с причудами и с психическими болезнями. Для изобретателей это чрезвычайная редкость.

Раймунд Луллий (ок. 1235–1315)

О его жизни сохранилось больше легенд, чем достоверных сведений. Известно, что родился он на острове Майорке, принадлежащем Арагонскому королевству. В молодости был стольником у арагонского короля. Рано женился, писал стихи, имел много любовниц.

В.С. Соловьёв посвятил Раймунду Луллию большую статью. По его словам: «На 32-м году, сочиняя эротическую песню, он имел видение распятого Христа, повторившееся ещё 4 раза. Это произвело в нём внутренний переворот; он оставил двор и семью и поселился на пустынной горе Мирамар, где впоследствии несколько его учеников основали маленький монастырь (сам он никогда не вступал ни в монашество, ни в священство)».

Луллий круто изменил свой жизненный путь, решив посвятить себя обращению неверных в христианство путём просвещения и убеждения.

«Это сознание необходимости нового, лучшего способа борьбы с неверными, – писал Соловьёв, – представилось ему… в виде трёх конкретных мыслей, которые он приписал особому откровению свыше: 1) мысль об особом методе или искусстве, посредством которого можно с разумной необходимостью вывести из общих понятий всякие истины, и прежде всего – истины христианского вероучения; 2) мысль об основании миссионерских коллегий, где кроме других предметов изучались бы основательно восточные языки, особенно арабский; 3) мысль о преобразовании монашеско-рыцарских орденов в один великий миссионерский орден. Вся дальнейшая жизнь Луллия всецело посвящена осуществлению этих трёх мыслей.

Для выполнения первой из них он пишет множество больших и малых трактатов, где с разных сторон старается изложить и выяснить свой логический метод… Этот логический механизм, изображаемый в сочинениях Луллия соответствующими фигурами, состоял из нескольких подвижных концентрических кругов, разделённых поперечными линиями на отделения («камеры»), в которых в известном порядке обозначались общие понятия или основные категории всего существующего; вследствие концентричности кругов подразделения каждого из них занимали определённое положение относительно тех или других подразделений прочих кругов, а вращая их так или иначе, можно было получать множество новых, более или менее сложных комбинаций, в которых Луллий видел новые реальные истины.

Эти круги в совокупности своей обнимали всю область возможного знания: один из них заключал основные атрибуты божества, другой – логические категории, третий – метафизические и т. д., до права и медицины включительно. На самом деле никакая истина не была ни открыта, ни доказана с помощью такого механизма, который поэтому и следует считать лишь курьёзной игрушкой. Сам Луллий утверждал, что система его кругов была ему прямо открыта свыше, в особом видении. Так как он был менее всего склонен к обманам и мистификациям, то должно предположить, что явившаяся в его воображении символическая схема разумной связи, проникающей во все сферы бытия и познания, была им ошибочно принята и истолкована в буквальном механическом смысле. Впрочем, он не довольствовался кругами и прибегал к другим наглядным способам пояснения своей системы, например, к родословному древу понятий».

Некоторые учёные полагают, что «логическая машина» Луллия стала предшественницей комбинаторики – современного раздела математики, связанной с теорией вероятности, теорией игр.

Не удовлетворяясь теоретическими работами и не имея поддержки со стороны церкви и королей, Луллий отправился в Северную Африку – обращать мусульман в христианство. Он выступал с проповедями, вёл теологические дискуссии с исламистами, не раз его били и сажали в тюрьму. Его ничего не могло остановить. В Тунисе за проповедь Евангелия на городской площади его побили камнями. Его полумёртвого перенесли на судно генуэзского купца Стефана Колумба (предка знаменитого мореплавателя). По пути на родину Луллий скончался; был похоронен в городе Пальма на Майорке, где его признали местным святым».

В изложении В.С. Соловьёва получается, что Луллий вдруг впал в изменённое состояние сознания, увидел серию галлюцинаций и стал духовно иным человеком. Не означает ли это, что у него проявилась психическая болезнь, мания пророчества, которая привела его к трагическому концу?

То, что у него было психическое расстройство, вроде бы очевидно. Однако объяснить его может происшедшее с ним событие, о котором Соловьёв почему-то умолчал.

По распространённой версии, до видения Христа у Луллия было совсем нехристианское влечение к замужней красавице синьоре Амбросим де Кастелло. Он упорно добивался её любви. Однажды въехал на коне в храм и положил к её ногам свои стихи, воспевающие её красоту.

Его настойчивость была вознаграждена: дама сердца назначила ему свидание. Когда они встретились, она предложила показать ему грудь, которую он восторженно воспевал в стихах. Он был в восторге. Прекрасная Амбросим обнажила свою грудь… изъеденную язвами.

Он был потрясён до глубины души. Говорят, она произнесла: «Смотри, Раймунд, сколь уродливо это тело, возбудившее твою страсть. Возлюби Иисуса Христа и обретёшь вечное блаженство».

Резкий переход от восторга и вожделения к ужасу и отвращению вызывает истерическую реакцию, стресс. Слова Амбросим в момент его потрясения прозвучали как заклинание. В психологии это называется внушением установки на уровне подсознания.

У себя дома он рыдал и молился. Душевная травма была так сильна, что он, вероятно, вовсе отказался от эротики. Теперь вид изъеденной язвами женской груди подавлял у него сексуальное влечение.

Вряд ли образ Христа возник у него в связи с сочинением эротического стихотворения. Скорее всего, Луллий обратился в стихах к Иисусу Христу, а воображение и эмоции были так велики, что из подсознания всплыла яркая псевдогаллюцинация. Это было напоминание об установке, внушённой ему в момент стресса. Подобные явления известны в психиатрии (о них было упомянуто в очерке о В.Х. Кандинском).

По мнению В.С. Соловьёва, главный недостаток Луллия «заключался в слабой способности к философскому изложению идей, вследствие чего он так держался механических схем».

Приверженность к механическим схемам характерна для всех интеллектуалов, считающих математику «царицей наук». В наше время это проявляется в популярности весьма сомнительных гипотез Большого взрыва, глобальной тектоники плит, вымирания динозавров от падения на Землю астероида. Магия формул завораживает исследователей.

Впрочем, «логическая машина» Луллия призвана была показать великое разнообразие сочетаний философских и богословских понятий, заключённых в единую систему познания Мира. Но как узнать, какое из этих сочетаний приближает к истине?

Раймунд Луллий мог заблуждаться, у него был психический срыв, но он не утратил здравого смысла. Об этом свидетельствуют его трактаты, «логическая машина». Он осуждал алхимию как злостное суеверие. Правда, позже ему стали приписывать чудеса превращения металлов в золото и получения

панацеи – эликсира от всех болезней. Но это лишь легенда.

Нет ничего особенного и в том, что он воспринял внушённую установку и посвятил себя служению Иисусу Христу. Нечто подобное происходило со многими людьми. Ведь жил он в период массовых психозов в Западной Европе – седьмого, восьмого и девятого Крестовых походов.

Блез Паскаль (1623–1662)

Он был талантливый математик, физик, изобретатель, писатель, философ, теолог. Редкий пример проявления столь многих дарований за недолгую жизнь. Врождённый гений? Вряд ли.

Продолжалась эпоха универсалов, энциклопедистов. Объём накопленных научных знаний был сравнительно невелик, доступен любознательному человеку. А искусство изобретений обычно требует знания математики, физики.

Ранние успехи Блеза во многом объясняются педагогическим талантом отца и влиянием старшей сестры (мать рано умерла). Отец его Этьен был отличным математиком, интересовался историей и литературой, знал языки. Он обучил математике и латыни свою первую дочь Жильберту.

Опасаясь за здоровье болезненного сына, Этьен Паскаль не спешил обучать его геометрии, возбудив тем самым у него интерес к этой науке. Маленький Блез стал искать соотношения между «палками» и «кольцами», составляя фигуры, выясняя их свойства, и пришёл к доказательству Евклидовой теоремы: сумма внутренних углов треугольника равна сумме двух прямых.

Приведя этот случай, писатель М.М. Филиппов сделал вывод: «Из всех великих учёных Паскаль более кого бы то ни было имеет право на титул преждевременно развившегося и столь же преждевременно погибшего гения». Надо лишь учесть: некоторые геометрические закономерности сравнительно просты для того, чтобы о них мог догадаться мальчик, не лишённый сообразительности.

Многие выдающиеся люди в детстве и/или юности тяжело болели. Это сказывалось на их раннем умственном развитии. Не потому, что пробуждалась какая-то болезненная гениальность. Они долго находились «наедине с собой» и начинали задумываться о жизни и смерти, о себе. Такое проникновение в свой внутренний мир и есть начало философии, стремления понять себя, других, окружающий мир.

Отец ввёл сына в научный круг М. Мерсенна (зародыш Парижской АН). В 16 лет Блез Паскаль исследовал конические сечения, решив ряд важных задач. Через год стал изобретать вычислительную машину. Перепробовав полсотни вариантов, он в 1645 году сделал приспособление, выполнявшее, хотя и медленно, простейшие математические операции (арифмометр).

Блеза прозвали «французским Архимедом».

В следующем году он испытал, по его словам, «обращение»: забросил научные изыскания и стал чрезвычайно религиозен, чего раньше не было ни у него, ни в семье. Есть разные версии о том, почему так произошло. На мой взгляд, сказались сильные приступы головной боли, которые мучили его с отрочества. Когда они усилились, а доктора не могли помочь, он стал искать утешения в религии. Ему помогали молитвы – один из действенных методов самовнушения.

Он занялся обращением в религиозную веру своих близких. На старшую сестру, вышедшую замуж, его агитация не подействовала. Но младшая сестра Жаклин – девушка умная и красивая, хорошая актриса, писавшая неплохие стихи, – ушла в монастырь. Отец, который был отчасти вольнодумцем, на склоне лет стал посещать церковь.

В религиозном рвении Блез Паскаль совершил подлый поступок: написал вместе с двумя приятелями донос на лектора, излагавшего свои философские взгляды, порой противоречащие учению церкви. После двух попыток донос возымел действие, лектора призвали в архиепископский совет и заставили отречься от своих взглядов.

«Наука и религия, – писал М.М. Филиппов, – составляли для Паскаля две совершенно различные области. Насколько он был пытлив в вопросах, касавшихся математики и физики, настолько же умел ограничивать свою любознательность в делах веры».

Левое полушарие нашего мозга преимущественно эмоциональное и эстетическое, а правое преимущественно рациональное. Возможно, у Паскаля была аномалия мозга, затруднявшая совместную работу обоих полушарий: то одно, то другое абсолютно доминировало.

В патологических случаях так проявляется раздвоение личности; человек переходит из одного состояния в другое, порой забывая, кем он был раньше. У Паскаля подобный феномен проявлялся в интеллектуальной сфере. Занимаясь изобретением или наукой, он был предельно рассудителен; обращаясь к религиозной вере, «отключался» от рационального познания.

Вероятно, его мучила и рано свела в могилу опухоль мозга. Эта болезнь должна была сказываться на его периодических переходах от активной рациональной умственной деятельности к религиозной вере.

Посты и молитвы через некоторое время довели Блеза Паскаля до нервного расстройства и физической немощи.

«Мой дядя, – вспоминала его племянница, – жил в великом благочестии, которое сообщил всему семейству. Однажды он впал в необыкновенное состояние, бывшее следствием чрезвычайных занятий науками. Мозг его был так утомлён, что с моим дядей приключился род паралича. Он распространился от пояса до самого низа, так что одно время дядя не мог ходить иначе, как на костылях. Его руки и ноги стали холодны, как мрамор, и каждый день приходилось надевать ему носки, смоченные водкой, чтобы сколько-нибудь согреть ноги».

Судя по всему, «род паралича» у Паскаля был вызван не умственным переутомлением и был связан не с головным, а со спинным мозгом, молитвенными поклонами и позами, истощением организма.

По совету врача или по внезапной смене настроения Блез перешёл от благочестия к разгульной светской жизни.

«К величайшему сожалению, – писал Филиппов, – об этой интересной эпохе в жизни Паскаля сохранились самые скудные сведения. Его первые биографы – сестра и племянница – всячески старались набросить покров на события этого времени. Позднее враги Паскаля, очевидно, преувеличивали дело, уверяя, например, что он превратился в страстного игрока и мота, а ездил не иначе, как в карете шестернёй. Эта карета, по всей вероятности, принадлежала вовсе не Паскалю, а его новому другу, герцогу Роанезу, который повсюду возил с собой Паскаля».

Рациональный этап жизни и переключение эмоций на азартные игры подвигли Паскаля на исчисление вероятностей выигрыша при игре в кости. С этого началась новая научная дисциплина – теория вероятностей, которую Паскаль называл «математикой случая».

Другим его увлечением стала физика. Исходя из открытия Торричелли, он решил проверить, как сказывается атмосферное давление на подъём ртути в запаянной трубке, организовав соответствующие опыты на равнине, в горах, высоких строениях. В результате он приближённо определил массу атмосферы и высказал идею измерения высоты местности с помощью барометра. Установил закон распределения давления в жидкости («Закон Паскаля») и принцип действия гидравлического пресса.

В 1651 году умер его отец. У Блеза пробудились религиозные настроения. В поисках утешения писал сестре: «Мы не потеряли отца в момент его смерти; мы потеряли его с той минуты, когда он стал членом церкви: с той минуты он уже принадлежал не нам, а божеству… Не будем смотреть на тело как на вместилище всего скверного, но как на нерушимый и вечный храм. Природа часто искушает нас, наша похоть часто жаждет удовлетворения,

но грех ещё не совершён, если разум отказывается грешить».

Тут странно и вне реальности названо тело (не душа!) нерушимым и вечным храмом. Словно Паскаль, переходя на религиозную тему, отрешался, по крайней мере в данном случае, от здравого смысла, логики.

В то же время он продолжал разрабатывать математические проблемы, относящиеся к теории вероятностей на основе игры в кости. О его светском образе жизни свидетельствует сочинённое им «Рассуждение о любовной страсти» (1652), исполненное оптимизма и эпикурейства. Он полюбил сестру герцога Роанеза Шарлотту, и это сочинение стало своеобразным объяснением в любви. Но тонкие намеки и робкие признания не достигли цели.

Вскоре резко изменилось его психическое состояние. М.М. Филиппов писал: «В один праздничный день (*15 ноября 1654 года. – Р.Б.*) Паскаль катался с друзьями в коляске, запряжённой четверкою лошадей, как вдруг пристяжные закусили удила как раз в ту минуту, когда коляска, ехавшая по мосту, поравнялась с местом, не загороженным перилами. В одно мгновение лошади обрушились в воду, дышло переломилось, и кузов коляски, оторвавшись, остался с седоками на самом краю пропасти.

Этот случай сильно потряс нервную систему Паскаля, и нет ничего невозможного в том, что в течение нескольких недель или даже месяцев он, быть может, страдал бессонницей и галлюцинациями. Аббат Буало утверждает следующее: “Этот великий ум всегда (?) воображал, что видит со своей левой стороны бездну. Он постоянно ставил по левую руку стул, чтобы успокоить самого себя. Его друзья, его исповедник… не раз убеждали его, что бояться нечего, что это не более как призраки воображения, утомлённого отвлечёнными метафизическими размышлениями. Он во всём соглашался с ними и четверть часа спустя опять видел бездонную пропасть, которая его пугала”.

…Если философы XVIII века впадали в крайность, считая Паскаля помешанным, то едва ли правильнее их рассуждают те новейшие писатели, которые отвергают рассказ аббата Буало, якобы оскорбительный для памяти Паскаля, как будто болезненное расстройство есть порок или преступление.

Одно несомненно: так называемое второе “обращение” Паскаля было вызвано не исключительно происшествием с коляской, но целым рядом более глубоких причин. Чересчур напряжённая умственная деятельность, отсутствие всяких семейных радостей и интересов кроме абстрактно-научных, влияние друзей, принадлежавших к секте янсенистов, неудачная любовь и вечные болезни – всё это в связи с прежними

религиозными порывами служит достаточным объяснением окончательного “обращения” Паскаля».

Когда лошади рухнули с моста в реку, Блез Паскаль, сидевший в коляске, увидел слева пропасть и потерял сознание. Столь сильный шок оставил глубокий «шрам» на психике Паскаля.

Это похоже на то, что произошло с Раймундом Луллием. Там была резкая сшибка (по академику И.П. Павлову) сильных чувств – положительного и отрицательного: сексуального влечения и отвращения. Здесь – удовольствие от весёлой прогулки сшиблось со страхом смерти. Такое «короткое замыкание» сильных разнонаправленных эмоций вызывает истерическую реакцию не только у человека, но и у всех высших животных.

На примере Блеза Паскаля можно сделать вывод: *философское отношение к неизбежности смерти не избавляет от страха перед ней.* Этот страх умеют преодолевать люди сильной воли.

Психическая травма стала, как справедливо отмечал М.М. Филиппов, последним сильным ударом судьбы, после которого Паскаль отказался от светской жизни и научных исследований. Через 9 дней после происшествия на мосту поздно ночью Паскаль написал:

«Год благодати 1654.

Понедельник 23 ноября, день св. Климента, папы и мученика, и других в месяцеслове.

Канун св. Хризогона мученика и других.

От приблизительно десяти с половиною часов вечера до приблизительно полуночи с половиною.

Огонь.

Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова,

Не философов и учёных.

Достоверность. Достоверность. Чувство. Радость. Мир.

Бог Иисуса Христа.

“Бога Моего и Бога Вашего”.

Твой Бог будет моим Богом —

Забвение мира и всего кроме Бога:

Он обретается только на путях, указанных в Евангелии.

Величие души человеческой.

Отец праведный, мир не познал Тебя, но я Тебя познал.

Радость, радость, радость, слезы радости.

Разлучился я с Ним

“Оставили Меня, источник воды живой”.

Бог Мой, неужели Ты покинешь меня?

Да не разлучусь я с Ним вовеки.

Это есть жизнь вечная, да познают они Тебя, единого

истинного Бога, и что Ты послал И. Х.

Иисус Христос.

Я разлучился с Ним; от Него я бежал, отрекся, от распятого.

Да не разлучусь я с ним никогда. Он сохраняется только на путях, указанных в Евангелии.

Всецелостное и сладкое отречение.

Всецелостное подчинение Иисусу Христу и моему руководителю.

Навеки в радости за день подвига на земле

“Да не забуду слов Твоих». Аминь”».

Эту записку он переписал на пергамент и зашил в подкладку своего камзола. Она была обнаружена после его смерти и получила название «Амулет Паскаля». На первый взгляд, это похоже на бред. Переведя этот текст, философ, учёный, богослов, священник П.А. Флоренский комментировал каждую фразу, восстанавливая мысли автора.

В любом случае это была краткая памятка самому себе, а вовсе не признак безумия. По словам П.А. Флоренского: «Таким образом, “амулет” Паскаля – как бы программа религиозно-философской системы, – целый круг мыслей, с необычайной быстротой пронёсшихся пред сознанием Паскаля, в озарении, длившемся около двух часов».

Никаких признаков безумия у Паскаля не было. Это доказывают его поведение и его сочинения. После отказа от светской жизни он поселился в аббатстве Пор-Рояль (не становясь монахом), где написал «Письма провинциала», направленные против иезуитов, – одно из лучших французских сатирических произведений XVIII века.

Он задумал капитальный труд «Апология христианской религии», но написал лишь отдельные фрагменты. То же относится к его разрозненным высказываниям о жизни, Боге, человеке, познании, изданным благодаря стараниям друзей и родных в 1670 году под заглавием «Мысли».

Разрозненность заметок Паскаля (позже так было у Ницше) может показаться симптомом «рваной мысли», свойственной шизофреникам. (Ныне дробность, мозаичность сознания, воспитывает «телевизионно-компьютерная цивилизация.) Однако надо иметь в виду, что он часто делал записи урывками, между приступами сильной головной боли и других болезней.

При всей глубине своих философских прозрений Паскаль отдавал дань времени, используя логику расчётливого торговца.

Говоря о достоинствах теизма и атеизма, он решил, что верить в Бога выгоднее, чем отрицать его бытие: ведь если Бога нет, то не важно, как ты относишься к этому образу, но если Он есть, то неверующий явно проигрывает.

Восхищаясь универсальным гением Паскаля, приходится помнить, что проявлялся он в виде ярких вспышек творчества – то в одной, то в другой области познания. Характерный пример – его «Мысли». Они показывают великолепное мастерство Паскаля, умевшего высказываться кратко, точно, умно и образно.

Он проявил незаурядное мужество мыслителя, продолжая интеллектуальную работу, несмотря на то что его терзали болезни. Пожалуй, эта работа и вера в Бога помогали ему преодолевать испытание страданием. В 1659 году он написал «Мольбу к Богу об обращении во благо болезней». Вот некоторые фрагменты из неё:

«Господи… ты даровал мне здоровье на служение Тебе, а я истратил его для суетных целей. Теперь Ты посылаешь мне болезнь, чтобы исправить меня: не допусти же меня прогневать Тебя моим нетерпением. Я злоупотребил своим здоровьем, и Ты справедливо покарал меня. Помоги мне извлечь должную пользу из Твоего наказания… Если сердце моё было полно привязанности к миру, пока в нём была некоторая сила, – уничтожь эту силу для моего спасения и сделай меня неспособным наслаждаться миром: ослабив ли моё тело или возбудив во мне пыл любви к ближним, чтобы наслаждаться мне одним Тобою… Отверзи сердце моё, Господи, войди в это мятежное место, занятое пороками. Они держат его в своей власти. Войди в него, как в жилище укрепившегося; но свяжи сначала крепкого и сильного врага, который им владеет, и тогда возьми лежащие в нем сокровища… Да пожелаю отныне здоровья и жизни только для того, чтобы пользоваться ими и окончить её для Тебя, с Тобою и в Тебе».

Его смирение удивляет, а покаяние вызывает недоумение: какие такие пороки были ему свойственны? Даже назвать трудно. Многие люди грешат злостно, постоянно, а если покаются, то или под угрозой возмездия за содеянное, или лицемерно, чтобы грешить дальше. Несмотря на раннюю славу и удары судьбы, Паскаль оставался скромным, наивным и немногословным, совестливым.

Здоровье его ухудшалось. Он уже не мог работать систематически. Временами не мог ничего глотать, страдал от приступов сильных головных болей, едва передвигался. Стала давать сбои память. Его запись: «Мысль ускользнула от меня. Я

хотел её записать, а вместо того пишу, что она от меня ускользнула».

Он и сам усугублял свои болезни: скудно питался, строго постился, носил на своём теле пояс, усеянный гвоздями, для умерщвления плоти. Не заботясь о себе, он старался, как мог, помогать бедным.

По его предложению в Париже в 1662 году был организован первый дешёвый общественный транспорт: многоместные «кареты по пять су», как их называли сначала (позже – омнибусами).

Из многих афоризмов Паскаля вспомним лишь некоторые. Он верно подметил: «Для человека, который любит только себя, самое нетерпимое – оставаться наедине с собой». В наше время огромное число людей по этой причине и по скудности своего внутреннего мира тратят время жизни на развлечения (помогают электронные средства) – отвлечения от самих себя.

По мнению Паскаля: «Нет ничего постыднее, как быть бесполезным для общества и для самого себя и обладать умом для того, чтобы ничего не делать». И такое постыдное существование свойственно слишком многим.

Вера в Бога не избавила его от сомнений и навела на мудрую мысль: «Непостижимо, что Бог есть, непостижимо, что его нет; что у нас есть душа, что её нет; что мир сотворён, что он нерукотворен».

Наконец, ещё одно его замечание, не теряющее актуальности: «Горе людям, не знающим смысла своей жизни». Относится это и ко всему человечеству.

Впрочем, некоторые его мысли спорны. Например: «Весь род людской в течение всех веков должно рассматривать как одного и того же человека, который всегда существует и беспрерывно научается».

Человечество едино формально, при резкой разнородности (поэтому и бывают войны) и не напоминает человека. Его раздирают конфликты; происходят постоянные сшибки противоречивых интересов государств, народов, социальных групп. Человек с такими патологиями считается тяжело больным физически и духовно.

А чему научается человечество? Оно создаёт всё более могучую, разнообразную, изощрённую технику. Это так. Накапливает научные знания. Но как люди пользуются тем и другим? С какими целями и результатами? Почему ошибки одних поколений повторяют, а то и усугубляют последующие?

Научились ли люди использовать на благо себе и земной природе, для полноты счастья бесценные сокровища, которые оставили гении всех времён и разных народов?! Одно то, что

приоритет имеет техника разрушения и убийств, заставляет задуматься всерьёз и надолго…

Замечательное качество Паскаля, свойственное только выдающимся мыслителям, – постановка важных проблем, обсуждение которых плодотворно. Он достиг многого за недолгую жизнь, ибо был честен и устремлён к поискам истины.

Никола Тесла (1856–1943)

В конце июня 1908 года ночное небо над Сибирью прорезала огненная полоса. Прогремел чудовищный взрыв. Явление назвали Тунгусским метеоритом. Его природа не выяснена окончательно. Появилась версия: это изобретатель Никола Тесла (Марк Твен назвал его «повелителем молний») провёл опыт беспроводной передачи энергии.

Годом раньше Тесла сообщил репортёрам, что своим «усиливающим передатчиком» он «направил ток в сотню ампер вокруг земного шара». Для этого у него была башня Уорденклиф на острове Лонг-Айленд в устье реки Гудзон (штат Нью-Йорк).

Из Интернета: «Взрыв над Тунгуской мог стать результатом ещё одной серии масштабных и рискованных экспериментов – Никола Тесла неоднократно прокламировал способность “передающей башни” влиять на погодные условия, и даже на всю климатическую картину мира, посредством зарядов, отправляемых его передатчиком в ионосферу Земли».

Откуда взялась энергия? Говорят, использовались возможности земной атмосферы или всего земного шара. А возможно, он добывал энергию, по его словам, из мирового эфира. Этот же неисчерпаемый океан энергии он использовал и в уникальном электромобиле (тесломобиле? эфиромобиле?), который создал, опробовал и уничтожил…

Никола Тесла говорил, что своим прибором – тесласкопом – ему, возможно, удалось уловить сигналы марсиан.

С его именем связывают «Филадельфийский эксперимент»: на испытаниях системы защиты от радара эсминец США «Элдридж» как в воду канул… Телепортация! Корабль возник в сотнях километров от этого места.

Материализовавшись, команда судна пребывала в прострации. Пять из них были «вплавлены» в обшивку корабля. Часть уцелевших обезумела; их изолировали в секретных психушках. Двое воспламенились и сгорели. Один на глазах жены и детей прошёл сквозь стену и сгинул без следа…

Подобные чудеса Теслы описаны в нескольких книгах и многих статьях, обсуждаются в Интернете. Десятки миллионов телезрителей узнали о них в ряде сюжетов; телепортации корабля с экипажем на борту посвящены два американских фильма.

В статье С. Калёнкина (журнал «Смена», 2007, № 6) сказано: «Посетители Всемирной выставки 1893 года в Чикаго, и вовсе очумев, с потрясением наблюдали за чудесами кудесника с необычной фамилией, пропускавшего через себя ток

напряжением в два миллиона вольт. От него должна была бы остаться только пепельная пыль. А Тесла, как ни в чём не бывало, улыбаясь, держал в руках ярко горящие электролампы.

Те, кому довелось видеть тогда творящееся в лаборатории Теслы, с ужасом вспоминали, как тот нарочито жонглировал в воздухе светящимися сгустками энергии – шаровыми молниями – и тут же упаковывал их в чемодан.

Как-то Тесла прикрепил некий хитрый приборчик к железной балке на чердаке здания, где размещалась его временная лаборатория. После его запуска начали вибрировать стены окружающих домов. Народ в панике хлынул на улицу. К дому Теслы немедленно примчались журналисты, полиция. Но он якобы успел уничтожить свой хитрый вибратор».

Многие рассказы о «хитрых приборах» и странных вибраторах Николы журналисты завершают таким образом. Как говорится, на нет и суда нет.

Впрочем, есть мнение, что Тесла в начале XX века немного тронулся рассудком, а потому говорил порой всякую чепуху. Действительно, немало историй, которые рассказывают о нём, заставляют вспомнить бессмертного барона Мюнхгаузена.

К Тунгусскому метеориту Тесла не мог иметь отношения, ибо завершил свои эксперименты на башне Уорденклиф за три года до этой природной катастрофы.

Телепортация эсминца – газетная утка. При испытаниях по защите от магнитных мин и обнаружения радарами корабли США оснащали разной аппаратурой, включая, возможно, трансформаторы Теслы. Но вряд ли моряки, даже приняв изрядную дозу хмельного в приморских барах, додумались о телепортации. Автор этого мифа – Карл М. Аллен – в письмах родным с гордостью признавался, что сам сочинил эту историю.

Критики «теслианских мифов» называют Карла М. Аллена душевно больным. Вряд ли он был безумнее искателей снежного человека и земных баз космических засланцев, верящих в колдунов, экстрасенсов и прочих чумаков. Журналисты вместо распространения научно-технические знаний под видом чудес науки и техники нередко преподносят полную чушь.

Надежды на передачу без проводов энергии были популярны в начале XX века. В нашей стране её лелеял популяризатор науки М.М. Филиппов, погибший при невыясненных обстоятельствах. Эти идеи не оправдались. Передача информации звуковыми или электромагнитными волнами не требует больших энергетических затрат. Совершенно другая ситуация с передачей крупных энергетических мощностей.

Вспышку крупной порции энергии демонстрирует молния. Но

для её появления должна возникнуть большая разность потенциалов между нижней частью облака, заряженной отрицательно, и поверхностью земли с положительным зарядом, при участии электризованных частиц пыли, водяного пара, спор и пыльцы растений.

Почему Тесла надеялся на передачу энергии без проводов? Он верил в существование мирового эфира, насыщенного энергией, на которую можно воздействовать с помощью электромагнитных волн, вызывая резонанс и усиление первичных импульсов.

Мифы о телепортации крейсера и рукотворном Тунгусском явлении придумал не Тесла. Он и в старости обладал более ясным умом и твёрдой памятью, чем те, кто верит в такие глупости.

Профессиональные лгуны сдабривают порцию правды толикой лжи. Когда речь идёт о научных сенсациях, принято ссылаться на вести с переднего края науки, на мнения авторитетных учёных, а на худой конец, просто на неких исследователей из того или иного научного центра. Теперь этими приёмами явно злоупотребляют.

Мифологизация Николы Теслы – работа охотников за сенсациями. Эти люди готовы лгать ради саморекламы и гонораров. А выдвигают они не «безумные идеи» (так Нильс Бор называл неожиданные оригинальные гипотезы), а откровенно глупые.

То, что в середине прошлого века считалось глупостью, бредом душевнобольных, занятной мистификацией или наглой ложью, в начале XXI века воспринимается массовой публикой как откровение.

Нетрудно понять чувства людей на заре века электричества при виде таких чудес техники. То было время становления веры в необыкновенные возможности научного и технического прогресса. Научно-фантастические романы с предвидением грядущих достижений цивилизации пользовались огромным успехом.

Мог ли Никола Тесла создавать шаровые молнии. Нет. Загорались в его руках электролампы? Да. Своё тело он использовал как проводник электрического тока.

Он смело и даже отчаянно проводил такие опыты на себе, когда ещё не было известно, чем это может грозить человеку. Выяснилось, что токи высокой частоты не проникают внутрь тела, а проходят по его поверхности.

Все реальные, а не выдуманные фокусы Теслы с

электричеством можно повторить в неплохо оборудованном физическом кабинете.

Не исключено, что ему нравилось играть иногда роль пророка века техники. Шум вокруг его имени был неплохой рекламой, а он нуждался в средствах для своих исследований и безбедной жизни.

Знаменитый изобретатель содействовал тому, чтобы вокруг его имени слагались легенды. Таков обычный приём рекламы. Тесла был заинтересован в них, особенно в тех случаях, когда желаемые результаты не были достигнуты, а требовалось получить средства для дальнейших усовершенствований или изобретений.

Значит, восторги, с которыми о нём пишут большинство журналистов и писателей, надуманы и ложны, а он был не безумным фантазёром, а мистификатором?

Но тогда почему научная общественность отмечает юбилейные дни памяти Николы Теслы? Почему его имя красуется на Стене почёта Страсбургского физического института наравне с именами Лапласа, Планка, Бора, Эйнштейна, Резерфорда?

Нобелевский лауреат датский физик Нильс Бор в июле 1956 года сделал доклад «Работы Николы Теслы и развитие современной физики», назвав подвигом жизнь великого изобретателя. Международная электротехническая комиссия присвоила единице магнитной индукции в системе МКА название «тесла». Американский институт электроинженеров установил в качестве высшей награды за заслуги в области электротехники медаль Теслы.

За последнее время появились статьи (сошлюсь на Интернет), в которых высоко оцениваются его теоретические взгляды. Пишут:

«Совершенно необъясним источник знаний Теслы о неизвестных и никем не исследованных явлениях. Слова – гениальная интуиция, озарение – ровным счётом ничего не объясняют. Ведь спектр открытий Теслы чрезвычайно широк. Как он рассчитывал и выбирал параметры своих установок, не имевших и не имеющих до сих пор аналогов и дававших столь удивительные эффекты?

Не находя никакого другого объяснения, некоторые исследователи считают, что свои технические и научные откровения он получал, пребывая в изменённых состояниях сознания, позволявших черпать информацию из единого информационного поля Земли. Далеко не случаен непреходящий, глубокий интерес Теслы к “тонкому миру”, миру эфира, одним из первооткрывателей которого он и был. Там распространялись радиоволны его устройств, оттуда он принимал не слышимые

ранее никем сигналы».

Первооткрывателем мирового эфира Тесла быть не мог. Эта идея вошла в науку задолго до его рождения. Называть мировой эфир (вакуум) «тонким» можно лишь с иронией. Световые волны распространяются в плотной упругой среде, которую Тесла представлял в виде океана энергии, стремясь его освоить.

В изменённом состоянии сознания (ИСС) пребывают наркоманы, шизофреники, алкоголики, психопаты. Они не делают научных открытий и оригинальных изобретений. Эффекты ИСС изучались на многочисленных опытах. Выяснилось немало интересного, у испытуемых возникали красочные видения, но интеллектуальных озарений не происходило.

Некоторые люди способны, медитируя, вводить себя в ИСС. Но если даже Тесла после знакомства с йогом Свами Вивиканандой и овладел техникой медитации, для научно-технического творчества это не могло иметь никакого значения.

Есть большая разница в том, что испытывает человек в таком состоянии (ему может казаться, что он постиг некие высшие истины), и в том, какие получены объективные результаты. Иные поэты и художники признавались, что им помогали бредовые видения. Но изобретатель и учёный должны иметь ясный ум, надёжные знания и культуру мышления, основанную на логике.

Ссылка на «единое информационное поле Земли» не имеет смысла. Геологи черпают сведения о далёком прошлом Биосферы, изучая горные породы, в которых содержится неизбывный кладезь информации о прошлом Земли и Жизни. Но это совсем не то, что подразумевают фантазёры под мифическим «информационным полем».

Источником интересных и полезных сведений (информации в самом общем смысле) может быть любой объект – от элементарной частицы до далёкой звезды. При чём тут единое информационное поле? Что это такое? И как оно может подсказать человеку техническую или научную идею?

Вспышка популярности Николы Теслы в XXI веке демонстрирует силу внушения СМРАП (средств массовой рекламы, агитации, пропаганды). Достаточно выпустить в прокат фантастические художественные, научно-популярные кино– и телефильмы, чтобы публика поверила в чудеса, которые творил Тесла.

Он верил в великие возможности технического прогресса и был, можно сказать, одним из апостолов этой веры. Беда лишь в том, что развитие техники вовсе не означает соответственного развития интеллекта и нравственности человека, общества. Как

бы не наоборот…

Техника достигла поистине небывалых успехов на земле и в космосе, в сфере информатики. Это воспринимает как должное масса более или менее образованных потребителей. Однако любознательность, интерес к науке и технике пробуждается у немногих читателей, зрителей, слушателей. Подавляющее большинство легко поглощает и переваривает сомнительные, а то и нелепые сенсации, не обогащаясь знаниями.

Что-то тревожное происходит с глобальной цивилизацией и с людьми в современную эру техники.

В жизни Николы Теслы были события не вполне ординарные.

Родился он в сербском селе Смиляны, расположенном среди гор и лесов недалеко от города Госпич. Его отец Милутин был православным священником; мать Георгина была дочерью священника.

Отец Николы обладал отличной памятью и эрудицией, был остроумен, писал кратко и ясно. По воспоминаниям сына, «у него была странная привычка разговаривать с самим собой, он часто вёл оживлённые беседы на разные голоса и предавался жарким спорам. Случайный слушатель мог бы поклясться, что в комнате при этом находилось несколько людей».

Сильное потрясение испытал Никола, когда на его глазах старшего брата сбросила лошадь, он ударился о камень и вскоре умер. «До восьми лет, – вспоминал Никола Тесла, – я отличался слабым и нерешительным характером… Меня угнетали мысли о страданиях жизни, смерти и религиозный страх. Мной управляли суеверия, и я жил в постоянной боязни злых духов, привидений, великанов-людоедов и других чудовищ тёмного мира. Затем совершенно внезапно произошло потрясающее изменение, которое направило течение всей моей жизни по другому руслу.

Больше всего я любил книги… Однажды я натолкнулся на сербский перевод романа “Сын Абы”, автором которого был Джосика, известный венгерский писатель. Это произведение разбудило мои дремлющие волевые качества, и я стал учиться самоконтролю… После нескольких лет тренировок я добился такой полной власти над собой, что играючи справлялся со страстями, которые и для самых сильных людей означали погибель».

В молодости он преодолел свою страсть к азартным играм в карты, бросил курить, прекратил пить кофе. А в отрочестве проявил силу воли, сломив сопротивление отца, желавшего отдать его в семинарию.

В 1870 году Никола Тесла поступил в Высшее реальное

училище в городе Карловац (Карлштадте). «В годы отрочества, – вспоминал он, – я страдал от необычных видений, зачастую являвшихся мне в сопровождении ярких вспышек света, которые искажали вид реальных предметов и мешали думать и творить. Это были изображения предметов и сцены, которые я видел как наяву, хотя впоследствии мне никогда их больше наблюдать не приходилось».

Можно предположить, что происходило нечто подобное снам наяву. То же происходит после приёма некоторых наркотиков.

Отличная память и яркое воображение позволяли ему совершать мысленные путешествия: «Еженощно (а иногда и днём), когда я был один, отправлялся в свои путешествия: видел новые места, города и страны, жил там, знакомился с людьми, заводил друзей и знакомых, и хотя невероятно, но это факт: они были мне так же дороги, как и те, кто был в реальной жизни, и ни на йоту не менее яркими в своих проявлениях.

Этим я постоянно занимался лет до семнадцати, когда мои мысли серьёзно настроились на изобретательство. Тогда, к своему удовольствию, увидел, что с величайшей лёгкостью мог видеть внутренним зрением. Мне не нужны были модели, чертежи или опыты. Я мог столь же реально представлять всё это в мыслях».

Начальное инженерное образование Никола получил в Высшей технической школе в городе Граце. В физической лаборатории профессора Якова Пешля он узнал, как действует новейшая электрическая машина Грамма. В ней переменный ток для производства работы переводился в постоянный. Тесла решил, что разумнее сделать так, чтобы использовать переменный ток без преобразования в постоянный. Профессор счёл это глупой затеей, подобной созданию вечного двигателя.

Судя по всему, юный студент в то время азартно играл в карты и в бильярд, порой проигрывая крупные суммы. Он не раз обращался за материальной помощью в благотворительную сербскую организацию, но получал отказ (по-видимому, там знали, что семья его не была бедной). В 1878 году Никола Тесла покинул это учебное заведение, возможно, не по своей воле: то ли из-за неоплаченного обучения, проиграв деньги, то ли за пристрастие к азартным играм. Он уехал в город Марбург (Марибор), где стал работать техником.

В апреле 1879 года умер его отец. Благодаря финансовой помощи двух своих дядей, Петара и Павла Мандич, он в начале 1880 года поступил на философский факультет Пражского Карлова университета. Однако и это учебное заведение Тесла покинул, проучившись лишь год. Для того чтобы стать талантливым изобретателем, этого ему хватило.

Тем временем в Будапеште началась телефонизация. Друг Иосипа Теслы занимал крупный пост в Венгерской правительственной телеграфной компании, которая устанавливала телефонную сеть в Будапеште. Николу Тесла приняли в эту организацию. Вскоре с ним произошло нечто необычайное. «Я перенёс полное расстройство нервной системы, – писал он. – То, что довелось испытать во время этой болезни, превосходит всё, чему можно верить…

В Будапеште я мог слышать тиканье часов, находившихся за три комнаты от меня. Муха, садившаяся на стол в комнате, порождала в моём ухе глухой звук, напоминавший падение тяжёлого тела. Экипаж, проезжавший на расстоянии нескольких миль, вызывал весьма ощутимую дрожь во всём моём теле. Свисток локомотива в двадцати или тридцати милях заставлял так сильно вибрировать стул или скамью, где я сидел, что боль была невыносимой. Земля под моими ногами постоянно сотрясалась. Мне приходилось ставить кровать на резиновые подушки, чтобы хоть какое-то время отдохнуть… Мне приходилось собирать всю силу воли, чтобы пройти под мостом или другой конструкцией, так как я чувствовал убийственное давление на череп…

Знаменитый врач, ежедневно дававший мне большие дозы бромида калия, назвал мою болезнь единственной в своём роде и неизлечимой… Сильное желание жить и продолжать работу, а также помощь преданного друга и сильного человека сотворили чудо. Ко мне вернулось здоровье, а с ним и сила мысли».

Никола Тесла любил намекать, что его организм не похож на другие, а потому и болезни особенные, ставящие в тупик лучших врачей. Конечно же психозы у людей могут принимать разные индивидуальные формы, и Никола мог испытывать психическое расстройство. Выскажу предположение без серьёзного обоснования: у него могла быть «ломка» в связи с тем, что он перестал употреблять кофе и, возможно, какой-то наркотик.

В начале 1882 года он преодолел свой духовный недуг и стал думать о создании электродвигателя переменного тока. Озарение пришло неожиданно (он обычно описывал это как ослепительную вспышку света в мозгу):

«В один из дней… я наслаждался прогулкой с другом в городском парке, читал стихи. В том возрасте знал наизусть целые книги слово в слово. Одной из них был «Фауст» Гёте. Солнце садилось, и это напомнило мне великолепные строки (*перевод Б. Пастернака*):

Взгляни: уж солнце стало озарять

Сады и хижины прощальными лучами.
Оно заходит там, скрывается вдали
И пробуждает жизнь иного края.
О, дайте крылья мне, чтоб улететь с земли
И мчаться вслед за ним, в пути не уставая!
…Прекрасная мечта! Но день уже погас.
Увы, лишь дух парит, от тела отрешаясь, —
Нельзя нам воспарить телесными крылами!

Когда я произнёс эти вдохновенные слова, мысль как вспышка молнии поразила меня, и через мгновение открылась истина. Тростью на песке начертил схемы… и мой спутник превосходно меня понял. Образы, увиденные мной, были удивительно отчётливы и понятны».

Ни одно открытие не возникает по наитию, без длительных размышлений и ясного представления о стоящей перед изобретателем задачи, без предварительной серьёзной работы. Никола Тесла, зная легенды и о ванне Архимеда, и о яблоке Ньютона, мог вольно или невольно поставить в этот ряд и своё внезапное озарение под влиянием поэтических образов.

Его идея оказалась плодотворной. Он стал разрабатывать конструкции электродвигателей переменного тока на основе принципа вращающегося магнитного поля. Но пока они существовали по большей части в его голове или в виде набросков на бумаге.

На службе у него тоже дело спорилось: «Я улучшил работу нескольких аппаратов центральной станции и усовершенствовал телефонный повторитель или усилитель, никем не запатентованный и нигде не описанный; пожалуй, эта работа и сегодня сделала бы мне честь. Моя квалификация была признана: руководитель предприятия г-н Пушкаш, завершив свои дела в Будапеште, предложил мне должность в Париже, на что я с радостью согласился».

Никола Тесла стал работать в Континентальной компании Эдисона как инженер-электрик по монтажу электроустановок, которые строились в разных городах Центральной Европы. Наибольшее впечатление на американцев произвело виртуозное умение Теслы… играть в бильярд. Вдобавок он изучил электрогенераторы и электродвигатели постоянного тока, умело их ремонтировал и вносил усовершенствования.

Завершилось строительство электростанции Страсбургского вокзала весной 1884 года. В Париже ему не выплатили награду, обещанную за успешно выполненное задание и за

усовершенствования машин Эдисона. Тесла ушёл из компании, решив попытать счастья за океаном.

Он писал, что прибыл в США, «имея при себе остатки имущества, несколько стихотворений и статей, написанных мной, пакет с вычислениями неберущегося интеграла и с моим летательным аппаратом». После Парижа Нью-Йорк показался ему «механическим, грубым и непривлекательным». С годами, однако, его мнение изменилось, и он «пришёл к убеждению, что Америка более чем на сто лет опережает Европу».

У него было рекомендательное письмо к Эдисону. Вскоре молодой инженер смог завоевать доверие знаменитого изобретателя. На пароходе, где электрическое освещение выполнила группа Эдисона, вышли из строя оба генератора. Они находились в трюме, и добраться к ним было непросто.

Вечером Тесла, захватив инструменты и приборы, отправился на судно. Он был худ, высок и длиннорук. С помощью команды судна он за ночь исправил все неполадки. С этих пор он приобрёл авторитет как инженер, продолжая работать с огромным энтузиазмом. Как он писал, его рабочий день начинался в 10.30 утра и длился до 5 часов утра следующего дня. Спал урывками здесь же в мастерской.

В апреле 1887 года Тесла познакомился с инженером Брауном, который, оценив достоинства его дуговой лампы, вместе со своими знакомыми учредил акционерное общество. У Теслы появилась своя лаборатория, где можно было создавать модели электродвигателей. Осенью 1887 года он подал заявку на два патента, описав свои системы передачи энергии с помощью электродвигателей переменного многофазного тока. 1 мая 1888 года ему выдали патенты №№ 381968 и 382280.

Акционерному обществу Теслы и Брауна удалось получить заказ на освещение улиц и площадей в нескольких городах США дуговыми лампами, патент на которые получил Тесла. 16 мая 1888 года он прочёл лекцию в Американском институте электроинженеров «Новый принцип устройства двигателей и трансформаторов переменного тока» (её перепечатали электротехнические журналы разных стран). Это был звёздный час сербского изобретателя.

Изобретения Теслы всерьёз заинтересовали Джорджа Вестингауза – инженера и промышленника. Известность и крупный капитал он приобрёл как изобретатель пневматического железнодорожного тормоза, организовав компанию по их производству. Его компания стала выпускать электрооборудование постоянного тока. Она владела многими заводами с центром в городе Питсбурге и первой в США наладила

производство моторов и оборудования переменного тока. Однако их можно было использовать только для питания осветительных ламп.

Спрос на использование переменного тока резко возрастал в вечерние часы. А днём основным потребителем электроэнергии были промышленные предприятия, работавшие на постоянном токе. Вестингауз сообразил, что надо использовать экономичные электродвигатели на переменном токе. Летом 1888 года он выплатил Тесле миллион долларов за все его патенты по этой теме.

Постоянный ток быстро сдавал свои позиции. Фирма Г. Вестингауза получила контракт на электрооборудование Всемирной электрической выставки в Чикаго (1893 год). Демонстрировались, в частности, системы двухфазного и трёхфазного тока.

На своём стенде Тесла показал решение проблемы устойчивости яйца, поставленного на острие. Как известно, Колумб решил задачу, разбив острый конец. Решение Теслы было иное. Медное яйцо лежало на металлическом диске в зоне действия вращающегося магнитного поля. Когда включался ток, яйцо начинало крутиться и, встав на острый конец, двигалось по диску.

Выставка посвящалась 300-летию открытия Нового Света Колумбом. Нельзя не отдать должное остроумию Теслы и его умению поразить воображение публики.

Он начал изучать токи высокой частоты (более 100 тысяч периодов в секунду). Для этого сконструировал в 1891 году прибор, который считал высшим своим достижением: «усиливающий передатчик». Его называют резонансным трансформатором (катушкой) Теслы, используя для получения токов высокой частоты и высокого напряжения.

В отличие от обычного трансформатора, здесь работают два колебательных контура, настроенные на одну резонансную частоту. Это позволяет добиваться высоких и сверхвысоких частот и напряжений.

Эксперименты Теслы были оригинальны и опасны. Он первым работал с такими токами. В поисках способа изоляции для катушек сверхвысокого напряжения он изучил соответствующую литературу и решил погружать трансформатор в масло минеральное, парафиновое или льняное.

В 1893 году без защиты диссертации Никола Тесла, не закончивший официально высшего образования, получил докторскую степень сначала от Колумбийского колледжа, а затем от Йельского университета.

…Теслу упрекали в пропаганде сомнительных идей и в организации «электрошоу», рассчитанных на внешние эффекты и восхищение публики. Демонстрируя успехи науки и техники, он заодно привлекал внимание спонсоров к своим изобретениям.

У коллег вызывало сомнение его упорное желание осуществить передачу энергии без проводов. Он был обеспечен материально, имея возможность безбедно прожить оставшиеся годы. Но существовать как сытое домашнее животное в комфортной среде он не мог.

«Достигнув материальной обеспеченности, – писал о Тесле советский историк науки Б.Н. Ржонсницкий, – он все так же работал круглыми сутками, уделяя сну не более четырех-пяти часов. О лаборатории Теслы никто не знал ничего достоверного, из ассистентов учёного нельзя было вытянуть ни одного лишнего слова о подробностях ведущихся исследований. Прислуга отелей также немного могла рассказать о жизни Теслы, занимавшего обычно один из лучших номеров в верхних этажах, с окнами, выходящими на шумные улицы города. Никому из обслуживающего персонала не разрешалось входить в его номер без особого вызова.

Высокий, стройный, с иссиня-черными волосами, одетый со вкусом, в цилиндре и серых замшевых перчатках, с неизменной тростью в руке, он появляется всегда в одно и то же время в обеденном зале отеля “Дельмонико”, самого фешенебельного в Нью-Йорке.

Обедал он всегда один, за одним и тем же столом, скрытым от взоров других посетителей. Приготовление обеда по особому, им самим составленному меню, сервировка стола и наблюдение за питанием Теслы более двадцати лет было обязанностью одного и того же метрдотеля. Нередко Тесла сам изобретал для себя блюда…

Одно время Тесла стал приглашать своих близких друзей и хороших знакомых на обеды в отеле “Уолдорф-Астория”. На этих обедах, изысканных и полных искрящегося веселья, бывали выдающиеся деятели литературы, искусства, науки. Тесла стал центром, вокруг которого группировались люди самых различных направлений и интересов…

Но эти обеды не были прихотью сноба. Почти каждый из них заканчивался поездкой в лабораторию, на Пятую авеню, где учёный в доступной форме рассказывал о своих экспериментах, их значении для науки и, главное, для будущего промышленного использования. Всегда и во всем первой его мыслью было обратить свои открытия на благо человечества».

На мой взгляд, стремление облагодетельствовать

человечество не было его первой мыслью. Он был энтузиастом изобретений. Ему нравились исследования, увлекала работа, обуревали идеи, порой фантастические.

Тесла надеялся, что «есть возможность получения энергии не только в виде света, движущей силы и энергии любого другого вида в каком-то другом виде из окружающей среды». Что он имел в виду?

«Мы вращаемся в бесконечном пространстве с невообразимой скоростью, всё вокруг нас вращается, всё движется, везде есть энергия. Должен быть способ получать эту энергию напрямую. Тогда, получив свет из окружающей среды, получив от него энергию, когда любой тип энергии добывается без усилий из источника неисчерпаемого, человечество пойдет вперед семимильными шагами. Одна только мысль об этих замечательных возможностях расширяет наше сознание, укрепляет надежду и наполняет сердца высшим ликованием».

По-видимому, он предполагал найти способ извлекать энергию из космической среды, эфира. Теоретических предпосылок у него не было. На что он рассчитывал? Непонятно.

14 марта 1895 года газета «Нью-Йорк Сан» сообщила: «Уничтожение мастерской Теслы на Западном Бродвее со всем её удивительным содержимым – несчастье для всего мира».

Вот версия писателя Олега Арсенова (Фейгина): «В ночь с 12 на 13 марта 1895 года ветер с Атлантики принёс густой туман, окутавший серыми пластами район Западного Бродвея Нью-Йорка. В предрассветное время к зданию лаборатории знаменитого изобретателя Николы Теслы на Пятой авеню проскользнули три тёмные тени в плащах и глубоко надвинутых шляпах. Один из незнакомцев воровато оглянулся и негромко постучал в окошко привратника у входной двери. В ту же минуту дверь приоткрылась, и пришедшие проскользнули внутрь. Прошло не более четверти часа, и все они снова растворились в ночи, причём каждый нёс по два вместительных дорожных кофра. Спустя некоторое время вдали зацокали лошадиные копыта, а на крыльцо лаборатории с довольной ухмылкой вышел сторож, всё время непроизвольно поглаживая внутренний карман пальто, туго набитый банкнотами. Отойдя на некоторое расстояние от здания, сторож стал внимательно наблюдать, как в окнах второго этажа разгораются багровые отблески внутреннего пламени. Прождав ещё с полчаса, пока пожар не охватил весь этаж, охранник достал из кармана большой бронзовый свисток на цепочке, издал им несколько пронзительных трелей и истошно заголосил:

– Пожар, пожар, горим!

Так с помощью нанятых гангстеров нанёс подлый удар своему вечному сопернику деляческий “символ американской предприимчивости”, вор и плагиатор Томас Алва Эдисон (Tomas Alva Edison). Он прекрасно понимал, что одного пожара будет мало для полного устранения конкурента, поэтому поручил поджигателям собрать как можно больше документов и лабораторных записей. К глубокому сожалению заказчика преступления, малограмотные бандиты выгребли из ящиков конторки совершенно ненужные хозяйственные и бухгалтерские бумаги, так и не добравшись до небольшого кабинета изобретателя на третьем этаже, где он хранил весь свой архив проектов и изобретений. Не учёл “король изобретателей” и феноменальной памяти Николы Теслы, сохранившей многие замечательные открытия, сделанные им в последние годы».

Это красочное описание с литературными штампами не убеждает. Нельзя исключить конкурентной борьбы, но никакого конфликта, доходящего до «криминальных разборок» между двумя выдающимися изобретателями не было.

Вот что сказал Никола Тесла в одном из интервью:

«В моей лаборатории были уничтожены следующие самые последние достижения в области электрических явлений. Это, во-первых, механический осциллятор; во-вторых, новый метод электрического освещения; в-третьих, новый метод беспроволочной передачи сообщений на далёкие расстояния и, в-четвёртых, метод исследования самой природы электричества. Каждая из этих работ, а также многие другие, конечно, могут быть восстановлены, и я приложу все мои усилия, чтобы это восстановить в новой лаборатории… Безвозвратно погибло лишь то, что имело для меня личную ценность».

Друзья и некоторые организации оказали ему материальную помощь. Вскоре он оборудовал новую лабораторию, где продолжил свои работы. Они принесли ему успех в передаче не энергии, а информации.

Начало радиотехники положил Генрих Рудольф Герц. Он открыл электромагнитные волны и первым осуществил передачу и приём электромагнитных сигналов на расстоянии без проводов (статья «О лучах электрической силы, 1888 год). А тремя годами раньше Эдисон подал патентную заявку на «Способ передачи электромагнитных сигналов». Во Франции Э. Брандли в 1890 году изобрёл прибор для регистрации электромагнитных волн и ввёл понятие «радио» (от латинского «радиус» – луч).

«В 1896 году, – писал Ржонсницкий, – невдалеке от Нью-

Йорка Тесла построил небольшую радиостанцию и передавал сигналы на расстояние до 32 километров. К этому времени он увеличил частоту тока на своей отправительной станции (уменьшил длину волны), доведя его до 2 МГц – величины, ранее недостижимой. Сигналы его отправительной установки в Нью-Йорке принимали на судах, движущихся по Гудзону на расстоянии свыше 25 километров. 2 сентября 1897 года на изобретение Теслы в этой области были выданы два патента…

В начале следующего, 1898 года Тесла создал первую модель судна, управляемого радиосигналами на значительном расстоянии, и испытал его модель в лаборатории на Хаустон-стрит. 1 июля 1898 года он подал заявку на патент.

В сентябре 1898 года в Медисон-сквер-гарден… проходила ежегодная электрическая выставка. В центре зала был устроен большой бассейн. На одной из стенок его сделали причал, к которому пришвартовывался небольшой… ковчег с длинным тонким металлическим стержнем посредине и металлическими трубками, заканчивающимися электрическими лампочками на корме и на носу. Тонкий стержень был приёмной антенной, а сам ковчег – первым в мире управляемым по радио судном, одним из наиболее важных изобретений Николы Теслы».

(Много позже стали писать, будто Никола Тесла, находясь на суше, управлял реальными судами, не имеющими на борту команды, удаляя их за горизонт и вновь возвращая к причалу; очередные сказки!)

В конце 1899 года «акула бизнеса» банкир Джон Пирпонт Морган выделил ему 150 тысяч долларов для создания осветительной системы на Манхэттене (Нью-Йорк). Но Теслу обуревали грандиозные замыслы. Он приобрёл участок земли на острове Лонг-Айленд, в полсотни милях от Нью-Йорка. Участок назывался Уорденклиф. Здесь он построил деревянную башню высотой 57 метров, увенчанную огромным медным куполом.

«Это делает возможным, – писал Н. Тесла, – передачу любого рода сигналов, сообщений или образов во все части света. А также объединение всех существующих телеграфных, телефонных и других станций без какого-либо изменения в их нынешнем оборудовании… Одно далеко идущее следствие этого проекта состоит в том, что любое устройство, управляемое посредством одного или нескольких проводов (очевидно, на ограниченном расстоянии), может с такой же лёгкостью и точностью приводиться в действие без проводов, причём на таких расстояниях, для которых не существует других ограничений кроме тех, что налагают физические размеры земного шара. Таким образом, благодаря этому идеальному методу передачи

энергии откроются не только совершенно новые области для коммерческой эксплуатации, но будут в значительной степени расширены старые».

Сооружение было закончено в 1902 году. Установку оснастили техническими приспособлениями, изобретёнными Теслой, провели серию лабораторных работ. Через два года Тесла попытался отправить мощный энергетический разряд в ионосферу. Световой эффект был яркий, ночное небо засияло – и… ничего больше. Полный провал!

XX век оказался роковым для знаменитого изобретателя-одиночки. Настала эпоха сложнейших приборов и технических систем, создание которых требовало высокой теоретической квалификации при совместных усилиях специалистов разных научных отраслей.

…Тесла сообщил о проекте системы, воздействующей на погоду и климат. В 1919 году он вспоминал, как, странствуя в горах, наблюдал рождение грозы. Вслед за сверкнувшей молнией начался ливень. Он решил, что электрическая энергия действовала как спусковой крючок для процесса низвержения воды. У него возникла мысль:

«Если бы можно было воздействовать на атмосферу электрической энергией необходимого свойства, преобразовалась бы вся наша планета и условия жизни на ней. Солнце извлекает воду из океанов, ветер гонит её в отдалённые регионы, где она пребывает в состоянии тончайшего равновесия. Если бы в наших силах было нарушить его когда и где угодно, мы могли бы управлять этим могучим животворным потоком по своему усмотрению. А могли бы орошать бесплодные пустыни, создавать озёра и реки и обеспечивать себя энергией в неограниченных количествах. Это был бы самый эффективный способ использования Солнца для нужд человечества…

Это выглядело безнадёжным предприятием, но я решил попытаться и, возвратившись в Соединённые Штаты, летом 1892 года без промедления приступил к работе, которая представлялась мне тем более привлекательной, что этот же способ применялся бы для успешной беспроводной передачи энергии».

Если после вспышки молнии хлынул дождь, дело в эффекте сотрясения воздуха. Мощное кучевое облако – это смесь переохлаждённого водяного пара, мелких капель, снежинок и льдинок. Оно подобно насыщенному раствору. Чтобы в таком растворе началась кристаллизация, достаточно встряхнуть его. Не так ли происходит с облаком при сильном разряде молнии? В нём возникают зоны сгущения, где образуются крупные капли,

которые падают ливнем…

Впрочем, Никола Тесла не задумывался о природных процессах. Зато его осенила мысль: чтобы нарушить природное равновесие, вовсе не обязательно прикладывать изначально огромные мощности. Надо вызвать резонанс, многократно усиливающий первоначальный сигнал.

Говорят, Тесла изобрёл устройство, способное воздействовать на ионосферу, вызвать лавинообразный рост энергии, тем самым меняя погоду на отдалённой территории. Он говорил, что разработал оружие, благодаря которому станут немыслимыми войны из-за опасности гибели человечества. Спецслужбы США могли организовать тайное ограбление и поджог его лаборатории, выкрав сведения о климатическом оружии. Он, опасаясь за свою жизнь, сделал вид, будто не произошло ничего особенного.

В одной из статей он обмолвился: «Энергия, необходимая для того, чтобы вызвать выпадение дождя, по сравнению с его потенциальной энергией, подобна искре, вызывающей взрыв заряда динамита. Если бы эта часть природного процесса сознательно регулировалась человеком, он мог бы преобразить весь земной шар. Для достижения этой цели предлагается немало проектов, ни один из которых, по моим сведениям, не даёт ни малейшего шанса на успех. Но я убедился, что с соответствующим оборудованием это чудо осуществимо».

Похоже на прибор, воздействующий на погоду. За последнюю четверть века много писали о секретном климатическом оружии, которое используют США, вызывая в нашей стране климатические аномалии. Даже указывали на станцию, расположенную на Аляске, откуда ведётся такая деятельность. Говорят, это реализация проекта Теслы.

Странно, что авторам этих публикаций не приходит в голову простая мысль: если США способны управлять погодой, почему не улучшают климат на своей территории? У них с избытком тайфунов, засух, тропических циклонов, неожиданных морозов…

Резкая смена погоды в обширном регионе вызывает перестройку мозаики погодных условий на всей планете. Вызвав сушь вдали от своей территории, не удивляйся, если получишь у себя потоп.

До сих пор нет надёжных среднесрочных прогнозов погоды. Без них существенные воздействия на климат проблематичны. Одно это заставляет усомниться в техногенном климатическом оружии.

Нам неподвластны крупные атмосферные процессы. Об этом не догадывался Тесла, предлагая свои прожекты. Более

прискорбно, что об этом не задумываются те, кто твердит о секретных проектах изменения климата.

По мнению большинства специалистов, происходит глобальное потепление из-за увеличения в атмосфере «парниковых газов» (прежде всего диоксида углерода), которые задерживают тепловое излучение земной поверхности, отражающей солнечные лучи.

Но более существенно, что на глобальном климате сказывается изменение человеком земной поверхности. Началось это с тех пор, когда охотники позднего каменного века, осваивая новые территории, выжигали леса. Ещё активнее преображали природу скотоводы и земледельцы. За несколько тысячелетий была опустынена гигантская зона, включающая Сахару, Аравию, Месопотамию (Двуречье), долину Инда.

Мощная техника и мегаполисы, загрязнение обширных территорий и акваторий окончательно расшатали глобальную климатическую систему.

Почему Никола Тесла утверждал, что придумал способы управления климатом и воздействия на динамику земных недр? Возможно, надеялся реализовать такие проекты, плохо зная природу и веря в неограниченные возможности техники.

Характерная черта нашего времени: об этих идеях Теслы вспомнили и заговорили как о новых видах оружия. Современное общество привыкло к стремительному прогрессу именно военной техники. Знание природы по-прежнему оставляет желать много лучшего.

Первые успехи вскружили Николе Тесле голову и подвигли на проекты невыполнимые. Он уверовал в возможность получения энергии из мирового эфира и передачи её без проводов. Но вскоре понял, что реализовать его идею невозможно, и стал всё реже наведываться к своей башне. Он задолжал кредиторам и перестал быть собственником этого сооружения.

Когда США в апреле 1917 года вступили в Мировую войну, башню взорвали. Газетчики предположили, что это сделали из опасения, что её могут использовать германские шпионы. Хотя она представляла опасность для туристов, ибо могла рухнуть.

Настала трудная пора в жизни Теслы. Некоторые его изобретения были востребованы: точные спидометры для автомобилей, нефтяной насос. Он изобрёл паровую турбину оригинальной конструкции, небольшую по размерам и относительно мощную. Но его модель требовала доработки, которую он не смог осуществить.

Пройдя пик своих возможностей, он продолжал мечтать о более грандиозных свершениях. Чтобы привлечь внимание к своим изобретениям правительства, военных, бизнесменов, он в статьях и беседах с журналистами предлагал фантастические проекты.

Не исключено, что после многочисленных опытов с электричеством на себе он «повредился рассудком». Надо учитывать и ситуацию, в которую он попал: после череды успехов – провал за провалом. Как заинтересовать своими идеями крупных финансистов? Создавать себе рекламу. Делать так, чтобы о тебе говорили.

Новых изобретений у Николы Теслы не было. Из-за финансовых трудностей ему приходилось не раз переезжать из дорогих отелей в дешёвые. От нищеты его спасала помощь друзей. Правительство Югославии назначило ему пожизненную пенсию: 6000 долларов в год.

Ему было за восемьдесят, когда в Нью-Йорке его сбил автомобиль. Перелом рёбер надолго приковал его к постели и подорвал здоровье. Как всегда, он запрещал прислуге заходить в его номер без приглашения. Поэтому о его смерти 7 января 1943 года узнали только на следующий день, когда горничная осмелилась без вызова войти в номер. Сначала Николу Теслу отпевали по православному обряду, после чего тело сожгли по буддистской и древней славянской традиции.

«Однако мистическая история изобретателя на этом не закончилась, – пишет О. Арсенов, – и через некоторое время появились довольно обоснованные предположения, что изобретателя для участия ещё в одном совершенно секретном проекте переправили в Англию, а для похорон использовали муляж. Странной выглядела и очень уж скорая кремация тела на следующий день после смерти, что в корне противоречило как завещанию учёного, просившего похоронить его на родине в Хорватии, так и основным канонам православной веры, которых строго придерживались в его семье – семье священника.

Поэтому до сих пор идет дискуссия о точной дате смерти великого изобретателя. Факт остается фактом: большинство архивов Теслы исчезло, как и совершенно секретная документация из его сейфа, которая была изъята в день его предполагаемой смерти сотрудниками секретной службы. Что было в этих документах? Новые “лучи смерти”, чертежи машины времени или план путешествия “сверхпространственной субмарины” по иным эфирным мирам? Но, может быть, всё гораздо проще и Тесла сам уничтожил все свои наиболее ценные записи, унеся с собой в могилу великие открытия, до правильного

использования которых человечество ещё не доросло?»

Версия об имитации смерти Николы Теслы была очередной дурно пахнущей «уткой». Нет никаких оснований считать, будто Тесла совершил какие-то более великие открытия, чем те, которые были реализованы.

Электромагнитными волнами можно согреть обед в микроволновке, провести сеанс физиотерапии (и за это спасибо Тесле!), но никак не вызывать землетрясения, воспламенять атмосферу, управлять погодой, контролировать время и черпать энергию из эфира.

…Для Теслы изобретения были призванием, смыслом жизни, высокой радостью творчества. Он избрал образ жизни состоятельного холостяка, отвергающего секс. Жена или любовница, по его словам, нужна «писателям и музыкантам, так как она способствует их вдохновению. Учёный же должен посвящать свои чувства только науке, ибо, поделив их, он не сможет дать науке всё, что от него требуется».

Звучит красиво. Хотя многих выдающихся мыслителей вдохновляли любимые и любящие женщины. Даже Сократ о своей сварливой жене Ксантиппе отзывался с благодарностью: мол, она помогает понять, как много добрых людей вокруг.

Вспышка популярности Теслы демонстрирует силу внушения СМРАП (средств массовой рекламы, агитации, пропаганды). Достаточно выпустить в прокат фантастические художественные, научно-популярные кинофильмы, чтобы публика поверила в любые чудеса. Снижается культура мышления синхронно с падением интереса к чтению.

Создание образа Теслы-чудотворца, мифы о тектоническом и климатическом оружии – опасный диагноз для умственного и психического состояния современного общества. Вместо постижения реальных тайн Мироздания, Жизни и Разума, смысла бытия возобладали физико-математические схемы и компьютерные модели, уводящие мысль в дебри формализации.

Надежды на чудеса техники, которые сделают жизнь людей легче, благополучней и счастливей, не оправдываются.

Эпилог. Нормально ли быть нормальным?

1

Чезаре Ломброзо полагал, что гениальность и безумие – отклонения от нормы. Значит, есть «золотая середина», нормальный человек, здоровый физически и духовно.

И.И. Лапшин возражал: «Отождествление гения и безумия основано на двусмысленности термина “ненормальный”.

Ненормальный – безумец. Гений – ненормальный. Гений – безумен.

А так как между нормальностью и ненормальностью психического склада существуют бесчисленные переходы, и притом человек патологически не совсем нормальный в одном отношении, может быть *выше* нормы во множестве других, то спутанность мысли *a la* Ломброзо в этом вопросе делается очевидной.

…Натуры, особенно богато одарённые и особенно упорные в творческой работе, могут с течением времени легче терять психическое равновесие, испытывать нервное переутомление и т. п. Мудрено ли, что у множества даровитых людей можно найти, особенно в старости, черты духовного распада!»

Многое зависит не столько от возраста гения, сколько от характера его творчества. Интеллектуальный труд укрепляет умственные способности (аналогия с физической работой). Многие талантливые люди сохраняли до почтенного возраста ясность ума: Леонардо да Винчи, Гёте, Дарвин, Шопенгауэр, Менделеев, Вернадский и многие другие.

А как же Огюст Конт? Не был ли у него психический срыв из-за напряжённого умственного труда?

Сказался самолюбивый характер Конта, вера в свои великие открытия, синдром непризнанного гения. Эти качества личности помешали ему трезво оценить недостатки изобретённого им позитивизма. А там, где отступает рассудок, вступает в силу религиозная вера. Такова схема «безумия» Конта.

«Поверьте, – писал Гилберт Кит Честертон, – сходят с ума вовсе не люди с богатым воображением. Даже в самом трагическом состоянии духа они не теряют рассудка. Их можно всегда встряхнуть, разбудить от страшного сна, поманив более светлыми видами, потому что у них есть воображение. Сходят с ума люди без воображения».

Так же можно сказать о выдающихся мыслителях. У них не «горе от ума». Напротив, порой недостаёт умственных способностей для верной оценки своих и чужих идей. Чаще всего сказываются черты характера.

Если существует средний уровень интеллекта, то замечание Ломброзо логично: редчайшие отклонения в сторону гениальности есть основание считать аномалией.

Хотя возможен другой вариант: *гений – это норма!*

2

Что есть норма? Нечто среднее. Посредственность.

Такова статистика. При разнообразии неизбежно среднее. Главное, чтобы оно не стало определяющим, подавляя индивидуальность.

Например, средний рост человека (включая младенцев), предположим, 112,6 см. Много ли в мире людей с таким ростом? Очень мало.

А есть ли средние умственные способности?

В учебных заведениях выделяют отличных, плохих и посредственных учеников. Но выдающимися философами, учёными часто становились те, кто не особенно преуспевал в учёбе. Одно дело – усвоение готового материала, другое – оригинальное творческое мышление, жажда познания.

Психологи по системе тестов определяют уровень интеллекта (IQ). Это похоже на оценку успеваемости учащихся. Так нетрудно выделить средний показатель и отклонения от него вверх и вниз.

Некоторые учёные предлагают отделять людей с высоким IQ и предоставлять им больше возможностей для размножения, а тех, у кого этот показатель низок, изолировать. Тогда вроде бы умственный уровень человечества будет подниматься.

В 1919 году французский Ш. Рише, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине, писал: «Среди рас, населяющих Землю, мы создадим истинную аристократию белой чистой расы, не смешанной с этническими элементами из Азии и Африки, которые проникают в нашу среду».

Сравнив современный уровень развития Франции с Китаем и Японией, приходишь к выводу, что «этнический элемент» из Азии во всех отношениях значительно опередил соотечественников Ш. Рише. А ведь европейцы в недавнем прошлом активно подавляли развитие экономики и культуры в азиатских странах ради своих корыстных интересов.

Предложение Рише постарались реализовать германские нацисты, и это не привело ни к чему хорошему. Тем не менее, другой Нобелевский лауреат, австралийский вирусолог Ф.М. Бёрнет, в 1978 году писал, что с помощью медицины, генетики и социальных мер можно выделять высшие и низшие касты, а со временем вывести новые виды людей.

Американский генетик Джошуа Ледерберг, тоже нобеляр, поддержал дерзкую (не сказать бы мерзкую и зверскую) идею

клонирования человеческих генов для создания выдающихся людей. Исходя из неё, в США создали банк сперматозоидов лауреатов Нобелевских премий для осеменения женщин, желающих родить особо одарённых детей.

Столь бредовые предложения, исходящие от специалистов в медицине и физиологии, обескураживают. Им надо бы знать: личность не возникает в готовом виде из-за особого набора генов, а вырабатывается воспитанием, образованием, влиянием внешней среды.

Некоторые генетики и биологи из-за своих профессиональных знаний при узости мировоззрения предполагают, будто в геноме человека записаны и передаются по наследству нравственные и умственные признаки. Начало положил талантливый английский учёный и изобретатель Фрэнсис Гальтон. По его убеждению: «С помощью тщательного подбора нетрудно получить такую породу лошадей или собак, в которой быстрота бега представляла бы качество не случайное, а постоянное».

Он сделал вывод: «Точно так же было бы делом вполне осуществимым произвести высокодаровитую расу людей посредством соответственных браков в течение нескольких поколений» (на этом основано его учение – евгеника).

За последние два-три десятилетия быстро развивается новая наука эпигенетика (то есть сверхгенетика). Она убедительно доказывает, что при одном и том же наборе генов у клонированных животных или однояйцовых близнецов внешние воздействия определяют характер, интеллект.

Могли бы учесть Гальтон и упомянутые нобелевские лауреаты, что не удаётся создать даже породу умных собак, лошадей или кошек, хотя в этих случаях условия скрещивания и отбора несравненно благоприятнее и проще, чем у людей.

…Вряд ли все люди от рождения одинаковы. Но любые задатки требуют развития. Да и таланты бывают разные. Для открытий в математике или геологии, для изобретений или фундаментальных обобщений нужны разные качества ума и характера. Порой художественное образное мышление помогает учёному больше, чем профессиональные знания. Во всяком случае, в этом признавался А. Эйнштейн.

Чтобы выявить хорошего исполнителя, решателя задач, показатели успеваемости и тестов «на интеллект» полезны, хотя и не всегда. Но, чтобы вскрыть перспективную проблему, сделать великое открытие, требуется незаурядная личность, а не только «голый интеллект».

Как отметил в 1929 году выдающийся мыслитель, культуролог, теолог и музыкант Альберт Швейцер: «Несвободный,

ограниченный современный человек находится под угрозой стать негуманным» (добавим: и неумным). Он указал причину:

«Во всех сферах человеческой деятельности, и больше всего, пожалуй, в науке, угроза узкой специализации как для индивида, так и для духовной жизни общества в целом становится всё более явной. Уже даёт о себе знать то обстоятельство, что молодёжь обучают люди, не отличающиеся достаточной универсальностью, чтобы раскрыть перед ней взаимосвязь отдельных частных наук и наметить ей горизонты в их естественных масштабах».

С тех пор ситуация усугубилась. Это показывает господство «фундаментальных идей», основанных на узкоспециальных знаниях, но претендующих на глобальные или вселенские обобщения: гипотеза Большого взрыва, появление порядка из хаоса, саморазвитие материи, физико-химическое происхождение жизни, глобальная тектоника плит…

Говорят, гении рождаются редко. Это привычное заблуждение. Дети рождаются гениями, способными за два-три года научиться ходить, разумно действовать, говорить, овладеть основами языка, а ещё за такой же срок освоить столько информации, сколько накопит за последующие десятилетия.

3

Говорят о неограниченных возможностях в современном обществе для проявления талантов. Реальность прямо противоположная. Людей вынуждают жить и действовать так, как требуют социальная среда, общественное мнение, внедрённые в сознание и подсознание идеалы, иерархия потребностей.

Ф.М. Достоевский писал: «Наступает вполне торжество идей, перед которыми никнут чувства человеколюбия, жажда правды, чувства христианские… Наступает… слепая, плотоядная жажда личного материального обеспечения, жажда личного накопления денег всеми средствами».

Развитие капитализма подтвердило его пророчество. Одну из главных причин назвал Альберт Швейцер: «В течение двух или трёх поколений многие индивиды живут только как рабочая сила, а не как люди. То, что вообще может быть сказано о духовном и нравственном значении труда, на их труд уже не распространяется. Ставшая обычностью сверхзанятость современного человека во всех слоях общества ведёт к умиранию в нём духовного начала…

Для работы в оставшееся свободное время над самим собою, для серьёзных бесед и чтения книг необходима сосредоточенность, которая нелегко ему даётся. Абсолютная праздность, развлечение и желание забыться становятся для него физической потребностью. Не познания и развития ищет он, а развлечения – и притом такого, какое требует минимального духовного напряжения…

Проникаясь духом легкомысленности и поверхностности, институты, призванные стимулировать духовную жизнь, в свою очередь, содействуют сползанию общества к такому состоянию и накладывают на него печать серости и бездумья».

Как в такой социальной и духовной среде, ориентированной на создание «серости и бездумья», проявиться гению? Он не востребован. У людей с детства вырабатываются стойкие установки на определённый образ жизни и мысли. На это его настраивают родные и близкие, а в наше время – электронные СМРАП.

«Есть нечто гораздо высшее бога-чрева, – верил Достоевский. – Это быть властелином и хозяином даже себя самого, своего *я*, пожертвовать этим *я*, отдать его – всем. В этой идее есть нечто неотразимо прекрасное, сладостное, неизбежное и даже необъяснимое!»

Но люди всё чаще и упорнее делают выбор в пользу бога-

чрева, бога-комфорта, бога-господства, бога-богатства. Преодолеть это искушение почти невозможно, ибо для этого приходится пробивать свой жизненный путь против общественного мнения без гарантии успеха.

Техническая цивилизация, набравшая ход и необычайную мощь, подавляет волю человека, превращает его в придаток производства, финансов и техники как фактор потребления. Это определяет абсолютный приоритет материальных потребностей.

…Каждый из нас рождён гением. Наши физические возможности ограничены, а духовные почти беспредельны. Но их невозможно раскрыть в затхлой интеллектуальной и нравственной среде.

В детстве или юности приходится делать выбор: что предпочесть? Но для многих людей выбор фактически предрешён без их участия. Только в идеале человек наделён свободой воли.

Для физического развития требуется не только «хорошая генетика», но и возможности её реализовать, что зависит от окружающей среды. То же относится и к проявлению умственных способностей.

В жизни всех живых существ решающее значение имеют окружающая среда, область жизни, Биосфера, частью которой они являются. Для людей и окультуренных животных и растений столь же важна искусственная среда – Техносфера (от греческого «технос» – искусство, искусственный, ремесло).

Гениев творит культура, духовная и социальная среда, сама личность. Но в первую очередь – среда. Ведь человек рождается хотя и с великими возможностями, но совершенно беспомощным. Позже его судьба слишком часто зависит от многих обстоятельств, от него не зависящих. Повторю:

Почти все дети рождаются гениями, а негениями становятся.

4

Странности выдающихся мыслителей обычно объясняются тем, что они выбирают нетривиальный жизненный путь. Эти причуды редко обретают характер безумия. Не чаще, чем у прочих категорий людей.

Наименее подвержены психическим аномалиям естествоиспытатели. Размышляя о природе, человек приобщается к вечной, кипящей повсюду жизни. Он расширяет пределы своего сознания. Его рассудок нередко крепнет со временем.

Эммануил Сведенборг стал психически ненормальным, когда замкнулся в своём внутреннем мире и отрешился от природы. Его разум подпал под власть воображения и религиозных фантазий.

Порой душевная болезнь сопряжена с телесными недугами. Так было с Блезом Паскалем. Страдания не сломили его благодаря рассудку. Мышление стало для него смыслом бытия. Он имел все основания утверждать: «Горе людям, не знающим смысла своей жизни».

Каждый из нас осознанно или бессознательно определяет свой жизненный путь. Но чаще всего человек существует так, как складываются обстоятельства, на что нацеливает общественное мнение.

…Достоевский предположил: «Ну что, если человек был пущен на землю в виде какой-то наглой пробы, чтоб только посмотреть, уживётся ли подобное существо на земле или нет?»

Именно так! Нет предопределённого пути либо к светлому будущему, либо к глобальной катастрофе. Всё зависит от самих людей. Увы, пока плохо уживается это, казалось бы, разумное существо на прекрасной планете Земля.

В Мировом океане движутся потоки, увлекая за собой планктон. Он состоит из разнообразных форм, неспособных противостоять течению. Нечто подобное происходит в истории цивилизации.

Так плывёт по течению человечество. Что определяет это движение? Воля вождей и героев? Законы экономики? Идеи мыслителей? Загадочное коллективное бессознательное? Вряд ли. Главное направление потока определяют технический прогресс и воздействие искусственной среды – Техносферы.

Это началось с развала общинно-родового строя, появления частной собственности, рабов, государства. Человек стал использовать свой ум для подавления себе подобных и для преобразования окружающей среды для себя, не считаясь с законами земной природы.

Механизм цивилизации стал разрушать организм Биосферы. Со временем это противостояние обостряется. Об этом свидетельствуют аномалии погоды и усиление природных катастроф.

Мыслители-гуманисты уповали на разум людей. Но его используют по-разному: на дела героические или преступные, для личного блага или общественного, на цели познания или развлечения.

Мы рождены для великих свершений. Но стихийное движение технической цивилизации увлекает нас, делая планктоном. Удастся ли в полной мере осознать и преодолеть это течение?

Главные условия долгого существования цивилизации:

● *Необходимо знать и беспрекословно чтить законы земной природы, Божественной Среды, как скрижали нерукотворного подлинного Священного Писания всех народов нашей планеты.*

● *У человека должны быть ограниченные материальные и безграничные духовные потребности.*

5

Некоторые люди кажутся странными или «ненормальными» только потому, что идут наперекор общественному мнению, живут по своему разумению, по своей совести, не желая превращаться в планктон.

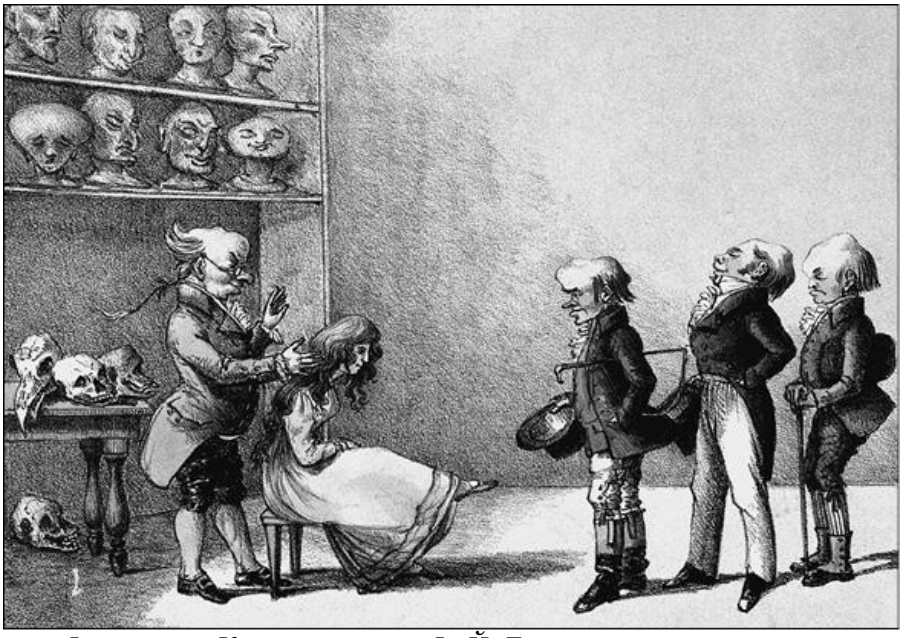
Чем больше будет таких людей, чем заметнее будет их влияние, тем больше шансов на то, что человечество сможет изменить траекторию движения цивилизации от противостояния к сотрудничеству с Биосферой.

«Богатство мира состоит именно в оригинальных людях, – утверждал шотландский историк, философ и писатель Томас Карлейль. – Благодаря им и их творениям мир есть мир, а не пустыня. Воспоминание об этих людях и история их жизни – выражение его силы, его священная собственность на вечные времена».

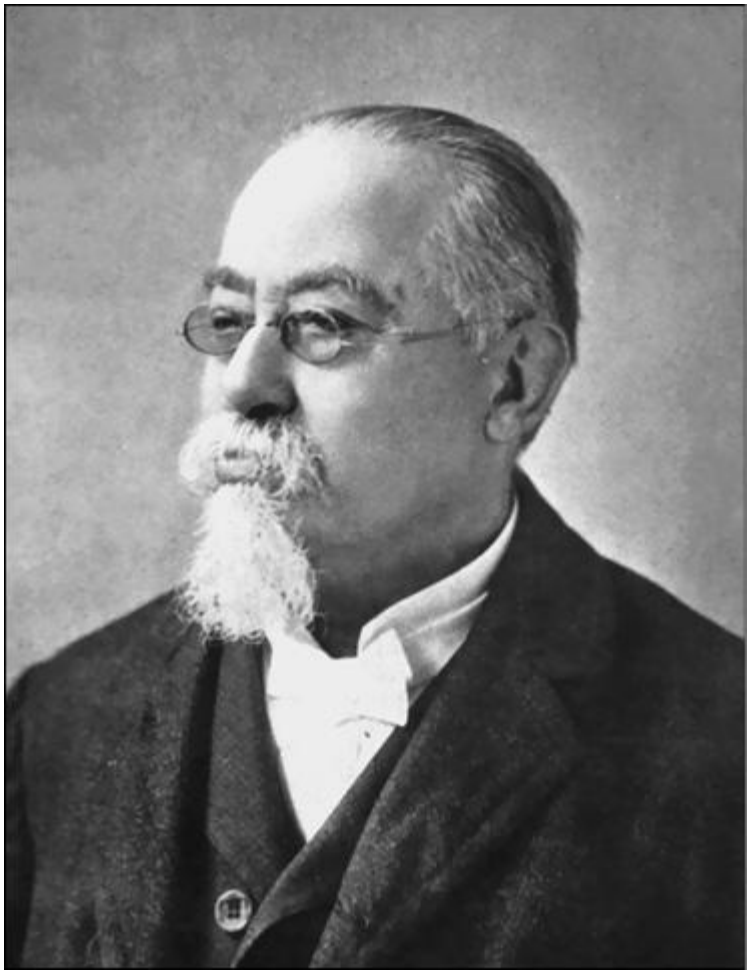
В этой книге немало говорилось о причудах и психических аномалиях известных мыслителей. Почти все эти люди преодолевали болезни физические и душевные в стремлении наиболее полно реализовать свои таланты. В этом заключались для них смысл и счастье жизни.

Иллюстрации

Франц Йозеф Галль. Гравюра XIX в.



«Френолог». Карикатура на Ф. Й. Галля

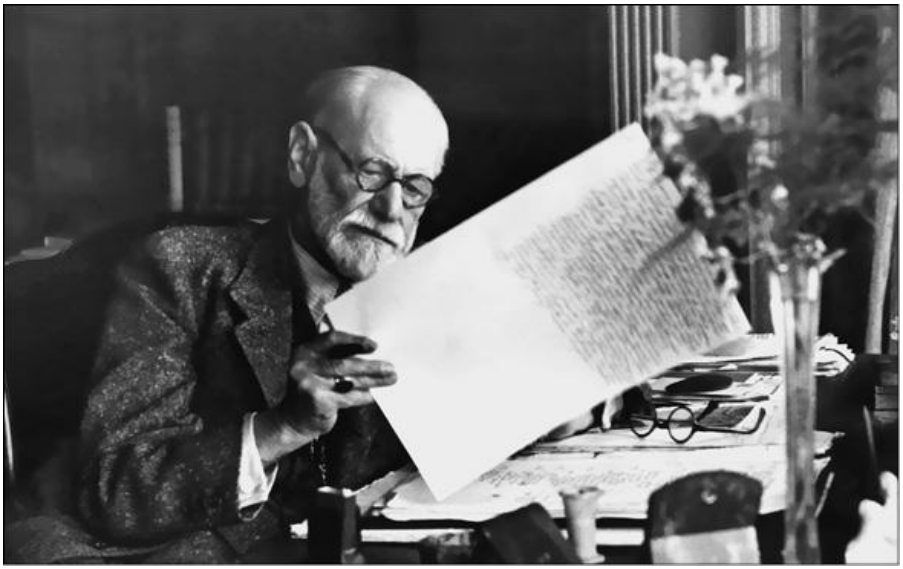


Ч. Ломброзо

В.Х. Кандинский

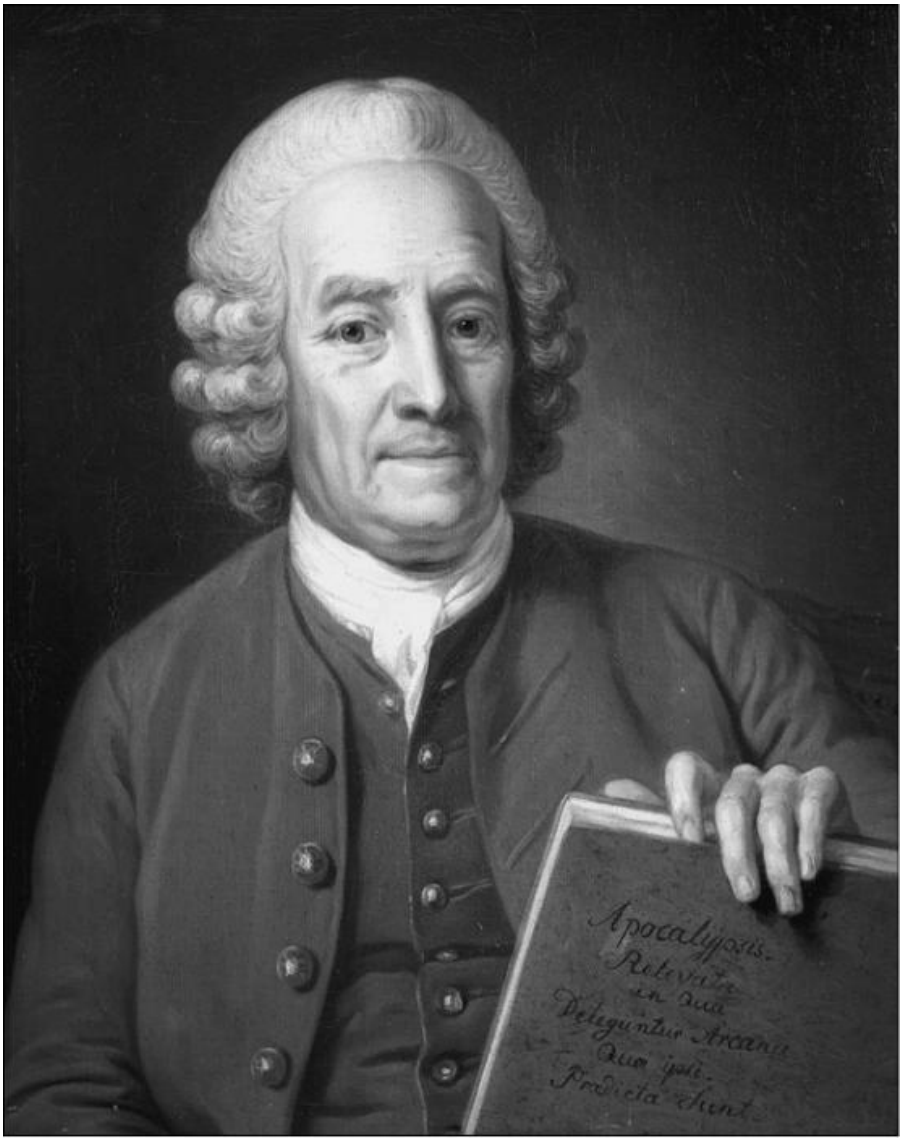
HIERONYMUS CARDANUS MEDIOLANENSIS MEDICINÆ DOCTOR ÆTATIS LXXI.

Дж. Кардано



3. Фрейд в своем кабинете

И. Ньютон изучает свойства света. Гравюра XIX в.

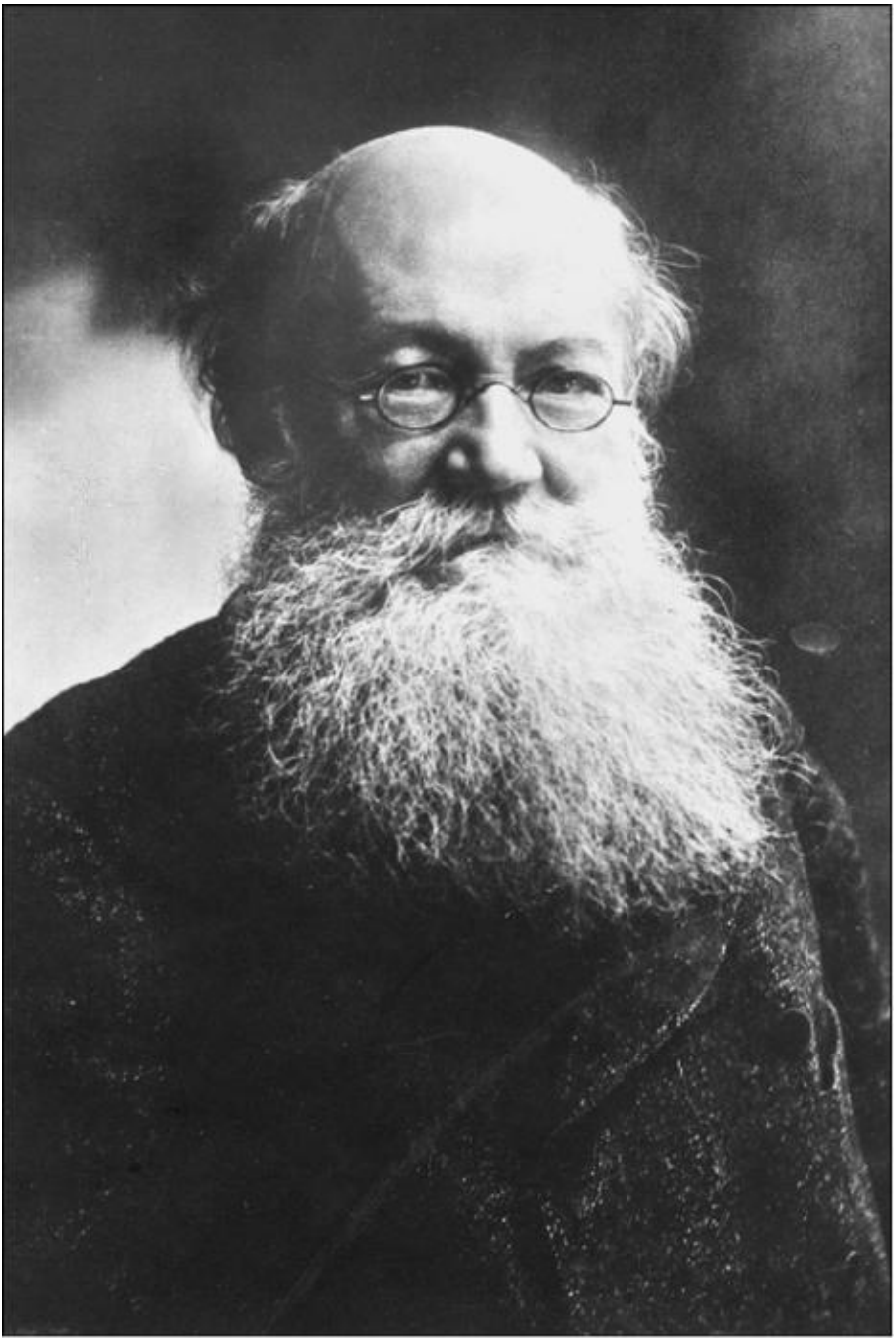


Э. Сведенборг

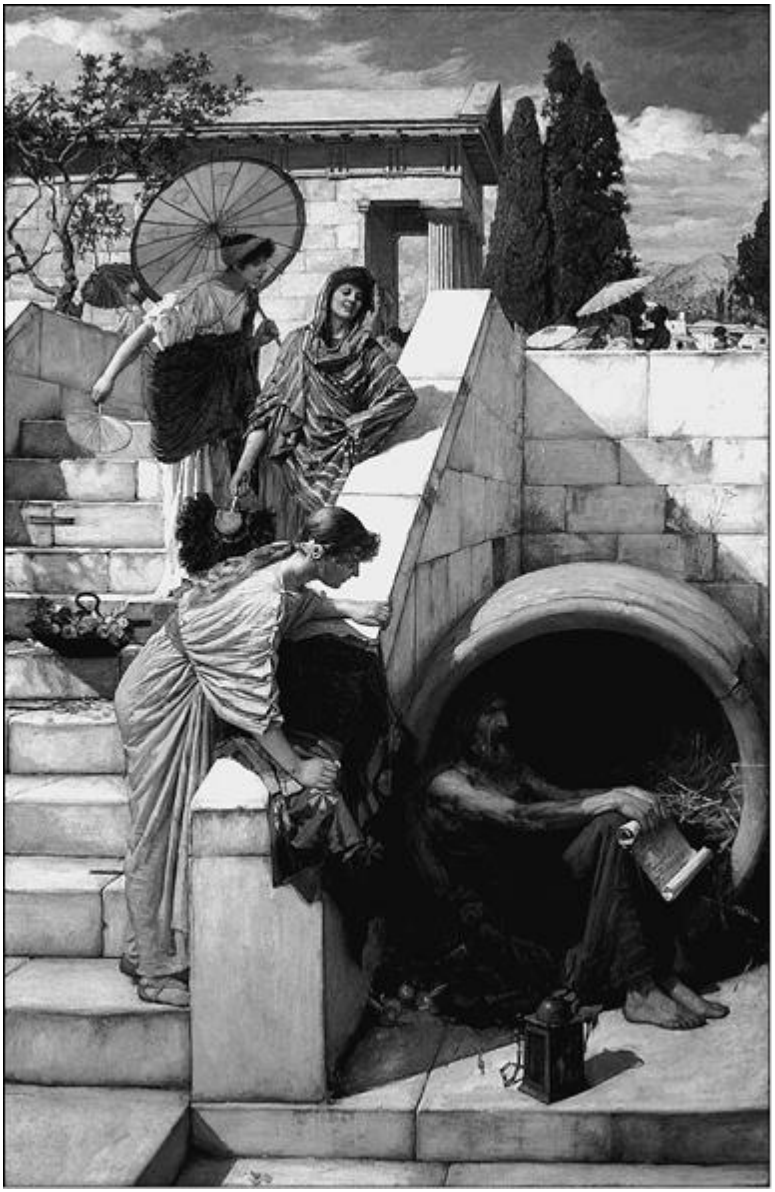
Н.И. Лобачевский. Художник Л. Крюков

Я. Больяи

А.М. Бутлеров



П.А. Кропоткин

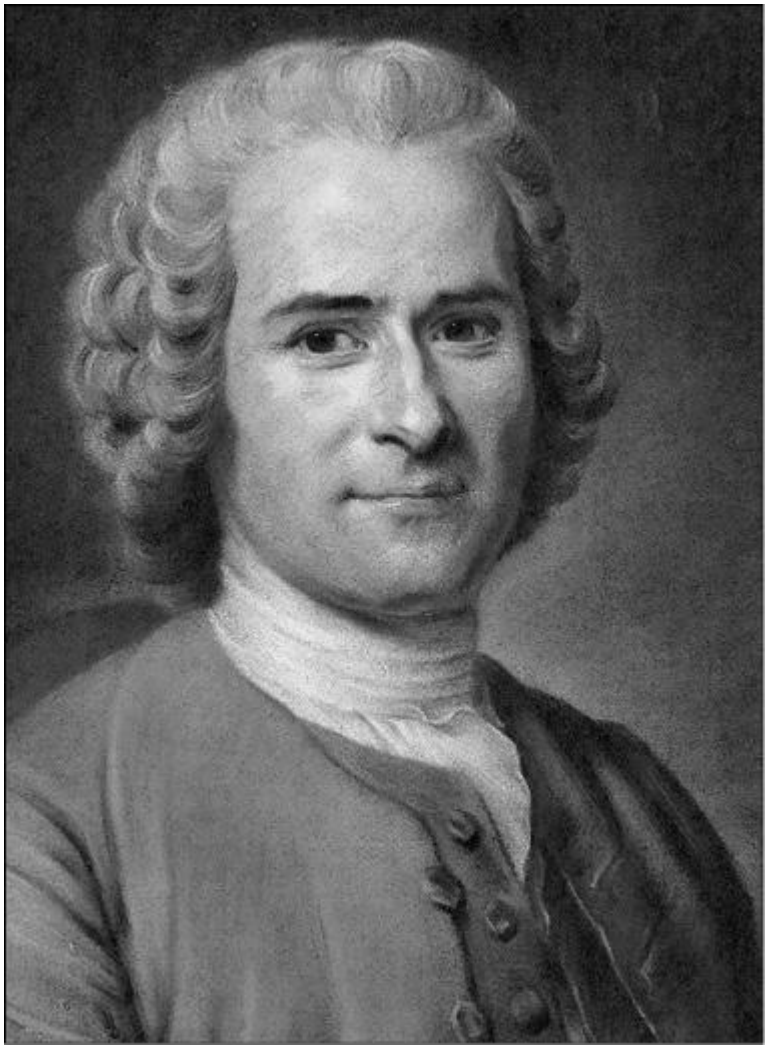


Диоген. Художник Дж. У. Уотерхаус

Диоген. Художник Ж. Л. Жером

Памятник Дж. Бруно на месте его казни

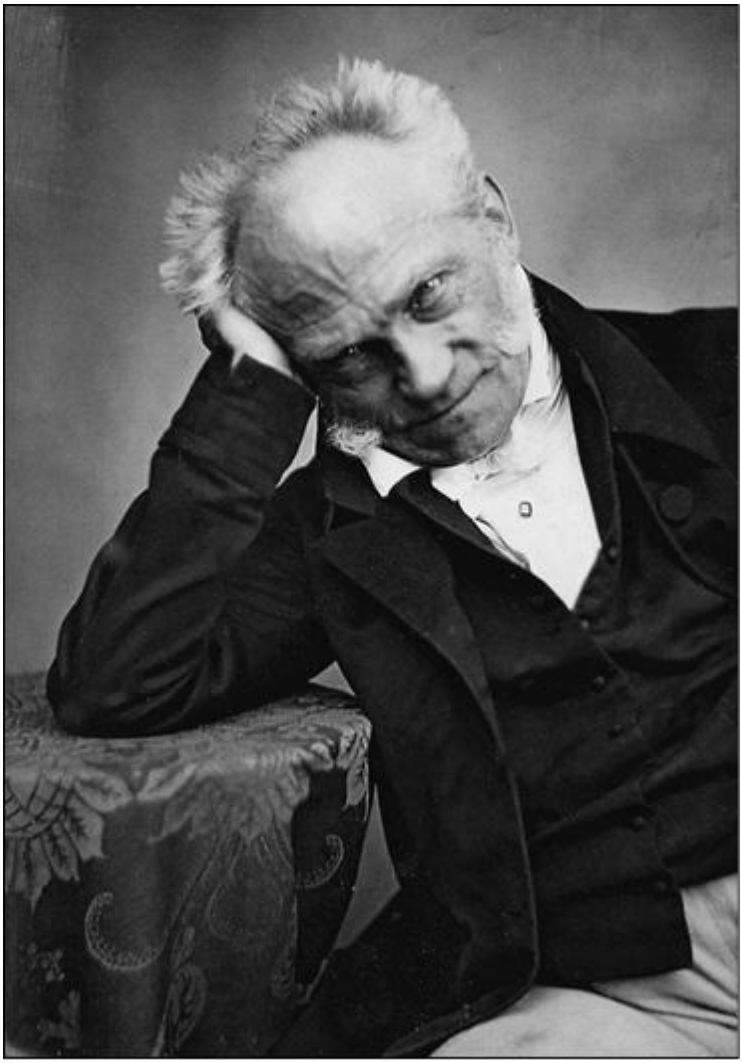
Я. Бёме. Художник Г. Глюманн



Ж. Ж. Руссо. Художник М. К. де Латур

Замок Шенонсо

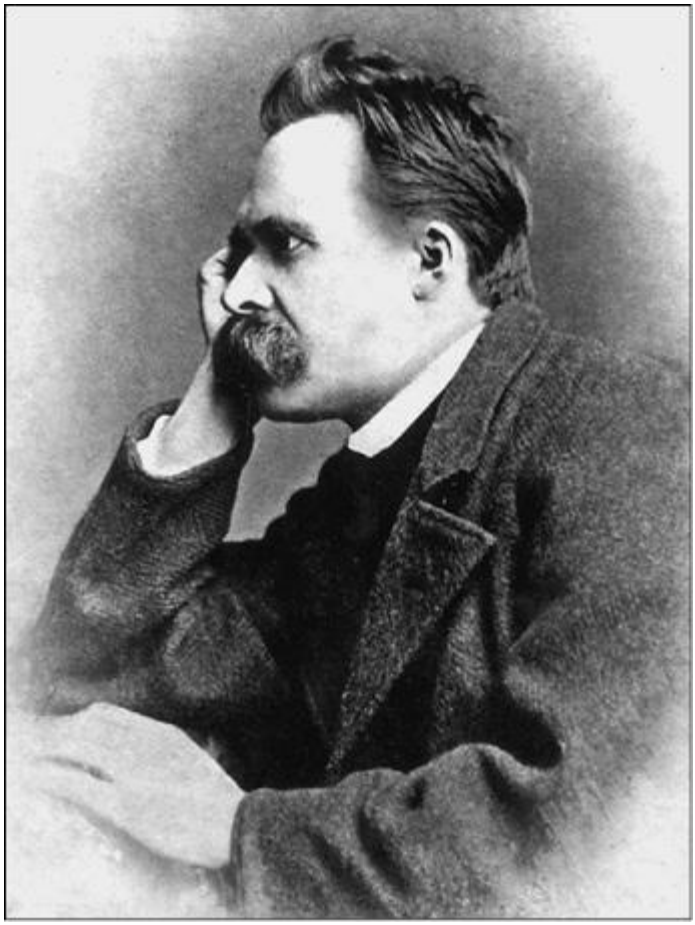
Философ Григорий Сковорода. Художник С.И. Васильковский



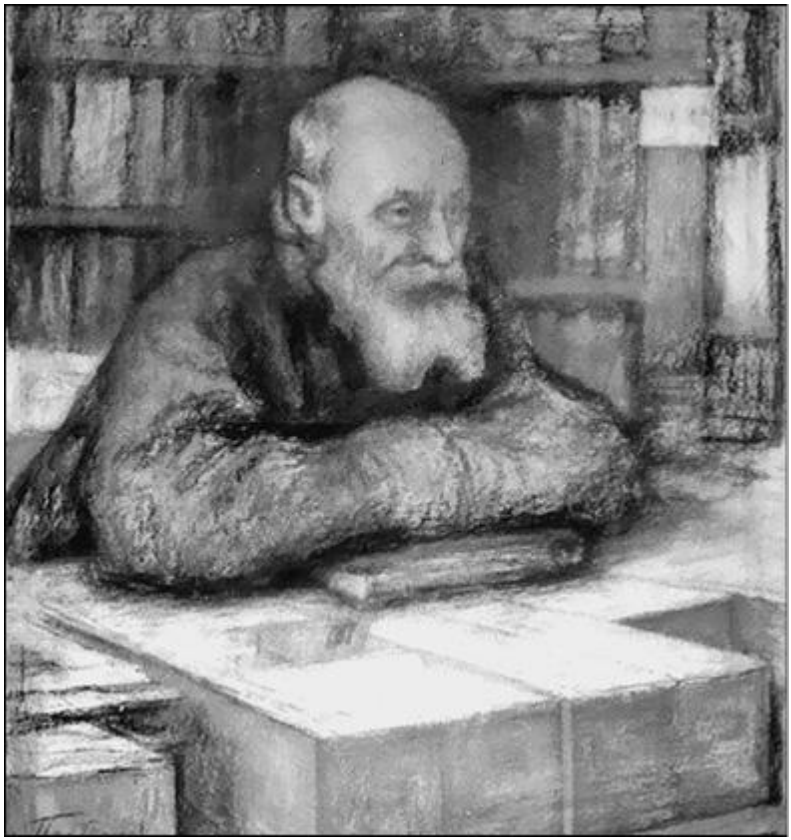
А. Шопенгауэр

П.Я. Чаадаев

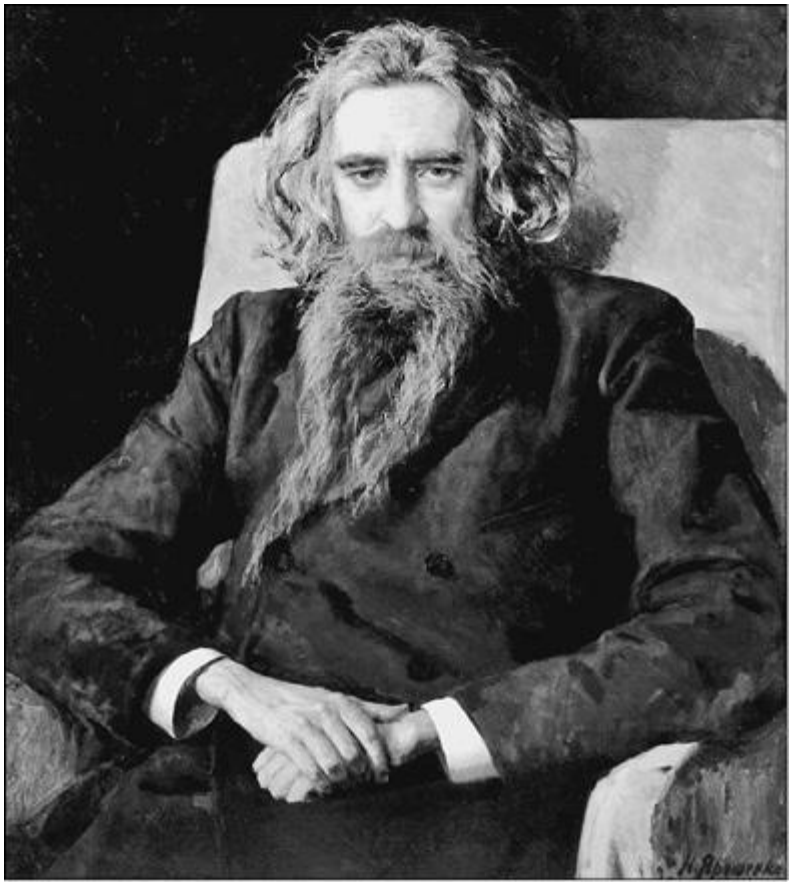
О. Конт



Ф. Ницше



Портрет Николая Федорова. Художник Л.О. Пастернак



Философ Владимир Соловьев. Художник Н.А. Ярошенко

Раймунд Луллий. Старинная гравюра

Блез Паскаль проводит опыты по измерению атмосферного давления. Неизвестный художник

Н. Тесла в рабочем кабинете